

РОК- ЦЫПОЧКА

СПАСЕНИЕ

Кристен Эшли

Серия "Рок-цыпочки" #2

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ и не только

Джет Макалистер хранит секрет. Эдди Чавес без ума от Джет (не говоря уже о том, что от Эдди без ума многие). Джет обременена слишком многими проблемами, чтобы понять, что она интересна Эдди. Но когда возле стрип-клуба, где Джет работает официанткой, ей в конце смены приставляют нож к горлу, терпению Эдди приходит конец. А раз Эдди полицейский, он считает своей обязанностью помочь Джет. Но поскольку Джет привыкла сама решать свои проблемы, ей помощи Эдди не нужно.

Добавьте двойника Долли Партон; грубоватого, но милого владельца стрип-клуба; отца Джет, у которого дела идут хуже некуда; его друга, Медведя; многострадальную жену Медведя и заядлую курильщицу, Лавонн, а еще кучу героев из книги «Рок-цыпочка», и вы получите очередную историю приключений — «Рок-цыпочка. Спасение».

«Рок-цыпочка. Спасение» приглашает вас в безумное путешествие с Джет, Эдди и остальной компанией, во время которого им предстоит пережить потасовку с плохими парнями в пекарне, игру в покер (с большими ставками) в сомнительных районах Денвера и помощь стриптизершам из клуба «У Смити» в обезвреживании потенциального убийцы.

Благодаря этому Джет должна понять, что даже когда жизнь заставила тебя отказаться от своих мечтаний, ты все равно можешь быть с (горячим) парнем. Эдди должен спасти Джет от плохого человека (чтобы он смог показать ей лучшую жизнь) и научить ее, что некоторые мечты могут стать реальностью.

Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Кристен Эшли

«Рок-цыпочка. Спасение»

Серия «Рок-цыпочки» Книга 2

Глава 1

Меня зовут Джет

Не волнуйтесь, я не крутая и не модная. Мое настоящее имя Генриетта Луиза Макалистер, и оно подходит мне намного больше, чем Джет. Папа был поклонником Пола Маккартни и Wings, поэтому назвал меня в честь песни.

Я ни в коем случае не Джет (*прим.: jet — с англ. реактивный самолет, истребитель*), ни по форме, ни по содержанию. Когда меня замечают, что происходит редко, и я называю свое имя, на меня странно смотрят.

Я ростом пять футов семь дюймов, пепельная блондинка с зелено-карими глазами. Я — середнячок: не высокая, не низкая... не блондинка, не брюнетка... не зеленоглазая, не кареглазая.

Простушка.

* * * * *

И вот история моей жизни, такая, какая есть.

* * * * *

Я родилась двадцать восемь лет назад в Денвере, штат Колорадо (следовательно, редкий «коренной житель»), в семье Рэя Макалистера и Нэнси Суоноуански. У меня есть сестра, на два года младше меня, ее зовут Шарлотта, но мы зовем ее Лотти.

Папа сразу же назвал меня Джет, и мама согласилась, потому что сделала бы все, чтобы папа был счастлив и не ушел. Он был, вроде как, изменщиком и лживым сукиным сыном (ну, не вроде как, он им был). Вот так я и получила это имя, и так оно и прижилось.

В любом случае, ни одна из маминых уловок не сработала. Папа ушел, когда мне было четырнадцать. Изредка он возвращался (отчего мама сходила с ума), пару раз отправлял открытки на Рождество и день рождения (все без денег, отчего мама сходила с ума) и время от времени звонил (обычно за наш счет, отчего мама, опять же, сходила с ума), но, в основном, его с нами не было. Когда мы бывали вместе, он отличался довольно веселым нравом, порой сверх меры, и мы с Лотти скучали по нему.

Я хорошо училась в школе и дружила со многими. После окончания учебы я устроилась кассиром в «Арапахо Кредит Юнион». Там было спокойно, надежно, вы знали, чего ожидать, и мне нравилось там работать.

Лотти, унаследовавшая семейный характер (она была такой же, как папа), покинула город, как только закончила школу. Она отправилась в Лос-Анджелес, желая стать актрисой. Актрисой, как таковой, она не стала. Вместо этого она сделала себе грудь, перекрасилась из пепельной блондинки в настоящую и стала несколько известна тем, что удачно позировала на мускул-тачках с полуголой задницей. Я время от времени вижу ее фото в журнале, который листает какой-нибудь парень, или на календаре в гараже, где меняю масло. Может, мне не следует гордиться таким достижением, но я горжусь; она счастлива, поэтому я рада за нее.

* * * * *

Еще восемь месяцев назад дела шли более менее стабильно.

Должна признать, я жила довольно скучной жизнью, а потом все, безусловно, стало намного интереснее.

Ни за что на свете я бы не пожелала, чтобы мама прошла через то, через что она прошла, чтобы моя жизнь стала интересней.

Видите ли, восемь месяцев назад у мамы случился инсульт. Дела были плохи, ее парализовало на левую сторону. Потом она потеряла работу, страховку и квартиру. Так как мама оказалась в инвалидном кресле, мне пришлось переехать с ней в другую квартиру — где ванная оборудована поручнями, есть широкие коридоры и дверные проемы, через которые может проехать инвалидная коляска. В нашем здании живет много пожилых людей и инвалидов, либо от неизбежности, либо потому, что они готовятся к этой неизбежности.

В любом случае, это место стоило намного дороже тех денег, какими я располагала. Кроме того, мама понемногу начала вставать на ноги. Ее рука никогда бы снова полностью не восстановилась, но нога обрела подвижность, и мама начала передвигаться самостоятельно. Поэтому, чтобы продолжить прогресс, мне пришлось два раза в неделю платить за физиотерапию и производственную терапию за каждую по отдельности. А в отсутствии страховки, которая могла бы помочь, сумма на моем банковском счете таяла с каждой неделей. Так что мне пришлось устроиться на вторую работу, трудясь по ночам в «У Смити»; хорошие деньги, много головной боли от клиентов и усталости, потому что всю ночь я проводила на ногах.

Три месяца назад мне пришлось уйти из «Кредит Юнион», потому что я засыпала на столе. Мне нужна была работа, свободная от стрессов, с гибким графиком. «Ага, так ты ее и найдешь», — скажете вы. Но впервые мне улыбнулась удача, и я нашла самую крутую работу в мире. Днем я работала в «Фортнуме».

«Фортнум» — огромный, старый, пыльный магазин подержанных книг (в задней части) и классная кофейня (в передней части). Владелица, Индия Сэвидж, известная всем как Инди, крутая и модная. Великолепная Рок-цыпочка с копной рыжих волос и убийственным телом. Уморительно веселая и одна из самых милых дам, которых я когда-либо встречала. Она унаследовала магазин от своей бабушки несколько лет назад и установила там кофе-машину. У нее работает куча народу, и за пару недель до того, как она меня наняла, с ней и ее парнем, Ли Найтингейлом, произошла какая-то большая драма. Хотя, если приглядеться получше, то прошлое Инди усеяно большими драмами, а последняя была просто самой большой.

«У Смити» — это стриптиз-клуб, более известный, как бар с сиськами. Я не танцовщица, а официантка в баре. Чаевые неплохие, хотя у танцовщиц лучше (по очевидным причинам). Но они достаточно приличные, чтобы оплачивать маме сеансы терапии. Смити хороший парень и заботится обо всех своих девочках, включая меня (хотя я, вроде как, свожу его с ума). Удивительно, но он хочет, чтобы я танцевала у шеста. Он продолжает пытаться уговорить меня на это, но я просто говорю ему, что он сумасшедший, а он смеется надо мной. Работать там относительно безопасно (учитывая тип заведения), потому что Смити хорошо платит своим вышибалам. Как говорит Смити: «Мне ни хрена не помогает, что мои девочки увольняются каждые несколько недель. Это как везде в жизни, ты заботишься об этом, оно заботится о тебе».

В «Фортнуме» я работаю с Дюком, парнем на «Харлее»; Тексом, сумасшедшим парнем; Джейн, тихой леди, а иногда и с Элли, лучшей подругой Инди. Элли тоже Рок-цыпочка и сестра парня Инди, Ли. У них долгая история — у Инди, Ли и Элли. Я завидую им в этом они все очень близки, включая Дюка, Текса и Джейн. У Инди также много других родственников и друзей, которые постоянно к нам приходят. Ли — частный детектив, и все

парни, которые работают на него и его друзей, тоже приходят в магазин, включая Эдди, лучшего друга Ли.

* * * * *

Знакомство с Эдди — это тот момент, когда моя жизнь стала еще более интересной, даже если только в моих мечтах.

* * * * *

Видите ли, в ту минуту, когда я увидела Эдди Чавеса, я в него влюбилась. Не то чтобы он когда-нибудь замечал меня, если только я не мельтешила у него перед носом. На самом деле, наблюдая за ним (что я часто делала), мне казалось, что он равнодушен к Инди.

По крайней мере, я так думала вначале. Теперь он больше так на нее не смотрит.

Но иногда я ловила его взгляды, устремленные на Инди, от которых я чувствовала себя странно. Иногда, в середине дня (между сменами в «Фортнуме» и «У Смити», — один из немногих моментов, когда я могу нормально выспаться), когда я пыталась немного вздремнуть, пока мама смотрела сериалы, я воображала, будто Эдди бросает на меня те взгляды, что он бросал на Инди. Иногда, пытаясь заснуть, я думала об Эдди, делающем много разных вещей со мной и на мне, но это точно не помогало мне заснуть.

* * * * *

С Эдди я, вроде как, все испортила.

Нет, неправда. Я точно все испортила с Эдди.

Хотя и не намеренно.

* * * * *

Видите ли, он горячий. Не просто горячий. А обжигающий. Такой потрясающе красивый, что от взгляда на него воспаляются глаза.

Он, должно быть, ростом шесть футов, может, шесть футов один дюйм, высокий для американца мексиканского происхождения, с оливковой кожей, темными волосами и еще более темными глазами. У него худощавое телосложение, состоящее из компактных, четко очерченных мышц, и он один из тех парней, на которых все, что бы они ни носили, выглядит бомбически, а не один из тех парней, которые выглядят так, будто пытаются выглядеть бомбически в том, что на них надето.

Эдди — полицейский, и, судя по словам всех, хороший полицейский, хотя и не обычный. Он, вроде как, идет своим путем, что не совсем поощряется полицейским управлением Денвера.

В любом случае, когда черные глаза Эдди обращаются на вас, клянусь Богом, они такие горячие, что воздух обжигает легкие.

Он аппетитный.

Поскольку я не аппетитная, то надежды нет, и из-за влюбленности в него, я становлюсь рядом с ним немного странной.

Странной, в смысле, глупой.

* * * * *

Первый раз он заговорил со мной примерно через неделю после того, как я начала работать в «Фортнуме».

Эдди ждал в конце стойки свой капучино. Я заново пополняла запас стаканчиков, так что в руках держала две большие стопки. Эдди разговаривал с Ли (который, кстати, тоже горячий).

Эдди перевел взгляд на меня и улыбнулся, блеснув супербелозубой улыбкой на смуглом

лице. Эффект от этого, когда он направил ее на меня, полностью вывел меня из себя.

Затем он сказал:

— Итак, Джет, какова твоя история?

Поскольку он назвал меня по имени, я не могла его игнорировать, поэтому посмотрела на него с безразличием и спросила:

— История?

Я ни о чем не рассказывала Инди или кому-либо еще — ни о маме, ни о Смити. Люди с добротой относились к тому, что произошло с мамой, но было странно говорить о ней и о нас, и о том, как нам приходилось справляться с делами. На меня смотрели с таким выражением, которое говорило: «Бедняжка», и это меня немного злило, потому что, знаете, в жизни случается всякое. Мы со многим сталкиваемся.

Как бы то ни было, Эдди больше повернулся ко мне, глаза Ли переместились на меня, и я почувствовала, как жар приливает к лицу.

— Да, — сказала Эдди, — твоя история.

Я запаниковала, так что мне пришлось найти способ сказать как можно меньше и убраться оттуда к чертовой матери.

— Никакой истории. Я просто Джет.

— Просто Джет. — Его улыбка не померкла, и я почувствовала, как внутри все скручивается.

— Да. — Я принялась раскладывать стаканчики.

Эдди повернулся к Ли и сказал:

— Не знаю, как ты, но я думаю, что Просто Джет что-то скрывает.

— Все что-то скрывают, — ответил Ли, все еще глядя на меня, и я могла поклясться, что он прочитал мои мысли и пытался заставить Эдди оставить меня в покое.

— Не я. — Текс, бариста Инди, ветеран Вьетнама и бывший заключенный, у которого не все дома, но его невозможно было не любить, потянулся через меня, отдавая Эдди капучино: — В моем случае, ты получишь то, что видишь.

Эдди не сводил с меня глаз, даже когда потянулся за сахаром (Эдди добавлял много сахара в кофе, я сразу запомнила этот факт, как запоминала практически все об Эдди).

— А как насчет тебя, Просто Джет? Мы получаем то, что видим?

Просто к вашему сведению, я не была девственницей и мне совершенно не везло в любви. Всю среднюю школу я встречалась с одним парнем и еще тремя после, со всеми продолжительное время.

Все были скучными.

Предсказуемыми.

Все хотели большего, но не знали, как это получить.

Все такие же, как я.

И все же, очевидно, что парни со мной флиртовали. Редко, но это случалось. Я просто не могла поверить, что Эдди делал это, или, по крайней мере, мне так казалось.

— Чавес, ради всего святого, прекрати флиртовать. Господи, ты флиртуешь со всеми, кто в юбке, — выпалил Текс (объясняя, что это флирт). — Она пытается работать, а ты ее смущаешь. Разве не видишь, как она покраснела?

При этом мои руки соскользнули со стаканчиков, те взлетели в воздух, приземляясь мне на голову, плечи, руки, на Текса, и рассыпались повсюду. Я тут же наклонилась, чтобы спрятаться и собрать стаканчики.

Эдди обогнул прилавок, чтобы помочь. Он присел на корточки и сказал:

— Не хотел тебя смущать.

Я подняла глаза. Его улыбка превратилась в ухмылку, а глаза смотрели по-другому. Я не могла понять, в чем дело, но от этого тоже чувствовала себя странно. Я не могла не думать, что он жалеет меня, но по его глазам точно не определить, хотя я не понимала, что в них видела.

Я чувствовала себя униженной и, возможно, немного злилась на Текса, так что, один взгляд на мое лицо стер ухмылку Эдди.

— Ты меня не смутил. — Это прозвучало довольно резко, что было не преднамеренно, скорее я защищалась. Или пыталась убедить себя в этом, не знаю.

Он протянул мне стаканчики и внимательно посмотрел, без улыбки или даже намека на усмешку. Я избегала его взгляда, избегала его (насколько это было возможно, когда он помогал мне собирать стаканчики). Закончив, я встала так быстро, что у меня закружилась голова, и мне пришлось отступить или я бы упала. Эдди протянул руку, чтобы поддержать меня, и я шарахнулась от него, будто его прикосновение могло обжечь.

Именно тогда я увидела, как его брови сошлись на переносице, и я обошла его, устанавливая между нами как можно большее расстояние. Я шла так быстро, как только могла, к акрам книжных полок в задней части магазина и пряталась там, пока не убедилась, что Эдди ушел.

* * * * *

Это был первый, но не последний раз, когда я вела себя по-идиотски рядом с Эдди.

* * * * *

Недели шли, и я все ближе узнавала людей из «Фортнума».

Там царил настоящий бунт веселья, все было забавными и милыми, и можно сказать, что они очень заботились друг о друге.

Никакого дискомфорта и стресса (за исключением Эдди, конечно). Я сама устанавливала свой график и начала расслабляться, за исключением тех случаев, когда приходил Эдди. Всякий раз, когда Эдди наносил визит (а это происходило все чаще), я напрягалась, замолкала и большую часть времени пряталась среди полок с книгами.

Примерно через месяц после того, как я начала работать в магазине, Ли и Инди устроили вечеринку и пригласили меня.

Конечно, я думала, что не смогу пойти. Моя смена у Смити начиналась в 7 вечера, а вечеринка — в 7:30.

Мама была вне себя. Она заставила меня пойти, сказала, что я могу «просто заглянуть», а Смити сказать, что немного опоздаю (к чему он привык, отчасти поэтому я сводила его с ума).

Видите ли, еще до того, как у мамы случился инсульт, она и ее лучшая подруга Трикси хотели, чтобы я устроила свою жизнь и нашла себе мужчину (кстати, для мамы и Трикси это одно и то же). Они продолжали твердить о том, какая я красивая, просто я этого не понимаю. Какая я неуверенная. Что мне просто нужно немного прихорошиться. Они талдычили это годами, но, опять же, все так говорили, даже Лотти.

— Сестренка, — говорила Лотти, — ты чертовски горячая штучка. Даже без макияжа и с волосами, собранными в этот дурацкий хвост. Время от времени заглядывай в гребаное зеркало, ладно?

С другой стороны, Лотти любила меня, как и Трикси с мамой.

Трикси была лицензированным парикмахером, делала маникюр, оказывала услуги по уходу за лицом и все такое, постоянно пыталась сделать мне мелирование, как у Лотти.

— Не прячь свою искру под колпаком, или, в твоём случае, не прячь эти густые блестящие волосы в конский хвост. Меня тошнит от этих хвостов! Каждый день конский хвост! Хватит с меня хвостов! — возмущалась Трикси (Трикси была немного склонна к драме).

Они с мамой продолжали пытаться водить меня по магазинам за одеждой, которая «сидела бы немного лучше» (они имели в виду более обтягивающую, поэтому, в основном, я носила обтягивающие джинсы и облегающие футболки и свитера), пытались заставить меня ходить с девушками на вечеринки и в бары, однажды даже предложили вечер быстрых знакомств.

— Клянусь Богом, все мужчины будут за твоим столиком, — заявила мама.

Я знаю, что мама испытывала вину за все, что произошло, мы пережили несколько плохих месяцев, и она хотела, чтобы я передохнула. Она усердно работала над тем, чтобы поправиться, чтобы жить своей жизнью, но больше, чтобы я жила своей.

Мама мечтала за меня больше, чем я.

Не то чтобы я не мечтала, я все время мечтала, всегда витала в облаках. Однако, после папиного ухода, мама на какое-то время развалилась (ладно, на длительный период).

Я должна была держать себя в руках, ради мамы, ради Лотти, и у меня не было времени на мечтания, когда я заботилась обо всех нас. Когда мама оправилась от удара, она все еще нуждалась в помощи. К тому времени, как Лотти уехала в Лос-Анджелес, я уже привыкла к тому, как обстояли дела, и это было удобно, так зачем же что-то менять?

— Вечеринка, — сказала мама, — как раз то, что нужно.

Я не могла подвести маму. Никогда не могла. Такой уж я была.

Она заставила меня испечь ее знаменитые бисквиты с шоколадной крошкой и карамелью и взять их с собой. На это у меня тоже не было времени, но в тот момент я была так измотана, что не знала, за что схватиться. Найти свободные пятнадцать минут, чтобы испечь бисквиты с шоколадной крошкой и карамелью для Инди и ее друзей, казалось наименьшей из моих забот.

— Мужчинам такое нравится! — добавила мама, когда я вошла в кухню, чтобы заняться готовкой.

Будто это стимул. У меня едва хватало времени побрить ноги, и где, по ее мнению, я найду время для свиданий.

В любом случае, бисквиты любили все, главным образом потому, что в них пять ингредиентов: смесь для шоколадного торта, масло, шоколадная стружка, сгущенное молоко и карамель. Эти ингредиенты могли сделать вкусным все, что угодно; я же не шеф-повар, в конце концов.

Я пришла на вечеринку, но с опозданием. На лице у меня была полная боевая раскраска, потому что Смити любил, чтобы его девушки сильно красились, а это означало: дымчатый макияж, густо накрашенные ресницы, румяна и ярко-красная помада.

Оказавшись внутри дуплекса Инди и Ли, я уставилась на толпу, и единственное, о чем могла думать: где буду переодеваться в униформу клуба Смити. Мне не нравилось ходить в примерку к танцовщицам, у меня и так было достаточно проблем с уверенностью, чтобы не сталкиваться с дюжиной идеально подтянутых, загорелых, улучшенных хирургами тел.

И я не могла заявиться на вечеринку в форме, ни за что, никогда.

Смити заставлял всех официанток носить красные микро-юбочки, черные топы, больше похожие на лифчики, с надписью причудливым шрифтом на груди «У Смити», а туфли могли быть красными или черными, ему было все равно, лишь бы каблук был тонким и высоким.

Времени у меня оставалось только на то, чтобы положить шоколадно-карамельные бисквиты на стол, найти Инди и Ли, поздороваться и попрощаться.

Кругом царила давка, люди сновали повсюду. Походило на хорошую вечеринку: все смеялись и разговаривали, музыка гремела, тут и там стояли миски с орехами кешью.

Орехи кешью — определенно, отличительная черта хорошей вечеринки.

Я обнаружила себя прижатой к обеденному столу, толпа окружала меня со всех сторон.

Затем рядом со мной протиснулся Эдди, спиной ко мне, держа за руку фантастическую блондинку.

Он меня не заметил, и я подумала, что успею улизнуть, когда с другой стороны стола подошли Инди и Хэнк, старший брат Ли (который, кстати, тоже был горячим, и полицейским и супер-милым). Увидев меня, Инди захлопала в ладоши и засмеялась, привлекая всеобщее внимание.

— Джет! Не думала, что ты придешь!

Текс неуклюже протиснулся к столу как раз в тот момент, когда Эдди повернулся в нашу сторону. Выражение его лица было довольно доброжелательным, когда он повернулся (хотя на нем читалось некоторое любопытство, или, по крайней мере, мне так показалось), но в ту минуту, когда он посмотрел на меня, он замер и уставился.

— Иисусе, женщина, посмотри на себя! — прогремел Текс. — Ты охрененно выглядишь. Стой ты за прилавком «Фортнума» в таком виде, у нас бы выстроилась очередь до гребаной двери!

Мне хотелось убежать. Я не желала, чтобы все пялились на меня.

Я перевела взгляд на Инди, чтобы извиниться перед ней, но тут Инди сказала:

— Ты испекла те шоколадно-карамельные штучки, которые собиралась принести?

— Да, вот они. — Я указала на бисквиты, а затем заявила: — Слушай, мне очень жаль, но мне нужно идти. У меня дела, и я не могу опаздывать.

— Горячее свидание? — спросил Текс, потянувшись за шоколадно-карамельным квадратиком.

Краем глаза я взглянула на Эдди, он все еще смотрел на меня, больше не застывшим взглядом, в его глазах много чего происходило, очень много. Просто ничего из этого я не могла понять. Я перестала коситься на Эдди, пытаюсь делать вид, что не смотрю на него, и ответила Тексу:

— Не совсем.

— Жаль.

Текс откусил кусочек бисквита, дважды прожевал, и его глаза выпучились.

— Бл*ть! — заорал он, шоколад и карамель разлетелись у него изо рта. У меня сжалось сердце. Он выглядел так, словно у него вот-вот случится сердечный приступ, вызванный шоколадно-карамельным бисквитом.

— Текс! — закричала Инди. — Ты плюешься едой!

Текс проигнорировал Инди и уставился на меня.

— Это охрененно невероятно. Кажется, я, наконец-то, влюбился... в гребаный брауни!

Это было приятно услышать, особенно от Текса. Я улыбнулась ему во весь рот, забыв на

секунду, что Эдди рядом.

Всего на секунду, потому что Эдди что-то пробормотал себе под нос, я посмотрела на него, все еще слегка улыбаясь. Затем поняла, где нахожусь, — примерно в четырех дюймах от Эдди Чавеса, — и улыбка исчезла с моего лица. Он все еще смотрел на меня, но теперь уставился на мои губы.

Я почувствовала, как у меня немного ослабли колени.

У меня на уме было только одно... спасайся, спасайся, спасайся!

Я повернулась к Инди.

— Спасибо за приглашение. Буду рада прийти снова.

Инди смотрела на Эдди, когда я разговаривала с ней, и я заметила, что Хэнк тоже смотрит на него. Затем взгляды Инди и Хэнка вернулись ко мне, и они оба как бы усмехнулись.

— Тебе всегда рады, подруга, — сказала Инди.

Было невероятно круто, что она сказала это мне, и я ей улыбнулась. Затем в давке позади меня образовался просвет, я начала уходить, но Эдди схватил меня за запястье.

— Джет, подожди, — сказал он.

Я посмотрела на свое запястье, потом на него. Я чувствовала его прикосновения повсюду, словно его пальцы нажали на выключатель, а я была лампочкой, и, включив меня, все тело ударило током.

Меня охватила паника, и я выдернула запястье. Если бы я этого не сделала, то бросилась бы ему на шею прямо на глазах у его спутницы. Почти уверена, что это было бы гораздо более унижительно, чем инцидент со стаканчиками.

Он выставил руки перед собой, ладонями вверх, и его лицо стало бесстрастным.

— Что? — спросила я, потому что не могла связать и двух слов. Даже если бы кто-то сказал мне, что есть способ вылечить мою маму, заставить ее ходить ровно и вернуть подвижность ее руке, я все равно не смогла бы сказать больше, чем «что».

— Забудь, — ответил он и отвернулся.

Вот тогда я сбежала.

* * * * *

Это была вторая оплошность. Третья — еще хуже.

* * * * *

Следующие несколько месяцев я избегала Эдди.

Довольно трудная задача, учитывая, что он, определенно, не избегал меня.

До вечеринки у Инди Эдди время от времени заходил, выпивал чашку кофе, болтал и уходил. После вечеринки у Инди Эдди заходил постоянно, брал чашку кофе, болтал и ошивался рядом, чтобы помучить меня.

Позвольте объяснить насчет Пыток Эдди.

Однажды мы с Джейн рылись в коробке с подержанными книгами, которые купила Джейн. Мы собирались расставить часть из них по полкам, но большинство отправились бы в корзину с книгами за один доллар.

Я сидела на корточках, на мне были джинсы с низкой посадкой и облегающая футболка сливового цвета с квадратным вырезом и длинными рукавами. Джинсы спустились, подол футболки задрался, полностью обнажив поясницу. Над входной дверью звякнул колокольчик, я обернулась и увидела, как входит Эдди в крутых зеркальных солнцезащитных очках, скрывающих его глаза. Он их снял, оглядел меня сверху вниз, и его взгляд

переместился на мой зад.

Я тут же сказала Джейн:

— Давай отнесем это на прилавок. — И встала, поднимая коробку.

К сожалению, коробка весила тонну, и я отшатнулась назад, прямо на Эдди, которому каким-то образом удалось преодолеть шесть футов от двери до меня за этот короткий промежуток времени.

Вместо того, чтобы просто протянуть руку, чтобы поддержать меня, обе его руки легли мне на бедра, низко на бедра, широко расставив пальцы, так что кончики его пальцев оказались на моих тазовых косточках.

— Держу, — сказал он, его губы были так близко к моему уху, что по мне пробежала дрожь, и, клянусь, я чуть не выронила коробку.

Затем его руки исчезли, и он тоже. Он обошел меня, сунул руку под коробку, его пальцы едва-едва (но все же я почувствовала) задели мой живот. Он взял у меня коробку и направился к книжному прилавку.

За прилавком стояла Элли и смотрела на меня, открыв рот. Я проигнорировала ее взгляд, полностью проигнорировала Эдди (даже не поблагодарила) и пошла (быстро) в заднюю часть магазина и спряталась среди полок, пока не убедилась, что Эдди ушел.

В других случаях он стоял в узких местах, местах, через которые мне нужно было пройти, поэтому мне приходилось втягивать в себя воздух и протискиваться мимо него, чтобы не коснуться его какой-нибудь выступающей частью тела. Обычно это не срабатывало, и какая-то выступающая часть моего тела касалась его, что приводило к одному из вышеупомянутых электрических ударов.

Не помогало и то, что Инди и Элли постоянно приглашали меня выпить или сходить в кино, а потом поворачивались к Эдди и говорили:

— Хочешь присоединиться?

Я все равно не могла пойти и была рада, что у меня всегда находилось оправдание (но, поскольку они не знали, что у меня была вторая работа и я заботилась о маме, оправдания начинали звучать все неубедительнее).

Пытки Эдди, казалось, со временем усилились.

К примеру, несколько дней назад я сидела за книжным прилавком, скрестив ноги, склонив голову, просматривала квитанции и пила капучино.

Эдди разговаривал с Дюком, заместителем Инди, парнем на «Харлее», с густыми, длинными седыми волосами, бородой и вездесущей банданой, повязанной вокруг лба. Дюк работал в «Фортнуме» с тех пор, как им управляла бабушка Инди. Сначала он пугал меня. Он был суровым, с низким, хриплым голосом. Потом я поняла, что он — милый добряк, главным образом из-за того, как он обращался с Инди, Элли, Джейн (другим ветераном «Фортнума»), а иногда и Тексом (хотя большую часть времени Дюк и Текс кричали друг на друга)

Эдди и Дюк стояли напротив меня у книжного прилавка, так что это означало, что я еще была занята игнорированием Эдди.

Затем, внезапно, в поле моего зрения возникла рука Эдди, и так же внезапно его большой палец провел по моей верхней губе. Моя голова дернулась вверх, и я уставилась на него, мои губы покалывало.

— Пенка, — пояснил он, кивая головой на мой капучино.

Мое лицо вспыхнуло, я уставилась на капучино и, когда до меня дошло... подняла глаза

на Эдди, но он снова слушал Дюка, будто меня там даже не было, но он засунул большой палец в рот, слизывая пенку.

Что *это* было?

Такого рода вещи происходили постоянно. Будучи собой, я должна была найти этому объяснение. Поэтому решила, что он просто пытается быть милым.

Могу сказать, он был хорошим парнем, даже если в некотором роде крутым. Текс относился к нему с грубоватым уважением, и Дюку он очень нравился. Ясно, что об Элли он думал как о своей младшей сестре и всегда с ней дурачился. Об Инди он был высокого мнения, и всегда флиртовал с ней, горячо, но сдержанно. Я сказала себе, что он просто определяет мне свое место, потому что, какими бы значительными ни казались эти пытки, дальше них ничего не заходило. Итак, я пришла к выводу, что моя влюбленность и мои фантазии (которые возникали намного чаще, когда начались пытки) заставили меня видеть то, чего на самом деле не было.

Потом Инди пригласила меня к Хэнку посмотреть футбольный матч. В ее частых приглашениях дело доходило до того, что я не могла отказаться, иначе показалась бы грубой. Должны были прийти она и Ли, Элли со своим парнем, Карлом (который тоже был симпатичным и полицейским), Хэнк и какая-то девушка, которую я не знала... и Эдди.

Я не хотела идти, потому что было воскресенье. У меня не было смены у Смити, а «Фортнум» по воскресеньям работал неполный день. Я хотела отдохнуть, а ночью выспаться, как нормальный человек.

Тем не менее, матч начинался в пять, и у меня было достаточно времени, чтобы собраться после закрытия «Фортнума». Мне нужно было принять приглашение, не говоря уже о том, что мама от меня не отставала.

Я совершила ошибку, рассказав маме о реакции Текса на бисквиты, поэтому она начала думать, что Текс — это возможность моего будущего блаженства. Отговаривая ее от этого (объяснив, что, во-первых, Текс — сумасшедший, а во-вторых, он был достаточно взрослым, чтобы встречаться с ней), я проболталась об Эдди.

Как только прозвучало имя Эдди (даже мельком), мне пришлось во всем признаться (потому что мама устроила мне допрос с пристрастием), и поэтому маму очень волновала возможность того, что я попадусь Эдди на глаза. Я пыталась уверить ее, что Эдди зациклен на Инди, но она и слышать об этом не хотела. Я пыталась донести до нее, что Эдди очень хорош собой, ходячий-секс-в-ковбойских-сапогах и чертовски крутой, и поэтому я бы его не заинтересовала, но об этом она тем более не хотела слышать.

Итак, она подтолкнула меня не только пойти, но и приготовить хлебные стаканчики по ее рецепту, с начинкой из сосисок, оливок и грибов, и взять их с собой. Она, очевидно, думала, что я проникну в сердце Эдди, наполнив его желудок стаканчиками из поджаренного хлеба с сосисками, оливками и грибами, политых сливочно-чесночным соусом и посыпанных тертым пармезаном.

Я вошла к Хэнку с блюдом, накрытым фольгой.

Оно все еще было горячим, только что из духовки, и прожигало свитер насквозь. Я опоздала (снова), забыла прихватки, и в ту минуту, когда вошла, все почувствовали запах колбасы и чеснока.

— Черт возьми, что это такое? — спросил Карл, уставившись на завернутое в фольгу блюдо. Он был крупным парнем, высоким, с густой, сексуальной копной светлых волос. От его манеры смотреть на тебя, вспыхивало лицо, потому что, почти уверена, он раздевал тебя

глазами.

Я с грохотом поставила блюдо на кофейный столик (потому что, как я уже сказала, оно меня обжигало). Сняла фольгу. Запах чеснока донесся с такой силой, что походил на пощечину.

От запаха все отшатнулись, затем устремились вперед и набросились на стаканчики с сосисками, как стервятники.

Я держалась за руку и кусала губу, потому что ожог не проходил.

Эдди сидел в широком кресле, держа двумя пальцами за горлышко бутылку пива. Он единственный, кто не пробовал стаканчики с сосисками. Он наблюдал за мной, его темные глаза отвлекали от жжения в руке, потому что заставляли воздух в легких гореть (и заставляли гореть другие места).

Внезапно он встал, пересек комнату, схватил меня за руку и поволок на кухню. Он остановился в центре, осторожно повернул мое запястье и задрал рукав свитера, обнажив ярко-красный рубец на внутренней стороне руки.

— Dios mío, Cariña, — сказал он, таща меня к холодильнику (*прим.: с исп. Dios mío, Cariña. — Боже мой, милая.*).

— Ничего страшного, — возразила я.

Он достал банку кока-колы и прижал ее к ожогу. Должна признать, это было приятно, и еще лучше то, что это делал Эдди.

— Я возьму, — сказала я, пытаюсь перехватить у него банку.

— Я держу, — сказал он.

— Нет, правда...

Его глаза встретились с моими.

— Я держу, — сказал он так, как никогда не говорил со мной раньше, так, как я никогда не слышала, чтобы он говорил с кем-либо: тихо, сдержанно, но немного нетерпеливо.

Эдди был хорошим парнем, умел рассмешить, всегда ухмылялся, дразнил, флиртовал и дурачился.

В его тоне не было никакой фальши.

Вообще.

Я стояла натянутая, как струна, снова прикусив губу, в то время как он одной рукой держал меня за запястье, а другой прижимал банку к ожогу. Я уставилась на свою руку, чтобы не пялиться на Эдди.

Ожог был не таким уж серьезным, и я почувствовала себя намного лучше после того, как холод банки унял боль. Без нее я могла думать только об Эдди и о том, что осталась наедине с ним на кухне.

Загадочным образом.

Куда все подевались?

— Где все? — спросила я.

— Кого ты хочешь? — задал он, как мне показалось, странный вопрос. Но опять же, мой разум работал неправильно, так что, возможно, это был совершенно нормальный вопрос, кто я такая, чтобы судить?

— Не знаю.

«Кого угодно!» — подумала я.

Его пальцы крепче обхватили мое запястье, а затем потянули к себе. Он уже стоял близко, но притянул меня еще ближе.

— У тебя со мной какие-то проблемы? — спросил он, когда был так близко, что я почувствовала его аромат.

От него всегда приятно пахло, но не подавляюще. Нужно стоять рядом, чтобы почувствовать это. На протяжении последних двух месяцев Пыток Эдди я находилась достаточно близко, чтобы часто улавливать его аромат, и от него хорошо пахло. Очень хорошо. Я как бы впала в оцепенение от его близости и запаха, и мой разум отключился, а Эдди стал не просто единственным человеком в комнате, он стал единственным человеком во вселенной.

— Прости?

— У тебя со мной какие-то проблемы? — снова спросил Эдди, его глаза смотрели в мои, и я внезапно осознала, что никогда не была так близко к нему. У него были длинные ресницы, а радужки такими темными, что казались бездонными.

Я поняла, что он задал вопрос, и снова о нем забыла.

— Что? — спросила я, ну, точнее вздохнула, потому что в последнюю секунду поняла, что в легких не так много воздуха.

Именно тогда его взгляд изменился с оценивающего на какой-то другой. Я увидела ямочку на его щеке, прежде чем его губы сложились в улыбку. Он мягко потянул меня за запястье еще ближе; так близко, что мое тело почти касалось его, и ему пришлось наклонить голову еще ниже, чтобы посмотреть на меня сверху вниз.

— Я спросил, есть ли у тебя проблемы со мной.

— Ну, да, — ответила я бездумно.

Его голова наклонилась еще немного, и, я не шучу, он был так близко, что я почти могла его поцеловать.

— Что за проблема? — Его голос звучал низко, почти как шепот. Что-то происходило с его глазами, они словно расплавились, и я почувствовала похожее ощущение в своих костях.

— У меня небольшие проблемы с... — Как мне это выразить? — ...твоим типом.

Я имела в виду его тип горячего парня. Из-за горячих парней я становилась косноязычной, неуклюжей и застенчивой.

Не думаю, что Эдди правильно меня понял, потому что его взгляд стал жестким и сверкающим, а его рука на моем запястье сжалась, и не в хорошем смысле. Тем не менее, я пребывала в оцепенении, поэтому сначала не обратила на это внимания.

— Моим... типом? — спросил он.

— Да.

Он отпустил меня, будто прикосновение к моей коже было подобно ожогу кислотой. Протянул мне кока-колу и, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Пока я стояла там и оцепенение рассеивалось, до меня дошло, как, должно быть, прозвучали мои слова.

— Бл*ть! — прошипела я про себя.

Обычно я старалась не произносить слово на букву «б», но некоторые случаи требовали этого. Это был один из них, потому что у меня никогда не хватило бы смелости сказать Эдди, что я на самом деле имела в виду, и теперь он считал меня расисткой.

Вошла Инди, выглядя встревоженной.

— Все в порядке? — Она оглянулась через плечо, затем снова посмотрела на меня. — Эдди только что выскочил через заднюю дверь с таким видом, будто собирался совершить убийство. Что случилось? С тобой все в порядке?

К счастью, моя сумочка все еще висела на плече, телевизор находился в задней комнате (как и все остальные), и я напрямую метнулась к входной двери.

— Мне нужно идти, — выпалила я, ничего не объясняя.

Я вышла за дверь.

Как только она за мной закрылась, я побежала.

Правда выходит наружу

(ну, во всяком случае, частично)

Я тешила себя мыслью (или, скорее, надеждой), что этот идиотский эпизод, где в глазах Эдди я предстала расисткой, останется в тайне. Эдди не походил на парня, который любит поболтать по душам, но я ошиблась.

В ту минуту, как я вошла в «Фортнум» в понедельник утром, я увидела взгляды Инди, Элли и Текса и почувствовала арктический холод.

К тому времени, как утренняя давка закончилась, я поняла, что мои надежды умерли, но у меня появились новые надежды на то, что все уляжется.

В этом я тоже ошиблась.

Как только у стойки с эспрессо не осталось покупателей, Инди повернулась ко мне.

— Я не могу тебя уволить за то, кто ты есть. Но у меня реальная проблема с работником вроде тебя, — заявила она.

У меня сердце ушло в пятки.

— Я тоже, пи*дец как, терпеть не могу расистов, даже тех, кто печет вкусные пирожные, — вставил Текс.

Элли лишь смотрела на меня.

— Я не расистка, — возразила я, чувствуя, что вот-вот расплачусь.

— Конечно, у тебя просто проблемы с этим... типом, — вступила в разговор Элли.

Сердце сбежало прочь, в то же время желудок скрутило.

— Ли догнал Эдди прошлой ночью, — объяснила Инди. — Эдди ему все рассказал.

— Все не так, — сказала я.

— Можешь работать здесь, пока не найдешь другую работу, — постановила Инди и отвернулась.

— На самом деле, все не так, — снова попыталась я, приходя в отчаяние, потому что мне нужна была эта работа, она меня устраивала, времени искать другую не было, и мне все нравились. Они были веселыми. Если бы я не была так постоянно измотана и не работала по шестнадцать часов в день, я бы прекрасно проводила с ними время. Я не хотела, чтобы они считали меня расисткой. Серьезно, это полный отстой.

— Ничего не хочу знать, — отрезала Инди, отходя от прилавка.

— А я хочу. — Текс уставился на меня.

— А я не хочу. — Инди проигнорировала Текса и повернулась ко мне. — Ты всегда сбежала, когда он находился рядом, но я думала... забудь. Не важно.

— А я все равно хочу знать, — упрямылся Текс.

— Это трудно объяснить, — вставила я.

— Держу пари, — усмехнулась Элли.

Я закрыла глаза и была почти уверена, что меня сейчас вырвет.

Тогда Инди сказал мне:

— Ты же знаешь, он хороший парень. Его семья живет в этой стране уже три поколения. Он такой же американец, как мы с тобой. Ради бога, у него бабушка ирландская католичка! — закончила она криком.

Я вздрогнула, будто она ударила меня.

— Ты не обязана мне это говорить. Мне все равно, даже если он только что пересек границу! — Я начинала немного паниковать.

Элли издала звук, похожий на фырканье, сердитое фырканье.

— Нет, это прозвучало неправильно. Вы не понимаете, — сказала я.

— Нет. Я не понимаю, — согласилась Инди, наклоняясь ко мне.

Я попыталась объяснить:

— У меня просто проблема с такими, как он, с его типом. Всегда так было. Дело не только в нем, у меня проблема с парнем, который работает на Ли, ну, знаете, тот коренной американец, Вэнс.

Инди выглядела так, словно ее голова вот-вот взорвется.

— Нет! — закричала я. — Это тоже прозвучало неправильно. У меня, вроде как, проблемы и с Ли, и с Хэнком тоже!

— Да что, черт возьми, с тобой не так! — воскликнула Элли.

— Не из-за их происхождения. Дело в том, что они горячие! — крикнула я.

Все замолчали и уставились на меня.

Я чувствовала себя идиоткой, но должна была продолжить.

— Они горячие, особенно Эдди. Я становлюсь глупой и застенчивой рядом с красивыми парнями. Со мной так всегда. Что бы я ни делала — все неправильно, что бы ни говорила — все не то. Я стараюсь их избегать — это лучший способ. Дело в том, что мы с Эдди остались наедине на кухне, и он вел себя со мной как-то странно. Я запаниковала и попыталась объяснить, что он горячий, но все вышло не так, потому что, как сказать парню, что он горячий? Он неправильно понял, разозлился и ушел, и... эм, вот и все.

— Ты, бл*ть, прикалываешься? — спросил Текс.

Я покачала головой и прикусила губу.

— Он тебе нравится, — сказала Инди. Она больше не смотрела на меня так, словно хотела придушить, что я восприняла как хороший знак.

— Ну... — промямлила я, — ...да.

Нравится мне? Нет. Любила ли я его и хотела от него детей? Хм, да, черт возьми.

Инди улыбнулась.

— Я так и знала! — завопила она. — Это здорово! Ты должна сказать ему, я думаю, он...

— Нет! — крикнула я. — Нет, я не могу ему сказать, и ты тоже не можешь.

Элли подошла к Инди; она тоже улыбалась, когда сказала мне:

— Ты должна ему сказать.

— Не буду я ему говорить. И никто не будет.

— Кому и что никто не будет говорить? — раздался у нас за спинами голос. Это был Ли. Он смотрел на меня так, словно я гадюка, выползшая из-под камня.

— Джет не расистка, она по уши влюблена в Эдди, — объявила Инди, расплываясь в улыбке.

Я закрыла глаза и почувствовала, как вспыхнуло лицо.

Когда я открыла глаза, Ли смотрел на меня.

— Станный способ показать это, — заметил он.

— Она чертовски застенчивая. Теряется. Несет всякое глупое дерьмо, — быстро подытожил Текс.

— Пожалуйста, мы можем перестать говорить об этом? — попросила я.

— Ни за что! — заявила Элли. — Я наблюдала за вами с Эдди и почти уверена...

— Элли, — оборвал ее Ли.

— Прощу! — воскликнула я. — Давайте прекратим говорить об этом, и вы все должны пообещать, что ничего не скажете Эдди.

— Ты хочешь, чтобы он думал, что ты расистка? — Инди уставилась на меня так, словно я только что прилетела с Марса.

— Нет! Конечно, нет, но... эм, да. Так было бы легче его избегать.

— Ты чокнутая, — постановил Текс.

— Заткнись, Текс. — Элли подошла и положила руку мне на плечо. — Серьезно, Джет...

— Пожалуйста, — сказала я (или как бы умоляла).

К счастью, Ли пришел мне на помощь, а когда он говорил, его слушали.

— Оставьте ее в покое.

— Ли! — Элли убрала руку с моей руки.

— Вы все должны пообещать ничего ему не говорить, — попросила я снова.

— Конечно! — быстро ответила Инди, так быстро, что я подумала, может, она лжет. Я также увидела, как глаза Ли сузились при взгляде на нее, а затем он покачал головой, и морщинки у его глаз стали глубже. У меня сложилось впечатление, что я столкнулась с более серьезными проблемами, чем тогда, когда все считали меня расисткой, но на этом все не закончилось.

* * * * *

Позже, ближе к вечеру, появился Эдди.

Я не ожидала его, думала, он тоже будет избегать меня, но он пришел.

Войдя в магазин, он окинул взглядом помещение, скользнув по мне, будто я невидимка, и я сразу же передумала, решив, что не хочу, чтобы он считал меня расисткой.

Он выглядел красиво: выцветшие джинсы Levi's очень хорошо на нем сидели (обтягивая и свисая свободно во всех нужных местах), черные ковбойские сапоги, черная футболка с длинными рукавами, плотно облегающая грудь и бицепсы, и черный кожаный ремень с большой серебристой пряжкой. Черные волосы были немного растрепаны от ветра или пробежавшим по ним пальцам.

При виде его у меня потекли слюнки.

Я стояла за прилавком с эспрессо вместе с Тексом, а Инди за книжным прилавком. Эдди увидел Инди и направился сразу к ней, игнорируя всех остальных.

Я боялась, что Инди что-нибудь скажет, особенно, когда Текс толкнул меня локтем.

— Ты должна пойти и поговорить с ним, — прошептал Текс.

— Я не собираюсь с ним разговаривать! — прошипела я в ответ.

— Чокнутая, — сказал мне Текс.

Затем колокольчик над дверью снова звякнул, и, поскольку я сосредоточилась на том, чтобы почти согласиться с Тексом, то не смотрела на дверь.

Сначала.

Потом я услышала, как кто-то пропел:

— Джет! Джет!

Я подняла глаза.

Текс поднял глаза.

Инди подняла глаза.

Элли вышла из задней части магазина, где располагались книжные полки.

Эдди обернулся.

И посреди «Фортнума» стоял Рэй Макалистер, мой отец, он мотал головой и играл на воображаемой гитаре, громко напевая вступительную мелодию.

У меня отвисла челюсть.

Затем папа приступил к куплету песни Пола Маккартни и Wings «Jet».

Папа действительно был здесь. Пел всю песню, с протяжным «о-о-о», наигрывал на воображаемой гитаре, будто завтра не наступит, так сильно мотал головой, что я думала, он свернет себе шею.

Когда в тексте песни прозвучало слово «отец», на его лице расцвела широкая глупая ухмылка, он приложил руки к сердцу, и я ничего не могла с собой поделать, направившись к нему из-за прилавка.

— Папа, — прошептала я.

Все уставились на него. Текс в жадном восхищении с широкой ухмылкой. Инди хихикала. Элли мотала головой в такт мелодии. Эдди скрестил руки на груди и наблюдал с бесстрастным лицом, прислонившись бедром к книжному прилавку.

Папа еще не совсем закончил. Несколько аккордов на воображаемой гитаре. Протяжное «о-о-о».

Когда я добралась до него, он схватил меня в объятия, притянул к себе и начал танцевать, кружа меня, все еще напевая, но на этот раз громче.

На самом деле, он дошел в той части, где Маккартни умоляет Джет любить его, и папа как бы кричал (как он всегда делал, когда пел мне эту песню, что случалось часто, на самом деле, каждый раз, когда он возвращался в город и впервые видел меня).

Он издал клич, и я засмеялась, ничего не могла с собой поделать. Папа, возможно, был дерьмовым отцом, но он был сумасшедшим и забавным, и хотя присутствовал в моей жизни всего несколько часов за последние четырнадцать лет, он все еще был моим папой.

— Папа! — старалась я перекричать его, напевающего мелодию.

Он наполовину кружил меня, наполовину танцевал со мной, полностью игнорируя меня, и продолжал петь. Допев слова, он, как обычно, обнял меня, покачивая из стороны в сторону и мурлыча грустный финал в исполнении саксофона.

— Папа, — снова прошептала я, прильнув к его щетинистой щеке, и он перестал раскачиваться и прижал меня к себе.

— Джет, — прошептал он в ответ, и слезы защипали мне глаза, парочка скатилась из уголков.

Мы стояли так несколько секунд, обнимая друг друга, а потом он отстранил меня, все еще держа за руки.

— Как ты меня нашел? — спросила я, вытирая щеки.

— Отправился в то место, где ты раньше работала. Уговорил старую ведьму за кассой сказать мне, где ты сейчас. Почему ты бросила такую непыльную работенку?

На нем была старая армейская куртка, футболка с изображением грузовика «Mask», ветхие джинсы и строительные ботинки. Седеющие волосы песочного цвета слишком отросли и (если честно) были грязноватыми. В зелено-карих глазах, как обычно, плясали огоньки.

Я проигнорировала его вопрос.

— Что ты здесь делаешь?

— Пришел навестить мою девочку. — Его глаза скользнули по моему лицу, а затем остановились на моих волосах.

Он поднял руку и рывком сдернул резинку с хвоста. Бросил ее через плечо, не глядя, куда она попадет. Я наблюдала за траекторией полета и увидела, как Эдди сделал выпад и поймал ее в воздухе.

— Че-е-ерт. Мама подарила тебе красивую шевелюру, не знаю, почему ты всегда ее прячешь. — Он уложил мои волосы вокруг лица. — Так намного лучше.

— Папа.

Он снова схватил меня в объятия и крепко стиснул.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Как же хорошо. Я скучал по своей девочке.

Когда он отпустил меня, Эдди стоял рядом. Инди и Элли смотрели на нас, даже не пытаясь этого скрыть, и мне не нужно было оборачиваться, чтобы знать, что Текс наблюдает.

Эдди протянул мне резинку для волос.

— Спасибо, Эдди, — поблагодарила я, забирая резинку, и почувствовала, как к лицу приливает жар.

Папа переводил взгляд с Эдди на меня.

— Кто это? Твой парень?

Воздух в легких замер, а во рту пересохло.

Эдди просто стоял рядом.

Папа снова перевел взгляд с Эдди на меня.

— Ну? Ты собираешься меня представить? — спросил меня папа.

Мой разум отключился.

Папа взял дело в свои руки.

— Я Рэй Макалистер, отец Джет.

— Эдди Чавес, — ответил Эдди и пожал папе руку.

Папа кивнул и улыбнулся.

— Понятно. Джет всегда питала слабость к нашим братьям-южанам.

О Господи, пожалуйста, спаси меня.

— Папа.

В этот момент я могла бы с радостью умереть.

— Что? — спросил папа с невинным видом.

— Забавно, Джет объяснила, что у нее небольшие проблемы с такими, как я, — сказал Эдди.

Папа повернулся ко мне, его глаза комично расширились.

— С каких это пор? Каждый твой предыдущий парень был мексиканцем.

Нет, я была неправа. Вот в этот момент я могла бы с радостью умереть.

— Неужели? — удивился Эдди, и его взгляд переместился на меня, и я могла бы поклясться, что услышала, как Инди и Элли сдерживают хихиканье.

— Да. Думал, у меня уже давно будут милые темноволосые внуки, но Джет не торопится, черт побери. Знаешь, я не становлюсь моложе, — сказал мне папа, — по крайней мере, ты, наконец-то, нашла работу в крутом месте, — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Старая работенка, может, и была непыльной, но... эй? Скучной!

— Может, нам стоит пойти куда-нибудь и поговорить, — предложила я.

— Что плохого в том, чтобы остаться здесь? — спросил он, глядя на стойку с эспрессо:

— Я бы не отказался от кофе.

— Что будешь? — прогремел Текс.

Я закрыла глаза. Когда я их открыла, папа уже направлялся за кофе, и все, что я могла видеть, был Эдди. Он не улыбался, но на его щеке виднелась ямочка.

Думаю, мне больше не нужно беспокоиться о том, что он считает меня расисткой.

Прежде чем я смогла прийти в себя от унижения, Эдди поднял руку и заправил мне за ухо прядь волос. Он осмотрел мое лицо и волосы, затем наши взгляды встретились, и он сказал:

— Мне нравится.

Мой желудок сжался.

Не говоря ни слова, я повернулась к нему спиной, вновь стянула волосы в хвост и последовала за папой, который делал заказ у Текса. Когда я подошла к нему, он обнял меня за шею и поцеловал в макушку.

— Разве она не великолепна? — спросил он Текса.

— Она чокнутая, — ответил Текс.

Папа откинул голову назад и рассмеялся.

— Правда?

Инди и Элли материализовались за стойкой, я представила их папе, и началась болтовня ни о чем, пока папа потягивал латте.

Они все отошли, но не настолько далеко, чтобы не слышать всего, о чем мы говорили. Наверное, это моя расплата за то, что я такая скрытная. Люди, должно быть, испытывали любопытство.

Эдди устроился в конце стойки с эспрессо и даже не стал притворяться, что не подслушивает.

Я повернулась к папе.

— Что ты на самом деле здесь делаешь? — тихо спросила я.

— Что? Разве я не могу навестить свою девочку?

Я посмотрела на него.

Он улыбнулся.

— Ладно, ты меня поймала. Мне нужно место, где можно переночевать пару ночей.

Меня охватила паника. Мама, плюс папа, плюс одна квартира — равнялись катастрофе.

— Я не живу в прежней квартире, — сказала я ему.

— Это ничего.

— Вообще-то, у меня нет свободной комнаты.

— Раньше у тебя тоже не было комнаты, но ты позволяла мне остаться, — сказал он, пристально глядя на меня и зная, что я что-то скрываю.

— Есть кое-что...

Я не могла закончить. Эдди сидел рядом, я чувствовала на себе его взгляд. Папа не знал о маме, и я не хотела ему говорить. Я также не хотела, чтобы все эти любопытные уши слышали меня. А мама впала бы в истерику, если бы я пригласила папу остаться у нас. С одной рукой или нет, она стала бы швырять в него всем, что было в квартире, и гоняться за ним в инвалидном кресле.

— Принцесса Джет, твой старик должен где-то передохнуть. Я слишком долго был в дороге.

— Мы найдем тебе гостиницу.

Его глаза вспыхнули, а затем потухли.

Проклятье.

У него не было денег.

У меня их тоже не было. Каждый пенни был на счету.

Я уставилась на папу. Он выглядел усталым, нуждался в ванне, и последнее, но не менее важное, он — мой отец. Это нанесет по мне удар во многих отношениях.

— Я схожу к банкомату и сниму деньги, — сказала я со вздохом.

Я могла бы взять больше смен у Смити.

Возможно.

Если бы Смити был в хорошем настроении.

— Я верну тебе деньги, — заверил он меня.

Я уже слышала это раньше.

Повернувшись к Инди, я увидела Эдди, все еще опирающегося на стойку и наблюдающего за мной. Его взгляд был пристальный, и я знала, что он слышал каждое слово. Я чувствовала унижение, на этот раз за себя и за папу.

— Инди, мы с папой собираемся... — я даже не закончила.

— Ты же знаешь, что мы сами устанавливаем свой график, подруга. Иди побудь с отцом, — заявила Инди.

Я повернулась к папе, стараясь не обращать внимания на Эдди и всех остальных. Я взяла его под руку.

— Ты обедал? — спросила я, притворяясь веселой и жизнерадостной девушкой, которая может позволить себе пойти куда-нибудь пообедать.

— Нет, — ответил он с широкой улыбкой. — Твой старик умирает с голоду.

— Я угощаю.

Я повела его к выходу. Денег на то, чтобы угостить его обедом, у меня тоже не было, но, как говорится, потратил пенни, потратишь и фунт.

* * * * *

Я поселила папу в дешевом мотеле, а он вел себя так, будто оказался в «Белладжио» (*прим.: Белладжио — пятизвездочный курортный отель и казино в Лас-Вегасе, расположенный рядом со знаменитыми фонтанами Белладжио*). Я заплатила за две ночи вперед и дала ему пятьсот долларов, потому что у мужчины должны быть деньги в кармане.

После чего на моем банковском счете осталось пятьдесят долларов, а мне еще нужно было купить продукты и бензин.

Мы с папой планировали встретиться в «Фортнуме» на следующее утро, и я принесу пончики. К счастью, к завтрашнему утру у меня в кармане будут чаевые от Смити, так что я, вероятно, смогу позволить себе пончики.

Заехав в магазин за продуктами, я купила все необходимое, заскочила на заправку и вернулась домой позже обычного. Мне требовалось хоть немного вздремнуть, но, вероятно, времени не останется. Белье нужно было постирать. Мама пыталась помочь, но быстро устала. Она старалась вернуться к домашней работе и готовке, но расстраивалась, что пока у нее плохо получается, поэтому мне приходилось болтаться с ней на кухне и помогать, когда ей это было необходимо. Нам еще нужно было выполнить несколько упражнений, потому что завтра у нее назначена физиотерапия, а врачам не нравилось, когда пациент не тренировался в перерывах между приемами. Затем мне требовалось нанести боевую раскраску для стрип-клуба и отчаливать на работу.

В ту минуту, когда я вошла в гостиную, волоча пакеты с продуктами, мама взглянула на меня и спросила:

— Что случилось?

Иногда она меня пугала.

— Ничего.

Я не собиралась говорить ей, что отец в городе. Не-а, ни за что.

Зайдя на кухню, я начала доставать продукты. Она вкатилась в дверной проем и преградила мне путь.

— Что-то случилась, — не унималась она.

— Ничего не случилось.

— Генриетта Луиза.

Она всегда использовала мое настоящее имя, когда злилась на меня. Либо его, либо «Мисси». Я не знала, откуда взялось имя «Мисси», но оно звучало, когда она была очень зла.

У мамы были ярко-зеленые глаза и великолепные, густые светлые волосы (светлые, потому что Трикси приходила к нам домой, стригла и красила ее каждые шесть недель — Трикси также делала ей маникюр и педикюр каждые две недели. Трикси была маминой лучшей подругой еще со школы, безумно ее любила и была настоящим сокровищем). У мамы также была великолепная улыбка, до инсульта, сейчас она все еще выглядела хорошо, но какой-то кривой. В старших классах мама крутила жезл, а чтобы номер выглядел красиво, нужно было научиться улыбаться. Она оказалась прилежной ученицей, ее улыбка была мирового класса, даже папа так говорил.

Теперь она не улыбалась, а хмурилась.

— Ты выглядишь обеспокоенной, — сказала мама.

Я всегда выглядела обеспокоенной, и как она могла увидеть, что я беспокоюсь больше, чем обычно, — выше моего понимания. У меня не было детей, поэтому я пока не обрела «материнскую способность» чувствовать, что твоему ребенку угрожает опасность, он обеспокоен, грустит, у него проблемы с парнем или с задирами-девочками в школе.

Я решила пойти по пути наименьшего сопротивления, выбрав тему, которая сбивала бы ее со следа (другими словами, я, вроде как, солгала).

— Эдди думает, что я расистка.

Она ахнула.

— Что?

Я пожала плечами.

— Что заставило его так подумать? — спросила она.

Я убрала молоко.

— Это недоразумение.

— Еще бы. Хочешь, я ему позвоню?

Я с головой торчала в холодильнике, но при этих словах выпрямилась и развернулась.

— Нет! Не звони ему!

Моя мама, без сомнения, позвонила бы ему. У нее нет его номера, но она его найдет. Она позвонит не только ему, но и его матери, просто чтобы расставить все по полочкам и навести мосты между родителями. Более того, она заставила бы Трикси позвонить ему, а этого я точно не хотела. Затем они попросили бы моих бывших парней, Хавьера, Алекса, Луиса и Оскара, позвонить ему и заверить его, что я не расистка.

— Инди исправляет ситуацию, — объяснила я. Это тоже было отчасти ложью, но и

отчасти правдой, потому что у меня возникло отчетливое ощущение, что Инди из тех людей, кто вмешивается в дела других.

— Надеюсь. Это ужасно. Неудивительно, что у тебя такой встревоженный вид.

Я мысленно сделала глубокий вдох.

Покончив с этой загвоздкой, мы преодолели остальные: стирку, упражнения, ужин, мытье посуды и мое превращение в «блондинку Смити».

Я ковыляла к выходу на черных шпильках высотой три с половиной дюйма с тонкими ремешками вокруг лодыжек, попрощалась с мамой, открыла дверь и тихонько вскрикнула.

У порога стояла Ада, наша соседка. Ада была старше, чем мир, и глухой, как пробка, но обладала душой, сотканной из чистого солнечного света. Она улыбнулась мне, посмотрела на мой шлюховатый наряд и заявила:

— Какой прекрасный наряд.

Я посмотрела вниз на микро-мини и черный топ, который показывал слишком большое декольте, выглядывавшие из-под длинного черного кардигана, который мне приходилось носить, чтобы защититься от холода в конце сентября. Затем снова посмотрела на Аду. Может, она в добавок еще и слепа.

— Хочу посмотреть телевизор с твоей мамой. Сегодня вечером покажут интересную серию «Полицейских», не хочу ее пропустить.

Ада фанатела от «Полицейских», «Самых невероятных полицейских погонь Америки» и почти всего, что имело отношение к полицейским, охотникам за головами, скоростным погоням, наркопреступлениям, операторским съемкам с преследованием людей, убегающих через задний двор, и людям, чьи лица нужно сделать нечеткими, пока они дают показания.

Она прошаркала в квартиру, а я вышла за дверь, крикнув:

— Повеселитесь, девочки!

Когда я добрался до своей машины, она не завелась.

Я попробовала еще раз.

Она все равно не завелась.

Я попробовала в третий раз.

Ничего.

— Кусок дерьма! — крикнула я, хлопнув ладонью по рулю, а затем выругалась еще сильнее и даже слегка стукнулась лбом о руль.

Полагаю, бак с бензином был напрасной тратой нужных денег.

До того, как у мамы случился инсульт, я подыскивала себе новую машину, но потом об этом пришлось забыть. Мамина машина была хуже моей, и мы продали ее, когда переехали, оплатив часть депозита за квартиру. Так вот, старый, подержанный драндулет, который я купила пять лет назад, передвигался лишь на силе молитвы.

Достав сотовый, я позвонила Джоджо, одной из танцовщиц, которая тоже всегда опаздывала. Джоджо забрала меня, и мы ворвались в двери «У Смити», опоздав на пятнадцать минут.

Смити сидел в баре, и когда мы вошли, посмотрел на нас.

— Мать твою, ты опять опоздала, — поприветствовал Смити.

— У меня машина не завелась, — объяснила я, подходя к бару. Джоджо ракетой рванула за кулисы, чтобы избежать столкновения со Смити.

Он вручил мне фартук, я достала сотовый, сунула его в карман и протянула ему свою сумочку и кардиган, которые он положил за стойку бара.

— По крайней мере, придумай что-нибудь оригинальное, — сказал он.

— Я серьезно.

— Ты — ходячая катастрофа.

Я улыбнулась ему. Смити только лаял, но не кусался, по крайней мере, со своими девочками. Он был крупным чернокожим парнем, раньше мускулистым, но сейчас немного размяк. У него было шестеро детей от четырех разных женщин, и он души не чаял в них всех, включая женщин.

— Слушай, Смити, мне нужно еще пару смен.

Он возвел глаза к небу.

— Она опаздывает и выпрашивает еще гребаных смен.

— Мне нужно починить машину! — воскликнула я, завязывая фартук вокруг талии.

— Будешь работать больше смен, мне придется платить тебе сверхурочные. Я не плачу сверхурочные.

— Смити.

Я посмотрела на него широко распахнутыми глазами, девчачьим взглядом «пожалуйста», который, как я видела, другие девушки использовали на нем. У них получалось, поэтому я попробовала сама и обнаружила, что у меня тоже получается.

Смити был не в лучшем настроении.

— Хочешь больше денег — работай у шеста.

Я посмотрела на сцену. Три танцовщицы кружили у шеста, их тела блестели от масла, на всех не было ничего, кроме стрингов и накладок на соски.

Ни за что в жизни.

— Я не работаю у шеста, — сказала я Смити.

— Ты бы сделала мне одолжение. Сегодня Мэнди сказала, что должна уволиться. Она беременна.

Я ничего не могла с собой поделаться и захлопала в ладоши. Мэнди и ее парень Ронни пытались завести ребенка еще до того, как я стала работать в клубе.

— Здорово! — воскликнула я.

— Ни хрена не здорово. Я лишился танцовщицы. Работай у шеста, и у тебя будет моя вечная гребаная благодарность и столько денег, что ты сможешь купить «Порше».

— Джоджо — твоя лучшая танцовщица, и у нее нет «Порше», — заметила я очевидное. Она ездила на «Королле».

— Джоджо умеет танцевать, но у нее ненастоящие сиськи, и она невысокая. Парни могут отличить настоящее от подделки. Твои сиськи настоящие, а твои ноги, бл*ть, в этих гребаных туфлях они бесконечные. Мужики смотрят на эти ноги, на эти сиськи и дают тебе пятьдесят долларов чаевых.

— Я не работаю у шеста, — сказал я так, что он понял серьезность моих слов.

Он вздохнул.

— Хочешь, попрошу знакомого посмотреть твою машину?

Видите, Смити был добряком.

Я кивнула и улыбнулась.

— Ты заноза в моей заднице. Приступай к работе.

Я принялась за работу, суперлюбезно обращаясь с пьяницами и идиотами, которые платили хорошие деньги, по сути, ни за что. Хотя они, очевидно, так не считали. Чаевые были хорошими, щупали меня не так часто, так что ночь выдалась приличной.

Я договорилась с Ленни, чтобы он отвез меня домой, и, когда все ушли, стала ждать его у двери.

Ленни, темнокожий, двести пятьдесят фунтов чистых мышц при росте шесть футов четыре дюйма, работал вышибалой. Он получал степень магистра биохимии в Денверском университете.

Он подошел к тому месту, где я стояла у входной двери.

— Подожди снаружи, я все проверю, включу сигнализацию и запру дверь.

— Хорошо, — ответила я и вышла, остановившись у двери.

Заведение Смита располагалось на бульваре Колорадо, и, хотя было три часа ночи, транспортный поток еще не иссяк. Днем все еще было тепло, но по ночам холодало, и я плотнее закуталась в кардиган. Я устала, сознание начало отключаться, и я обнаружила, что помутневшим взглядом смотрю направо.

Что-то набросилось на меня слева; меня отшвырнуло к стене клуба, и в свете огней я увидела вспышку лезвия.

Чья-то рука давила мне на грудь, прижимая к стене. Я почувствовала у горла холод лезвия.

— Ты дочь Рэя Макалистера?

Я смотрела на парня, который был на несколько дюймов ниже меня из-за моих каблуков. Его черные волосы выглядели крашеными и были зачесаны назад. Очень худой, похожий на крысеныша, когда-то ему сломали нос, и он не очень хорошо сросся.

Он надавил на меня рукой, телом и лезвием.

— Слышала меня, сука?

Я кивнула, отвечая на оба вопроса.

— Знаешь, где он?

Я уставилась на него; у меня перехватило дыхание, а сердце билось так сильно, что я думала, оно выпрыгнет из груди.

Вместо того чтобы настаивать на ответе, он резко повернул голову и посмотрел через плечо.

Потом вернулся ко мне.

— Передай ему, что Ловкач хочет получить то, что ему причитается. Поняла?

Он сильно толкнул меня в грудь, что причинило боль, потому что я уже была прижата к стене и мне некуда было двигаться. Затем сорвался с места, сел в машину и уехал.

Следующее, что я помню — Вэнс стоял рядом, будто возник из воздуха.

Вэнс работал на Ли. У него были черные, длинные и прямые волосы (не крашенные, определенно, настоящие), и он собирал их в хвост. Он был высоким, худощавым коренным американцем, с мягким голосом, и выглядел невероятно горячим.

Я не знала, что удивило меня больше — то, что меня держали на острие ножа, или то, что Вэнс материализовался сразу после этого.

— Ты в порядке? — спросил он, положив руку мне на плечо, в его темных глазах читалось беспокойство.

Я не была в порядке. Так далеко от того, чтобы быть в порядке, что, возможно, никогда больше не буду в порядке, но все равно кивнула.

— Что он сказал? — спросил Вэнс.

— Хотел знать, где мой отец.

Вэнс никак не прокомментировал это, потому что двинулся, когда Ленни вышел из

клуба.

— Руки прочь, — предупредил Ленни, переходя в режим вышибалы.

— Все в порядке, Ленни. Я его знаю, — сказала я.

К нам с визгом подлетел внедорожник, за рулем сидел еще один из парней Ли, Мэтт. Несмотря на это, ни Вэнс, ни Ленни не двинулись с места. Они находились в противостоянии.

— Ленни отвезет меня домой, — сказала я Вэнсу.

Вэнс перевел взгляд с Ленни на меня и кивнул. Один раз.

Затем его взгляд вернулся к Ленни.

— Проводи ее до двери, — распорядился Вэнс, подошел к внедорожнику, забрался внутрь, и Мэтт сорвался с места.

И тут жизнь стала действительно интересной

Чаевые у Смити были так хороши, что на следующее утро вместо автобуса я побаловала себя такси. Перед «Фортнумом» я заглянула в «Ламарр» и купила достаточно пончиков, чтобы накормить целую армию. Безусловно, я не могла взять их только для нас с папой, не угостив остальных.

В 7:15 утра я появилась на работе с коробкой пончиков, надеясь, что Вэнс и Мэтт ни с кем не поделились вчерашним происшествием, а именно с Ли, который мог бы рассказать Инди, а та рассказала бы всем остальным.

Вчера ночью по дороге домой я объяснила Ленни, что случилось, и он крепко сжал челюсть. Мы вступили в дискуссию о том, чтобы позвонить в полицию (ни за что, ни при каких обстоятельствах, только не тогда, когда в этом замешан папа), а затем позвонить Смити (хуже, чем позвонить в полицию, Смити стал бы писать кипятком). В итоге, Ленни проводил меня до входной двери и убедился, что я в безопасности.

Я проспала примерно секунд семь, потому что либо заново переживала, как к горлу приставляют нож (что совсем не весело), либо беспокоилась о том, во что, черт возьми, отец ввязался на этот раз.

Папа был немного лодырем; вечно без денег, без работы, ни на одной из которых, как я в значительной степени полагала (и некоторые мамины замечания подтвердили это), он долго не задерживался.

Однако, нынешняя ситуация немного отличалась от обычных папиных проблем.

Поскольку я не выспалась, мои семь секунд сна точно не принесли пользы ни для чего, тем более для работы, но мне требовались деньги. И у меня не было такой роскоши, как отпуск.

Когда я добралась до «Фортнума», Текс, Дюк и Джейн были на месте, Инди и Элли я не увидела.

Что я восприняла как хороший знак.

В тот момент, как двери открылись в 7:30, образовалась кофейная давка.

Текс был главным бариста Инди и, в некотором роде, виртуозом. Народ валил толпами ради одного из его творений. Одна из причин, по которой Инди пришлось нанять меня, — большая загруженность из-за популярности Текса. Я также неплохо управлялась со сменным фильтром, что помогло мне получить работу.

Перевалило за восемь, я немного расслабилась, решив, что, возможно, Вэнс и Мэтт ни с кем не поделились, когда над дверью прозвенел колокольчик и вошел Эдди.

От выражения его лица я затаила дыхание. Сказать, что Эдди не выглядел радостным, — все равно, что назвать Большой каньон милым маленьким каналом. Другими словами, Эдди был в высшей степени зол.

Мне следовало бы знать, что Эдди не понравится человек, который может навлечь на книжный магазин Инди сомнительных типов и возможную опасность. Удивительно, что Ли не пришел первым.

Взгляд Эдди встретился с моим и прожег насквозь, и я застыла на месте. Не сводя с меня глаз, он направился прямо к прилавку и обошел его, схватил меня за предплечье и потащил за собой.

— Эй! Какого хрена ты творишь? Не видишь, там двадцать человек, которые хотят кофе? — прогремел Текс Эдди.

Эдди проигнорировал его и потащил меня к книжным полкам с полудюжиной рядов с детективами (что мне показалось уместным). Он завернул в один из них, провел меня вдоль стеллажей к боковой стене, уставленной книгами, и остановился.

Кофейная давка осталась вдалеке, а так как во время утреннего кофе за книгами никто не приходил, мы были надежно укрыты.

Эдди развернул меня спиной к книгам, приблизился, встав передо мной, и прижал левую руку к полке у моей головы.

— Что происходит? — спросила я, решив включить саму невинность.

— Это ты мне скажи, — парировал Эдди.

Он видел меня насквозь. Не уверена, откуда я это знала. Возможно, из-за его прищура, или стиснутой челюсти, когда он закончил говорить.

— Я помогала Тексу варить кофе, — не сдавалась я.

Он покачал головой.

— Давай поговорим о прошлой ночи.

Мои надежды рухнули.

Черт.

— О прошлой ночи? — спросила я.

— О прошлой ночи.

— А что было прошлой ночью?

Должна признать, я чувствовала себя почти так же, как прошлой ночью. По крайней мере, сердце билось так же сильно.

— Лезвие у твоего горла.

Я бросила притворяться невинной и попыталась быть беззаботной.

— Ах, это.

Беззаботность не стала хорошим решением. Если раньше глаза Эдди прожигали меня насквозь, то теперь они опаляли.

— Да, это, — подтвердил Эдди.

— Уверена, это ерунда.

Он уставился на меня на мгновение, будто у меня на лбу только что выросли рога. Затем выпалил кучу испанских слов.

Я немного знала испанский, из-за того, что четыре моих бывших были мексиканцами, и, кажется, уловила несколько неприличных слов, но не была уверена.

Эдди перешел на английский.

— Ты называешь нож у своего горла ерундой?

Я не ответила, подумав, что, может, лучше всего будет промолчать.

И снова ошиблась.

Эдди подошел ближе, и поскольку он уже стоял довольно близко, это «ближе» казалось хищническим.

— Тебе раньше приставляли нож к горлу?

— Нет, насколько я могу припомнить.

В его черных глазах появился какой-то пугающий блеск.

— Ты бы забыла нечто подобное?

— Наверное, нет, — согласилась я.

Он приблизился еще, и в этот момент его тело коснулось моего.

— Почему ты не вызвала полицию?

— Это не показалось мне таким уж серьезным делом.

— Кто-то приставил нож тебе к горлу — это серьезно. Ты должна была сообщить об этом в полицию.

В обычной ситуации я бы с ним согласилась.

— Черт возьми, Джет, хоть раз поговори со мной, — и это, конечно, не прозвучало, как просьба.

Я промолчала. Я не хотела вести себя как сука, просто не знала, что сказать.

— Ты знаешь Ловкача? — не отставал Эдди.

Я покачала головой.

— Вэнс сказал, что он охотился за твоим отцом.

Я кивнула.

— Знаешь, почему?

Я снова покачала головой, но потом ответила:

— Ловкач сказал, что папа ему задолжал.

По выражению лица Эдди я поняла, что это не очень хорошая новость, и сердце забилось еще быстрее.

— Я знаю Ловкача, — поделился Эдди, — и Ловкач — не очень хороший парень.

— При встрече с ним у меня тоже сложилось такое впечатление, — согласилась я.

В ответ я получила еще сильнее стиснутую челюсть.

— Где твой отец? — потребовал Эдди.

— Скоро придет позавтракать пончиками.

Эдди поднял свободную руку и провел пальцами по волосам. Время от времени он делал так — проводил рукой по волосам. С близкого расстояния выглядело завораживающе. Но, опять же, на дальнем расстоянии это тоже выглядело завораживающе, просто я никогда не наблюдала этого вблизи.

Эдди снова заговорил, выдергивая меня из моего момента.

— Должен сказать, я не очень счастлив по этому поводу.

— Я позабочусь об этом, — сказала я.

Эдди изменился в лице. Я не могла понять, что это значит, но увидела перемену.

— Как ты собираешься это сделать? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Ты хоть представляешь, что происходит?

Я покачала головой.

— Тогда, как собираешься позаботиться об этом?

— Не знаю. Что-нибудь придумаю.

Его глаза вспыхнули.

— Что-нибудь, что требует еще одного похода к банкомату?

Я вздрогнула, потому что прочувствовала этот вопрос всем своим существом. Во-первых, потому что, спросив меня об этом, Эдди причинил мне боль, и весь этот разговор означал, что Эдди знал, что мой отец бездельник. Во-вторых, потому что в банкомате ничего не осталось. Что бы я ни сделала, чтобы исправить этот бардак, мне, вероятно, потребуется съездить в бутик для стриптизерш и купить стринги и накладки на соски, что не очень радовало.

— Джет, — позвал Эдди, и я перестала думать о своих несчастьях и посмотрела на него. Его лицо больше не было злым. Выражение глаз изменилось. Эта разница передалась мне физически, напомнив о его близости, а также о том, какой он горячий.

— Это несправедливо, — сказала я ему.

Он не ответил.

Я продолжила:

— И это не твое дело. Все это — не твое дело.

— Теперь это мое дело. Честно предупреждаю, Джет.

Я почувствовала трепет одновременно в нескольких частях тела. Не уверена, что он имел в виду, но это точно напугало меня до чертиков.

— Не беспокойся, Эдди, — ответила я, желая уйти от Эдди (подальше от Эдди), найти папу и во всем разобраться. — Я позабочусь об этом.

— А что, если не сможешь?

— Я смогу.

— Что будешь делать, если не сможешь? — повторил он.

— Я смогу.

Я годами разбиралась со всеми проблемами моей семьи. Не только с маминым срывом после ухода отца. Не только с ее инсультом. Не только с тем, чтобы давать папе деньги и место для ночлега, каждый раз, когда он приезжал в город. Не только со слезами Лотти, которая плакала у меня на плече, когда жила с нами, а потом после отъезда по телефону, когда какой-нибудь парень разбивал ее сердце. Все это было на мне. В моей жизни на вопрос «Кому вы позвоните?» не отвечали: «Охотникам за привидениями». На него отвечали: «Джет».

Эдди, конечно, этого не знал, и я не собиралась ему объяснять, но все же.

— Предполагаю, любая проблема с Ловкачом — это проблема, с которой ты не можешь справиться, — сказал Эдди.

— Я разберусь.

— Джет.

— Я разберусь сама! Это то, что я делаю! Понятно? Разбираюсь с делами. И я найду какой-нибудь способ справиться и с этим! — крикнула я.

Вот так.

После моей вспышки он некоторое время наблюдал за мной, и я увидела, как выражение его глаз снова изменилось. На этот раз они потеплели. Я обнаружила, что на самом деле не очень хорошо себя чувствую под теплым взглядом Эдди. Он странно влиял на мои мыслительные процессы.

Эдди поднял руку и провел костяшками пальцев по моей челюсти.

— Не делай так, — сказала я, отстраняясь от его прикосновения.

— Chiquita, когда ты закончишь сегодня днем, я заберу тебя и отвезу к себе домой. Приготовлю кувшин «маргариты», напою вдрызг, и ты, наконец, поговоришь со мной.

Я уставилась на него в полном шоке.

— О чем? — спросила я, стараясь, чтобы голос не звучал испуганно.

— О чем угодно.

Настало время паниковать. Не знаю, как я так долго продержалась. Я ощутила слабость в коленях и странное ощущение в животе.

— Мы можем начать с того, почему ты работаешь у Смити, — продолжил Эдди, — и

перейдем к тому, почему ты хотела, чтобы я думал, что тебе не нравятся мексиканцы.

Не-а, ни за что на свете.

— Я не могу, — возразила я.

— Почему?

— Просто не могу. У меня дела.

— Какие дела?

Я уставилась на него на секунду.

— Просто... дела.

Он проигнорировал меня.

— Я заеду за тобой в три.

Я покачала головой.

В этот неподходящий момент я уловила его аромат, от него действительно приятно пахло, и мне это понравилось. Я также отметила, что мне нравилось ощущать тепло его тела и то, как оно касалось меня. Кроме того, мне также понравился его теплый взгляд.

Мне многое нравилось в Эдди.

Нет, мне все нравилось в Эдди.

Боже милостивый.

Я судорожно вздохнула. Я заметила, что Эдди наблюдает за мной. Должна признать, мне это тоже понравилось.

— В три часа, Джет, — повторил Эдди.

— Мне нравится, как ты пахнешь, — выпалила я, видимо, обезумев.

Как только прозвучал мой идиотский комментарий, паника начала пробиваться сквозь Дурман Эдди, но он увидел это и оперся правой рукой на полку возле моего бедра, поймав меня в ловушку.

Лихорадочно соображая, я посмотрела на него, но увидела, что его взгляд стал мягким, и он выглядел таким сексуальным, что мои кости тоже размякли. Настолько сильно, что мне пришлось ухватиться за ткань футболки на его животе, чтобы удержаться.

Его голова начала опускаться, и, клянусь Богом, он собирался меня поцеловать.

— Джет? — позвала Инди.

Я дернулась назад, ударившись затылком о книжную полку.

Когда я посмотрела на Эдди, его голова больше не опускалась, глаза были закрыты, а челюсть снова стиснута, но он не отодвинулся.

— Джет? — снова позвала Инди. Потом я услышала: — Ой, черт. Простите.

Я встала на цыпочки, выглядывая из-за плеча Эдди, и увидела в конце ряда Инди и Ли.

Ли выглядел веселым. Он так сильно улыбался, что, казалось, вот-вот расхохочется.

— Извини, я бы не стала мешать, но твой отец здесь, — сказала Инди.

— Отлично! — весело ответила я, отпуская футболку Эдди и ныряя под его руку. — Спасибо.

Я сделала шаг в сторону, когда меня дернуло назад. Я обернулась и увидела, что Эдди держит меня пальцем за петлю на поясе моих джинсов.

— Подожди, Chiquita, я иду с тобой. У меня есть несколько вопросов, которые я хотел бы задать твоему отцу.

Я посмотрела на Эдди. Я не была уверена, что хочу, чтобы Эдди разговаривал с папой.

— Он здесь только поесть пончики.

Глаза Эдди встретились с моими.

— Я тоже не отказался бы от пончика.

Я понимала, что дело не в пончиках; а в том, чтобы устроить папе такой же допрос с пристрастием, какой он только что устроил мне.

Эдди снова дернул за петлю на моем поясе, и я впечталась плечом ему в грудь. Затем он сказал мне на ухо:

— Мы еще не закончили.

О-оу.

Электрический разряд, возникший у моего уха, пробежал по всему телу. Я проигнорировала это и проигнорировала его.

Мы очень даже закончили. Должны закончить. У меня не было на это ни сил, ни времени, и кроме того, если я сгорю в пламени страсти, кто позаботится о маме?

Инди с Ли шли впереди нас, Эдди — рядом со мной, его палец все еще цеплялся за петлю моего пояса.

— Не хочу ничего слышать, — предупредил Эдди, очевидно, обращаясь к Ли, потому что Ли ответил:

— Теперь терпи. У меня было десять лет. А у тебя сколько? Два месяца?

Эдди не ответил.

Инди немного отстала и зашагала рядом со мной.

— О чем они говорят? — прошептала я ей.

— Ты не захочешь знать, — ответила она.

Когда мы вышли из задней части магазина, кофейная давка все еще не рассосалась, но на спинке одного из диванов я увидела папу, поедающего пончик с шоколадной глазурью и заварным кремом и пьющего латте, будто ему было на все плевать в этом мире.

Как только он меня увидел, то воскликнул:

— Принцесса Джет!

Эдди все еще держал меня за пояс, так что я не могла броситься к папе и предупредить его, чтобы он убегал.

Вместо этого я просто сказала:

— Привет, папа.

Папа посмотрел на нас с Эдди и увидел руку Эдди за моей спиной.

— Чавес, похоже, ты не теряешь времени даром.

— Рэй, — был ответ Эдди.

Папин взгляд переместился на Инди, и он улыбнулся, затем он увидел Ли, который подошел вместе с нами.

— Мать вашу, — выдохнул он, улыбка исчезла с его лица, и он выглядел почти запаниковавшим. — Ты — Ли Найтингейл.

— Ага, — подтвердил Ли.

— Черт, — сказал папа.

Меня это сбilo с толку. Я перевела взгляд с папы на Ли и открыла рот, чтобы заговорить, когда над входной дверью прозвенел колокольчик, и я услышала, как кто-то позвал меня по имени.

Я повернулась и уставилась на вошедшего парня.

Оскар, мой последний бывший. Мы расстались примерно за месяц до маминого инсульта. До этого мы встречались два года. Разрыв произошел по обоюдному согласию (обоюдному в том смысле, что я уговорила Оскара), и мы остались друзьями. Он помог нам с

мамой переехать в новую квартиру. Он был хорошим парнем, и иногда я скучала по нему.

Оскар был примерно на два дюйма выше меня, у него были добрые карие глаза, фантастически густые темные волосы и несколько шрамов от прыщей, которые, к счастью для него, только делали его более интересным.

Я повернулась к нему, когда он подошел к нашей компании. Он выглядел расстроенным.

Нехорошо. Оскар быстро распаялся, а, расстроившись, мог потерять контроль.

— Оскар! Что ты здесь делаешь?

— Твоя мама позвонила, сказала, что какой-то придурок назвал тебя расисткой. Mamita, что это за дерьмо? Я хочу поговорить с ним. Кто этот мудак?

Что я вам говорила?

Мама.

Я хотела с криком выбежать из магазина, но меня снова дернули за пояс, и мое плечо вновь соприкоснулось с грудью Эдди, на этот раз, оставшись там.

— Думаю, мудак — я, — заявил Эдди.

Взгляд Оскара переместился на Эдди, и он увидел, как мы стоим. Видимо, он неправильно истолковал это, потому что стрелка его гнева пересекла красную зону.

— Убери от нее свои гребаные лапы! — крикнул Оскар, и все (а людей было много) обернулись посмотреть.

— Успокойся, amigo, мы все уладили, — ответил Эдди.

— Оскар, все в порядке, — сказала я.

Оскар не слушал.

— Ты не можешь просто назвать мою женщину расисткой, а потом все с ней уладить. И, кажется, я велел тебе убрать от нее свои лапы.

Я забыла упомянуть, что у Оскара также была проблема с собственничеством. Это была одна из причин, по которой мы расстались. Не говоря уже о том, что его противостояние Эдди выглядело глупо, взглянув на них двоих, всякий мог увидеть, что Эдди вытрет Оскаром пол. Эдди был выше, мускулистее и в его теле содержалось полкапли жира, что ясно видно по обтягивающей белой футболке.

— Твою женщину? — спросил Эдди, напрягшись. Он посмотрел на меня. — Ты встречаешься с этим парнем?

— Мы расстались, — сказала я.

— Когда? — спросил Эдди.

— Девять месяцев назад.

Эдди впервые за это утро улыбнулся, и на его щеках появились ямочки. Он снова повернулся к Оскару.

— Я бы сказал, что она больше не твоя женщина.

Оскар подался вперед и принялся кричать на Эдди по-испански, и Эдди открыл ответный огонь.

— Прекратите! — крикнула я.

С меня было достаточно. Я не спала больше суток, моя машина сломалась, мне приставили нож к горлу, а Эдди только что объявил, что я теперь его дело. Большого мне не выдержать.

Парни перестали орать друг на друга.

— Оскар, все улажено. Я сказала эту глупость, чтобы, в первую очередь, заставить его

думать так. Но он больше не считает меня расисткой. Так что, остынь.

Оскар еще не закончил злиться и повернулся ко мне.

— Ты заставляешь свою маму волноваться, — сказал он.

Как чудесно.

— Оскар, все под контролем.

— Чувствуй собачья, Mamita. Твоя мама говорит...

— Перестань слушать мою маму и хватит вмешиваться. Я могу сама о себе позаботиться.

Он наклонился ко мне.

— Да? Я так не думаю. У меня пока оба глаза на месте, не так ли? Ты похудела, выглядишь измученной и вот-вот свалишься с ног. Как ты позаботишься о себе, когда так чертовски занята, забота о...

— Оскар! — крикнула я: — Заткнись! И перестань разговаривать с моей мамой.

Он пристально посмотрел на меня, а затем замолчал. Стрелка вышла из красной зоны и опустилась до зеленой. Как только замигал зеленый, Оскар посмотрел на меня с беспокойством.

— Джет, тебе нужно, чтобы кто-то присматривал за тобой.

— Я сама за собой присматриваю, — возразила я.

Он покачал головой и вздохнул.

— *Mi сієло* (*с исп. — душа моя*), ты разбиваешь мне сердце.

Именно тогда я поняла, что опасность миновала. Оскар быстро распаялся и так же быстро остывал.

Я улыбнулась ему.

— Иди, возьми пончик.

— У меня нет времени на пончики. Я уже опаздываю на работу. — Он наклонился и поцеловал меня в щеку, послал Эдди свирепый взгляд, а затем ушел.

Не успела я отреагировать, как в нашем маленьком кругу возник Текс.

— Спасибо Господу, что послал тебя нам, чокнутая, — прогудел Текс, протягивая мне капучино. — Здесь все становилось безумно скучно.

Затем он вернулся за прилавок.

Все уставились на меня: Эдди, Ли и Инди.

— Оскар немного чересчур заботлив, — объяснила я, чтобы разрядить обстановку.

— И не говори, — вставил папа.

Внимание Ли и Инди переключилось на папу, но Эдди продолжал смотреть на меня. В его глазах вновь что-то происходило, а его рука переместилась с моего пояса к шее, чтобы обнять и прижать к себе. Мы стояли почти грудь в грудь, и мне пришлось опустить руку на его пресс, немного оттолкнув его. Он усилил хватку, удерживая меня на месте.

Наклонив голову, Эдди сказал мне на ухо:

— Я только что добавил пару пунктов в свой список того, о чем нам нужно поговорить.

Не очень хорошо.

Он развернул меня, все еще прижимая к себе и обнимая за шею, и посмотрел на папу.

— Рэй, кажется, нам нужно поговорить.

Папа переводил взгляд с Эдди на меня, на его губах играла улыбка.

— Простой ночью, — продолжил Эдди, — Джет держал на острие ножа парень по имени Ловкач. Вы что-нибудь об этом знаете?

Улыбка исчезла с папиного лица. Инди ахнула. Папа перевел взгляд на Ли, снова на Эдди, а затем на меня.

— Ты в порядке? — спросил папа.

— Он не причинил мне вреда, — уверила я его.

— Черт, Джет, — воскликнул папа, затем опустил голову и сжал переносицу.

— Он сказал, что вы ему чем-то обязаны, — заявил Эдди.

Папа поднял глаза.

— Я поговорю с ним, — сказал он Эдди. Затем повернулся ко мне. — Я поговорю с ним, — повторил он.

— Сделайте это, — сказал Эдди. — И еще, Рэй. Участие Джет в этом началось и закончилось прошлой ночью ее разговором с Ловкачом. Вы меня понимаете?

Я вся напряглась и уставилась на Эдди.

Это было семейное дело, кем он себя возомнил?

Но папа ответил Эдди:

— Да. Конечно. Без проблем. Все кончено. Я позабочусь об этом. — Папа посмотрел на меня. — Я позабочусь об этом, Джет. Обещаю.

— Почему бы вам не сделать это сейчас? — предложил Ли.

Папа посмотрел на Ли, и в его глазах появился страх.

— Сейчас самое подходящее время.

Он встал, и я отстранилась от Эдди и подошла к нему.

— Ты в порядке?

— Все отлично. Безусловно. — Он обнял меня: — Я разберусь с этим, принцесса Джет. Ни о чем не беспокойся.

Он поцеловал меня в щеку, поднял руку, будто хотел коснуться места поцелуя, но потом опустил ее.

— Спасибо за пончик, — поблагодарил он, а затем, не сказав больше ни слова и даже не оглянувшись, ушел.

Как только дверь за ним закрылась, я резко повернулась к Эдди.

Не знаю, что на меня нашло. Может, недосып. Или то, что я видела папу таким опустошенным. Не важно, я позволила гневу выйти наружу.

— Это семейное дело! — огрызнулась я.

Эдди уставился на меня.

— Твоей семьи?

— Моей.

— Раз ты — мое дело, значит, это мое дело.

Я уставилась на него с открытым ртом.

Страхнув с себя оцепенение, я крикнула:

— Держись от этого подальше!

— Джет, я честно предупредил тебя. Я уже в этом участвую, — ответил он так спокойно, как только мог.

Я прищурилась и уперла руки в бедра.

— Больше нет. Твоя роль сыграна.

Он покачался на каблуках и улыбнулся, показав ямочки на щеках.

— Никогда не видел тебя сердитой.

— Я не сержусь. Ты еще не видел меня сердитой.

Я лгала. В целом, я, как правило, была довольно мягким человеком. Сердилась не часто и выглядела примерно так же сердито, как сейчас.

— Тогда, учитывая, что сейчас ты чертовски сексуальна, я с нетерпением жду увидеть тебя сердитой.

Его слова сбили меня с толку, и чудо, что я не отшатнулась назад.

Затем меня охватила паника, и я потопала к книжным полкам, пока Эдди не заявил мне в спину:

— Как знакомо, кажется, пришло время прятаться.

Вероятно, смесь унижения и доселе неизвестного норова заставила меня развернуться и протопать прямо к нему. Ну, и тот факт, что глаза мне застлала красная пелена. Думаю, он действительно «еще не видел меня сердитую», но, опять же, я тоже не видела.

Я встала с ним лицом к лицу и проорала:

— Оставь меня и моего отца в покое, Эдди Чавес!

Эдди наклонился ко мне так близко, что я могла видеть только его, и тихо спросил:

— Неправильно, что сейчас я хочу поцеловать тебя?

Я, вроде как, низко зарычала, слишком злая, чтобы испугаться его слов.

— Dios mio, Cariña, ты очаровательна.

— Я с тобой больше не разговариваю, — заявила я ему.

— Ты заговоришь... три часа, ты, я и кувшин «маргариты», — ответил он.

Я отошла (ну или скорее отлетела) за стойку и начала стучать кофемашиной, полностью игнорируя его и всех остальных.

Пару минут спустя Текс сказал на удивление тихо:

— Все в порядке, дорогая, он ушел.

Я посмотрела на Текса и Инди, которая зашла за прилавок.

— Что мне теперь делать? — спросила я.

— Смириться? — предложил Текс.

— Хочешь поговорить? — спросила Инди.

Я покачала головой.

— Спасибо. Мне нужно собраться с мыслями. Может, позже, — сказала я ей.

— В любое время, Джет, ты ведь знаешь? — спросила Инди.

— Знаю, что?

— Что в любое время, когда тебе нужно будет поговорить или тебе что-нибудь понадобится, ты можешь позвонить мне. Ты это знаешь?

Я почувствовала, как от слез защипало глаза. Я кивнула и отвернулась, возвращаясь к работе, тем самым пропустив взгляд, которым обменялись Инди и Текс.

У меня не случилось нервного срыва, не сейчас. И если бы я поддалась всем своим чувствам, мой организм, вероятно, отключился бы на месяц.

Мне нужно сосредоточиться, расставить приоритеты.

Во-первых — остаться в сознании. Во-вторых — выяснить, что не так с моей машиной. В-третьих — узнать, все ли в порядке с папой. В последнюю очередь, а, может, и в первую, — найти способ вернуть деньги, которые я дала папе.

Или, может, проблема заключалась в том, что все это нужно было сделать в первую очередь.

Из огня, да в постель Эдди

Мне улыбнулась удача после звонка Смити, который сообщил, что его «друг» будет ждать меня на стоянке у моего многоквартирного дома в два часа, чтобы взглянуть на мою машину.

Так что у меня появилась настоящая причина уйти пораньше и избежать встречи с Эдди.

Я покинула «Фортнум» в час тридцать, потому что мне нужно было доехать на автобусе до дома, где я встретила друга Смити возле своей «Хонды». Он пару секунд повозился под капотом, затем выпрямился и вытер руки о свой засаленный синий комбинезон.

— Придется отбуксировать, — заявил он.

Ох, нет.

— Все плохо? — спросила я.

— Не могу сказать. Нужно пробраться внутрь.

Великолепно.

— Сегодня отбуксировать не смогу, эвакуатор приедет завтра.

— Спасибо огромное.

Пока я смотрела, как механик уезжает, я позвонила Джоджо, чтобы она меня забрала. Затем потащилась в квартиру, предвкушая, как просплю целых три часа перед сменой у Смити.

Когда я открыла дверь в квартиру, мама крикнула:

— О, хорошо! Ты сегодня рано.

Я вошла в гостиную, где была Трикси, и вокруг все выглядело так, словно в салоне красоты взорвалась бомба.

— Ура! У меня будет больше времени для работы, — воскликнула Трикси.

Я очень любила Трикси. Сколько себя помню, она красилась в рыжий. Носила его смело и дерзко. Ей очень шло. Она была миниатюрной, с веселыми карими глазами и самыми красивыми кистями рук, которые я когда-либо видела. Я считала, что у нее руки художника.

— Трикси, что ты здесь делаешь? — спросила я, обнимая ее. Трикси обычно приходила навестить маму в понедельник.

— Сюрприз! Тебя ждет маникюр, педикюр, уход за лицом и мелирование.

Я мысленно застонала.

— Трикси...

— Нет. На этот раз никаких возражений. Твоя мама говорит, что ты устала, поэтому сегодня твой день. Сегодня День красоты Джет.

Мне нужен был маникюр и мелирование, как дырка в голове. И то, и другое требовало посещения салона красоты, а салон требовал времени и денег, а у меня не было ни того, ни другого.

Трикси металась по комнате, готовясь, а мама улыбалась очаровательной кривой улыбкой. Они считали, что делают мне одолжение. Считали, это добрым делом.

Черт. Как я могла отказаться?

Трикси поставила в гостиной стул, я села на него, и она укрыла меня накидкой.

— Сегодня приходил Оскар, — сказала я маме.

— В самом деле? Как у Оскара дела? — ответила мама, изображая невинное удивление.

— Без понятия, так как большую часть его визита он кричал на Эдди по-испански, а остальное время он кричал на него по-английски, и в оставшееся время он кричал на меня.

— О, боже, — пробормотала Трикси.

— Все пошло не так, как планировалось, — пояснила мама Трикси.

Ох, мама.

Если бы я ее не любил, то прибила бы.

Глядя на маму, Трикси пожалала плечами, начав размешивать широкой плоской кистью какую-то дрянь в маленькой миске.

— С Эдди все налажено, так что можете перестать вмешиваться, — сказал я им.

— Лучше я позвоню Хавьеру, — тихо сказала мама.

Понимаете, о чем я?

— Как все наладилось с Эдди? — спросила Трикси, глядя на меня широко раскрытыми любопытными глазами.

Я возвела взгляд к потолку и попросила избавить меня от мучений.

Сегодня у Бога явно были дела поважнее.

Я отвела любопытных дам от темы Эдди. А затем заснула во время педикюра, с кусочками фольги в волосах, и меня пришлось будить, чтобы смыть краску в кухонной раковине.

— Вуаля! — воскликнула Трикси, протягивая мне зеркало, когда закончила.

Я уставилась на себя в недоумении.

Ладно, должна признать, волосы выглядели хорошо. Нет, на самом деле, великолепно. Она обрезала пару дюймов, так что волосы спускались ниже плеч, сделала мне густую челку, которая была разделена на пробор и выглядела почти сексуально. Новый образ очень меня оживил. Мои глаза казались скорее зелеными, чем карими, а кожа словно светилась.

— Замечательно, — сказала я.

— Конечно! Это же ты! Ты прекрасна! Совершенно новая Джет, — объявила Трикси.

Хотела бы я быть совершенно новой Джет с совершенно новой жизнью, но я согласна и на новую прическу, потому что в ближайшей перспективе мне она точно не светит.

Трикси сделала мне макияж для «Смити», который тоже выглядел лучше, чем я когда-либо могла сделать, а я мастерски обращалась с косметикой. Я отпраздновала свой новый образ, надев свои самые сексуальные шлюшьи туфли с униформой «Смити». Они были из черной лакированной кожи, закрытые, с заостренным носком, с двойными широкими ремешками и двумя пряжками на лодыжке. Смити называл их туфлями Госпожи и был прав.

Мы с Джоджо опоздали всего на пять минут. Когда мы вошли в дверь, Смити был на своем обычном месте за стойкой бара. Он повернулся к нам, открыл рот, чтобы состричь, но при виде меня, его рот так и остался открытым.

Я положила сумочку и кардиган на стойку бара.

— Пожалуйста, скажи, что ты сделала это со своими волосами, потому что собираешься танцевать у шеста.

— Я не танцую у шеста, — отрезала я.

Он протянул мне мой фартук, и я, как обычно, сунула сотовый в карман. Я всегда так делала. Никогда не расставалась с мобильником, на случай, если маме понадобится позвонить.

— Значит, — продолжил Смити, — вот это все должно было сбить меня с толку, чтобы

я забыл, что ты не позвонила мне и не рассказала, что прошлой ночью какой-то мудила приставил тебе нож к горлу.

Проклятье.

Ленни сдал меня.

— Это пустяк.

— Не похоже на гребаный пустяк. С этого момента тебя будут сопровождать в клуб и из него.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку. Все знали, что когда Смити поднимал руку, ты должен заткнуться.

— Хорошо, — сдалась я.

— Я так понимаю, раз ты пришла с Джоджо, твоя машина все еще не на ходу, — сказал он.

— Нет.

Он убрал мою сумочку и кардиган за стойку бара.

— Тогда кто-то из вышибал будет отвозить тебя домой. Я сам этим займусь.

Я кивнула, потому что он не выносил этот вопрос на обсуждение.

— Хорошо, — постановил Смити. — Приступай к работе.

Так я и сделала, и сразу поняла, что ночка будет не из приятных. Моя зона обслуживания включала в себя три столика перед сценой. Через два часа за этими столиками расселись парни праздновать мальчишник. Кому в голову пришло устраивать мальчишник во вторник, я не знала. Парни быстро напивались, и по тому, как они себя вели (подмигивали мне, называли «малышкой», толкали друг друга локтями и усмехались каждый раз, когда я была рядом), я поняла, что с ними будут проблемы. На самом деле, для вторника ночь была многолюдной. Все столики были заняты, в зале стояло несколько мужчин, а бар был набит в два ряда.

Сразу после полуночи моя зона превратилась из пьяной и глупой в пьяную и буйную, а я работала официанткой бара. Стойка официантки отделялась от остальной части бара двумя большими латунными перилами, которые шли по всей передней части бара и огибали заднюю. Я ждала заказ, и решила, что, хотя это были мои самые сексуальные шлющи туфли, я ненавидела их всем сердцем, потому что ноги убивали меня. Я устала как собака и с нетерпением ждала своих трех часов сна, когда Таня, еще одна официантка, скользнула рядом со мной.

Таня хотела танцевать у шеста. Она выглядела великолепно: копна темных волос, силиконовая грудь пятого размера и длинные ноги. Однажды она пробовала выйти на сцену, но оказалась ужасной танцовщицей; не только с двумя левыми ногами, но и без всякого чувства ритма, и когда она попыталась танцевать сексуально, ну, это невозможно описать, это просто выглядело неприглядно. Так плохо, что на нее с трудом можно было смотреть. Смити снял ее со сцены и выдал униформу. Это разбило ей сердце. Теперь она брала уроки сальсы в надежде попробовать еще раз.

— Я влюблена, — сообщила она мне.

— Правда? Здорово, — ответила я.

Она рассмеялась.

— Дурочка. Не по-настоящему. Больше похоже на вожделение. У моего столика сидит парень, таких здесь не часто увидишь.

Я оглянулась через плечо на ее зону, но вокруг толпились люди, и я не могла разглядеть

ни один из ее столиков.

— Где он?

Толпа чуть сдвинулась, и я замерла, увидев сидящего в одиночестве Эдди, он вытянул перед собой ноги и скрестил их в лодыжках. Его руки были скрещены на груди. Перед ним стояла бутылка пива, лицо было безразличным, а глаза устремлены на сцену. Он смотрел на сцену так, как, я бы предположила, мог бы смотреть ситком, словно ему все равно.

— Срань господня! — прошипела я, отворачиваясь.

— И не говори! — согласилась Таня. — Разве он не секси?

Нет.

Нет, нет, нет, нет.

Этого не могло быть.

— Джет, ты в порядке? — спросила Таня.

Что мне делать?

Уйти я не могла, мне нужны были чаевые и зарплата за отработанные часы, а Смити сошел бы с ума.

Остаться я тоже не могла, потому что Эдди увидит меня в униформе «Смити», а об этом даже думать было невыносимо.

— Я его знаю, — сказал я Тане.

— Знаешь? Кто он?

— Облей его пивом, переверни на него стол. Сделай что угодно, но заставь уйти, — взмолилась я.

— От него жди беды? — спросила она, глядя в сторону столика Эдди.

— Не смотри! — рявкнула я, хватая ее за щеки и заставляя посмотреть на меня.

— Он причинил тебе боль или что-то в этом роде? — спросила она искаженным голосом из-за стиснутых моей хваткой щек, и я отпустила ее.

— Нет, он просто... я... черт!

Мне пришлось это сделать, я была в костюме шлюхи, и Эдди сидел в клубе. Так быстро, как только могла, я рассказала ей историю своей жизни, опуская подробности, но, по сути, рассказывая о моей проблеме с уверенностью, о моей влюбленности и о том, что происходило в последние несколько месяцев.

— Что с тобой не так? — удивилась Таня, уставившись на меня так, словно я сошла с ума. — Иди к нему, подруга.

— Ты не понимаешь.

— Нет, не понимаю, и я не буду обливать его пивом, хотя мне бы хотелось увидеть его в мокрой футболке. Ты потрясно смотришься в этом наряде, и тебе не стоит стыдиться. У тебя новая убийственная прическа, и он, очевидно, здесь, чтобы увидеть тебя, потому что ясно, что его не интересует то, что происходит на сцене. Так что он должен тебя увидеть.

— Таня.

— Не-а. — Она покачала головой и указательным пальцем, схватила поднос и с важным видом удалилась.

Прекрасно.

Я забрала готовые напитки, и следующий час провела, прячась от Эдди, обходя его стороной, загораживаясь от него толпой. Я даже не смотрела в его сторону, хотя это требовало сверхчеловеческих усилий.

Я обслуживала мальчишник, выгружая им очередной поднос с выпивкой, когда

повернулась и случайно взглянула на столик Эдди. Теперь за ним сидели четыре парня, которые пили пиво, смотрели на сцену и поправляли промежности.

Я вздохнула с облегчением. Эдди исчез.

Слава Богу.

Я уже собиралась направиться к бару, но остановилась.

Эдди, облокотившись на стойку, стоял у бара.

Времени среагировать у меня не было, потому что он начал оглядываться по сторонам, посмотрел мимо меня, затем его голова вернулась назад, и глаза остановились на мне. Даже в тусклом свете я увидела, как его брови сошлись у переносицы, и он выпрямился, отойдя от бара.

Тогда я поняла, почему он до сих пор меня не заметил; все дело было в новой прическе. Он, вероятно, видел меня, но не узнал.

— Зараза, — буркнула я.

В этот момент моя удача, которая никогда не относилась ко мне благосклонно, решила повредничать.

Я почувствовала, как чья-то рука опустилась мне под колено и скользнула вверх по бедру, почти к краю микро-юбки.

Я резко обернулась.

— Никаких рук, — рявкнула я Холостяку № 1, тому, кого отметила как типа, за которым нужно присматривать. Он пялился на меня похотливыми глазенками, и не понравился мне с первого взгляда.

— Эй, малышка, почему ты не наверху? — Он указал на сцену. — Ты бы задала там жару.

Я начала уходить, но меня схватили за фартук и потянули назад.

Я обернулась.

— Я сказала: никаких рук. — Я огляделась в поисках Ленни или кого-нибудь из других вышибал, но никого не увидела. Клуб был переполнен.

— Ты ушла без чаевых, — сказал Холостяк № 1.

Он показал полтинник.

Пятьдесят долларов были ох*енно отличными чаевыми и, определенно, стоили того, чтобы сказать слово на букву «х». Даже танцовщицам не часто перепал полтинник.

Я подошла, чтобы взять банкноту, но он отдернул руку.

Сложил ее вдоль пополам.

— Хочу, чтобы ты взяла ее зубами.

Затем сунул банкноту в молнию брюк.

Козлина.

Мой взгляд переместился на него, и я ничего не могла с собой поделаться, пятьдесят долларов или нет, но мои губы презрительно скривились.

— Я так не думаю.

Я повернулась, чтобы уйти, но он схватил меня за талию, рывком усадил себе на колени и крепко обнял. Другой рукой он сунул полтинник мне между грудей.

Это последнее, что он сделал самостоятельно.

Следующее, что я помню, как рука обхватила мое запястье, и Эдди рывком поднял меня с колен парня. Сила притяжения и инерция моего тела отбросили меня от него на несколько футов, и я врезалась в нескольких парней, которые стояли вокруг. И все же я увидела, как

Эдди сдернул за шиворот Холостяка № 1 с места.

Затем схватил его за воротник и ударил кулаком в лицо. Это было некрасиво, и я поморщилась. Послышался хруст костей.

Другие парни с мальчишника повскакивали со своих мест на защиту приятеля, и весь ад вырвался на свободу.

Несколько парней попытались наброситься на Эдди, но он не сводил глаз со своей цели, все еще держа Холостяка № 1 за ворот, снова нанося удар ему в лицо.

Это все, что я успела увидеть. Толпа толкала и теснила меня назад, пока я покачивалась на своих туфлях Госпожи. Ко мне прорвался Ленни и быстро вытащил из разрастающейся драки. Все началось с Эдди и мальчишника, но теперь пошло по нарастающей.

Я увидела, как одного парня из мальчишника швырнули на сцену. Он чуть не врезался в танцующую там Джджо. Она взвизгнула, и все девочки разбежались, а затем исчезли за сценой.

Я хотела попытаться добраться до Эдди, но Таня схватила меня за руку, сунула мне в руки сумочку и потащила к входной двери. Другие официантки и некоторые танцовщицы стояли снаружи, пользуясь возможностью потасовки, чтобы перекурить, а некоторые клиенты, шатаясь, выбирались из столпотворения и уходили прочь.

— Святое дерьмо! Ты видела? — спросила Таня. — Я наблюдала за всем этим. Ты загораживала того мудака, так что твой горячий парень не мог видеть сцену с деньгами. Однако в ту минуту, когда этот придурок усадил тебя к себе на колени, твой парень отшвырнул троих мужиков со своего пути, чтобы добраться до тебя. Это было круто! — крикнула она, явно взволнованная.

Я почувствовала, как по мне пробежал трепет от мысли, что Эдди сделал это ради меня. Подъехали три патрульные машины, копы вошли, клиенты вышли, а мы стояли и ждали, когда все утихнет, чтобы закрыть заведение.

Эдди вышел с мужчиной в форме, оглядел толпу и уставился на меня. Он что-то сказал полицейскому и направился ко мне. На его белой футболке была кровь, но, слава Богу, не похоже, что его. Глаза сверкали даже в тусклом свете вывески клуба и уличных фонарей. Когда он подошел ближе, я заметила, что костяшки его пальцев были в крови, и предположила, что частично она принадлежала ему.

Не задумываясь, я схватила его за руку и уставилась на нее, затем, все еще не отпуская, посмотрела на него.

— Нужно принести тебе льда, — сказала я.

Эдди не успел ответить, потому что к нам неуклюже подошел Смити.

— Сколько раз я должен повторять вам, сучки: никаких парней? — стал кричать он на меня. — Черт, девочка. Ты гребаная заноза в моей гребаной заднице. Ты знаешь, сколько урона нанес этот крутой ублюдок? — Он повернулся к Эдди. — Я понял, что с тобой будут проблемы, как только ты, мать твою, вошел.

— Он не мой парень, — сказала я Смити, и Смити повернулся ко мне.

— Чушь собачья. Джет, ты моя должница. Мне нужно заменить расхераченную мебель. Завтра вечером выступаешь у шеста.

— Один из клиентов лапал ее. Где были твои вышибалы? — спросил Эдди странно тихим голосом, отчего стало необъяснимо страшно.

— Парни были заняты, народу было полно, — ответил Смити. — Джет может сама о себе позаботиться.

Эдди двинулся так, что это выглядело откровенно угрожающе, хотя я все еще держала его за руку. Смити заставил себя подняться.

— Он удерживал ее у себя на коленях, запустив руку ей под кофточку, — сказал Эдди.

Взгляд Смити стал жестким.

Никто не приставал к его девочкам. Правило «смотри, но не трогай» очень строго соблюдалось у Смити.

Он повернулся ко мне.

— Серьезно?

Я кивнула.

— Твою мать, Джет. Если бы ты была у шеста, мы бы, бл*ть, могли это контролировать. Ты не годишься для работы официантки. Ты должна танцевать у шеста, если не для своего, то для моего гребаного спокойствия.

— Другие девочки пусть танцуют.

— Они не такие, как ты. Твой образ девочки-соседки снесет мужикам крышу. Черт!

— Я не буду танцевать, Смити.

— Завтра же выходишь на сцену, — отрезал Смити.

Эдди понял, о чем мы говорим, и весь напрягся. Этого нельзя было увидеть, только почувствовать, и открытая угроза в адрес Смити стала явно враждебной.

— Она не выйдет на сцену.

Смити перевел взгляд с Эдди на меня, потом снова на Эдди.

Он вздохнул и покачал головой.

— Ты заноза в моей гребаной заднице, — сказал мне Смити.

— Я уволена? — спросила я, опасение, что я, в конце концов, переступила черту, разрывало меня изнутри.

— Ни хрена ты не уволена. Мы ссоримся два раза в год. Это должно было случиться, — сказал Смити, подходя ко мне сзади и, дернув завязки фартука, стянул его с меня. Затем вернулся и указал в меня пальцем. — Но держи своего гребаного парня подальше отсюда.

— Он не мой парень! — крикнула я в спину удаляющегося Смити.

Прозвучало довольно глупо, потому что я до сих пор держала Эдди за руку, и, возможно, это выглядело именно так.

Эдди повернул ладонь, его пальцы обхватили мои, и потянул меня вперед.

— Где твоя машина? — спросил он.

— Меня подвезла Джоджо.

Он немедленно сменил направление.

— Куда мы идем? — Я потянула его за руку, чтобы либо выдернуть свою из его хватки, либо чтобы заставить его остановиться, либо и то и другое.

Ничего не получилось, и Эдди продолжил идти.

— Мне нужно заехать в участок, а потом я отвезу тебя домой.

О, нет, я не могла позволить ему отвезти меня домой.

— Эдди, я могу доехать с...

Он рывком остановил меня и одарил таким взглядом, что я закрыла рот. Затем снова зашагал, таща меня за собой.

Мы подошли к блестящему красному «Додж Рэму». У него на крыше даже были установлены крутые габаритные огни. Эдди открыл для меня пассажирскую дверцу, и я попыталась грациозно забраться на высокое сиденье пикапа, учитывая короткую юбку и

шлюшьи туфли. Мне это удалось, но с трудом.

— Почему бы тебе сначала не отвезти меня домой? — спросила я, когда он сел в машину.

— Потому что я упустил возможность поговорить с тобой сегодня днем. Так что, несмотря на то, что уже почти два гребаных часа ночи, ты впервые в моем полном распоряжении и ответишь на несколько вопросов.

Я пристегнула ремень безопасности (безопасность — прежде всего), а затем скрестила руки на груди. У меня не было времени на разговоры с Эдди (не говоря уже о том, что я не хотела с ним разговаривать). Мне нужно поспать. У меня не будет целого выходного до воскресенья, то есть...

Я слишком устала, чтобы считать, но до сна оставалось еще слишком много дней.

Я попыталась отговорить его от разговора.

— Не понимаю, почему ты так мной интересуешься. Я обычная тихоня. Понимаю, ты не хочешь, чтобы я навлекла беды на магазин Инди, но...

Он завел пикап, пока я говорила. Услышав мой комментарий, он повернулся ко мне, положив руку на руль.

— К Инди это не имеет никакого отношения. И мне очень не хочется тебя расстраивать, но ты совсем не обычная.

Моя голова слегка дернулась, и я уставилась на него.

— Нет, обычная! Я самая нормальная, рядовая, среднестатистическая девушка.

Он отрицательно покачал головой.

— Нормальная, рядовая, среднестатистическая девушка не работает в стрип-клубе. Не выслушивает причудливых серенад от своего отца в книжном магазине. Не превращается в новую девушку всякий раз, когда что-то делает со своей прической или макияжем. И не охраняет каждую кроху личной информации о своей жизни, будто государственную тайну.

— Я не охраняю каждую кроху личной информации! — огрызнулась я.

— Тогда расскажи мне что-нибудь личное, — парировал он.

Я пыталась найти в себе что-нибудь интересное. Но была слишком уставшей и взволнованной, и, в любом случае, во мне не было ничего интересного. Поэтому выпалила первое, что пришло в голову:

— Мой любимый цвет — зеленый.

Он отвернулся от меня, включил передачу и сказал:

— Не считается.

— Почему это?

Он выехал на бульвар Колорадо.

— Любимый цвет — не часть личной информации.

— Неправда.

— Ладно, тогда любимый цвет — это скучная часть личной информации, которая ничего мне о тебе не говорит.

Я сдалась и отвернулась к окну. Это казалось хорошим способом избежать разговора.

Мы молчали всю дорогу до полицейского участка.

Когда Эдди припарковался, я спрыгнула с грузовика, желая, чтобы мои шлюшьи туфли отправились в ад. Он подошел, снова взял меня за руку, и мы вошли в участок.

Я никогда в жизни не попадала в полицейский участок. Там было чище, чем я ожидала, и совсем не походило на полицейский участок из сериала «Полиция Нью-Йорка». Эдди

провел меня по коридорам и затащил в комнату с запирающимися шкафчиками. Открыл один, очевидно, свой, вытащил фланелевую рубашку и протянул ее мне.

— Надень.

Очень мило с его стороны. Не только потому, что я замерзла, но и потому, что я не носила форму «Смити» нигде, кроме как в «Смити», и его рубашка прикрыла бы меня.

Натянув рубашку, я ощутила аромат Эдди. Тогда я пришла к выводу, что рубашка — не очень хорошая идея. Аромат, исходящий от Эдди, достаточно тревожил. Но носить на себе аромат Эдди было слишком хорошо.

Возможности возразить мне не представилось. Он снова взял меня за руку и повел в другую комнату, большую, почти темную и заставленную столами. Там работал один парень: печатал на компьютере. Он поднял глаза, когда мы вошли, и его взгляд остановился на окровавленной футболке и костяшках пальцев Эдди.

— Тяжелая ночь? — спросил он.

— Да, — ответил Эдди, не приглашая к дальнейшему разговору.

Взгляд парня переместился на меня.

— Похоже, ты победил.

Эдди не ответил, подвел меня к дивану и повернулся ко мне.

— Жди здесь. Вернусь через пять минут. — Затем он исчез.

Я сидела на диване, а парень наблюдал за мной.

— Небольшая драка в баре, — объяснила я.

— Да, я слышал.

— Она началась по уважительной причине. — Не знаю, почему, но я решила защитить Эдди.

— Эдди начал? — спросил он.

— Да.

— Причина — ты?

Я прикусила губу, а затем ответила:

— Да.

— Достаточно веская причина.

Он вернулся к работе, и я воспользовалась возможностью выудить пятьдесят баксов из своего декольте. Нелегкое завоевание. Наверное, мне следовало бы отдать их Эдди за те неприятности, которые я ему причинила, но они были мне слишком нужны. Я убрала их в бумажник и стала ждать.

Я все ждала, ждала и ждала.

Потом посмотрела на диван и предположила, что он выглядит очень удобным. Поэтому в исследовательских целях решила проверить, насколько. Итак, я растянулась на нем и через несколько минут заснула мертвым сном.

Я проснулась от запаха Эдди.

На секунду мне показалось, что я все еще сплю, но я почувствовала солнечный свет на сомкнутых веках, поэтому открыла их. При виде незнакомой обстановки, я резко села в постели.

Я лежала на двухспальной кровати с клетчатыми простынями и темно-синим одеялом. В комнате был комод с кучей вещей сверху, деревянные полы без ковров, стены цвета мокко без картин, одна тумбочка с будильником, телефоном и какой-то мелочью. На полу я

увидела свою ярко-красную микро-юбку, сумочку и шлюшьи туфли, а рядом — джинсы, ковбойские сапоги и окровавленную белую футболку.

— Дерьмо!

Я вскочила с кровати и оглядела себя. На мне были черные хлопчатобумажные трусики-бикини, топ «У Смити» и фланелевая рубашка Эдди.

Я посмотрела на будильник. 11:45.

— Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! — воскликнула я и побежала к микро-юбке.

Я не только сильно опаздывала в «Фортнум», но и не позвонила маме. Она ужасно волнуется. Свой мобильный я оставила в фартуке (вместе с чаевыми), а Смити забрал его.

Мне нужно немедленно найти телефон, чтобы сообщить ей, что со мной все в порядке. Потом позвонить Инди. Потом придется вызвать такси. И убираться отсюда к чертовой матери.

Я натянула микро-юбку, стараясь не думать о том, как добралась из полицейского участка до дома Эдди, до кровати Эдди и частично разделась. Оглянувшись на кровать, я увидела, что вмятина была только на одной подушке. А также, что на другой подушке лежала записка. Я подбежала к ней во все еще расстегнутой юбке и схватила ее.

«Ушел на работу. Когда встанешь, позвони мне». И номер его телефона.

— Черт!

С заведенными за спину руками, застегивая на бегу юбку, я добралась из спальни до коридора и врезалась головой в Эдди.

Я отлетела на шаг назад, но могла оказаться и дальше, если бы Эдди меня не поймал.

— Ты проснулась, — заявил он очевидное.

Я посмотрела на него снизу вверх.

— Мне нужно воспользоваться твоим телефоном.

Ни приветствия, ничего. Я была близка к истерике, и Эдди, должно быть, почувствовал это, потому что ничего не сказал, вышел из коридора и скрылся в гостиной. Я последовала за ним, заканчивая застегивать молнию на юбке. Он взял беспроводной телефон и протянул мне.

Я тут же схватила его и, склонившись над кнопками, отошла в сторону и набрала домашний номер.

Мама ответила после первого гудка.

— Мам?

— Джет! Боже, я ужасно волновалась.

— Ты в порядке? — перебила я.

— Нет, не в порядке, я ужасно волнуюсь. Где ты? Ты в безопасности?

— Да, я в безопасности. Прости. Я оставила телефон в фартуке, а в клубе кое-что произошло, и я заснула в полицейском участке.

Что я несла? Ей не нужно этого знать, из-за меня у нее случится еще один удар.

— Что? В полицейском участке? — повысила голос мама.

— Ерунда, не обращай внимания. Я скоро буду дома.

Но я услышала, как кто-то перехватывает трубку, а потом раздался голос Трикси.

— Джет! Где ты? Твоя мама ужасно волновалась. Что там с полицейским участком?

Я закрыла глаза, переполненная облегчением от того, что мама не одна. Я опустилась на диван, наклонилась вперед, облокотилась на колени и обхватила голову руками.

— Трикси, я так рада, что ты там. С мамой все в порядке?

— Нет, она не в порядке, мы обе не в порядке. Ты не пришла домой ночевать.

— Знаю. Прости. С ней все хорошо? Она смогла добраться до ванной, позаботиться о себе?

— Да. Она проснулась, пошла в твою комнату и увидела, что ты не ночевала дома, поэтому позвонила мне. Я пришла и позаботилась о ней.

— Она позавтракала?

— Да.

— Ты смогла ее одеть?

— Да! Где ты? Ты не отвечала на мобильный. Мы позвонили в книжный магазин; они не знали, где ты. В клубе никто не отвечал. Мы до смерти перепугались.

Затем до меня дошло, где я нахожусь, я вскинула голову и посмотрела на Эдди. Он стоял, прислонившись плечами к стене, скрестив руки на груди, и наблюдал за мной.

Дерьмо.

Я снова посмотрела на свои колени.

— Я у Эдди.

Тишина.

— Трикси?

Я услышала, как она сказала, не в трубку:

— Она у Эдди.

Телефон снова перехватили, и мама спросила:

— Ты у Эдди? — голос звучал одновременно обнадеживающе и излишне любопытно.

Ни то, ни другое не сулило ничего хорошего.

— Это долгая история. Расскажу позже. Слушай, мам, я вернусь домой, как только смогу.

— Нет-нет, не спеши. Мы в порядке. Скоро придет Ада, а Трикси удалось перенести своих клиентов. Не торопись.

Я закрыла глаза и помолилась о божественном вмешательстве.

Подождала немного, но ничего не произошло.

Полагаю, Бог был занят войнами, голодом и тому подобными глобальными проблемами.

— Мам, я буду дома, как только смогу. Хорошо?

— Тебя отвезет Эдди?

— Не знаю.

— Ты нас познакомишь?

— Не знаю. Ладно, мам, мне нужно идти.

— Хорошо, куколка, — сказала она, ее голос полностью изменился с раздраженной матери на грани до приторно сладкого. — До скорого.

Я отключилась и посмотрела на Эдди.

— Нужно позвонить Инди.

— Я звонил ей перед возвращением домой. Она не волнуется. Ее персонал приходит и уходит, когда им заблагорассудится.

Но не я, потому что работала по утрам. Я была нужна ей в часы пик, и именно тогда я на нее работала. Я никогда не опаздывала к Инди.

Я встала с дивана, поставила телефон на базу и прошла через комнату, мимо Эдди, в спальню. Подняла с пола шлюшьи туфли и села на край кровати.

— Твоя мама в порядке?

Я посмотрела в сторону Эдди, прислонившегося к дверному проему.

Нагнувшись, я начала надевать туфли.

— Да. С ней Трикси, и скоро придет Ада.

Следующее, что я помню, как Эдди присел передо мной на корточки и забрал мои туфли.

Я резко вскинула голову вверх.

— Эй!

— Я хочу, чтобы ты вернулась в постель, — заявил он.

— Что? — взвизгнула я, наполовину взбешенная, наполовину рассерженная, спрыгнула с кровати, из-за чего оказалась менее чем в футе от него.

— Ложись обратно в постель, — повторил он.

— Я не могу вернуться в постель. Мне нужно на работу.

Я начала обходить его, но Эдди повернулся и бросил туфли на их прежнее место. После этого, он повернулся обратно и вытянул руку, блокируя меня.

— Я донес тебя из участка до грузовика, из грузовика до кровати, снял с тебя юбку и туфли, и ты все это время спала как убитая. Работа может подождать. Тебе нужно отдохнуть.

Я не могла думать об Эдди, который нес меня на руках, или раздевал, или о тех ощущениях, что возникли в животе от всего этого, поэтому я не стала об этом думать и сосредоточилась на текущей драме.

— Работа не может ждать. Мне нужны деньги.

— Сколько ты ему дала?

Я уставилась на Эдди.

— Кому?

— Своему отцу. Сколько ты ему дала?

Мое давление взлетело до небес.

— Это не твое дело, — огрызнулась я.

Он сделал небольшой шаг вперед, заставив меня отступить. Мои ноги ударились о кровать, мне некуда было отступить, а Эдди стоял в нескольких дюймах от меня.

— Отойди, — сказала я.

— Я спросил, сколько ты ему дала, — повторил Эдди.

— Отойди!

— Сколько?

— Пятьсот долларов, доволен?

Я сдалась. Должна была, он теснил меня, а мне некуда было деться, и я очень нуждалась в пространстве для маневров.

— Я дам тебе пятьсот долларов, чтобы ты вернулся в постель.

У меня отвисла челюсть, и я не смогла вымолвить ни слова. Да и что тут скажешь.

— Я абсолютно серьезен. Ложись в постель, и я дам тебе пятьсот долларов. Я вернусь на работу. А ты отдохни, ешь все, что захочешь в моем холодильнике, смотри телевизор, мне плевать. Но сегодня ты не пойдешь на работу. Сегодня ты ничего не будешь делать.

Я не могла поверить своим ушам, главным образом потому, что он говорил невысказанные вещи.

— Я не возьму твои деньги и не собираюсь отдыхать, у меня дела.

— Какие дела?

— Дела! Понятно? А теперь отойди.

Я положила руки ему на грудь и толкнула.

Он не пошевелился.

Замечательно.

Я уперла руки в бедра и уставилась на него.

— Мне нужно домой.

Он не двигался, не говорил, ничего не делал, просто смотрел на меня неподвижным взглядом.

Я закрыла глаза и мысленно сделала вдох.

— Ты знаешь, чем я зарабатываю на жизнь? — спросил Эдди.

Я снова открыла глаза и в недоумении моргнула.

— Да. Ты полицейский, — ответила я.

— Я детектив.

— Ладно, — сказала я, так как не знала, что еще сказать.

— Джет, моя работа состоит в том, чтобы сложить два и два и получить четыре.

— И что? — спросил я, не понимая, к чему он клонит, и, думая, что это странный поворот в разговоре.

Его глаза потеплели, он поднял руку и заправил прядь волос мне за ухо, а затем его ладонь обвила вокруг моей шеи сбоку.

— Я только что получил четыре, — тихо сказал он.

Я не могла увлечься Эдди, его теплыми темными глазами, тихим голосом или тем фактом, что он только что разгадал меня. Я подумаю об этом позже. В моей жизни наступил хаос, и мне нужно было сосредоточиться, а рядом с Эдди я не могла этого сделать. Это было невозможно.

— Эдди, мне нужно домой, — сказала я голосом, который сообщал, что я не шучу.

Он посмотрел на меня мгновение. Затем его большой палец оторвался от моей шеи, погладил меня по щеке и Эдди сказал:

— Я отвезу тебя домой.

Он пересек комнату, поднял мои туфли и принес их мне. Я снова села на кровать и молча их надела. Я подхватила с пола сумочку. Эдди вывел меня через заднюю дверь, помог сесть в свой грузовик и отвез домой.

*Покой за деньги не купишь
(даже если бы они у меня были)*

Когда Эдди заехал на стоянку моего многоквартирного дома, я увидела, как эвакуатор цепляет мою машину. Эдди тоже это увидел.

Я спрыгнула с грузовика, поморщившись, когда все еще гудящие ноги запротестовали, и посмотрела в сторону эвакуатора. Эдди обошел грузовик с моей стороны, не сводя глаз с эвакуатора.

Друг Смита, кажется, все в том же промасленном синем комбинезоне, что и вчера, занимался буксировкой. Увидев меня, он слегка махнул рукой. Я помахала в ответ.

— Ты его знаешь? — спросил Эдди.

— Это моя машина. У меня с ней небольшие проблемы.

Эдди перевел взгляд на меня.

— Небольшие проблемы с машиной можно решить, «прикурив» ее. Буксировка — это уже серьезные проблемы, — сказал он.

Я пожалала плечами. Я не собиралась спорить об этом. Вероятно, я бы проиграла, в основном, потому, что он был прав, и я старалась не думать о том, что будут означать «серьезные проблемы».

Я направилась к зданию, остановилась у входной двери и повернулась.

— Спасибо, что подбросил до дома, — сказала я Эдди, давая понять, что дальше входной двери ему не пройти.

Он посмотрел на двери, потом на меня, затем уголки его губ слегка приподнялись, и он покачал головой.

— «Просто Джет» — моя задница, — пробормотал он.

— Что?

— Ничего.

Я услышала его. Но тоже не собиралась спорить по этому поводу. Меня не каждый день держали на острие ножа, и я не участвовала в драках в баре, но я не собиралась на это указывать. Не многие девушки стали бы изо всех сил отстаивать то, какими скучными они были на самом деле, особенно перед такими парнями, как Эдди. В любом случае, пойдя по этому пути, битву мне не выиграть.

Он достал из заднего кармана бумажник и протянул мне визитку, засунув бумажник обратно.

— Тебя нужно подвезти, звони мне, — сказал он.

Я не взяла визитку.

— Со мной все будет в порядке.

— Джет.

— Я серьезно. Со мной все будет в порядке.

Внезапно он сделал три шага вперед, загоня меня в угол козырька над входной дверью. Я ударилась спиной о стену и остановилась, а Эдди подошел ближе.

Я посмотрела на него, чтобы возразить, но, увидев, как свирепо блестят его глаза, промолчала.

— Тебе предлагают что-то хорошее, ты принимаешь это.

— Со мной все будет в порядке, — повторила я, сама немного разозлившись.

— Кажется, совершенно ясно, что с тобой не все в порядке. Ты работаешь на двух работах; одна из них небезопасна. У тебя нет времени на сон. У тебя нет машины. Ты заботаешься о своей маме, которая не здорова. Твой отец врывается в город, обчищает твой банковский счет и делает тебя мишенью бандита. Это не «в порядке».

— Все наладится.

— Когда?

— Не знаю, но я должна в это верить, потому что если не буду...

Проклятье!

Глаза наполнились слезами; я прикусила губу и отвернулась. Сейчас было не время терять хладнокровие. Только не перед Эдди.

— Мне нужно домой, — сказала я и оторвалась от стены. Я должна уйти от него.

Но мне не удалось, потому что Эдди обхватил меня и притянул к себе.

Я удивленно посмотрела на него и увидела, как его взгляд потемнел.

Я напряглась, когда наши тела соприкоснулись от груди до бедер. Меня пронзил электрический разряд, я попыталась отстраниться, но Эдди одной рукой скользнул вверх по моей спине, удерживая в нужном положении, одновременно опуская голову и целуя.

Это был худший поцелуй в мировой истории. Я не могла поверить, что он целует меня. Сексуальный красавец Эдди Чавес целует меня, скучную простушку Генриетту Луизу Макалистер. Я испугалась и вся напряглась, и это было не очень хорошее сочетание.

Он поднял голову и посмотрел на меня сверху вниз.

Я почувствовала, как вспыхнуло лицо.

Такой плохой поцелуй был унижительным, и я знала, что это все моя вина. Я была бы счастлива побежать навстречу разъяренному слону. Танцевать в стрингах у Смити. Да, что угодно, только не быть сейчас здесь.

Эдди ничего не сказал, просто наблюдал за мной, а я начала извиваться, чтобы вырваться, но он держал крепко.

— Давай попробуем еще раз, — пробормотал он.

— Нет, я не... — начала я, а затем его губы накрыли мои.

Так как я говорила, когда его губы соприкоснулись с моими, мой рот был открыт, и его язык сразу же скользнул внутрь.

Боже милостивый.

В тот момент, когда наши языки соприкоснулись, желудок скрутило, кости превратились в воду, и я растворилась в нем. Мои руки обвились вокруг его шеи, пальцы скользнули в его волосы, я наклонила голову вбок, и пропала.

Его руки скользнули мне под рубашку, я почувствовала, как они движутся по спине, и задрожала. Я теснее прижалась к нему, запустила одну руку в его волосы, а другую опустила вниз, вытянула его футболку из джинсов, а затем проникла под нее, ведя ладонью по его спине. Теплая кожа казалась аппетитной. На самом деле, поцелуй был абсолютной вкуснятиной, и я хотела, чтобы он длился вечно.

— Боже, Джет, сними комнату.

Я подпрыгнула и отстранилась; объятия Эдди ослабли (хотя не сильно, он не отпустил меня). Мы с Эдди обернулись и увидели АрДжи, одного из моих соседей, выезжающего из парадной двери на инвалидной коляске.

Лицо словно опалило огнем.

Тело тоже.

— Привет, АрДжи, — поздоровалась я, все еще пытаюсь прийти в себя после поцелуя. Это было тяжело, учитывая, что Эдди не отпускал меня.

— Чего это за чувак? — спросил АрДжи, глядя на Эдди.

Эдди, все еще обнимая меня, оглянулся через плечо.

— Этого чувака зовут Эдди. Эдди — АрДжи, АрДжи — Эдди, — представила я чувствуя себя полной идиоткой. Я вытащила руку из-под футболки Эдди, но теперь сжимала ткань сбоку, опасаясь, что ноги подогнутся, если я не буду держаться изо всех сил.

Эдди кивнул АрДжи, давая понять, что АрДжи нас прервал.

При любых других обстоятельствах я могла бы счесть это забавным. Мы с Эдди обнимались у входа в многоквартирный дом среди бела дня, и Эдди уставился на АрДжи, будто тот нарушил наше право на частную жизнь.

Однако в тот момент мне это не показалось смешным.

В отличие от АрДжи, чье лицо расплылось в широкой улыбке.

— Боже, Джет, ты всегда умела развлечь.

Великолепно.

Мне никогда не убедить Эдди, что я нормальная, рядовая, среднестатистическая девушка.

АрДжи положил руки в перчатках на колеса и покатился вперед.

— Пока, чуваки, — сказал он, поняв намек, и исчез.

Я снова посмотрела на Эдди, и он покачал головой.

— Я не целовался возле подъезда с... черт, я никогда не целовался возле подъезда.

Я улыбнулась, потому что он был забавным, и в ту минуту, когда я это сделала, выражение его глаз изменилось, и это заставило мои внутренности растаять.

— Иисусе, Джет, тебе следует делать это почаще, — сказал Эдди.

— Что?

— Улыбаться.

Это стерло улыбку с моего лица.

Ослабшие объятия Эдди стали крепче.

— Не-а, отступать некуда. Я завоевал позиции и не собираюсь терять их через две минуты.

— Мне нужно подняться наверх.

— Я позволю тебе подняться наверх, когда ты согласишься поужинать со мной сегодня вечером, — возразил Эдди.

Ой!

У меня не было возможности обдумать поцелуй Эдди, и я, определенно, не была готова к свиданию.

К счастью, у меня нашлось оправдание.

— Я не могу, сегодня у меня смена у Смити.

Эдди это не остановило.

— Завтра.

Черт, завтра у меня был выходной в «Смити».

Прежде чем я успела придумать благовидное оправдание, Эдди ухмыльнулся. Он знал, что я у него в руках.

— В шесть часов. Заеду за тобой сюда.

Он не дал мне возможности что-либо сказать, наклонился и коснулся губами моих губ. Я чувствовала его тело, прижатое ко мне, его руки, обнимавшие меня, его запах, и он только что прикоснулся губами к моим губам. Поэтому я потеряла способность мыслить.

Оторвавшись от моих губ, он спросил:

— Как ты доберешься сегодня до работы?

Я моргнула, избавляясь от Дурмана Эдди.

— Смити узнал об истории с ножом. Сказал, что обеспечит мне сопровождение, и, пока моя машина не на ходу, договорится с одним из вышибал, чтобы он возил меня на работу.

Эдди провел пальцами по моим волосам у виска, и, должна признать, это было приятно.

— Может, он не такой засранец, каким я его считал, — сказал Эдди.

— Он заботится о своих девочках, — возразила я.

— По крайней мере, один человек пытается присмотреть за тобой, хотя, если судить по вчерашнему, у него не очень хорошо получается.

— Прошлая ночь была случайностью, — попыталась успокоить его я.

— Прошлая ночь — это каждый вечер в стрип-клубе. Если ходить в такой одежде рядом с пьяными парнями, может случиться всякое дерьмо.

Я устала на него.

— Хочешь меня разозлить? — спросила я.

Его взгляд потеплел, но стал серьезным.

— Chiquita, я приму все, что смогу получить от тебя.

Я не знала, как на это ответить, поэтому вообще ничего не сказала и просто продолжила смотреть на него.

Эдди отпустил меня и протянул мне визитку.

— Мне нужно возвращаться на работу. Если тебе или твоей маме что-нибудь понадобится, позвони мне.

Я взяла визитку. Хотя я, вроде как, хотела повторить то, что произошло, когда я ее не взяла, но мне нужно было возвращаться к маме. Потом нужно было узнать, как там папа. Затем сделать миллион других вещей.

— Спасибо, Эдди, — просто сказала я.

Он улыбнулся, сверкнув ямочками, провел костяшками пальцев по моей челюсти, а затем ушел, и я, не оглядываясь, умчалась наверх.

* * * * *

Когда я вошла в гостиную, мама сидела в своем кресле у окна, а Ада стояла рядом с ней.

— Это Эдди? — спросила мама, не отворачиваясь от окна.

Я подошла к окну и увидела, что Эдди стоит и разговаривает с Мистером Засаленный Комбинезон.

— Да.

— Мексиканец или чернокожий? — спросила Ада, тоже не отрывая глаз от окна.

— Мексиканец, — ответила я, наблюдая за Эдди. Он надел зеркальные солнцезащитные очки и упер руки в бока, пока говорил. Выглядело очень круто и очень горячо.

— Он симпатичный, — сказала мама.

Только мама назвала бы Эдди «симпатичный». Он был, каким угодно, но только не симпатичным.

Эдди начал уходить и посмотрел на окна дома. Я отпрыгнула от окна так быстро, как только могла, не желая, чтобы он застал меня за тем, как я его разглядываю. У меня было

достаточно поводов для беспокойства из-за надвигающегося свидания, чтобы он еще и думал, что я какая-то влюбленная официантка, с тоской смотрящая на него из окна.

Мама и Ада все еще играли в любопытных соседок.

— Отойдите от окна, — велела я им.

— У него шикарный грузовик, — сказала Ада.

В этом она не ошиблась.

Ни одна из них не отошла от окна, и я могла поклясться, что видела, как Ада помахала Эдди.

Со стоном я направилась в ванную, потому что умирала от желания пописать. Взглянув на себя в зеркало, я тихонько вскрикнула. На лице все еще оставалась половина макияжа, и это была не лучшая половина. Одним словом: ужас. И Эдди целовал меня в таком виде.

Насколько это странно?

По крайней мере, моя сексуальная прическа сохранилась.

Умывшись, я прошла в свою спальню и надела джинсы и футболку. Свернула рубашку Эдди и засунула ее под подушку, на память. Я бы вернула ее, если бы он попросил, но если бы он этого не сделал, я бы украли ее, и плевать, что это говорит обо мне.

Затем я пошла на кухню перекусить и услышала, как сзади подъехала мама.

— Почему ты не пригласила Эдди подняться в квартиру? — спросила она.

— Ему нужно было на работу.

Мама проехала дальше на кухню.

— Мы видели, как вы подъехали. Вы оставались внизу очень долго. Достаточно, чтобы он смог подняться и познакомиться с твоей мамой.

Великолепно.

Она использовала высокомерный материнский тон, напоминая мне о моем невежливом поведении.

— Мы разговаривали, — объяснила я.

— Вы могли бы поговорить об этом наверху. Я бы приготовила ему чай со льдом, может, сэндвич. Я хорошо готовлю сэндвичи. Сейчас время обеда, все должны обедать, — заметила мама.

— Он занятой парень.

— Не настолько, чтобы у него не было времени поесть.

— Чем он занимается? — спросила Ада, подходя сзади к маме.

— Он полицейский, — сказала я ей.

Глаза Ады на морщинистом лице стали огромными.

— Правда? — выдохнула она, ее глаза забегали, вероятно, продумывая план, как бы ей пробраться в патрульную машину.

— Тебе стыдно, — выпалила мама.

Я перевела взгляд на маму и уставилась на нее.

— Что?

— Ты стыдишься меня. Вот почему не привела его сюда.

— Я не стыжусь тебя!

И я говорила правду, существовали гораздо более сложные причины, по которым я не пригласила Эдди, и они не имели ничего общего с тем, что я стыдилась своей мамы.

— Другой причины нет, — обвинила она.

— Я же объяснила, что ему нужно было идти на работу.

— Ты не хотела, чтобы он видел меня такой, — мама указала на кресло.

— Неправда.

— Я тебе не верю. Ты никогда никого не приводишь сюда. Я ничего не могу поделать с тем, какая я сейчас, но мне с каждым днем становится лучше.

— Дело не в этом, — возразила я.

— Тогда в чем?

— Мы целовались! — крикнула я.

Вот так.

Мама резко захлопнула рот, а ее взгляд стал сверкающим и мечтательным. Ада в явной радости сложила руки перед собой.

Нехороший знак.

— Дамы, спокойно, — предупредила я.

— Как я могу быть спокойной? Он симпатичный, у него хорошая работа и шикарный грузовик. Можно только порадоваться такому.

— И ему очень идут эти зеркальные солнцезащитные очки. Держу пари, большинство копов хотели бы выглядеть так в солнцезащитных очках, как твой Эдди, — вставила Ада.

Сначала я повернулась к Аде.

— Ада, милая, он не мой Эдди.

Затем я повернулась к маме:

— Причина, по которой ты не должна радоваться, в том, что он хороший парень, но и только, конец. Сначала, думаю, ему было любопытно, но теперь он...

Я не знала, что происходило теперь. Я должна была найти этому объяснение, его поцелую, его защите моей добродетели прошлой ночью, всему. Обычно я проворачивала это в своей голове, где было безопасно, а не вслух при маме.

Разум заметался в поисках объяснения.

Эдди был хорошим парнем, ради всего святого, он — полицейский. Я должна была его заинтересовать, особенно с тех пор, как начала проводить время с его друзьями. Теперь он узнал меня и, очевидно, хотел спасти. Хотя, я не возражала, если бы Эдди спас меня, но что произойдет после? Что произойдет, когда он поймет, что я неинтересная и неволнующая? Что случится, когда он узнает, что, на самом деле, я — Просто Джет?

Я не хотела этого знать.

— Он, что? — вырвала меня мама из моих мыслей.

— Ничего. Время покажет. Просто не радуйся, ладно?

Она кивнула, но вид у нее все еще был мечтательный.

Великолепно.

Я вспомнила о полтиннике в моем бумажнике.

— Ты несколько дней сидела здесь взаперти. Я свожу тебя на ланч в «Чипотл». Ада, ты поедешь? Я угощаю.

Ада улыбнулась.

— Я бы с удовольствием, я никогда никуда не выхожу.

— Хорошо, дамы, мы уезжаем.

Я обнаружила, что еда всегда была хорошим способом отвлечь людей от мыслей, в том числе, от красивых полицейских на шикарных грузовиках.

* * * * *

Я добралась до «Смити» вовремя, потому что Ленни забрал меня и отвез в клуб.

В ту минуту, когда Смити увидел меня, его глаза закатились к потолку, и он закричал:
— Это гребаное чудо!

Я улыбнулась ему, протягивая свою джинсовую куртку и сумочку, а он протянул мне фартук и конверт.

— Твой сотовый в кармане. В конверте чаевые за вчерашний вечер. Твой гребаный блохастый, поношенный свитер за стойкой бара.

— Спасибо, Смити.

Я открыла конверт и пересчитала купюры. Я вела подсчет чаевых, мысленно оплачивая счета и покупая продукты в ту же минуту, как получала деньги. Перебрав банкноты, я решила, что просчиталась, потому что, если мои расчеты верны, в конверте лежало на двести долларов больше, чем я ожидала, а это невозможно.

Я бы запомнила лишние двести долларов. Я бы запомнила лишние два доллара.

Вчера вечером клуб был полон, но посетители неохотно расставались с чаевыми.

Я пересчитала еще раз, и двести долларов никуда не делись.

— Смити, кажется, ты положил мне лишнее.

Голова Смити была повернута к сцене, не глядя на меня, он ответил:

— Нет. Это было в твоём фартуке после того, как я тебя рассчитал.

Я уставилась на него.

— Смити, здесь лишние двести долларов. Может, ты случайно дал мне...

Он повернул голову ко мне.

— Это было в твоём гребаном фартуке.

— Смити... — начала я снова.

Он поднял руку, и на его лице появилось странное выражение. Именно тогда я поняла, что он подсунул мне лишние деньги.

Я начала работать у Смити в те дни, когда маме все еще было плохо. Приходила после того, как навещала ее в больнице. Смити знал о маме и моей работе в «Фортнуме», а теперь узнал и о моей машине.

Мое сердце сжалось, глаза наполнились слезами, и я открыла рот, чтобы заговорить, но он наклонился ко мне.

— Не плачь, бл*ть, и не говори больше ни одного гребаного слова. Не хочу, чтобы это стало известно. Что касается тебя, то это твоя вчерашняя выручка. Ты, бл*ть, поняла меня?

Я кивнула.

— Хорошо, — сказал он, снова отворачиваясь от меня. — Приступай к работе.

Я надеялась на спокойную смену, и, похоже, все шло именно так. Работать после того, как проспешь всю ночь (и еще немного), — совершенно другое дело.

Перед тем как пойти на работу, и после обеда с мамой и Адой и уборки дома, я позвонила в папин отель на случай, если он все еще там, но мне сказали, что он выписался. Затем я позвонила Инди, и она согласилась с тем, чтобы я придерживалась своего графика (или нет, ей действительно было все равно, все приходили и уходили в «Фортнум», когда хотели, и каким-то образом это работало). Я спросила ее, заходил ли папа, но она сказала, что не видела его.

Ночь проходила без происшествий, и скоро клуб должен был закрыться. Я была полна энергии, чаевых за две ночи и щедростью Смити. Если бы я не находилась в зоне медленно нарастающего волнения, которое, вероятно, перерастет в истерику к моменту свидания с Эдди, я бы действительно расслабилась.

Я возвращалась с перерыва, выходила из туалета в задний коридор, когда меня схватили за руку и оттащили назад.

— Эй! — крикнула я, оборачиваясь, готовая закричать, когда увидела папу.

Нехорошо.

Я не хотела, чтобы отец знал, что я работаю в баре с сиськами, и я очень-очень не хотела, чтобы он видел меня в униформе «Смити».

— Папа, что ты здесь делаешь?

— Джет, я не хотел втягивать тебя в это, но у меня нет выбора. — Он посмотрел в конец коридора, явно в панике.

— Папа, что происходит?

Он потащил меня по коридору к пожарному выходу в задней части клуба.

— Мы должны уходить.

Я вырвала руку из его хватки и сказала:

— Я не могу уйти, я работаю. Расскажи, что происходит.

Для рассказа у него не было возможности, так как мы оба услышали, как кто-то в другом конце коридора позвал папу по имени.

Папа толкнул меня за спину, и мы оба посмотрели в конец коридора на Ловкача.

— Тебя трудно найти, — сказал Ловкач.

При этом я поняла, что папа не провел последние два дня в поисках Ловкача и не разобрался с проблемой, как обещал. Папа провел их, прячась от Ловкача.

— Нам есть о чем поговорить, тебе и мне, — сказал Ловкач.

— Хорошо. Конечно. Мы поговорим. Давай вернемся в клуб, — ответил папа.

Папа загородил меня своим телом, чтобы Ловкач не смог до меня добраться.

— Не в клубе, здесь. Разговор продлится около двух секунд после того, как ты отдашь мне тридцать тысяч, которые ты мне должен.

О... мой... Бог.

Тридцать тысяч долларов?

Я почувствовала, как желудок упал в пятки.

Папа вытянул руки ладонями вверх.

— У меня их с собой нет, Ловкач. Кто таскает с собой такие бабки? Я схожу за ним и...

— Да, — согласился Ловкач, глядя на меня поверх папы. — Ты иди за деньгами, а я пока возьму с собой твою хорошенькую малышку, и мы немного повеселимся.

Мое сердце присоединилось к желудку.

— Ловкач, послушай... — сказал папа.

Ловкач вытащил нож.

— Хватит с меня болтовни.

Потом все произошло так быстро, что у меня не было времени подумать.

Папа оттолкнул меня, крикнув:

— Беги!

Я бы побежала (может быть), но вместо этого пошатнулась на высоких каблуках своих шлюшьих туфель (на этот раз, это были черные босоножки в стиле сороковых годов с открытыми мысками и тонким ремешком на лодыжке) и со всего размаху шлепнулась на задницу.

Папа бросился вперед, и я увидел вспышку лезвия.

Я не думала. Вскочив на ноги и вереща во всю глотку, тоже ринулась вперед. Папа резко

развернул Ловкача, борясь с ним за нож, и Ловкач оказался спиной ко мне. Я запрыгнула на него, обвила руками за шею, обхватила ногами за талию и сжала так сильно, как только могла.

Ловкач оторвался от папы, попятился назад и сильно впечатал меня в стену, моя голова откинулась назад и ударилась о стену.

— Не трогай мою девочку, — крикнул папа и снова бросился вперед.

— Уходи, папа. Убирайся отсюда! — орала я.

Внезапно появилась тьма народа. Я цеплялась в Ловкача мертвой хваткой, а он метался из стороны в сторону, пытаюсь сбросить меня. Вокруг раздавались мужские и женские крики, я чувствовала на себе чьи-то руки, пытающиеся стащить меня с Ловкача.

Затем Ловкач развернулся и начал беспорядочно махать ножом, и все отскочили назад, включая, как я смутно заметила, Вэнса, горячего парня, который работал на Ли.

Затем вперед бросилась Таня и начала бить Ловкача подносом, используя его, когда нужно, в качестве щита. Вэнс схватил ее за талию, подхватил на руки, — ее ноги крутили в воздухе педали, она все еще размахивала подносом, — и потащил ее по коридору.

Ловкач развернулся, побежал к пожарному выходу, нагнулся так, что наш с ним вес и инерция ударили в дверь. Перекладина так сильно впечаталась мне в бедро, что я вскрикнула и отпустила Ловкача, неуверенно приземлившись на шпюшьи туфли, а Ловкач скрылся.

У меня не было времени ни на мысли, ни на действия. Сработавшая пожарная сигнализация громко завывала.

Затем меня схватил Смити и толкнул в объятия Ленни.

— Уведи ее в клуб и не отходи от нее ни на гребаный шаг, — приказал Смити и бросился вслед за Ловкачом.

Ленни тащил меня внутрь, когда мимо нас промчался Вэнс (без Тани) и выскочил через заднюю дверь.

Ни секунды не колеблясь, я потащилась с Ленни на хвосте по всему клубу в поисках папы. Я немного прихрамывала, потому что бедро и ягодицы чертовски болели.

Папы нигде не было видно.

Когда мы с Ленни вернулись в зал клуба из гримерки танцовщиц, свет был включен на полную мощность, пожарная сигнализация выключена, сцена пуста, кругом толпились люди, а среди них — полицейские.

Я оглядела толпу в надежде найти папу, но его там не было.

— Бл*ть! — крикнула я, потому что, определенно, пришло время для слова на букву «б».

Смити зашел с улицы, тяжело дыша, и накинулся на меня.

— Не хочешь рассказать, что, мать твою, происходит? — закричал он.

— Я не знаю! Мне нужно найти папу. Он был здесь, а Ловкач охотился за ним.

— Забудь об отце. Мы говорим о тебе. Это уже второй раз, когда за тобой гоняется какой-то е*анутый с ножом.

— Не за мной, — поправила я.

— Нет, для меня, бл*ть, это выглядело так, будто ты гонялась за ним, — парировал Смити.

— Он замахнулся ножом на папу! — заорала я.

— Кто-то достает нож, ты убираешься нах*й. Ты не прыгаешь ему на спину. Бл*ть! Безумная женщина! — крикнул Смити.

— Я не безумная! — крикнула я в ответ.

Подошел полицейский в штатском и прервал нас тихим покашливанием. Он представился как детектив Джимми Маркер и сказал мне, что ему нужно задать несколько вопросов.

Смити указал на меня:

— Ты заноза в моей гребаной заднице. — Затем потопал прочь.

Детектив успел задать мне два вопроса, прежде чем его взгляд переместился поверх меня, и он кивнул в том молчаливом приветствии, которое так хорошо удается мужчинам.

Затем я почувствовала, как чьи-то пальцы впились в пояс моей микро-юбки.

Я начала поворачиваться, когда услышала голос Эдди:

— Джимми, дай мне минутку.

О-оу.

Джимми понимающе посмотрел на Эдди, возможно, слегка забавляясь, хотя я не понимала, что, черт возьми, в этой ситуации забавного. Кивнул и побрел прочь.

Эдди оттащил меня на несколько шагов и встал передо мной. Один взгляд на его лицо и мое «о-оу» уже не соответствовало его выражению, оно, определенно, требовало фразы «срань господня».

Эдди был серьезно взбешен.

Да, покой за деньги не купишь.

Прежде чем я успела что-то сказать, Эдди повернулся к Ленни, который все еще не отходил от меня. Он невербально передал Ленни какое-то сообщение, потому что тот сказал:

— Я получил приказ не оставлять ее.

Эдди порылся в заднем кармане джинсов и показал свой значок.

Ленни кивнул, посмотрел на меня и отошел.

— Эдди... — сказала я, прежде чем он начал, но он поднял руку в стиле Смити, и я заткнулась.

В эти дни мне часто показывали «руку», и это начинало бесить.

Он немного подождал, пристегивая значок к поясу джинсов. Затем покачал головой.

— Знаешь, у меня даже нет слов, — начал он.

— Позволь мне объяснить.

— У тебя есть этому объяснение? Я должен его услышать.

На самом деле, у меня не было объяснений, поэтому я замолчала.

— Так я и думал, — сказал Эдди.

Ладно, с меня хватит. Я имею в виду, что бы он сделал на моем месте?

— Что мне было делать? Он выхватил нож и начал драться с папой. Мне пришлось запрыгнуть ему на спину и попытаться помочь! — заорала я.

Ладно, видимо, раньше действительно был момент «о-оу», а сейчас наступил момент «срань господня».

Лицо Эдди изменилось, и он посмотрел на меня так, будто я только что сказала ему, что на весенние каникулы хочу слетать на Плутон.

— Этой части я не слышал, — сказал Эдди пугающе тихо.

— Эдди... — начала я снова.

Он не дал мне закончить.

— Ты что, свихнулась?

Это было сказано не тихим голосом, а криком, и все, полицейские, вышибалы, танцовщицы и официантки, повернули головы в нашу сторону.

Я открыла рот, чтобы защититься (будто должна была, ведь это был мой папа), но не произнесла ни слова.

— Вот об этом я и говорю. — Будто все было недостаточно плохо с разъяренным, кричащим Эдди, на наш тет-а-тет заглянул Смити.

— Не похоже, что я напрашивалась на драку в коридоре с парнем с ножом, — заявила я им обоим, разозлившись сама, уперев руки в бедра и все такое.

— Видишь нож, убегаешь так быстро, как только можешь, — сказал Смити.

Теперь он повторялся.

— В таких туфлях не побегаешь, — заметила я.

— Все. С этого момента на смене ты ходишь в теннисных туфлях.

Я уставилась на него округлившимися глазами. Ни одна из девочек Смити не носила теннисных туфель. Официантки должны были быть на каблуках не менее трех дюймов (однажды я видела, как Смити их измерял), а стриптизерши носили платформы высотой до небес.

— Я не могу быть в теннисных туфлях! — огрызнулась я. — Ты хоть понимаешь, что будет с моими чаевыми?

Теперь и Эдди, и Смити уставились на меня так, словно я пожертвовала свой мозг науке до смерти.

Смити повернулся к Эдди.

— Отдаю ее в твои руки. Сам, нахрен, разбирайся с ней. — И зашагал прочь. Снова.

Эдди провел рукой по волосам.

— Эдди, — вернулся Джимми Маркер, — мне очень нужно задать ей несколько вопросов.

Эдди раздраженно махнул рукой в жесте «валяй», но не отходил от меня, пока детектив Маркер задавал вопросы. Я рассказала ему свою историю (чувствуя, как Эдди становится все более и более напряженным по мере моего рассказа; не спрашивайте меня, как я это чувствовала, поверьте, я просто знала). Детектив Маркер сделал пометки и спросил, знаю ли я, как связаться с моим отцом, о чем я понятия не имела.

Он взял мой номер, повернулся к Эдди и сказал:

— Она вся твоя.

Нехорошо.

Прежде чем Эдди успел что-то сделать или сказать, я быстро направилась к бару за курткой, кардиганом и сумочкой. Может, если бы я его проигнорировала, он бы ушел.

Я сняла фартук, достала мобильник и хлопнула фартуком по стойке бара, чтобы меня обналичили.

Смити стоял за стойкой бара и свирепо смотрел на меня.

— Я уволена? — спросила я.

Смити сдернул фартук со стойки и сказал:

— Заноза в моей гребаной заднице, вот ты кто. — Он запихал фартук под стойку бара и сунул мне мои вещи. — Я обналичу тебя. Подготовлю твои чаевые к пятнице.

Полагаю, меня не уволили.

Затем я заметила, что в конце бара стоял Ли и разговаривал с Вэнсом.

Дерьмо и проклятье.

Теперь моя ночь точно удалась.

Что здесь делал Ли?

— Привет, Ли, — поздоровалась я, стараясь казаться спокойной.

Он поднял голову, его глаза метнулись мне за спину, он широко улыбнулся и снова посмотрел на меня.

— Джет, — сказал он.

Я улыбнулась Вэнсу, который тоже ухмылялся, его глаза пробежались по моему телу, затем его ухмылка расширилась до захватывающей дух белозубой улыбки, когда его взгляд встретился с моим. Он посмотрел мне за спину, и я почувствовала, как чья-то рука обвилась вокруг моего плеча.

— Пойдем, — сказал Эдди мне на ухо.

Я напряглась и обернулась. Очевидно, игнор не сработал.

Я попробовала другую тактику уклонения.

— Ленни отвезет меня домой.

Это тоже не сработало. Эдди повел меня к входной двери.

— Никто не отвезет тебя домой. Ты едешь ко мне.

Ой!

Я уперлась каблуками в пол и выдернула руку из его ладони.

— Я не могу. Мне нужно домой, — возразила я.

— Ты не пойдешь домой.

Я уставилась на него.

— Мне нужно домой.

— Дома не безопасно. Со мной ты будешь под защитой, и там ты останешься.

При его словах меня охватила паника.

— Думаешь, Ловкач отправится ко мне домой?

— Я думаю, Ловкач сделает все, что угодно, чтобы получить свои тридцать кусков.

Желудок скрутило, и я подалась вперед.

— Но там мама. Она не может... — Я замолчала, а потом, сама того не желая, бросила на него девчачий взгляд «пожалуйста», который действовал на Смити. — Эдди, мне нужно домой.

Он смотрел на меня несколько секунд, а потом пробормотал:

— Черт.

Взяв меня за руку, потащил вперед.

— Я отвезу тебя домой.

Меня затопило облегчение, когда он толкнул входную дверь.

— Спасибо, Эдди.

Облегчение длилось недолго.

— По дороге заскочим ко мне. Я возьму сменную одежду.

Ой, ой и ой!

— Что? — завопила я.

Эдди остановился у своего грузовика.

— Не останешься у меня, тогда я останусь у тебя.

Нет.

Нет, нет, нет.

— Уверена, что со мной все будет в порядке, — заверила я его.

— Я тоже уверен, главным образом потому, что я буду с тобой, чтобы убедиться в этом, — отрезал Эдди, открывая пассажирскую дверцу.

— У нас не так много места, — попыталась я, когда он помог мне забраться в грузовик.

Эдди стоял у открытой дверцы, глядя на меня.

— У тебя есть диван? — спросил он.

— Да, — ответила я и тут же пожалела об этом. — Но он не очень удобный.

— Ты спишь на нем?

— Нет.

— На нем спит твоя мама?

Лучше не становилось.

— Нет, — ответила я.

— Тогда у тебя есть место.

— Эдди... — сказала я захлопнувшейся дверце.

Эдди сел за руль, и шестеренки в моей голове завертелись, пытаюсь найти какое-нибудь оправдание, любое оправдание, чтобы Эдди не пришел ко мне домой, не провел ночь на диване, защищая меня от мужчин с ножом.

Я не смогла найти ни одного.

Эдди завел грузовик, и мы поехали... навстречу моей гибели.

Настало время взять все в свои руки

Зазвонил будильник, и я уставилась на него.

5:20 утра.

Я ненавидела свою жизнь.

Я нажала «повтор».

Будильник зазвонил снова.

5:27 утра.

Я действительно ненавидела свою жизнь.

Я снова нажала «повтор».

И вновь звонок будильника.

5:34 утра.

Серьезно, моя жизнь — отстой.

Вырубив будильник, я скатилась с кровати и, все еще полусонная, прошаркала к двери спальни, в гостиную и на кухню. Открыла кофейный фильтр, чтобы убедиться, что мама засыпала кофе с вечера. Она так и сделала, поэтому я щелкнула выключателем. Зевая и убирая волосы с лица, я прошаркала обратно через гостиную, дальше по короткому коридору.

Постучала в дверь маминой спальни и, услышав ее оклик, открыла ее и прислонилась к дверному косяку. У меня не было сил держаться прямо.

— Доброе утро, мам, — поздоровалась я через всю комнату.

— Доброе утро, куколка, — сонно ответила мама.

— Ты встаешь?

Обеими руками я убрала волосы с шеи и собрала их на макушке, оставив руки там.

Мама пыталась вставать со мной по утрам, чтобы я могла привести ее в порядок перед уходом на работу. У нее имелась возможность отоспаться днем, пока я работала, не говоря уже о том, чтобы лечь спать пораньше.

— Конечно, позавтракаем вместе, — сказала мама.

— Хочешь сегодня попробовать собраться сама? Или мне тебе помочь?

Мама немного передвигалась. В зависимости от уровня энергии, она могла садиться и вставать с кресла, ходить в ванную, по квартире, даже постоять некоторое время у кухонного стола. Она также намного лучше справлялась с одеванием, но действовать одной рукой было утомительно. Физиотерапевты говорили ей, что она привыкнет, станет сильнее, и в конечном итоге это будет для нее прогулкой в парке (буквально). Несмотря на то, что прогресс протекал медленно, все же он был виден налицо.

По утрам все было хорошо. Вечерами не очень. По вечерам к нам приходила Ада посмотреть с мамой телевизор, не только потому, что Аде хотелось компании, но также и потому, что она могла быть рядом с мамой на случай, если что-то случится. Ада была слишком стара, чтобы суметь поднять маму, если та упадет, но вполне способна позвонить по телефону или позвать кого-нибудь из более здоровых соседей.

— Попробую сама, — сказала мама, как всегда, в боевом настроении.

— Окидоки.

Я вышла в коридор, чтобы мама могла уединиться, но оставила дверь слегка

приоткрытой, так я бы услышала, если она позовет меня. Мое внимание вернулось к поднятым в хвост волосам, и я опустила глаза в пол. Но, сделав шаг, остановилась как вкопанная.

Я увидела две босые ступни, пятки прикрывали штанины выцветших джинсов. Мои глаза прошлись по джинсам вверх, наткнулись на четко очерченные мышцы живота под аппетитной оливковой кожей. Пресс сменился очень красивой грудью и плечами, а поверх всего этого показалась голова Эдди, в комплекте с сексуально-сонными глазами и взъерошенными волосами.

Замерев, я уставилась на него.

Я совсем забыла об Эдди.

— Где у вас ванная? — спросил он немного хрипловатым со сна голосом.

У меня не было сил говорить, поэтому я просто убрала одну руку с волос и указала на дверь.

Он сделал три шага ко мне, остановился, положил руку мне на подбородок и коснулся губами моих губ. Электрический разряд пронзил мое тело, пригвоздив к полу, а затем Эдди вошел в ванную и закрыл за собой дверь.

Я постояла секунду, после чего, внезапно преисполнившись энергии, развернулась и побежала в мамину спальню. Распахнула дверь и ворвалась внутрь, затем закрыла ее за собой.

Мама со включенным светом сидела на краю кровати. Ее голова резко повернулась, и она посмотрела на меня сияющими и широко распахнутыми глазами.

— Я, что, слышала мужской голос? — спросила она.

Я не ответила.

Что я могла сказать? Я была в смятении.

Я побежала в ее ванную, включила свет и уставилась на себя в зеркало. Слава Богу, я не выглядела пугалом. Лицо без макияжа, волосы не всклокочены. На самом деле, новая прическа Трикси была идеальной, она постоянно выглядела хорошо, даже после сна.

Когда я обернулась, мама стояла, прислонившись к дверному косяку ванной.

— Что происходит? — спросила она.

— Забыла тебе сказать, что Эдди здесь.

Ее глаза расширились.

— Ты привела мужчину домой прошлой ночью?

— Прости. Это не то, что ты...

— Здорово! — воскликнула она.

Я закрыла глаза.

Ох, мама.

Я открыла глаза.

— Мам, это не то, что ты думаешь. Это долгая история, я расскажу тебе потом.

— В последнее время у тебя много долгих историй, и, кстати, ни одной из них ты мне так и не рассказала.

У меня не было на это времени. Сейчас утро, и Эдди был у нас в квартире.

— Ма-а-ам, — заскулила я, как шестилетка, — Эдди здесь!

Мама секунду смотрела на меня, кивнула и повернулась, вся такая деловая.

— Ладно. Мне нужно в ванную, потом ты поможешь мне надеть лифчик, и я оденусь.

Сначала мы позаботились о маме, и я оставила ее одеваться. Я воспользовалась ее

ванной, ее гелем для умывания и расчесалась ее щеткой. Я уставилась на себя в зеркало. На мне была футболка «Лос-Анджелес Доджерс», которую прислала сестра. Огромная и бесформенная, она доходила мне примерно до середины бедра. Эдди уже видел меня в ней, что не очень потрясающе, и я пожалела, что на мне не было какой-нибудь милой девчачьей пижамы или ночнушки.

Я не знала, стоит ли принарядиться, прежде чем появиться перед ним, не будет ли это выглядеть так, будто я слишком старалась. Но футболке «Доджерс» не хватало шика.

Кого я обманывала? Это мне не хватало шика. Просто придется смириться с этим.

К тому времени, когда я вышла из маминой ванной, мамы уже не было в ее комнате, поэтому я направилась в коридор, дверь общей ванной комнаты была открыта. Я быстро нырнула внутрь, почистила зубы и вышла, услышав голоса, доносящиеся из кухни.

Сделав успокаивающий вдох, расправила плечи и двинулась вперед.

Я вошла на кухню, стараясь выглядеть расслабленной и непринужденной, будто парни зависали у меня все время, и я не чувствовала себя идиоткой в футболке «Доджерс».

Эдди сидел за столом. К джинсам он надел обтягивающую красную футболку, и перед ним стояла кружка кофе. Когда я вошла, он посмотрел на меня, его глаза скользнули по мне, и я увидела, как у него на щеке появилась ямочка. Я не знала, что с этим делать, но решила считать это хорошим знаком.

Затем заговорила мама, и мое внимание переключилось на нее.

— Привет, куколка. Не волнуйся, мы с Эдди познакомились. Я готовлю ему яичницу. — Она одарила Эдди одной из своих великолепных улыбок, затем ее глаза снова обратились ко мне. — Хочешь кофе?

Мама стояла у кухонной стойки, ее инвалидное кресло — у стола. Она надела сиреневое платье-рубашку с вышитыми персиковыми цветами на v-образном вырезе. По сути, это было современное муу-муу (*прим.: муу-муу (гав. ти 'ити 'и) — одежда гавайского происхождения свободного покроя, свисающая с плеч. Как и гавайские рубашки, муу-муу, идущие на экспорт, часто ярко окрашены и имеют цветочный орнамент традиционных полинезийских мотивов. Муу-муу местных жителей имеют более сдержанные тона*). Его было легко надеть, потому что, если встать, гравитация сделает большую часть работы, и оно было эластичным, так что мама могла просунуть в рукав поврежденную руку. Платье было простым и неэлегантным, но цвет смотрелся на ней потрясающе.

— Спасибо, мама. Через секунду.

Мои мозговые клетки пришли в движение, и меня начало охватывать беспокойство.

Повернувшись к Эдди, я сказала:

— Могу я поговорить с тобой минутку?

Я не стала дожидаться его ответа, просто развернулась и вышла в гостиную. Я слышала, как он последовал за мной.

Для разговора нам нужно было где-нибудь уединиться, и я огляделась. Гостиная не годилась, мама услышала бы (и она наверняка стала бы подслушивать). Столовая была частью гостиной, а в мамину спальню Эдди я отвести не могла.

Глубоко вздохнув, я повела его в свою комнату.

Она была скучной. Моя старая квартира являлась частью большого викторианского особняка, который десятилетия назад разделили на квартиры. Комнаты со странной планировкой, деревянные полы, и я максимально использовала пространство, украшая его забавными маленькими безделушками, рождественскими гирляндами, покрытыми цветами,

и тому подобными вещичками. У меня не хватало времени сделать наше новое жилье веселым, не только свою комнату, но и всю квартиру, все мои старые вещи по-прежнему лежали в коробках, рассованным по углам. Здесь было скучно и угнетающе, и, глядя на комнату глазами Эдди, мне стало неловко.

Он прошел за мной в комнату и даже не осмотрелся. Он наблюдал за мной.

— Не мог бы ты закрыть дверь, пожалуйста?

Он сделал, как я просила, и когда повернулся ко мне, я начала:

— Слушай, Эдди, мама не знает, что папа в городе, и я не хочу, чтобы она знала. Они не ладят, и это расстроит ее. На самом деле, я не хочу, чтобы она узнала хоть что-то из того, что происходит. Восемь месяцев назад у нее случился инсульт, и я не хочу, чтобы она беспокоилась. Узнай она обо всем, стала бы ужасно волноваться, давление подскочило бы до небес, и я даже не хочу думать... — Я сделала паузу, не желая расстраиваться, вздохнула и закончила: — Так что ты ничего не должен ей говорить.

Я ждала его возражений, что он скажет мне, что я неправа или несправедлива, или что должна предупредить ее, или как-то не согласится со мной, но вместо этого он сказал:

— Ладно.

Я моргнула, глядя на него.

— Ладно? — переспросила я.

— Да, ладно, — повторил он.

Я уставилась на него.

Он выглядел гораздо более бодрым, его волосы все еще были взъерошены, но ему шло (чрезвычайно), и он внимательно наблюдал за мной.

— И это все? — уточнила я.

— Нет, — ответил он.

Так я и знала. Что же, поехали.

— Хорошо, что еще?

Он шагнул ко мне, притянул в свои объятия и поцеловал. Это был серьезный поцелуй, с языком, на этот раз никакого легкого прикосновения к губам и никакой необходимости в повторении.

Это было восхитительно.

Когда поцелуй закончился, и Эдди начал поднимать голову, я запустила пальцы в его волосы, одновременно приподнялась на цыпочки, и мои губы последовали за его губами. И плевать, казалось ли это нуждающимся или жадным, все, что я знала, это то, что я хотела большего.

Он издал звук, очень похожий на стон, снова ответил на поцелуй, и, не отрываясь от моих губ, стал теснить меня назад. Он развернулся, мы упали на кровать: он на спину, а я на него сверху. Мы подпрыгнули на матрасе, наши губы разомкнулись, и я уже собиралась что-нибудь сказать, пытаюсь пробиться сквозь Дурман Эдди, когда он перевернул меня на спину и навалился сверху.

Он не дурачился, не играл, все было серьезно. Мы целовались и щупали друг друга: сплошные губы, языки и руки. Невероятно фантастично. Все это куда-то вело, и я хотела туда попасть. Очень хотела.

Внезапно он оторвался от моих губ и прижал мое лицо к своей шее.

— Эдди? — прошептала я, прижимаясь к его коже, смущенная быстрой переменой, и мне это не понравилось (совсем).

— Твоя мама. Моя яичница, — вот и все, что он сказал.

Проклятие! Я совершенно и бесповоротно забыла об этом.

Более того, если бы я продолжила в том же духе, то снова опоздала бы к Инди.

Худшая дочь в мире и худший работник во вселенной. Если не разберусь со всем этим в ближайшее время, то останусь без обеих работ, и мы с мамой будем жить на улице, поедая пальцами кошачий корм из банок.

Я дернулась, спрыгивая с кровати, но Эдди схватил меня за футболку и дернул назад.

— Притормози, Chiquita, — остановил он, пол из-под моих ног ушел, и я приземлилась ему на колени.

Я посмотрела на него и полуистерично пробормотала:

— Мне нужно идти. Принять душ. Собираться на работу, а после работы я должна найти папу и разобраться с этим бардаком.

Я отталкивала его, чтобы встать, и мы устроили подобие поединка шлепками (ну, я шлепала Эдди, а он больше контролировал и защищался). Наконец, он схватил меня за запястья и зажал их между нашими телами.

— Джет, успокойся.

— Я не могу успокоиться. У меня дела, я не могу просто...

— Жить своей жизнью? — закончил он за меня.

— Вот именно! — я так обрадовалась, что он понял меня, что обмякла в его объятиях.

Его взгляд стал странным, и он покачал головой.

— Джет, ты не пойдешь искать своего отца. Если твой отец свяжется с тобой, ты позвонишь мне.

Я уставилась на него.

Я так не думала.

Настало время взять все в свои руки.

— Я должна разобраться с этим, Эдди. Если я этого не сделаю, то могу потерять работу у Смити, а она мне нужна. Смити — хороший парень, но у его терпения есть пределы, особенно, когда копы могут прикрыть его из-за меня.

Затем, как идиотка, я принялась разглагольствовать о том, как планирую провести свой день:

— Я задержусь у Инди, наверстаю упущенное, вечером отправлюсь по тем местам, где бывает папа, когда приезжает в Денвер.

— Ты ничего не забыла? — перебил он:

Я уставилась на него в замешательстве.

— У нас сегодня вечером свидание, — напомнил он.

Черт, я забыла и об этом.

Он посмотрел на меня, и его челюсть напряглась.

— Господи, ты убиваешь в мужчине уверенность в себе.

Какая же я идиотка. Нет, это было за гранью идиотизма, хотя я и не знала, что может быть за гранью идиотизма.

— Прости, — сказала я, слегка наклоняясь к нему.

Он отпустил мои запястья, и его руки обвилились вокруг моей талии. Он уткнулся лицом мне в шею и прямо под ухом сказал:

— Если тебе действительно жаль, можешь загладить свою вину сегодня вечером.

Ой!

— Яичница, — выпалила я, пытаясь сосредоточиться, даже если по мне пробежала дрожь.

Он поднял голову от моей шеи и улыбнулся, показав ямочки.

Почти уверена, Эдди почувствовал мою дрожь.

Затем ямочки исчезли, и он посмотрел на меня.

— Я отвезу тебя на работу, но вынужден попросить никуда не ходить одной, это небезопасно. Ты можешь мне это пообещать?

Я подумала о том, чтобы солгать ему, решила, что способна на такое, и ответила:

— Конечно.

Он некоторое время наблюдал за мной.

— Мама, — напомнила я, решив сменить тему и слезая с его колен.

Взяла его за руку и потянула с кровати.

Такую картину я забуду не скоро: Эдди на моей кровати. На самом деле, я надеялась, что она навсегда запечатлется в моей памяти.

Он не сопротивлялся, но, как только встал, поднял руки и обхватил мою шею по бокам, там, где она переходила в плечи.

— Ты бы не стала мне лгать, не так ли? — спросил он, пристально наблюдая за мной.

— О чем? — Я попыталась притвориться невинной, широко распахнув глаза.

Он не купился.

— О чем угодно, — заявил он.

Я глубоко вздохнула и решила ответить честно.

— Возможно, но только если это что-то важное.

— Важное, как если бы твой отец увяз по уши в дерьме?

Я прикусила губу.

Он вздохнул.

— У тебя есть моя визитка?

Я кивнула.

— Занеси мой номер себе в телефон. Звони, если что-нибудь понадобится, и не делай глупостей.

Первые два пункта я могла бы выполнить, в последнем я не была так уверена.

* * * * *

Эдди высадил меня перед «Фортнумом», и я вошла туда через пять минут после открытия.

Очередь у стойки с эспрессо была длиной в пять человек, но в ту минуту, когда Текс увидел меня, он направил на меня съемный фильтр и прогудел:

— У нас есть правила, Чокнутая!

Я работала там больше трех месяцев, и, похоже, единственным правилом было то, что на CD-плеере нельзя было прокручивать ничего, кроме кантри или рок-н-ролла. Я даже не хотела вспоминать тот день, когда вставила свой диск Coldplay, Элли взбесилась.

Я решила, что Текс недоволен тем, что я не пришла накануне, и почувствовала себя полным ничтожеством. Я уже хотела начать оправдываться, когда Текс продолжил:

— Когда в следующий раз ввяжешься в драку в баре или будешь бороться с каким-нибудь парнем с ножом, звони мне.

Все пятеро покупателей обернулись и уставились на меня.

Я уставилась на Текса.

— Что? — ошарашенно спросила я.

— Я назначенный телохранитель «Фортнума», — заявил мне Текс.

Я посмотрела на Дюка, который работал за прилавком с эспрессо вместе с Тексом.

— Вроде того, — подтвердил Дюк.

Должна сказать, я немного встревожилась из-за того, что «Фортнуму» требовался специальный телохранитель. У меня не было времени подумать об этом, потому что сзади подошла Инди, схватила меня за руку и потащила за книжный прилавок.

— Видимо, Ли рассказал тебе, — начала я, когда мы остановились, и взглянула на ее серьезное лицо.

— Да, рассказал. Ты в порядке?

— Конечно. — Я старалась, чтобы это прозвучало правдиво.

Она не купилась на это, и ее глаза сузились.

— Джет?

— Нет, правда, у меня все хорошо.

Она придвинулась ближе ко мне и сжала мою руку. Затем сказала тихим голосом:

— Слушай, ты считаешь, что тебе удастся пустить пыль в глаза, но мы знаем, что с тобой не все в порядке. Поговори со мной, Джет, может, я смогу помочь.

Я не знала, что это было, может, пожатие руки, может, ее тихий голос, может, то, что она всегда была так мила со мной. Что бы это ни было, я вздохнула, пытаюсь придумать какой-нибудь способ уклониться от ее вопроса, а затем, вместо этого, все выплеснула наружу. Всё. О том, как папа нас бросил, о мамином срыве, об отъезде Лотти в Лос-Анджелес, о мамином инсульте, о том, как нам приходилось выкручиваться и о нынешней ситуации с папой.

Закончила я словами:

— И если всего этого недостаточно, у меня сегодня вечером свидание с Эдди, и я совершенно не представляю, что надеть.

На протяжении всего рассказа она выглядела обеспокоенной, иногда сердитой, иногда будто собиралась прервать меня, но, услышав заключительную фразу, улыбнулась.

— С последним я помогу. С остальным поможет Ли.

Я знала, что Ли занимался частными расследованиями. И что был очень хорош в своем деле, поэтому его услуги стоили очень дорого. Он водил шикарную машину, у него был шикарный мотоцикл, большой штат сотрудников и роскошный офис в центре Денвера. Я не могла позволить себе Ли и не могла позволить себе быть обязанной кому-то еще.

— Я не могу просить Ли... — начала я.

— Можешь, но тебе не нужно, это сделаю я, — заверила меня Инди.

— Инди, я бы хотела позаботиться об этом своими силами.

— Ли говорит, это опасно.

Я рассмеялась.

— Разве ты не слышала мою историю? Я могу позаботиться о себе и обо всех остальных. У меня богатый опыт.

Инди посмотрела на меня.

— Сомневаюсь, мне приходилось сталкиваться с преступным миром Денвера, и это было не очень весело.

Меня пробиравало любопытство, но я не стала спрашивать.

— Я буду действовать осторожно и с умом, обещаю, — заверила я ее, желая быть такой

же уверенной в своих словах, как и мой тон, с которым они прозвучали.

— Что собираешься делать? — спросила она.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Сначала найди папу. Выясню, что происходит. Потом придумаю, как действовать дальше.

— Я иду с тобой, — тут же заявила она.

Нет.

Нет, нет, нет.

Я не могла взять Инди с собой, если бы с ней что-нибудь случилось, и Ли, и Эдди разозлились бы на меня, не говоря уже о Дюке, Тексе и всем полицейском управлении Денвера (отец Инди был полицейским, как и отец Ли и его брат Хэнк).

— Не думаю... — начала было я, но тут появился Текс.

— Я тоже с вами, — выпалил он.

Я закрыла глаза. Ситуация выходила из-под контроля. Я снова открыл их.

— Пожалуйста, послушайте...

— Ни за что, Чокнутая. Ты не приберешь к рукам всю движуху. — Он повернулся к Инди. — Ты за рулем, потому что мы все можем поместиться в твоей дурацкой машине. Когда увидим просвет в очереди за кофе, я съезжу домой за дробовиком.

У меня отвисла челюсть, и я была почти уверена, что мои глаза вылезли из орбит.

— Не волнуйся, Джет. До тех пор, пока мы не попадем в ситуацию, требующую пустить в ход гранаты, с нами все будет в порядке, — на полном серьезе заявила Инди.

Текс на долю секунды взглянул на Инди.

— Захватчу несколько, на всякий случай, — затем неуклюже удалился, а я, все еще открыв рот, пялилась ему вслед.

Инди посмотрела на меня и, как ни странно (как мне показалось), рассмеялась.

После послеобеденного кофеинового затишья мы оставили Дюка и Джейн командовать книжным магазином, и забрались в темно-синий «Фольксваген-жук» Инди.

Мы заехали в отель, где останавливался папа, но там его не видели. Заглянули в пару баров, куда папа ходил, когда был в городе, и поспрашивали вокруг. В барах его тоже никто не видел. Затем мы отправились в Лейквуд, пригород к западу от Денвера, навестить друга моего отца, Медведя.

Медведя прозвали Медведем по понятным причинам. Он был почти такого же роста, как Текс (то есть, невероятно высоким), более волосатый, чем Текс (который выглядел как безумный, седовласый Санта-Клаус с рыжевато-коричневой бородой, Медведь выглядел так, будто проспал лет сто и не побрился, когда проснулся), и у обоих было мощное телосложение.

Медведь иногда подрабатывал водопроводчиком, но большую часть времени бездельничал. Он был таким же веселым и сумасшедшим, как папа, но обладал большей выдержкой. Он был женат более тридцати лет на многострадальной Лавонн.

Лавонн, напротив, не обладала выдержкой.

Она уходила от Медведя, минимум, раз в год; однако по причинам, известным одной лишь Лавонн, всегда возвращалась.

Я не видела Медведя больше года, когда времена были получше, и они с Лавонн приехали на большой пикник в Вашингтон-парк, который я устроила для Лотти, когда та нас навестила.

Текс, Инди и я подошли к одноэтажному дому Медведя, похожему на коробку из-под крекеров, с желтым алюминиевым сайдингом и кучей детских игрушек на переднем дворе. Эта картина говорила сама за себя, потому что двое детей Медведя и Лавонн были одного возраста, что и мы с Лотти, и покинули дом почти десять лет назад.

Я постучала в дверь, и ее открыл Медведь. Его глаза расширились, потом в них мелькнула паника, а затем застыла скрытность.

Нехорошо.

— Джет! Черт! Сто лет тебя не видел, девочка. Как у тебя дела?

— Привет, Медведь.

Он заключил меня (как вы уже догадались) в медвежьи объятия, а затем отпустил. Его взгляд на мгновение переместился на Инди, а потом остановился на Тексе.

Я представила всех. На протяжении всего знакомства Медведь притворялся радушным, но держался напряженно.

— Что привело вас сюда? — спросил он, не сводя глаз с Текса и не отступая от дверного проема.

— Папа в городе, — сообщила я.

Взгляд Медведя, наконец, остановился на мне.

— Серьезно? — Медведь лгал. Он точно знал, что папа в городе.

— Он в беде, Медведь. Мы можем зайти на секунду и поговорить?

Медведь не сдвинулся с места, загораживая проход.

— Я бы с радостью, детка, но Лавонн работает по ночам, и бывает немного раздражительной, когда ее сон прерывают.

Наконец-то, Медведь сказал правду. Лавонн бывала раздражительной, когда солнце вставало, когда оно садилось, и когда земля вращалась вокруг него. С другой стороны, Лавонн целых тридцать лет тащила на себе бездельника, хотя и милого, что тоже сделало бы меня раздражительной.

— Ты что-нибудь знаешь о папе? — спросила я.

— Не-а, сто лет ничего не слышал от Рэя, — ответил Медведь.

Снова ложь.

Проклятье.

Я вздохнула, затем рассказала о последних приключениях с папой, Ловкачом и его ножом.

Теперь Медведь выглядел рассерженным.

— Что ты делаешь в баре с сиськами?

Великолепно.

— Речь не об этом.

— Очень даже об этом. Тебе нужны деньги?

Как будто у Медведя они были.

Прежде чем я успела ответить, Текс прогремел:

— Давайте сосредоточимся на главном, народ.

Все еще сердитый Медведь напрягся и уставился на Текса.

Я переместилась в поле зрения Медведя. Мне не нужны были два здоровенных волосатых мужика, борющихся среди кучи ржавых трехколесных велосипедов. Мне нужно найти папу, а затем подобрать убийственный наряд для свидания с Эдди и убедиться, что мои ноги гладко выбриты. У меня не было времени отклоняться от цели.

— Медведь, мне очень нужно найти папу.

Медведь посмотрел на меня.

— Я ничего не слышал от Рэя. Ясно? Если услышу, то позвоню тебе. И я не скажу Лавонн, что ты работаешь в баре с сиськами. У нее крышу снесет.

При этих словах у нас не оставалось иного выбора, кроме как попрощаться. Затем мы гурьбой вернулись к «Жуку» Инди. Усевшись в него, — я на заднее сиденье, Инди за руль, Текс на переднее сиденье, — мы устроились на дом.

— Думаешь, твой отец там? — спросила меня Инди.

— Нет, но думаю, что Медведь знает, где он.

— Может, нам стоит заехать за угол и немного подождать, понаблюдать за домом, — предложила Инди.

— К черту. Я не занимаюсь слежкой. Мне нужна еда. Я пропустил обед. Поехали, — прогромыхал Текс голосом, с которым не хотелось спорить.

Инди повезла нас в «Бейглы Эйнштейна» на Аламеде. Текс взял луковый бейгл с индейкой, капустой и сливочным сыром, пакет чипсов, гигантское печенье и пирожные из рисовых хлопьев. Мы с Инди взяли диетическую колу. Мы сели за стол, чтобы Текс мог поесть.

— У тебя есть еще какие-нибудь идеи? — спросил меня Текс с набитым ртом.

Я покачала головой.

Он повернулся к Инди.

— С тобой было веселее.

Я слышала обрывки разговоров о драме Инди, но не всю историю целиком. Поскольку я поделилась историей своей жизни, то подумала, что справедливо спросить ее об этом. Время подходящее, у Текса была гора еды, которую нужно перемолоть, поэтому я спросила.

Инди не колебалась. Ей нечего было скрывать. Она рассказала мне все, а Текс время от времени вставлял свои комментарии. Он сыграл более чем второстепенную роль в этой драме. Схлопотал пулю, защищая ее (что объясняло повязку, которую он носил, когда я впервые его встретила).

Удивительно, но они знали друг друга всего на несколько недель дольше, чем я их. Мне казалось, что они знакомы вечность.

После завершения рассказа, у меня не нашлось, что сказать. По сравнению с ее историей, Ловкач со своим ножом казался детской сказочкой. С другой стороны, ее поддерживали Ли и его армия красавцев.

Текс вытер рот бумажной салфеткой и бросил ее на стол.

— Мне нужно домой поиграть с кошками.

Текс был своего рода сумасшедшим человеком эпохи Возрождения: днем кофейным гением, ночью кошачьей нянькой. Через его дом прошли десятки кошек. По его словам, иногда, если ему не нравилось отношение хозяина к своему питомцу, он не отдавал его обратно. Меня это не удивило, мало кто стал бы спорить с Тексом, даже если он, по сути, украл вашу кошку.

Мы все встали, но я заметила, что Текс напрягся и оглянулся назад.

Я обернулась и увидела двух незнакомых мужчин. Они выглядели так, словно насмотрелись «Бешеных псов» и решили обосновать выбор своего гардероба этим фильмом. Оба стройные, темноволосые, в черных костюмах, тонких черных галстуках и белых рубашках.

— Вы ищете Рэя Макалистера? — спросил Текса тот, что был повыше ростом.

О, нет.

Становилось все хуже и хуже.

Кто эти парни?

— А тебе-то какое дело? — ответил Текс, явно не чувствуя необходимости быть любезным и вежливым.

Они посмотрели друг на друга.

Я стояла к мужчинам ближе всех, и Текс схватил меня за футболку, оттащил в сторону и встал между мной и плохими парнями.

— Не нужно нервничать, мы просто задали тебе вопрос, — сказал Тексу тот, что пониже ростом, пытаюсь проявить дипломатичность.

— Да, мы ищем его. Эти двое — девочки-скауты, и он должен им деньги за печенье, — сказал Текс, не чувствуя себя дипломатичным.

Они снова посмотрели друг на друга.

— Не уверен, что нам нравится твое отношение, — сказал более высокий мужчина.

Текс уставился на него.

— Что с вами не так? У вас один мозг на двоих?

Текс будто специально их злил.

Если это то, чего он хотел, то добился этого.

Парень повыше подошел ближе.

— Иди на х*й.

Ой-ой.

— Сам иди на х*й, — парировал Текс.

Ой!

— Текс, — позвала Инди, бочком подойдя ко мне и оттаскивая меня. — Пойдем.

Бешеные Псы еще не закончили с нами.

— Найдете Макалистера, передайте ему, что Луи и Винс хотят с ним поговорить, — приказал тот, что пониже.

— Найдете его, передайте, что с ним хочет поговорить Текс, но сначала с ним поговорит Ли Найтингейл, — не сдавался Текс.

Они снова посмотрели друг на друга, потом на Инди.

— Так и думал, что узнал тебя, — сказал тот, что повыше.

— Убери от нее свои глазёнки. — Текс встал между парнями, Инди и мной, что поставило его в опасную близость к более высокому парню.

— Отвали, дедуля. И скажи Найтингейлу, чтобы держал свой гребаный нос подальше от этого. И его друзья тоже, тот коп-мексикашка и гребаный наркодилер.

Оглядываясь назад, возможно, мне следовало бы сосчитать до десяти.

С другой стороны, до недавнего времени я была кроткой и скучной, так что, кто бы мог подумать, что я так легко слечу с катушек. Хотя такие слова, как «ниггер», «узкоглазый», «мексикашка» и тому подобное, всегда заставляли меня скрежетать зубами, так что, думаю, моя реакция на то, что они называли Эдди одним из этих слов, не была таким уж сюрпризом.

Я бросилась на высокого парня. Должно быть, застала его врасплох, потому что он пошатнулся, и мы оба упали между столиками «Эйнштейна».

Я приземлилась на него сверху, и он вскрикнул «уф!», и я почти уверена, что выбила из него дух. К моему счастью, потому что при любых других обстоятельствах он, вероятно, мог

бы надрать мне зад.

Я воспользовалась преимуществом, мы покатались по кругу, переплетаясь конечностями. Раздались крики, когда мы опрокинули кучу столов. Предполагаю, Текс сцепился с парнем пониже, потому что я слышала потасовку, но не могла обратить на это особого внимания, так как мой парень пришел в себя и начал надирать мне зад.

Я слышала крик Инди:

— Врежь ему коленом по яйцам!

Звучало как хороший план, я нашла лазейку, подтянула колено и изо всех сил впечатала ему в бубенцы.

Мой парень издал такой звук, что даже мне стало его жаль. Меня схватили за талию, поставили на ноги, а затем я слышала, как Текс гаркнул:

— Бежим!

Мы помчались к «Жуку», и Инди рванула со стоянки, но мы увидели полицейскую машину с ревущими сиренами, приближающуюся к светофору на углу Аламеда и Логан.

Инди даже не притормозила.

Мы вернулись в «Фортнум», располагавшемся всего в нескольких кварталах отсюда. Не говоря ни слова, все выбрались из машины и вошли в магазин.

При нашем появлении Дюк и Джейн одновременно повернули головы в нашу сторону. Глаза Дюка сузились. Джейн улыбнулась.

— Если кто-нибудь спросит, мы были здесь весь день, — немедленно скомандовала Инди.

Дюк уронил голову на руки.

— Если хотите придерживаться этой версии, может, смахнете чипсы с волос Джет, — заметила Джейн.

Моя рука взлетела к волосам. Я потеряла резинку, поэтому провела по прядям пальцами. Повсюду разлетелись крошки.

— Принесу метлу, — сказала Инди.

— Может, сотрешь и... сливочный сыр?.. с футболки, — предложила Джейн.

Я устала на свою футболку.

Ладонь Текса легла мне на голову.

— Вот это мне уже больше по душе, Чокнутая, — сказал он.

Боже милостивый.

Свидание с Эдди

Когда стало ясно, что все тихо, и «Фортнум» избежит налета спецназа в поисках преступников, разгромивших «Бейглы Эйнштейна», Инди повезла меня к себе домой.

Она устроила мне допрос по поводу моего гардероба и решила, что там ловить ничего. На поиски убийственного наряда для свидания с Эдди она позвала Элли. Та собрала кое-что из своей одежды и аксессуаров, и мы все отправились в дуплекс Инди.

Я перемерила сто тысяч нарядов, прежде чем мы на чем-то остановились. Милое, но не слишком. Сексуальное, но не очевидное. Крутое, но не явно.

Наряд представлял собой очень узкий зеленый топ Элли с запахом, который чуть открывал ложбинку, с очень длинными рукава и в них была маленькая петелька, которая цеплялась за большой палец. В комплекте с ним шли джинсы Инди, достаточно выцветшие, чтобы не выглядеть нарядно, но и не слишком убогие. На запястье поверх рукава топа мы добавили кучу серебряных браслетов Инди, и длинные висячие сережки Элли. Вишенкой на торте стали зеленые босоножки с ремешками, такие сексуальные, что Смити позволил бы мне нарушить цветовой код обуви на работе. Их мы позаимствовали у соседа Инди, лучшего трансвестита Денвера. К счастью, у него были маленькие ступни (или мне нравилось так думать, а не то, что мои ступни были большими).

Элли отвезла меня домой, и, как обычно, я опаздывала. Мне понадобилось бы десятилетие на подготовку к свиданию, чтобы выглядеть подходяще для соблазнения Эдди. На сборы к Смити, у меня уходил час. До прихода Эдди у меня оставалось сорок пять минут.

Я была в своей комнате, заканчивала с прической, когда раздался звонок, и меня охватила паника.

— Я открою, — крикнула мама.

При мысли о том, что мама впустит Эдди, паника переросла в почти неконтролируемую истерику.

— Скажи ему, что я задержусь, — крикнула я в ответ.

— Правильно, девочка, заставь его ждать, — подбодрила мама.

Ох, мама.

Я поспешила нанести последние штрихи, чуть не забыла браслеты и впала в мини-панику, когда не смогла найти подходящую сумочку. Я завершала уговаривать себя, что парни не замечают таких пустяков, как сумочки, когда в мою дверь раздался стук.

— Эдди ждет, — крикнула мама через дверь, очевидно, решив, что Эдди ждал достаточно долго.

— Иду! — крикнула я в ответ.

Я справилась с травмой из-за сумочки, схватила ту, которую обычно носила, и бросилась к двери, когда снова услышала звонок.

— Я открою, — крикнула мама.

Кто это, черт возьми?

Я вышла, увидев, что Эдди расположился в гостиной. Джинсы были хорошим решением. Он выглядел, как обычно. Черная футболка с длинными рукавами, поношенные джинсы, черные ковбойские сапоги и черный пояс с серебряной пряжкой.

Независимо от того, насколько небрежно он был одет, он мог бы блистать на обложке

журнала.

При виде меня, его взгляд изменился, и он поднялся с кресла.

— Привет, — поздоровалась я и едва удержалась, чтобы не хлопнуть себя по лбу, когда слово вырвалось с придыханием, будто я только что пробежала марафон.

Он ничего не сказал, просто улыбнулся.

У меня внутри все сжалось.

— Посмотрите, кто здесь! — позвала мама, вкатываясь на кресле с Трикси позади себя, несущей сумку с вещами.

Я уставилась на сумку.

— Я тут подумала, — начала Трикси. — Что мне делать одной в скучный вечер четверга? И ответила себе: «Ты переночуешь у своей хорошей подруги Нэнси». И вот я здесь, — подытожила Трикси, будто все время ночевала у мамы (чего она не делала). — Ты, должно быть, Эдди, — она опустила сумку и улыбнулась Эдди.

Могут ли они быть более очевидными?

Улыбка Эдди не дрогнула.

— Эдди, это лучшая подруга моей мамы Трикси. Трикси, это, эм... Эдди.

Я как бы хотела, чтобы в этот момент ворвался Ловкач и зарезал меня, настолько я желала, чтобы кто-нибудь убил меня и избавил от страданий.

Эдди поздоровался с Трикси, и прежде чем все вышло из-под контроля, я почти пробежала через комнату и схватила Эдди за руку.

— Я задержалась, так что нам пора уходить, — выпалила я.

Я потянула Эдди за руку, и, к счастью, он направился со мной к выходу.

— Не беспокойся о нас, с нами все будет в порядке. — Трикси последовала за нами.

Я бросила через плечо взгляд, который должен был превратить ее в камень. Она просто улыбнулась.

— Гуляйте столько, сколько хотите, — крикнула мама из гостиной.

— Спасибо, мама, — крикнула я в ответ, остановилась у двери и посмотрела на Трикси. — Ты о ней позаботишься? — тихо спросила я.

— Тебе нужно спрашивать? — ответила Трикси так же тихо.

— Я вас слышу! — крикнула мама.

Я почти уверена, что услышала смехок Эдди.

Великолепно.

Я поцеловала Трикси в щеку, крикнула маме «до свидания» и потащила Эдди по коридору.

Мы были уже у выхода из здания, когда Эдди сказал:

— Было забавно.

Я не ответила и замедлила шаг. Теперь, уводя его от мамы и Трикси, мне не хотелось торопиться.

Эдди взял инициативу в свои руки и повел меня к своему грузовику. У пассажирской дверцы, вместо того чтобы открыть ее, он повернулся ко мне, но ничего не сказал.

Я ждала.

Потом спросила:

— Что?

Он прижал меня к грузовику и поцеловал, с языком. Когда он поднял голову, его рука обвилась вокруг моей спины, кончики пальцев почти касались моей груди, а другая рука

покоилась на моем бедре.

— Что это было?

Черт возьми, у меня снова перехватило дыхание.

— Просто хотел дать понять, что мне нравится то, что на тебе надето.

— Мог бы просто сказать это.

— Я предпочел показать.

Должна признать, мне это тоже понравилось.

Эдди отпустил меня, оттащил в сторону, открыл дверцу и помог сесть.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки, пока мы ехали по улицам Денвера.

Наконец, я произнесла:

— Извини, что говорю это, но я должна быть дома пораньше. Ловкач где-то там, а мама и Трикси совсем одни.

— Я попросил об услуге. Патрульная машина будет регулярно проезжать мимо, — ответил Эдди.

Что-то в поступке Эдди, заставило меня чувствовать себя странно приятно. Не то странное чувство, что я испытывала раньше, а приятное.

— Как они узнают, если что-то не так? — спросила я.

— Придумают предлог и поднимутся в квартиру, — ответил Эдди.

— Они не скажут... — начала я беспокоиться.

— Расслабься, Джет. Я все им объяснил.

Я не знала, что сказать. Поэтому остановилась на простом «спасибо».

Эдди не ответил.

Следующее, что я помню, как мы въезжаем на его подъездную дорожку. Эдди нажал кнопку открывания гаражных ворот, прикрепленную к солнцезащитному козырьку, и мы оказались в гараже позади его дома.

— Ты что-то забыл? — спросила я.

— Нет, — ответил Эдди, нажимая на тормоз и заглушая мотор.

Я сидела совершенно неподвижно.

— Тогда, что мы здесь делаем?

— Ужинаем, — сказал он, вылезая из грузовика.

Я наблюдала, как он обошел капот и подошел ко мне.

Ужинаем?

В доме Эдди?

Я не знала, как это воспринять. Обычно свидания не проходили у кого-то дома. Ну, не первые свидания. Я знала Эдди некоторое время, и он дрался за меня, провел ночь у меня дома, мы пару раз целовались, и я спала в его постели, но это все равно было первое свидание.

Я распахнула дверцу и спрыгнула вниз.

Когда я приземлилась на пол, Эдди захлопнул дверцу, взял меня за руку и повел за собой.

— Ты будешь готовить для меня ужин? — спросила я его спину.

— Нет.

— Мы закажем пиццу?

Он открыл заднюю дверь, и мы вошли на кухню.

— Мама готовила для тебя, — сказал он.

Я остановилась в дверях и уставилась на него.

— Твоя мама... готовила... для меня? — запинаясь, переспросила я.

Он затащил меня в дом, закрыл дверь и развернул так, чтобы мои бедра уперлись в кухонную стойку, руки Эдди лежали на них, а он стоял близко.

— Да. Она звонила сегодня. Хотела, чтобы я пришел вечером, и я сказал, что у меня планы. Она спросила о тебе, я рассказал, и она решила приготовить для тебя ужин.

Я моргнула, глядя на него.

— Что ты рассказал ей обо мне?

Он подошел ближе, так близко, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. Он опустил голову, нависая надо мной.

— Я рассказал, что ты хорошенькая блондинка с потрясающей улыбкой, которая работает на двух работах и в то же время заботится о матери-инвалиде.

Я напряглась. У меня возникло неприятное чувство, что этот ужин был проявлением жалости, возможно, во многих отношениях.

Эдди почувствовал мое напряжение.

— Спокойно, *Chiquita*. Мама только знает, что ты много работаешь и тебе нужен тихий вечер. После того, как я следил за тобой пару дней, мне тоже нужен тихий вечер. Она просто пыталась быть милой.

— Мне не нравится, когда люди знают обо мне, — сообщила я, напряжение все еще не отпускало.

— Я уже это понял.

Мы зашли в тупик и просто смотрели друг на друга.

Потом я ощутила его запах и начала погружаться в Дурман Эдди. Тело стало расслабляться, а затем появилось покалывание.

— Я голодная, — сказал я, пытаюсь отделаться от Дурмана.

Эдди коснулся моего подбородка, и его взгляд потеплел.

— Я тоже.

Он говорил не о еде, и у меня в животе возникло странное ощущение.

— Мы должны поесть, — напомнила я.

Уголки его губ приподнялись, а глаза опустились на мои губы.

— Да, нам нужно поесть. — Его голос был низким и немного хриплым, и мне стало интересно, о какой «еде» он думал.

Я выскользнула из-под него и мысленно глубоко вдохнула.

— Чем я могу помочь? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал весело и жизнерадостно.

Эдди улыбнулся, он точно знал, какой эффект на меня оказывал, и я нашла это извращенно привлекательным и раздражающим.

Он открыл вино и указал мне, где тарелки.

Его мама приготовила домашние тамале, испанский рис, обжаренные бобы и салат. Рис и бобы были в отдельных кастрюлях, салат в холодильнике, а тамале стояли теплыми в духовке.

Наложив еду в тарелки, мы пошли в столовую.

Эдди жил в одноэтажном бунгало в Платт-парке. Когда я была у него в тот раз, я почти ничего не успела разглядеть, а накануне вечером я ждала (точнее, дремала) в грузовике, пока

он собирал сумку.

Когда Эдди щелкнул выключателем, я увидела в гостиной великолепный, выложенный плиткой камин, диван и кресло, созданные не столько для красоты, сколько для простора, комфорта и долговечности. Слева находились две спальни, разделенные ванной и небольшим коридором. Деревянные полы выглядели так, словно их недавно перестелили. Стены были выкрашены в теплый оттенок шалфея. Здесь не было никаких декоративных штрихов, картин на стенах или причудливой мебели. Только толстый ковер с кофейным столиком перед диваном.

Гостиная вела в столовую с потертым деревянным столом и стульями с высокими спинками, с эркером и встроенным шкафом с зеркальной стенкой и стеклянными дверцами. Шкаф был пуст.

Я устала сидеть на обеденный стол.

Эдди сделал то же самое, а затем пробормотал что-то по-испански, что звучало наполовину раздраженно, наполовину весело.

Стол был накрыт подставками, столовым серебром, салфетками и свечами. Я не думала, что Эдди относится к тому типу парней, у которых есть тканевые салфетки или свечи, и начала задумываться о «жалостливой» части ужина его мамы. Я все больше задавалась вопросом: походила ли мама Эдди на мою маму.

Мы сели, и Эдди не стал зажигать свечи.

Я начала нервничать, гадая, о чем мы будем говорить.

Мне не стоило беспокоиться. Эдди не устроил допроса, просто задавал обычные вопросы, и я немного рассказала ему о Лотти, но, в основном, о маме.

Я тоже спрашивала и узнала, что Эдди купил этот дом в плачевном состоянии около трех лет назад и потихоньку ремонтировал его. У него было три сестры и два брата, он был средним из братьев, его отец умер от сердечного приступа чуть больше года назад. Семья была близка, все они по-прежнему жили в Денвере, и потеря отца стала для них ударом. Я также выяснила, что он знал Ли с третьего класса, и через него познакомился с Инди, Хэнком и Элли.

Затем ужин закончился, и я осознала, что меня убаюкало ложное чувство безопасности.

Боже милостивый, чем же нам теперь заняться?

Мне не хотелось думать о том, чем мы могли бы заняться, поэтому вскочила и собрала тарелки со стола.

— Я помою посуду, — объявила я, решив, что это хороший план. Затем поспешила на кухню.

Я мыла тарелки, когда услышала, как Эдди вошел следом за мной.

— Оставь, — сказал он мне в спину.

Я не обернулась.

— Все нормально, посуды не так уж много. Я закончу с ней и заверну оставшуюся еду. — И все, что угодно, лишь бы избегать его, пока мы в его доме. Я не погнушалась бы даже уборкой его ванной, если бы пришлось.

Эдди подошел ко мне сзади, прижал бедрами к раковине, одной рукой обхватил меня за талию, а другой отвел мои волосы с шеи. Затем его губы оказались там, где раньше были мои волосы.

— Оставь, — повторил он мне в шею голосом, который ясно говорил, что его слова не были предложением.

Я задрожала всем телом, и эта дрожь отдалась между ног.

Его губы двинулись вверх по моей шее за ухо.

Затем раздался звонок в дверь.

Его рука напряглась, а губы замерли на месте.

— Господи Иисусе, — пробормотал он, и хотя я не могла его видеть, почти уверена, что он пробормотал это сквозь стиснутые зубы.

Эдди вышел из кухни.

Я сполоснула посуду, загрузила ее в посудомоечную машину и услышала, как зазвонил мой мобильный. Я вытерла руки кухонным полотенцем, и схватила сумочку на последнем звонке. Я посмотрела на экран, боясь, что это мама, но звонила Инди.

Я услышала голоса, говорящие по-испански, поэтому положила телефон на стойку, решив написать Инди позже, и вышла в другую комнату. Эдди стоял перед миниатюрной мексиканкой с блестящими черными волосами и почти идеально круглым телом. Она держала маленькую коробочку с выпечкой, в которые упаковывают праздничные торты.

Женщина повернулась ко мне и оглядела с ног до головы. Затем ее лицо расплылось в улыбке.

— Здравствуйте, — сказала я.

Она подошла ко мне.

— Привет. Я Бланка, мама Эдди.

Э-э... ого.

Вот это неожиданность.

Я взглянула на Эдди, тот упер руки в бедра, откинул голову назад и смотрел в потолок. Не самая счастливая поза. По какой-то причине (вероятно, из-за остаточной истерии) я нашла это забавным.

Я улыбнулась Бланке.

— Я Джет, — представилась я ей.

Затем входная дверь открылась, и вошли две женщины и мужчина. Нетрудно заметить, что они родственники Эдди. Одна из женщин была высокой, как и мужчина, другая — миниатюрной, как Бланка. Все они были потрясающе хороши собой, совсем как Эдди.

Они все посмотрели на меня.

Эдди пристально посмотрел на них, затем опустил голову, провел рукой по волосам и пробормотал слова на испанском и английском, ни одно из них не было приятным.

Я посмотрела на вновь прибывших.

— Привет, — сказала я им.

Прозвучало коллективное приветствие, быстрые взмахи рук, и много-много белозубых улыбок на фоне смуглой кожи.

— Это мои дети, Карлос, Роза и Елена, — сообщила Бланка (Елена была той, что пониже).

— Я Джет, — повторила я, все еще улыбаясь и начиная думать, что все это очень забавно.

— У нас что, встреча выпускников? — спросил Эдди.

Карлос рассмеялся. Роза и Елена посмотрели друг на друга и усмехнулись. Бланка смерила Эдди убийственным взглядом и выпалила в него очередь испанских слов. Затем повернулась ко мне, снова расплываясь в улыбке.

Да, мама Эдди была такой же, как и моя.

— Я забыла о десерте, поэтому принесла вам наполеон от Пасквини, — сказала мне Бланка.

Она не забыла о десерте. А намеренно упустила его из вида, чтобы оценить девушку, с которой у Эдди свидание. Интересно, было ли это из-за меня или такое происходило с Эдди постоянно. Я не могла представить, что Эдди будет мириться с этим все время, так что, видимо, дело было во мне. Я не знала, что с этим делать, поэтому отбросила эти мысли в сторону.

Подойдя к ней, я взяла у нее коробку.

— Звучит прекрасно. Кстати, ужин был восхитительным. Спасибо.

— *De nada* (с исп. — не за что, пожалуйста), — сказала она, грациозно склонив голову.

Все стояли вокруг, улыбаясь друг другу. То есть все, кроме Эдди.

Наконец, я нарушила молчание.

— Вы принесли на всех? Мне подать пирожные? — поинтересовалась я у Бланки.

— Нет! — выпалил Эдди, и я, не сдержавшись, повернулась к нему с улыбкой.

Он пристально посмотрел на меня.

Его семья наблюдала за нами.

Эдди взглянул на мать и сказал что-то по-испански. Не требовалось переводчика, чтобы понять, что ее выдворяют.

— Хорошо, хорошо. Мы уходим, — сказала она и повернулась ко мне. — Эдди рассказал мне о *tu madre* (с исп. — твоей маме). Как она?

Я все еще улыбалась, слишком довольная, чтобы огорчиться, что она знала о маме.

— С ней все в порядке.

— Ей нужна компания сегодня вечером? Может, мы могли бы съездить...

Я ничего не могла с собой поделаться, я начала смеяться.

Эдди это не показалось смешным, прозвучало еще больше очень быстрой, жутко раздраженной и со смутной угрозой испанской речи.

— *Ay, Dios mío, mi niño* (с исп. — Ах, Боже, мой мальчик), ты сегодня взвинчен, — сказала Бланка Эдди, и Карлос расхохотался. Бланка повернулась ко мне: — Он немного вспыльчивый, совсем как его папа.

Без шуток. Это я уже поняла.

— Буду иметь в виду, — сказала я ей, стараясь сохранить серьезное выражение лица.

Она подошла ближе и посмотрела мне в глаза. Затем кивнула сама себе и коснулась моей руки. С этим я тоже не знала, что делать, и решила подумать обо всем этом позже.

Затем она подошла к Эдди и коснулась его плеча. Он низко наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку, и пробормотал что-то, все еще раздраженно, но также с любовью. От этого зрелища я снова испытала странно приятное чувство, и мне пришлось заставить себя отвести взгляд.

Прозвучали прощания, и мне досталось еще несколько взмахов рук, а потом они ушли.

Эдди подошел ко мне, забрал коробку и направился на кухню.

Я подошла к двери кухни и остановилась там.

— Было весело, — повторила я его недавние слова, сказанные им возле моего дома.

Он поставил коробку и снова начал красться ко мне, на этот раз его глаза были темными, а намерения ясными.

Ой!

Я отступила, прильнула к стене, а он прижался ко мне всем телом.

Запрокинув голову, я смотрела вверх, его лицо было меньше чем в дюйме от моего.

— В этой ситуации хорошо одно: никогда не видел, чтобы ты столько улыбалась, и не думаю, что когда-либо слышал, как ты смеешься.

— У тебя забавная мама, — выдавила я, чувствуя, как становится трудно дышать.

Он прижался сильнее, и затрудненное дыхание перестало быть моей главной заботой, потому что кислород в легких воспламенился.

— У меня назойливая и любопытная мама, одержимая желанием иметь десятки внуков, чем скорее, тем лучше.

Я слегка кивнула, стараясь не думать о том, чтобы подарить Бланке внуков, но больше стараясь не думать о самом процессе, который для этого требовался.

— Звучит знакомо, — сказала я.

Его руки коснулись моего подбородка, удерживая меня на месте. Глаза затуманились, и он пробормотал что-то по-испански. Я уловила *caríña* (*с исп. — милая, дорогая*) и *hermosa* (*с исп. — прекрасная, великолепная*), начала приподниматься на цыпочки, но тут зазвонил мой мобильный.

— Не обращай внимания, — приказал Эдди мне в губы.

Я хотела, очень хотела, но не могла.

— Я не могу, — прошептала я. — Вдруг это мама.

Он тут же отпустил меня и отошел.

Я прошла на кухню и взяла телефон, который перестал звонить.

Посмотрев на экран, я снова увидела имя Инди. Я подумала, как это странно, учитывая, что она знала, что я на свидании с Эдди. Она не могла так скоро хотеть услышать полный отчет о том, как продвигается дело.

— Инди звонила дважды, — сообщила я, пока Эдди раскладывал пирожные по тарелкам.

Одну он протянул мне.

— Если ей так нужно с тобой поговорить, она перезвонит.

Эдди забрал вино и прошел в гостиную. Я последовала за ним. Он поставил бутылку и свою тарелку на кофейный столик, вернулся за бокалами, поставил их туда же и сел. Взял пульт и включил бейсбольный матч.

Я встала рядом с диваном и уставилась в телевизор.

— Эм... что мы делаем? — поинтересовалась я.

Эдди взял свое пирожное и положил ноги на кофейный столик.

— У меня есть еще один брат, сестра и пять дюжин двоюродных братьев и сестер. Я ничего не начну снова, пока не закончатся часы посещения.

Славно. Отсрочка.

Я села на противоположную сторону дивана, положила телефон на кофейный столик и съела свое пирожное, не отрывая глаз от игры. Я не была большой поклонницей спорта. Если меня заставить, я бы ходила на игры, в основном, из-за атмосферы, но мне не нравилось смотреть их по телевизору.

В ту минуту, когда я проглотила последний кусочек пирожного и поставила тарелку, Эдди спустил ноги со столика. Он наклонился, схватил меня за лодыжки и положил их себе на колени. Затем принялся возиться с ремешками босоножек.

— Эдди... — начала я, пытаюсь убрать ноги.

Он обхватил мои лодыжки.

— Тихо, *Chiquita*. Тебе нужно расслабиться.

Он отбросил босоножки на несколько футов в сторону, после чего снял с себя сапоги. Я устроилась в своем углу, как можно дальше от него, думая, что это немного разочаровывающе. Я не питала больших надежд в отношении свидания с Эдди, ожидая, что каким-то образом все испорчу или наскучу ему до смерти. Но не ожидала провести вечер за бейсбольным матчем.

Эдди сделал выпад, схватил меня и, притянув к себе через диван, вернул ноги обратно на стол. Он прижал меня к себе так, что мое плечо оказалось у него подмышкой, а щека прижалась к его груди. Обняв меня за талию, он положил руку мне на бедро.

Боже милостивый.

Мне больше не было скучно, я испытывала приятное чувство. Очень приятное.

Я подняла ноги на диван и прижалась к Эдди, не отрывая глаз от игры и мечтая о том, чтобы сидеть вот так с ним, возможно, каждый вечер до конца нашей жизни.

Следующее, что я помню, — звонок моего мобильного. А еще звонок сотового Эдди.

Я задремала, и каким-то образом моя рука обвилась вокруг талии Эдди. Я отодвинулась, убрала волосы с лица и взяла телефон. Эдди наклонился вперед и вытащил свой телефон из заднего кармана.

На экране моего телефона высветилось «Инди». Я нажала «ответить» и сказала:

— Алло?

В то же время я услышала, как Эдди сказал:

— Да?

— Джет? Ты с Эдди? — спросила Инди вместо приветствия, ее голос звучал забавно, но не в хорошем смысле.

— Да. А что случилось?

Она замешкалась, затем спросила:

— Он разговаривает по телефону?

Я посмотрела на Эдди. Он слушал то, что ему говорили, потом его лицо напряглось, и он перевел взгляд на меня.

— Да, — подтвердила я Инди.

— Он разговаривает с Ли. Я пыталась его остановить. Обещаю, что сделала все, что смогла придумать.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Что случилось? — спросила я.

— Слушай, наше приключение в «Эйнштейне» вышло наружу и...

Я не услышала продолжения, так как телефон вырвали из моей руки и отключили.

Я резко повернула голову к Эдди.

— Эй! Я разговаривала с Инди.

— Знаю.

Он положил наши телефоны на стол, посмотрел на меня серьезным и, возможно, немного раздраженным взглядом.

— Что происходит? — спросила я, отодвигаясь от него.

— Ты провела насыщенный день.

Ой-ой.

Я подумала, что в данный момент разумнее держать рот на замке.

— Отправилась на поиски отца, чего я просил тебя не делать, и наткнулась на

неприятности в пекарне, — продолжил он.

Я забыла о том, чтобы держать рот на замке.

— Эдди, это не твое...

Его глаза сузились.

— *Chiquita*, если ты сейчас скажешь, что это не мое дело, клянусь Богом, я пристрелю тебя.

Я вскочила с дивана и уперла руки в бедра.

— Это не твое дело!

Он встал с дивана и сделал шаг ко мне, возвышаясь надо мной.

Как же мне хотелось вернуть свои босоножки, но я не сдавала позиций.

— Чертовски мое, — произнес он своим пугающе тихим голосом.

Я уставилась на него.

— И каким же боком? — потребовала я.

Он раскинул руки и огляделся.

— Как думаешь, какого хрена здесь происходит?

— Не знаю! — крикнула я, на самом деле, не имея понятия.

Он отвернулся от меня, провел рукой по волосам и пробормотал что-то по-испански. Затем снова повернулся ко мне.

— По показаниям свидетелей, блондинку, похожую на тебя, видели катающейся по полу в «Эйнштейне» на Аламеде с парнем, подходящим под описание Винса Фрателли.

Я снова решила промолчать.

— Джет, Винс Фрателли — плохой парень. Не просто плохой, страшно плохой. Мускулистый, очень страшно плохой парень. Кто знает, что на нем числится? Скорее всего, раздробленные колени, отрезанные пальцы, убитые люди. И ты набросилась на него в гребаных «Бейглях Эйнштейна».

Нехорошо. Очень нехорошо. Винс действительно выглядел как страшно плохой парень.

Я перешла в режим защиты.

— Ну, я же не знала! — заорала я.

Тихий голос Эдди исчез, и он закричал:

— О чем, черт возьми, ты думала?

— Он назвал тебя мексикашкой! — крикнула я в ответ.

Вот.

Эдди стоял неподвижно и пристально смотрел на меня.

— Что? — спросил он.

— Я не подумала. Он сказал это, и я просто отключилась, и следующее, что помню, как катаюсь с ним по полу. Инди орала, чтобы я врезала ему коленом по яйцам, так я и сделала, потом Текс схватил меня, и мы вылетели вон. Все это длилось меньше десяти минут.

Он покачал головой.

— Не знаю, поцеловать тебя или вбить немного здравого смысла.

Я знала, какой вариант выберу, но слишком злилась, чтобы выдвинуть предложение.

Я попятилась, обогнула кофейный столик, подобрала босоножки и повернулась к Эдди.

— Я хочу домой, — заявила я.

— Ты не пойдешь домой. Разговор еще не закончен.

Я развернулась и пошла на кухню.

Разговор очень даже закончен.

Я почти добралась до кухни, когда Эдди поймал меня за руку, дернул на себя и развернул. Завел мою руку мне за спину и притянул к себе.

— Мне охренеть как надоело смотреть, как ты уходишь от меня, — прорычал он.

Мое сердце остановилось.

Вероятно, это часть того вспыльчивого характера, о котором говорила Бланка.

— Эдди...

Он не дал мне продолжить.

— Ты и раньше встречалась с мексиканцами, люди говорят всякое дерьмо. Это их проблема, твое дело — игнорировать их.

— Эдди... — попробовала я снова.

— Я уже говорил тебе, — продолжил он, — что ты — мое дело, но совершенно, бл*ть, ясно, что ты меня не поняла. Я несколько месяцев пытался привлечь твое внимание, но ты была так занята и измотана, что нихрена у меня не вышло. Поэтому скажу прямо, чтобы избежать путаницы. Я хочу проводить с тобой время, хочу узнать получше, хочу переспать с тобой, и не обязательно в такой последовательности.

Я даже не пыталась заговорить. Просто не могла. Его слова лишили меня дара речи.

— Пока ситуация не уладится и сколько бы времени на это ни потребовалось, ты — мое дело, и я тоже объясню в чем это заключается. Я оберегаю тебя и твою маму, любыми способами. И никто не будет тебе докучать, даже твой гребаный папаша, или они ответят передо мной.

Я не только потеряла дар речи, живот начал странно болеть, и то странно приятное чувство вернулось.

— Я знаю, что у тебя с этим проблемы, ты дала это понять громко и ясно, но мне плевать. Я продолжу штурмовать твои стены, которыми ты отгородилась, пока не измотаю тебя. Ты меня поняла?

Он замолчал, пристально глядя на меня, и я поняла, что он ждет ответа.

Поскольку я была не способна на словесный ответ, то просто кивнула.

— Хорошо. Теперь, поскольку, скорее всего, за тобой охотится не только Ловкач, но и Луи с Винсом, у тебя есть два варианта: либо я везу тебя домой и остаюсь там с тобой, либо делаю звонок и организовываю наблюдение за твоим домом, а ты спишь здесь со мной.

— У нас Трикси, тебе негде спать, — напомнила я.

— Я буду спать с тобой.

Господь Всемогуший.

— Я останусь спать здесь, — решила я.

— Здесь я тоже сплю с тобой.

Ой!

— Я сплю на диване, — выпалила я.

— Ты спишь в моей постели.

— Значит, на диване будешь спать ты?

— Я буду спать в своей постели с тобой.

— Эдди... — начала было возражать я.

— Ничего не случится. Не сегодня. Я слишком устал и слишком зол.

Я пыталась решить, смогу ли спать с усталым и разозленным Эдди.

И решила, что не смогу спать с усталым и разозленным Эдди.

— Эти два варианта — вообще, не выбор, — пожаловалась я. — Суть одна, только места

разные.

— Они — все, что у тебя есть.

— Мне они не нравятся.

— А мне плевать. Я говорил тебе не искать отца. Ты не послушала и навлекла на себя хренову кучу неприятностей, добавив их к той куче дерьма, которая у тебя уже была. Если я должен обеспечить твою безопасность, я сделаю это так, как нужно мне, и хочу, чтобы ты оставалась рядом.

— Но... спать со мной?

— Ты не понимаешь, — сказал он, нахмутив брови.

— Думаю, понимаю. — Я начинала переходить от паники к злости.

Он отпустил мое запястье, но крепче обнял обеими руками.

— Ловкач известен тем, что использует свой нож, и не лучшим образом. О том, на что способен Винс, я тебе уже говорил. Если они придут за тобой, я хочу, чтобы сначала они добрались до меня.

Ладно, на этом гнев снова начал перерастать в то странное чувство.

— Ты не можешь пойти на такое ради меня, — прошептала я.

— Я делаю это не ради тебя. А ради себя. Я не получу от тебя желаемого, если тебе перережут горло.

Если рассматривать вопрос под таким углом, то это почти имело смысл. Но только почти.

— Все происходит слишком быстро, это...

И снова Эдди не дал мне закончить.

Он прервал меня смехом. Можете поверить, он действительно рассмеялся.

Его руки скользнули вверх по моей спине, а голова опустилась ко мне.

— Поскольку я честен с тобой, *Chiquita*, то скажу, что обычно играю с желаемым, пока не почувствую, что пришло время действовать. С тобой это время пришло охренеть как давно, но ты была так сосредоточена на своих проблемах, что не дала мне возможности открыться. Это было не быстро. Хочешь увидеть быстро, пойдём в спальню, и я покажу тебе быстро, но я покажу тебе это медленно.

Ох... милостивый... боже.

Желудок скрутило, и это тоже было приятное чувство.

Как бы то ни было, ради собственной защиты я сразу же ответила:

— Я не хочу видеть быстро.

Его руки разошлись, одна осталась у меня на спине, другая спустилась на талию.

Его губы приблизились, и я перестала дышать.

Прижавшись к моим губам, Эдди сказал:

— У тебя есть отсрочка на одну ночь. Завтра я начинаю действовать.

Что мне с этим делать? То есть, я считала, что Эдди уже «начал действовать».

Он не дал мне шанса что-либо сказать.

— Я должен сделать звонок, а потом мы пойдём спать.

Ой!

Эдди решает одну из моих проблем

Сработал будильник, и, поскольку звонок не походил на мой, я сразу поняла, где нахожусь.

Оглядевшись, я поняла, что уютное тепло, окутывающее меня, во многом было связано с тем, что мои руки и ноги переплелись с руками и ногами Эдди Чавеса.

Я напряглась и начала отодвигаться.

Объятия Эдди стали крепче (одно из его бедер, кстати, было зажато между моими ногами, а мое бедро было перекинуто через его бедро, не говоря уже о том, что одна моя рука была прижата к его груди, другая обнимала его за талию, хм... ой!).

— Выключи будильник, — сказала я вместо «доброе утро».

— Выключить будильник — значит, отпустить тебя, — ответил он сексуально-хриплым голосом.

Я решила проигнорировать его сексуально-хриплый голос.

— И что? — спросила я.

— Я этого не сделаю, — ответил он и прижался ближе (хотя не думала, что это возможно).

Я слушала ревуший сигнал, и это раздражало.

— Выключи его, — потребовала я.

— Не буду.

— Кто-то должен его выключить, а ты ближе. Я не знаю, на какую кнопку нажать.

Он не ответил.

Я продолжала слушать сигнал.

Попыталась отстраниться.

На этот раз крепче сжались не только руки Эдди, но и его бедра.

Я застряла.

— Ох, ради всего святого, — взмолилась я, а затем толкнула его, перевернула на спину и потянулась к будильнику. Это означало, что я растянулась на Эдди и решила возненавидеть его вместо того, чтобы любить и хотеть подарить Бланке внуков.

На будильнике было, по меньшей мере, дюжин семь кнопок, поэтому я просто провела пальцами по всем в надежде, что одна из них отключит сигнал. Жужжание прекратилось, и вместо него зазвучала старая мелодия группы Big Head Todd and the Monsters.

Это была не просто хорошая песня, это была отличная песня, но также и сексуальная.

Великолепно.

Я толкнула Эдди в грудь и пристальнее вгляделась в будильник, чтобы рассмотреть, какая кнопка выключает музыку, и увидела, что это еще и проигрыватель компакт-дисков. Как раз в тот момент, когда я собиралась нажать «стоп», Эдди прижал меня к себе и перевернул на спину, сам оказавшись сверху.

Нехорошо.

Прошлой ночью, после того как Эдди объявил, что мы идем спать, он сдержал свое слово. Организовал патруль на парковке возле моего дома. Я позвонила маме, чтобы сказать, что не вернусь ночевать (к ее великому ликованию, которое переросло в пронзительный радостный визг, который, я могла поклясться, Эдди услышал с другого конца комнаты). Он

дал мне черную выцветшую футболку, выстиранную миллион раз, мягкую и удобную. Потом мы легли в постель и уснули, никаких шалостей, ничего.

Я не собиралась испытывать судьбу.

Я решила включить воинственность. Мне нужно было встать, одеться и убраться от него к чертовой матери как можно быстрее, и я решила, что быть сукой — это правильный путь.

— Слезь с меня. Мне нужно выключить музыку, — сказала я ему, глядя в темные глаза, которые все еще были сонными и странно влияли на мое душевное спокойствие.

— Мне нравится эта песня, — сказал он, а затем его лицо исчезло в моей шее, и я почувствовала прикосновение его губ там.

Полагаю, воинственность не работает.

— Что ты делаешь? — прикинулась я дурачком, притворяясь, что мне не нравятся его губы на моей шее.

— Наступило завтра, — ответил он, и тогда мне пришлось притвориться, что мне не нравится его сонный хриплый голос, вибрирующий у меня на шее.

— И?

Его губы скользнули вверх по моей шее, зубы прикусили мочку уха, и он сказал:

— Твоя отсрочка закончилась.

Черт. Этого я и боялась.

— Эдди... — начала я, но он поцеловал меня.

Серьезно, такое слишком тяжело вынести. Его теплое тело на мне, его теплая постель подо мной, его губы на моих, его язык у меня во рту, его руки повсюду; я не могла такого вынести.

Так что я и не пыталась.

Я поцеловала его в ответ и, как в своих мечтах, провела руками по его груди, животу, спине. Он был хорош на ощупь... твердый, гладкий и теплый.

Одна из его рук поднялась по моей футболке, обхватила грудь, и Эдди провел подушечкой большого пальца по моему соску.

Это было так приятно, мой рот оторвался от его, я закрыла глаза и втянула воздух.

Он поднял голову, и я открыла глаза, чтобы посмотреть в его глаза.

В них полыхал огонь.

Его указательный палец присоединился с большому, перекатив мой сосок между ними. Электрический разряд ударил прямоком в пах. Моя шея выгнулась дугой, я прикусила губу и, кажется, впиалась ногтями ему в спину.

Он наблюдал за представлением, выражение его лица изменилось, на нем читался голод, а от его взгляда меня пробрала дрожь.

Другая его рука поднялась к футболке, стянула ее через голову, а затем ткань исчезла.

Его губы вернулись к моим губам, затем спустились ниже, пока не сомкнулись вокруг моего соска. Я погрузилась пальцами в его волосы, удерживая его голову, пока он ласкал языком, прикусывал и посасывал, затем я не выдержала и застонала.

Он вернулся к моим губам, и я целовала его изо всех сил, когда почувствовала его ладонь между ног, поверх трусиков, пальцы вдавливались внутрь.

Эдди приподнял голову всего на дюйм.

— Иисусе, *Cariña*, ты уже готова для меня. — Его голос звучал хрипло и одобрительно.

Несмотря на это, при его словах я застыла. Затем опустила руку, обхватывая его запястье и отводя ладонь в сторону.

— Нет, — запротестовала я.

Это было слишком унижительно.

В муках восхитительных сексуальных движений я забылась.

Забыла, что я Просто Джет, но наступит время, когда он поймет это, когда Девица в Беде Джет будет спасена, и в ней больше не будет ничего интересного. Я забыла, что он был Горячим Красавчиком Эдди, и его влечение ко мне не продлится долго, потому что, в конце концов, он поймет, что он не в моей лиге. Я забыла, что люди будут смотреть на нас и думать: «Что он с ней делает?»

Я забыла обо всем этом на мгновение. Но правда никуда не делась.

Всего два месяца назад он был с великолепной блондинкой.

Я не испытывала оргазма уже восемь месяцев и ни с кем не спала после Оскара.

Он был самым популярным мальчиком в школе, а я была девочкой в очках, брекетах и забавной одежде.

У нас ничего не выйдет.

Он вывернул запястье, освобождаясь от моей хватки, и его пальцы переплелись с моими.

— Не-а, Джет. Ты не можешь просто так закрыться от меня, — сказал он и пристально посмотрел на меня.

— Мне нужно идти на работу.

— Поговори со мной, — приказал он.

Я толкнула его в плечо другой рукой, помогая себе телом.

Он не сдвинулся с места.

Мы лежали лицом к лицу, кожа к коже, это было приятно, и внезапно мне захотелось плакать.

— Мне нужно идти, — сказала я немного отчаянно.

Он взял мою руку и зажал ее между нашими телами.

— Поговори со мной, — повторил он, на этот раз тихо.

Я уставилась на него.

— Мне нужно идти, — повторила я, на этот раз намного громче.

Не прерывая зрительного контакта, он поднес наши руки к своим губам и прикоснулся к ним. Затем прижал их к груди, и мне пришлось напомнить себе, что нужно дышать.

— Кто-то причинил тебе боль? — тихо спросил он, его взгляд стал странным, нежным и каким-то еще, чего я не могла разгадать.

Я моргнула, сбитая с толку.

— Что? — спросила я.

— Кто-то сделал тебе больно, прикоснулся к тебе так, как ты не хотела? — пояснил он.

Я снова моргнула, затем у меня перехватило дыхание.

— Имеешь в виду изнасилование?

Он не ответил, просто смотрел на меня.

— Почему ты так думаешь? — спросила я.

— В одну секунду ты распляешься, а в следующую — холодна, как лед, и почти плачешь. Это, безусловно, объяснило бы, почему ты так осторожна. *Cariña*, я хотел бы понять, — он говорил на полном серьезе, и то приятное чувство снова поразило меня, но на этот раз оно было настолько сильным, что выбило из меня дух.

— Меня не насиловали, — тихо сказала я.

— Ты бы мне сказала?

— Тебе, да, — завершила я.

Я не осознавала, насколько Эдди напряжен, пока не ответила ему, и он не расслабился рядом со мной.

— Тогда скажи, что случилось, — попросил он.

— Дело не в этом.

— Тогда в чем?

— Ни в чем.

— Джет.

— Правда, Эдди, это ерунда.

Его брови сошлись на переносице, когда до него дошло, что я не раненая душа, а просто идиотка.

— Это не ерунда. Если бы это было ерундой, сейчас, вместо того, чтобы разговаривать, мы лежали бы примерно в том же положении, но твои ноги были бы обернуты вокруг моей спины. Это что-то серьезное.

Желудок скрутило.

Я проигнорировала это.

— Ничего серьезного.

— Черт побери, Джет, — пробормотал он сквозь стиснутые зубы, теряя терпение.

— Эдди, мне нужно на работу.

— Нет, ты должна поговорить со мной. Иначе я прикую тебя к кровати, пока ты не заговоришь.

Я уставилась на него.

— Ты бы этого не сделал.

— Испытай меня, черт возьми.

Ох... милостивый... боже.

Я снова уставилась на Эдди, пытаюсь понять, поступит ли он так со мной.

Выражение его лица говорило, что поступит.

— Слезь с меня! — Я начала бороться с ним, но безрезультатно.

— Говори! — рявкнул он.

— У меня не было оргазма уже восемь месяцев! Ясно? — крикнула я. — А теперь слезь с меня!

Ага.

Вот на какую нелепость и смущение пришлось пойти девушке.

Он уставился на меня.

— Ты шутишь, — заявил он.

— Разве я стала бы шутить чем-то подобным?

— Я бы не стал шутить чем-то подобным.

Я уставилась на него.

Он ухмыльнулся.

— Это не смешно, — огрызнулась я, чувствуя себя безмерно глупо.

— Нет, ты права. Я просто рад, что, наконец-то, у тебя есть проблема, которую я могу решить.

Ой-ой.

— Не думаю... — начала я, но он снова поцеловал меня. Это был потрясающий

поцелуй, много наших губ, зубов, языка, потом к делу подключились руки. Восхитительно, почти даже красиво.

Когда его рука снова оказалась у меня между ног, он не стал возиться с моими трусиками. Просто погрузился внутрь вместе с тканью, надавив пальцами и попав в идеальное место, и начал двигаться.

Это не заняло много времени. Как я уже сказала, прошло много времени, но у Эдди были талантливые пальцы, сильные и творческие. Я тяжело дышала ему в рот, крепко держалась за него, а потом это случилось.

И это было великолепно. Охрененно невероятно, и поверьте мне, определенно стоило того, чтобы употребить слово с буквой «х». Это стоило тысячи слов с буквой «х».

Закончив, я открыла глаза и увидела, что он смотрит на меня одновременно нежным и удовлетворенным взглядом, хотя сам ничего от этого не получил.

У меня не было времени смущаться. Он перекатился через меня и стащил с кровати, обнял и тесно прижал к себе.

— А теперь я отвезу тебя на работу, — сказал он, наклонил голову и прикоснулся губами к моим губам. Затем отпустил, повернулся и пошел прочь.

Я стояла и смотрела ему вслед. У него была отличная задница, я месяцами оценивала ее в джинсах, но теперь могла видеть факт налицо, потому что на нем были только боксеры в бело-голубую полоску.

Кстати, Big Head Todd and the Monsters все еще звучали из проигрывателя.

* * * * *

Эдди припарковался позади «Фортнума», и я вышла из грузовика. Он сделал то же самое, поэтому я поспешила вперед, но мои сексуальные зеленые босоножки тормозили меня. Он догнал меня и взял за руку, так что мы вошли в магазин, держась за руки.

Инди, Элли и Текс — все стояли за прилавком с эспрессо, и при нашем появлении подняли головы. Инди и Элли взглянули на нас с Эдди и улыбнулись. Текс нахмурился.

У кассы стояла очередь из десяти клиентов, готовых сказать свои заказы.

— Кавалерия прибывает! — прогремел Текс. — Эти двое ни хрена не стоят за прилавком. Вернись сюда, Чокнутая.

Я начала идти вперед, но Эдди сжал мою руку, и я обернулась.

— Мне нужно на работу, — сказала я, наверное, в миллионный раз за утро.

Он приблизился ко мне и сказал:

— Хорошо, но сначала пообещай мне, что не пойдешь искать своего отца.

Я подумала об этом, потом кивнула. Решила, раз я не сформулирую ответ словесно, то, возможно, он не станет абсолютной ложью, скорее ее половинкой или даже третью лжи, что не так уж плохо, верно?

Он посмотрел на меня мгновение, затем повернулся к книжным полкам и потащил за собой. Пройдя два ряда, свернул налево и остановился на полпути в проходе.

— Эдди, я должна помочь. Ты видел, какая там очередь?

Он отпустил мою руку, но затем положил обе ладони туда, где мои плечи соприкасались с шеей.

— Я должен объяснить тебе кое-что еще.

О нет, только не снова.

Я внутренне приготовилась.

— Сегодня утром все изменилось, — сказал он.

Я уставилась на него.

— Что именно? — спросила я.

— Раньше я собирался сделать тебя своим делом. Все меняется, как только я сплю с женщиной, заставляю ее кончить и намереваюсь сделать это снова. Теперь ты — просто мое дело.

Боже милостивый.

Мои колени ослабли, и я схватилась за его футболку, чтобы удержаться на ногах.

Большим пальцем Эдди начал поглаживать мою шею.

— Тот вышибала у Смити все еще приставлен к тебе?

Я кивнула.

— Попроси Текса или Дюка отвезти тебя домой из «Фортнума» и проводить до квартиры. Ночью я заберу тебя с работы.

— О... хорошо.

Он улыбнулся, сверкнув ямочками на щеках, и наклонился, чтобы крепко поцеловать. Отпустив мою шею, заправил волосы мне за ухо. А затем исчез.

Я вышла из-за книжных рядов, все еще наполовину в Дурмане Эдди. В ту же минуту Инди и Элли набросились на меня. Я увидела, что пришел Дюк и встал за стойкой эспрессо вместе с Тексом.

— Как все прошло? — спросила Инди.

— Нужно ли спрашивать? Она все еще во вчерашней одежде. Чертовски круто! — воскликнула Элли.

Обе уставились на меня.

Я пялилась на них в ответ.

— Ну же! — чуть не закричала Инди.

Я поведала им сокращенную версию Свидания с Эдди.

Они переглянулись, затем повернулись ко мне.

— Подробнее, — приказала Элли.

Я вздохнула и изложила им более длинную версию, включая маму и Трикси, Бланку, брата и сестер Эдди, подробности речи Эдди «сплю с тобой/оберегаю тебя/изматываю тебя», и, возможно, немного увлеклась и рассказала немного о том, чем занималась утром.

Когда я закончила, у обеих рты были открыты, а глаза затуманились, предполагаю так выглядела я, когда меня окутывал Дурман Эдди.

Я понимающе кивнула, увидев их реакцию.

— Знаю, — подтвердила я.

— Если вы, курицы, закончили кудахтать об Эдди, нам бы не помешала помощь, — крикнул Дюк.

* * * * *

Утро выдалось суматошным, Элли выбрала для этого случая компакт-диск Nickelback и включила погромче.

Обычно «работа» в «Фортнуме» не казалась работой. Больше походило на тусовку с друзьями, которая иногда прерывалась чем-то вроде работы.

Сразу после полудня толпа значительно поутихла, и Текс повернулся ко мне.

— Пошли, Чокнутая. У меня есть план, как разговорить друга твоего папаши. — Он повернулся к Элли. — Мы берем «Мустанг». Ты за рулем.

Я покосилась на него.

— Этот план включает в себя твой дробовик? — спросила я.

— Нет, — ответил он, и я испытала некоторое облегчение. Затем он добавил: — По крайней мере, не план А.

Ой-ой.

— А как насчет плана Б? — напирала я.

Он направился к двери.

— Давай надеяться, что план А сработает.

Сказочно.

Инди, Текс, Элли и я уселись в новенький «Мустанг» Элли с откидным верхом и покатали в Лейквуд. Элли припарковалась у дома Медведя, и мы едва успели выйти из «Мустанга», как в дверях нарисовался Медведь, повернулся и осторожно закрыл ее. Он встретил нас на полпути по дорожке.

— Я не видел твоего отца, — выпалил Медведь вместо приветствия.

Нехорошо.

— Медведь... — начала я, но тут дверь открылась и появилась Лавонн.

Лавонн красила коротко подстриженные волосы в ультра-ненатуральный черный цвет. У корней они были серо-стального оттенка, она была на два дюйма ниже меня и, легче, по меньшей мере, фунтов на тридцать, если не больше. Миниатюрная, жилистая, с голосом курильщицы, выкуривающей по две пачки в день.

— Что здесь происходит? Джет! О, боже! Посмотри на свои волосы. Выглядят великолепно!

Она бросилась вперед, всегда полная энергии, и крепко обняла меня.

— Как давно я тебя не видела, — сказала она, а затем ее удовольствие от встречи со мной начало исчезать, когда она увидела Инди, Элли и, особенно, Текса. Все пялились на Текса. Текс представлял собой зрелище, на которое стоило пялиться.

Затем ее взгляд остановился на Медведе.

— Что происходит? — снова спросила она, оценивая ситуацию так, как это сделала бы только мать или жена Медведя.

— Ничего, — ответил Медведь.

— Я ищу папу, — сказала я в то же время.

Лавонн посмотрела на меня.

— Твой отец был здесь только сегодня утром. Разве он не навестил тебя?

Я посмотрела на Инди. Инди посмотрела на Элли. Элли посмотрела на Текса. Текс посмотрел на меня.

— Что происходит? — потребовала Лавонн в третий раз.

— Мы можем войти в дом? — попросила я.

Лавонн сжала губы, развернулась, и мы все последовали за ней в дом.

Внутри дом Лавонн и Медведя не мог более отличаться от их двора. Лавонн придерживалась строгих правил относительно того, что является прерогативой женщины, а что — мужчины. Мужчина заботился о дворе, мусоре и машине. Женщина занималась домом, готовкой и стиркой.

Гостиная Лавонн выглядела опрятной, чистой и чрезмерно изобилующей сердечками. На стенах висели сердечки из согнутых веточек, украшенные сухими цветами, венки в форме сердечек, маленькие расписные деревянные сердечки, подушечки-сердечки на диване, рамки-сердечки с фотографиями ее детей.

Я представила всех друг другу, Медведь сел на диван, Инди и Элли заняли кресла, а я осталась стоять. Текс остановился рядом со мной, как охранник. Лавонн приблизилась к Медведю и закурила сигарету.

Все выслушали мою последнюю печальную историю.

По завершении, Лавонн подняла руку и отвесила Медведю звонкий щелбан.

— Эй, женщина! — завопил Медведь, шарахаясь от нее.

Лавонн повернулась ко мне и сказала:

— Рэй оставался здесь последние две ночи. Я не знала, что происходит такое.

Тон Лавонн говорил о том, что она была очень недовольна.

Затем Лавонн протянула руку и снова отвесила щелбан Медведю.

— Я сказал: эй! — гаркнул Медведь.

Она не отрывала одну руку от бедра, в другой держала сигарету, и зло пялилась на Медведя.

— Что все это значит, Медведь? И предупреждаю, или ты говоришь, или на этот раз уйду не я. На этот раз я соберу *твои* вещи.

Это явно была не пустая угроза, потому что без промедления Медведь заговорил.

— Азартные игры. — Медведь посмотрел на меня. — Твой отец играл в азартные игры. Попал в затруднительное финансовое положение, поэтому обратился к Ловкачу, он — ростовщик.

Я опустилась на подлокотник кресла рядом с Элли, в надежде, что сердце снова забьется.

— Пару дней назад ему неожиданно повезло, он сумел купить себе место за столом, чтобы вернуть деньги, которые задолжал Ловкачу. Вместо этого он проиграл и теперь должен Маркусу.

Текс, Элли и Инди переглянулись.

Я не знала, что означал их взгляд, но решила побеспокоиться об этом позже. У меня и так было слишком много причин для волнений.

Неожиданная удача, которая настигла папу, была моими с трудом заработанными пятьюстами баксами.

Мне хотелось плакать.

— Сколько он должен этому Маркусу? — спросила я.

— Пятнадцать штук.

Элли схватила меня за руку.

Пятнадцать штук? Как случилось, что пятьсот долларов превратились в долг в пятнадцать тысяч? В общей сложности папин долг теперь составлял сорок пять тысяч долларов. Даже если бы я встала у шеста, продала все, что у меня было, и сдавала за деньги свою плазму каждый месяц в течение года, я не смогла бы заработать сорок пять тысяч.

Лавонн снова отвесила щелбан Медведю.

— Почему ты не сказал ей об этом вчера? И где сейчас Рэй? — рявкнула она.

— Рэй попросил меня держать это в секрете, и он пытается все исправить. — Взгляд Медведя метнулся ко мне. — Клянусь, Джет, он пытается все исправить.

Я встала и крикнула:

— Как? С помощью азартных игр? Воровства? Он, черт возьми, точно не будет устраиваться официантом в «Бенниган», столько капусты ему там не настругать!

Медведь тоже встал.

— Он пытается поступить правильно!

Лавонн высоко подняла руку и снова отвесила ему щелбан.

— Не ори на Джет, — огрызнулась она.

Все посмотрели на Медведя, и лицо Медведя покраснело, а затем он взорвался.

— Почему все злятся на меня? Я не просаживал сорок пять штук в покер. Это не моя вина. — Затем он решил, что разумный способ закончить все это — отвлечь внимание от себя. — И вообще, Джет работает в баре с сиськами.

Черт.

Все затаили дыхание, когда широко раскрытые, злые глаза Лавонн обратились ко мне.

— Что?

— Лавонн... — начала я, но она меня перебила.

— Ты работаешь в баре с сиськами?

Ну, класс.

— Я не танцую, просто обслуживаю столики, — заверила я ее.

Лавонн не чувствовала себя убежденной.

— Бар с сиськами — это бар с сиськами. Ты не из тех девушек, которые работают в баре с сиськами. Я знаю, что твоя мама не так тебя воспитывала, — парировала она.

Я выпрямилась.

Во-первых, не было ничего зазорного в том, чтобы работать в баре с сиськами. Это хорошая, честная работа, и там работали хорошие, честные люди (ладно, может, Ричи, один из вышибал, был немного козлом). Во-вторых, на комод у мамы стояла рамка с фотографией Лотти, растянувшейся на крыше «Корвета», с прижатыми к нему голыми сиськами, и задранной кверху задницей в стрингах. Мама полностью воспитала нас такими.

— Нет ничего плохого в том, чтобы работать в баре с сиськами, — возразила я.

Лавонн ловко обошла мою защиту в адрес бара с сиськами.

— Твоя мама знает об этом? — спросила Лавонн.

Я кивнула.

— Что она говорит?

Я замешкалась, вздохнула и снова села в кресло. Затем рассказала Лавонн остальную часть истории.

Когда я закончила, она подошла к маленькому письменному столу в углу (на котором были вырезаны сердечки), достала листок бумаги и протянула его мне. Затем вернулась к столу, зажала сигарету между губами и заговорила, опасно покачивая сигаретой.

— Напиши на этом листе свой адрес и номер телефона. Дитя, я не могу поверить, что ты не сказала мне, что восемь месяцев назад у Нэнси был инсульт. Что должна думать Нэнси, если никого из ее друзей нет поблизости? — Она порылась в столе, схватила что-то и начала писать. — Еще маленькой ты всегда брала на себя слишком много. Никогда не делилась бременем. Столько спускала людям. Твой отец пользовался твоей добротой, Лотти наслаждалась собой, не заботясь ни о чем в этом гребаном мире, пока ты мыла кухонный пол. Ты — Золушка, мать ее, вот ты кто.

Она вырвала лист из чековой книжки и протянула мне, вынув сигарету изо рта и выпустив огромный шлейф дыма.

— За исключением того, что у Золушки не было выбора, у тебя есть.

Я взяла чек и посмотрела на него. Он был на пятьсот долларов.

— Лавонн! Я не могу этого принять!

Лавонн раздавила сигарету в пепельнице в форме сердечка и скрестила руки на плоской груди.

— Можешь и примешь, обналичишь чек и воспользуешься деньгами.

Я уставилась на чек, потом на нее.

— Я знаю, что у тебя нет таких денег.

— Верно, нет. Это моя Рождественская кубышка. Копила весь год, чтобы купить этому придурку телевизор с плоским экраном. После сегодняшнего пусть об этом забудет.

Медведь рухнул на диван и хлопнул ладонью по лбу.

Лавонн кивнула мне.

— Счастливого Рождества.

Я попыталась вернуть ей чек.

— Правда, я не могу.

— Твоя мама знает, что Рэй в городе и о том, что с тобой происходит? — спросила она.

Ой-ой.

Я медленно покачала головой.

— Она и дальше будет оставаться в неведении, если я узнаю, что чек обналичен.

Ого. Лавонн была хороша.

— Не знаю, что сказать, — заявила я ей.

Ее лицо чуть смягчилось, а уголки губ приподнялись.

— Скажи «спасибо» и береги себя. Если мы увидим или услышим что-нибудь от Рэя, мы тебе позвоним.

— Ты тоже? — прогремел Текс, и все подскочили. Удивительно, но я забыла, что он в комнате, Текс, нахмутив брови и прищурившись, смотрел на Медведя.

— Что, я тоже? — спросил Медведь.

— Увидишь ее отца или услышишь о нем, ты ей позвонишь, да?

Медведь махнул рукой, все еще переживая потерю телевизора с плоским экраном.

— Да, — подтвердил он.

Я записала свой адрес и номер телефона и отдала Лавонн, и она проводила нас до двери.

— Я заскочу к Нэнси, как только смогу, — пообещала мне Лавонн.

Я повернулась к ней и улыбнулась.

— Ей было бы приятно.

Мы с Лавонн обнялись, все попрощались, и мы сели в «Мустанг».

— Кажется, я хочу стать ею, когда вырасту, — сказала Элли. — Но без никчемного муженька.

Я улыбнулась Элли, и тут зазвонил мой сотовый. Я достала его из сумочки и посмотрела на экран.

Там было написано: «Неизвестный номер». Я все равно нажала «ответить», надеясь, что это папа.

Прежде чем я успела сказать хоть слово, в трубке раздалось:

— Где ты сейчас находишься?

Это был Эдди, или, я бы сказала, не очень довольный Эдди.

Я запаниковала и, чтобы выиграть время, промычала: «Гм». Но тянула так долго, как только могла.

Инди сидела рядом со мной на заднем сиденье, со стороны пассажира. Раздался стук в

ее окно, и все подскочили.

Я повернула голову, как и все остальные. Через окно я увидела узкие бедра в джинсах. Сердце остановилось, думая, что это Эдди, затем к окну наклонился Ли, посмотрел на нас и поманил пальцем Инди.

Ли выглядел таким же довольным, каким Эдди звучал по телефону.

Черт.

Черт, черт, черт.

— Срань господня, — прошептала Инди.

Она права. Момент дерьмовый. Не говоря уже о том, что Ли, очевидно, увидел нас и позвонил Эдди. Нехорошо. По крайней мере, это казалось плохо для Инди.

Что ж, хорошей новостью (для меня) было то, что Эдди разговаривал по телефону, а не был с Ли.

Затем раздался стук в окно с моей стороны.

Все повернули головы в другую сторону, и через свое окно я увидела узкие бедра в джинсах и ремень со знакомой серебряной пряжкой.

— Выходи из машины, Джет, — сказал Эдди мне на ухо, а затем связь оборвалась.

Мое сердце остановилось. К сожалению, я боялась, что «срань господня» не описывала в полной мере настоящий момент.

Для меня, если бы ситуация могла стать еще хуже, она бы стала

— Что, парни, веселитесь? — спросил Текс, выходя из машины.

Элли тоже вышла и оставила водительское сиденье откинутым вперед. В салон протиснулась мужская рука и схватила мою, «помогая» выбраться из машины.

Не успела я поставить ногу на тротуар, как меня потащил вперед быстро шагающий, взбешенный Эдди Чавес.

Я пролетела мимо симпатичного чернокожего парня, худощавого, высокого, с курчавыми волосами, который смотрел на меня с ухмылкой от уха до уха. Времени поздороваться не было, так как Эдди продолжал тащить меня за собой.

Я оглянулась через плечо. Не знаю, почему, может, чтобы крикнуть «помогите», и увидела, что Ли тащит Инди в противоположном направлении.

Фантастика. Теперь я втянула Инди в неприятности.

Эдди остановился через пару домов, повернулся ко всем спиной и развернул меня так, чтобы отгородить от всех.

— Что ты здесь делаешь? — спросили мы в унисон.

Эдди сделал шаг ближе, его глаза сверкнули.

— Я первый, — сказал он, глядя на меня.

— Я навещала друзей, — ответила я, чем не совсем солгала.

Глаза Эдди сузились.

— Значит, это не имеет никакого отношения к тому факту, что твой отец провел здесь ночь?

Боже милостивый, откуда он узнал?

Я решила не спрашивать и не отвечать. Вместо этого подумала, что, возможно, мне следует попытаться говорить расплывчато; раньше я не пробовала подобную тактику.

— Ммм... — промычала я.

Эдди стиснул челюсти, и я была почти уверена, что он вот-вот закричит.

Вот вам и расплывчатость.

— Это мой папа, Эдди, — тихо сказала я.

Затем (клянусь, я ничего не могла с собой поделать) глаза наполнились слезами.

Возможно, я могла бы контролировать себя, но рука Эдди обхватила мой затылок, и он притянул мое лицо к своей груди.

От него хорошо пахло, он был твердым и сильным, и, прижимаясь вот так к его груди, я могла притвориться, что он был единственным существом в мире. Я чувствовала себя в безопасности, вероятно, впервые в своей жизни, и, определенно, впервые с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Так что я схватилась за его футболку по бокам и позволила слезам течь.

— Я так понимаю, ты знаешь о Маркусе и дополнительных пятнадцати тысячах? — спросил Эдди.

Это я тоже не знала, как он выяснил, но так сильно плакала, что лишилась голоса, чтобы спросить, поэтому кивнула.

Он пробормотал что-то по-испански, обнял одной рукой, но другую продолжал держать в моих волосах, прижимая мою голову к своей груди.

Когда я немного пришла в себя, то придушенно выдавила:

— У меня хреновая жизнь.

Его рука вокруг меня напряглась.

— Вынужден согласиться, *Chiquita*, — пробормотал он.

— Я... я... не думаю, что смогу это исправить, Эдди, — пробормотала я, уткнувшись ему в грудь, прижимаясь ближе и обнимая его, вслух признавшись в том, о чем думала несколько дней. — Я все пытаюсь придумать выход, но не могу.

— Позволь мне разобраться с этим, — сказал Эдди.

Я откинула голову назад и посмотрела на него.

— Как ты собираешься это сделать?

Затем поняла, что он не ответил на мой предыдущий вопрос, поэтому немного отстранилась, и рука Эдди упала с моих волос, чтобы обернуться вокруг моей спины.

— Что ты здесь делал? — вновь спросила я.

— Искал Рэя.

Нехорошо.

— Зачем?

— По разным причинам.

Теперь Эдди говорил расплывчато.

— Каким, например?

Он поднял руку и коснулся моей щеки, большим пальцем утирая слезы. Провел костяшками пальцев по другой щеке с той же целью. Он наблюдал за движением руки, а затем встретился со мной глазами.

— Видишь ли, есть одна девушка, я хочу узнать ее получше, не говоря уже о том, чтобы заняться с ней другими вещами. Пока этот беспорядок не будет улажен, получить то, что я хочу, — будет более сложной задачей, чем мне бы обычно понравилось. Поэтому я собираюсь с этим разобраться.

Я почувствовала пробежавший по животу трепет.

— Но разве у тебя нет работы?

— Мне позволили поступить по-своему.

Управление полиции Денвера не давала волю Эдди действовать по-своему. Инди говорила, что Эдди взял все в свои руки, смирившись с последствиями.

— Позволь мне сделать это для тебя, *Chiquita*, — произнес он ласково.

— Это семейная проблема, я не могу просить тебя... — я замолчала, когда меня осенило: — Что здесь делает Ли?

Мы оба оглянулись. Ли и Инди стояли в противоположной от нас стороне, через два дома от дома Медведя и Лавонн, оба уперли руки в бедра, и вели разговор, который совершенно не походил на любовный.

Эдди обратил взгляд на меня.

— Ли работает над одним делом, которое связано с его пребыванием здесь. Я подключил его для поисков Рэя.

Мои глаза вылезли из орбит.

— Я не могу позволить себе Ли!

— Тебе не нужно платить Ли. Он — *mi hermano* (с исп. — мой друг), а Инди — твоя подруга и его женщина, это бесплатно.

— Я не могу...

— Может, хватит говорить «я не могу»? — рявкнул он.

— Но я не могу, — огрызнулась я.

— Можешь, Джет. Они — твои друзья. Думаешь, они здесь ради острых ощущений? — более мягко заключил он.

Я оглянулась через плечо Эдди на Элли и Текса. Элли и чернокожий парень стояли, облокотившись на «Мустанг», и разговаривали. Текс явно нетерпеливо переводил хмурый взгляд с Инди и Ли на меня и Эдди, будто смотрел раздражающий теннисный матч.

Мое сердце сжалось, и у меня возникло то странное приятное чувство, похожее на то, которое продолжало накатывать во время свидания с Эдди.

— Кажется, они здесь частично ради острых ощущений, — попыталась я скрыть, насколько тронута их проявлением поддержки.

Когда я снова посмотрела на Эдди, то увидела ямочку на щеке.

— Думаю, ты права.

Я решила сменить тему.

— Кто тот чернокожий парень?

— *Mi otro hermano* (с исп. — *другой мой друг*). Дариус. Мы все выросли вместе.

— Он не заходит в «Фортнум». Он тоже полицейский?

Все в окружении Эдди, Ли и Инди были полицейскими, частными детективами или сумасшедшими. Дариус не выглядел сумасшедшим, поэтому я ткнула пальцем в небо.

— Торговец наркотиками, — ответил Эдди так буднично, будто сказал «продавец обуви».

Я уставилась на него.

— Серьезно? — выдохнула я.

Он кивнул.

— Почему ты его не посадишь?

Ямочка вернулась, на этот раз с полноценной улыбкой.

— Я не сажаю его, потому что он — мой брат. — Эдди крепче обнял меня и опустил голову. — Это долгая история. Расскажу как-нибудь, когда мы не будем орать друг на друга, спать или отбиваться от наших сумасшедших семеек.

Мой живот скрутило узлом.

— Хорошо, — это все, что я могла сказать.

Он некоторое время наблюдал за мной.

— Могу ли я доверять тебе, что ты не отправишься на поиски своего отца? — спросил он.

Я кивнула.

— Означает ли этот кивок, что я могу доверять тебе, или что ты предпочитаешь не лгать вслух?

Я не могла удержаться, Эдди меня раскусил, поэтому я улыбнулась ему.

Его глаза потеплели.

— Я мог бы влюбиться в эту улыбку, — пробормотал он, словно разговаривал сам с собой, а меня здесь даже не было.

Я застыла.

Эдди почувствовал это, уголки его губ приподнялись, затем он прикоснулся к моим губам легким поцелуем и сказал:

— По одному делу за раз.

— Как прошло твоё свидание с Эдди?

Мама слышала, как в замке повернулся ключ, поэтому уже стояла посреди коридора, ожидая меня после того, как Дюк привез меня домой.

— Немного... странно, — сказала я и прошла мимо нее в квартиру. — Я познакомилась с его мамой.

— Ты познакомилась с его мамой! О... мой... бог. Великолепно!

Я бросила сумочку на диван и решила сменить тему и не говорить ей, что я также познакомилась с большей частью его семьи. Она бы начала обзванивать флористов и церкви.

— Что ты делаешь, зачем встала с кресла? — спросила я.

Мама шла нетвердой походкой, ее левая рука безвольно болталась, но выглядела она хорошо, хотя день уже клонился к вечеру.

— Я хорошо себя чувствую. Даже сделала две стирки и выгрузила посудомоечную машину.

Я улыбнулась. Ничего не могла с собой поделаться. Какая отличная новость.

Она улыбнулась в ответ. Понимая, что это отличная новость.

— Механик звонил по поводу моей машины?

— Нет, но ты не поверишь, что произошло прошлой ночью. У нас был небольшой переполох. Приходила полиция и сказала, что в здании, возможно, находится эксгибиционист. Они хотели знать, видели ли мы его с Трикси. Мы не видели, но, черт возьми, хотели бы его найти.

Я рассмеялась, поняв, что этот переполох устроил Эдди, и это несколько снизило градус напряжения.

В моем кошельке лежала почти тысяча долларов в чаевых, щедрости Смити и чеке Лавонн. Не говоря уже о том, что сегодня был день зарплаты как в «У Смити», так и в «Фортнуме». Маме становилось лучше, и у меня появились друзья, которые присматривали за мной. Эдди собирался разобраться с папиной проблемой, и на этой неделе я прекрасно выспалась. Я начинала чувствовать, что могу покорить весь мир. Или, по крайней мере, следующую неделю. Обычно я едва справлялась со следующим часом.

Я немного полежала, приняла душ, потом мне позвонил Ленни, сказав, что подкинет до клуба.

Я прибыла в «Смити» вовремя во второй раз за неделю.

— Один раз — это чудо, два раза означают, что свиньи летают, — воскликнул Смити, увидев меня. — Ты разобралась со своими проблемами? — потребовал он, выкладывая мой фартук на стойку бара вместе с еще одним конвертом чаевых.

— Пока нет, но я работаю над этим. — Я отдала ему свой кардиган и сумочку.

Смити посмотрел на Ленни.

— Чтобы всю ночь не спускал с нее глаз. Понял меня?

Ленни кивнул.

— Хорошо, а теперь за работу.

Была пятница, а по пятницам у «Смити» всегда было полно народу, так как это был день зарплаты. В этот день парни проявляли щедрость, что означало приличные чаевые. С двумя хорошими ночами на этой неделе и сменой в субботу, — если ремонт машины не будет стоить мне целое состояние, — я смогла бы даже что-нибудь отложить.

За полчаса до закрытия я почувствовала на плече руку, а затем рядом со мной

материализовался Ленни.

— Без рук, здоровяк, — предупредил Ленни.

Я услышала раскатистый смех Текса и обернулась, отчего его мускулистая рука исчезла с моего плеча.

— Он думает, что может меня уложить, — в голосе Текса звучало веселье.

— Все в порядке, Ленни. Он мой друг. — Ленни отошел, все еще не сводя с нас глаз, и я повернулась к Тексу. — Что ты здесь делаешь?

— Я поговорю с Инди, чтобы купить вам, девчонки, такую же форму для «Фортнума». Мы все уйдем на пенсию через год.

Сказочно. С такой скоростью скоро все увидят меня в униформе Смити.

Я притворилась, что собираюсь ударить его подносом, а он притворился, что съезжился. Затем ответил мне:

— Звонил Чавес. Он занят какой-то суперполицейской работой. Поэтому попросил меня забрать тебя. Сказал, что увидится с тобой завтра.

Я тут же испытала разочарование. Затем испытала необходимость притвориться, что не чувствую разочарования. И лучезарно улыбнулась Тексу.

— Это займет некоторое время, — сообщила я ему.

— Не то чтобы здесь нечем было заняться, — сказал он и побрел к бару, не сводя глаз со сцены.

Я отработала до конца смены и помогла подготовиться к следующему дню. Я не понимала, какое облегчение испытала от того, что ничего не произошло, пока не протянула свой фартук Смити, чтобы он меня обналичил.

— Я, мать вашу, должно быть, схожу с ума. Я реально разочарован, что мое заведение не превратилось в бедлам из-за твоих проблем, — сказал мне Смити.

— Может, завтра, — обнадежила я.

Смити едва заметно ухмыльнулся.

— Проваливай отсюда.

Текс ждал у двери и проводил меня к своему бронзовому «Эль Камино». Когда мы сели и пристегнулись, Текс стартовал, как ракета, и я почувствовала, как сила тяжести вдавливают меня в сиденье. Джордж Торогуд голосил с восьмого трека.

— Что стряслось с твоей тачкой? — проорал Текс сквозь музыку, так спокойно, будто не гнал нас со скоростью миллион миль в час к нашей гибели под «Bad to the Bone».

Я чуть оторвалась от сиденья.

— Она у механиков, — крикнула я в ответ.

Текс немного помолчал, а потом проорал:

— У меня припрятано немного денег. Если тебе нужно...

— Нет, Текс, — перебила я его, — я в порядке.

— Что-то не похоже, женщина.

— Правда, — сказала я чуть тише, но достаточно громко, чтобы меня услышали, — со мной все будет в порядке.

Он издал звук, похожий на фырканье.

— Если тебе нужно, я дам. Вот, что я хочу сказать.

Я снова почувствовала тепло в животе.

Он припарковался на месте для инвалидов у моего многоквартирного дома и вышел, чтобы проводить меня.

Я стояла у дверей здания, набирая код, чувствуя за спиной Текса, когда услышала шум и потасовку. Обернувшись, я увидела, как Текс падает, ударяясь о землю с глухим стуком, похожим на падение гигантского дерева.

Я подняла глаза на Луи и Винса, все еще одетых в свои костюмы «Бешеных псов» и уставившихся на меня. Лицо Луи ничего не выражало. Винс выглядел так, словно хотел разорвать меня пополам.

Луи вышел вперед, схватил меня за руку и приказал:

— Пошли. Маркус хочет поговорить с тобой.

Черт.

Черт, черт, черт и еще раз черт.

Стоило помнить не переставать беспокоиться, потому что для меня, если бы ситуация могла стать еще хуже, она бы стала.

* * * * *

Меня повезли на юг, в фешенебельный район Энглвуда с большими поместьями и домами стоимостью в миллионы.

Мы повернули направо, проехали по уединенному переулку и остановились у дома, который выглядел не столько особняком, сколько замком. Меня повели по дорожке, — Луи слева от меня, Винс справа, — затем по мосту, перекинутому через нечто похожее на ров.

Обычно я бы нашла это забавным — замок со рвом в Денвере.

Однако в тот конкретный момент ничего смешного не было.

Мы вошли в парадную дверь, и меня провели по длинному широкому коридору, выложенному камнем, с красной ковровой дорожкой посередине. Время от времени на стенах встречался светильник в виде факела. Также у стен стояли два комплекта рыцарских доспехов и развешанных то тут, то там гербов и скрещенных мечей.

Мы повернули направо в большую комнату, затем снова направо в то, что выглядело как кабинет, затем налево в то, что было кабинетом. Там присутствовало еще больше декора средневекового замка: большой резной стол, обитые кожей стулья и вымпелы, свисающие с медных стержней на потолке.

Там стоял мужчина. Он был моложе, чем я ожидала от короля замка, и очень хорош собой. Если бы я увидела его на улице, то он, определенно, привлек бы мое внимание: высокий, темноволосый, с серьезными голубыми глазами, которые почему-то выглядели пугающе, как будто он много чего повидал, много чем занимался и ничего не боялся.

Его глаза прошлись по мне, и что-то мелькнуло в них, когда он увидел форму «У Смити». Но быстро спрятал свою реакцию.

— Присаживайся, — сказал он.

Я немедленно сделала, как мне велели, и села на стул лицом к столу. Луи и Винс встали позади меня. Мужчина сел напротив.

— Ты Джет Макалистер? — спросил он.

Я кивнула.

— Дочь Рэя? — уточнил он.

Я снова кивнула. Несмотря на то, что я знала, что это, должно быть, связано с папой, все же чувствовала, как сердце немного замирает, от того, что он стал для меня причиной еще одной катастрофы.

— Я ищу Рэя, — продолжил мужчина.

Я кивнула, не зная, что сказать, и слишком напуганная, чтобы говорить.

— Ты его видела?

Я покачала головой.

Его взгляд переместился с меня на Луи и Винса, затем снова на меня.

— Мне важно найти его. Ты знаешь, где он может быть?

— Я... — У меня в горле застрял комок, поэтому я откашлялась и сказала: — Я тоже его ищу. Он не очень хорош в том, чтобы оставаться рядом, когда все становится... сложным, — закончила я.

Его лицо напряглось при этих словах, и пугающий взгляд усилился до такой степени, что я была почти уверена, что сейчас описаюсь.

Я никогда раньше не встречала никого похожего на него, угроза исходила от него, как физическое прикосновение.

Мне хотелось убежать, но я была словно в оцепенении. Создалось такое чувство, что этот человек сейчас причинит мне боль или позволит это сделать Винсу, и я не хотела ни того, ни другого.

— Медовый мой? Что ты делаешь так... о, боже, у нас гости.

Я обернулась на новый голос, женский, с протяжным провинциальным говором. От увиденного у меня отвисла челюсть.

В дверях стояла Долли Партон, — или ее прекрасная копия, — с пышными светлыми волосами, крошечным телом, огромной грудью, в розовом неглиже, дополненном перьями марабу, даже на туфлях на высоком каблуке. Я понимала, что она — не Долли, потому что женщина была, должно быть, моего возраста или, вероятно, на год или два старше.

Не знаю, что заставило меня вскочить со стула, но я встала и повернулась к ней.

Она посмотрела через Луи, и ее голубые глаза стали огромными. Затем она перевела взгляд на мужчину за столом, и они сузились.

— Что ты делаешь с девушкой Смити? — потребовала она, положив руку на бедро, выпятив его вперед, будто нанося удар своей позой.

— Дейзи, милая, это по делу, — объяснил мужчина за столом.

— С девушкой Смити? Посреди ночи? Я так не думаю, — на последних двух словах ее голос повысился.

— Это не то, что ты думаешь, — убеждал мужчину.

— Маркус, дорогой, лучше бы того, о чем я думаю, не было.

Луи, Винс и я наблюдали за этой дискуссией, наши головы двигались из стороны в сторону между беседующими.

Маркус посмотрел на нас, а затем сказал:

— Выметайтесь.

Я начала следовать за Луи и Винсом, но Маркус сказал:

— Джет, ты остаешься.

Я не знала, радоваться мне или горевать, что осталась с Маркусом и Дейзи, которых захлестнула агония семейных разборок. Хотя я и не ожидала, что время, проведенное с Винсом, сулит мне что-то хорошее.

Дейзи отодвинулась ровно настолько, чтобы дать пройти мужчинам, а затем закрыла дверь и прошла дальше в комнату.

Ее глаза остановились на мне.

— Джет, значит?

Я кивнула, до смерти напуганная ею, хотя она была на три дюйма ниже меня, даже на

высоких каблуках.

Она посмотрела на Маркуса.

— В чем здесь дело?

Маркус откинулся на спинку стула.

— Ее отец проиграл мне пятнадцать тысяч. В покер.

Дейзи чуть расслабилась и снова посмотрела на меня.

— Ты близка со своим папой, сладенькая? — спросила она.

Поскольку, казалось, часть напряжения ушла из комнаты, я собралась с силами и обрела голос.

— Он ушел от нас, когда мне было четырнадцать, но время от времени возвращается.

Кто-то не назвал бы это близкими отношениями, но... он мой папа.

Дейзи кивнула, будто все прекрасно понимала.

Она снова повернулась к Маркусу.

— Скажи еще раз, почему Джет здесь?

— Ее отца трудно найти.

Напряжение вернулось.

— Ты видишь, во что она одета? — спросила Дейзи.

Маркус вздохнул.

— Да, вижу.

— Никто не трогает девочек Смити. Даже ты. *Comprende?* — Она повернулась ко мне. — Я работала у Смити. Танцевала у шеста. Там Маркус меня и встретил, так что это, вроде как, наше особое место. Как поживает Смити? Я не была в клубе целую вечность.

Ее тон в мгновение ока перешел от серьезного раздражения к милому девчачьему щебетанию.

Я старалась не тормозить.

— Я свожу его с ума, — поделилась я, воспользовавшись тем, что, как я надеялась, станет для меня судьбоносным поворотом в данной ситуации.

Она рассмеялась, и ее смех прозвучал прекрасным звоном колокольчиков.

— Смити все сводят с ума, — ответила она с ностальгией в голосе.

— Он говорит, что я заноза в его заднице, — продолжила я.

— Я была занозой в его заднице, а потом вышла замуж за Маркуса. Теперь, как ты можешь видеть, я заноза в его заднице. — Она улыбнулась мне, широко и ослепительно, ее зубы были такими белыми, что могли осветить темноту.

Я почувствовала себя в безопасности и улыбнулась ей в ответ. В целом, она была немного забавной и казалась милой, когда не пугала.

— Если вы, девочки, закончили предаваться воспоминаниям, может, я могу задать Джет еще несколько вопросов? — вмешался Маркус.

Не успел Маркус договорить, как раздался стук в дверь и Луи просунул голову внутрь.

— Найтингейл здесь.

Благодарю тебя, Боже.

Я мысленно вздохнула с облегчением.

Маркус в отчаянии закрыл глаза.

Дейзи захлопала в ладоши.

— Ли здесь! Я не видела его целую вечность.

Дверь распахнулась полностью, и вошел Ли.

Его глаза устремились на меня, и я поняла, что он изучает мое физическое и психическое благополучие. Казалось, он остался доволен увиденным, и это убедило меня, что я не выглядела такой испуганной, какой была на самом деле. Затем он посмотрел на Дейзи.

— Дейзи, — поприветствовал он.

— Ли, сахарный мой, выглядишь хорошо, как обычно. — Она подмигнула ему.

Его губы дрогнули.

— Дай угадаю, — сказал Маркус Ли, — эта тоже под твоей защитой. Что? Собираешь гарем?

Ли покачал головой.

— Выполняю поручение для Эдди.

Маркус, который, казалось, смирился со своей судьбой, снова стал страшно напряженным. У меня возникло чувство, что Эдди ему не нравился.

— Каким боком здесь замешан Чавес? — спросил он Ли.

— Джет, — сказал Ли, и он обращался не ко мне, а разговаривал с Маркусом, мое имя стало ответом на его вопрос.

— Дерьмо, — буркнул Маркус и посмотрел на меня так, будто теперь я заноза в его заднице. Его взгляд вернулся к Ли. — Передай Чавесу, что я хочу свои пятнадцать тысяч.

— Обсуди это с Макалистером. И еще совет, Маркус, не вмешивай сюда Джет. Потребовалось немало усилий, чтобы отговорить Эдди нагрянуть сюда самому с парой полицейских в форме. Ты же не хочешь таких неприятностей.

— У меня с тобой из-за этого проблемы? — спросил Маркус, напряжение все еще присутствовало.

— Держи Винса под контролем и сосредоточься на Макалистере. Если он расплатится, держи его подальше от своих столов. Если сделаешь это, у тебя не будет со мной проблем, — ответил Ли.

Я посмотрела на Дейзи. Дейзи наблюдала за разговором, как ястреб.

Она поймала мой взгляд на себе, подошла и взяла меня под руку.

— Я провожу тебя до двери, сладенькая, — сказала она и вытолкнула меня из комнаты.

— Мне жаль, что тебя разбудили посреди ночи, — сказал я ей, когда мы шли из большой комнаты по коридору.

Она отмахнулась.

— Такое случается все время.

Эм... ой!

Затем она продолжила:

— Ты, должно быть, только закончила смену и, без сомнения, с ног валишься.

Я кивнула.

Она остановилась у входной двери, и ее лицо стало серьезным.

— Тебе не причинят вреда, я позабочусь об этом. Но твоему отцу лучше взять себя в руки. Я говорю это не для того, чтобы напугать тебя, сладенькая, я говорю тебе так, как есть. *Comprende?*

Я снова кивнула.

— Может, я как-нибудь загляну к Смити, — сказала она, ее настроение снова быстро изменилось.

— Я работаю завтра вечером.

Так, и зачем я ей это сказала? Я не хотела дружить с женой Пугающего Маркуса. Или хотела?

— Мне подходит, — ответила Дейзи, и ее глаза скользнули в сторону, когда к нам присоединился Ли.

— Не пропадай, — окликнула она нас, когда мы уходили, и я не знала, обращалась ли она к Ли или ко мне.

Ли посадил меня в свой серебристый «Кроссфайер», и я пристегнулась. После того, как он сел за руль, я повернулась к нему.

— Они вырубili Текса прямо у моего дома.

— Электрошокером. Он пришел в себя и позвонил мне. С ним все в порядке.

Я кивнула и, когда Ли свернул на Университетский бульвар, начала дрожать из-за запоздалой реакции.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я покачала головой, а затем, поняв, что он не мог меня видеть, потому что следил за дорогой, сказала:

— Нет.

— Неужели Винс...? — Ли дернулся.

— Нет, — перебила я его. — Они вырубili Текса, схватили меня, посадили в машину и отвезли к Маркусу. Я не сопротивлялась или что-то еще.

Я не знала, правильно ли поступила, пока Ли не пробормотал:

— Умно.

Ли подъехал к моему дому. «Эль Камино» все еще стоял там, как и красный пикап Эдди, к которому прислонился его хозяин, скрестив руки на груди и ноги в лодыжках. Небрежная поза противоречила выражению, которое я поймала на его лице, когда на него упал свет фар «Кроссфайера».

Текс стоял рядом с Эдди.

Ли остановился в нескольких ярдах от грузовика Эдди и, когда я отстегнула ремень безопасности, повернулся ко мне и положил руку мне на плечо, не давая выйти.

— Маловероятно, что Маркус что-нибудь с тобой сделает. Это не в его стиле. Он серьезно ведет дела, не любит беспорядка, и его проблема — не ты. Если миру и нужны преступники, то такие, как Маркус. Он увез тебя, чтобы дать понять твоему отцу, что ты на линии огня, это могло бы заставить его объявиться.

Я почувствовала еще большее облегчение от его уверенности и слов Дейзи. По крайней мере, облегчение для меня, с папой все обстояло по-другому.

Кто-то открыл мою дверцу, но Ли еще не закончил, поэтому я не повернулась.

— Винс — совсем другая история. Он ищет расплаты за «Эйнштейна». Винс не из тех парней, кто потерпит такой удар по своей репутации, не поквитавшись.

Мое облегчение мгновенно улетучилось.

— Будь осторожна, держись ближе к Эдди, а если не можешь быть рядом с Эдди, то позвони Тексу или Дюку. Если окажешься в затруднительной ситуации, звони мне, и я пришлю одного из своих парней. Хорошо?

Я кивнула.

Он пристально посмотрел на меня.

— Я говорю серьезно, — сказал он, и его голос звучал серьезно.

Я снова кивнула.

Я тоже была серьезна. Серьезна, как сердечный приступ, который, как я знала, был очень серьезным, учитывая, что за эту неделю он случался у меня почти каждый день.

Ли отпустил мое плечо и кивнул мне за спину. Чья-то рука обвилась вокруг моего предплечья, и я обернулась, увидев Эдди, прислонившегося к моей дверце. Он помог мне выйти, захлопнул дверцу, и Ли уехал.

К нам подошел Текс и опустил свою широкую ладонь мне на макушку.

— Черт, женщина, — сказал он, затем повторил, качая головой: — Черт.

Я поняла, что он обеспокоен, и почувствовала, как слезы подступают к горлу.

— Я в порядке, Текс. Мне не причинили вреда, — заверила я его.

Текс посмотрел на Эдди.

— Я облажался, Чавес. Клянусь Христом, такого больше не повторится.

Эдди кивнул.

— Езжай домой, — сказал он Тексу.

Текс еще раз взглянул на меня, а затем неуклюже направился к «Эль Камино».

Я повернулась к Эдди и открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова.

— Я провожу ночь с тобой, в твоей постели, и никаких споров, — заявил он.

Я снова почувствовала облегчение.

Я не хотела оставаться одна сегодня, ни за что, никак.

— Хорошо, — это все, что я сказала.

Эдди думал, я того стою

Я могла бы поклясться, что услышала стук в дверь. Тепло покинуло меня, матрас прогнулся, послышался шорох одежды, а затем раздался звук открывающейся двери.

— Эдди! — ахнула мама.

Я зарылась поглубже в подушки, пытаюсь снова погрузиться в страну грез. Мне хотелось отправиться туда, где жизнь была безопасной, нормальной и обыденной. Где люди не приставляли ножи к твоему горлу, не увозили против воли, или где сексуальные парни не преследовали тебя вопреки всем законам природы.

— Джет сегодня отсыпается, — тихо сказал Эдди.

Повеяло неким колебанием, которое, скорее всего, означало, что мама придумывала платье подружек невесты.

— Передай ей, что неожиданно заскочила Лавонн и пригласила меня на завтрак, — зашептала мама, — Я не вернусь в течение нескольких часов, — многозначительно добавила она.

Ох, мама.

Я поглубже зарылась в подушки.

Эдди не ответил, но дверь закрылась, послышался шорох одежды, матрас прогнулся, и тепло, в виде частично обнаженного тела Эдди, прижавшегося к моей спине, вернулось.

— Она была в кресле? — спросила я, приглушенным подушкой голосом.

Его объятия стали крепче.

— Она была на ногах. Засыпай.

Я начала приподниматься.

— Ей нужно сесть в кресло. На всякий случай, придется показать Лавонн, как его складывать.

Эдди потянул меня вниз.

— Они разберутся сами. Спи.

— Сколько сейчас времени? Мне нужно в банк, в магазин за продуктами...

Рука Эдди поднялась и обхватила мою грудь.

— Раз ты не спишь...

Электричество ударило прямо в пах.

— Я могла бы поспать, — солгала я, устраиваясь поудобнее, хотя уже завелась на две трети.

Его рука осталась там, где была, но не двигалась, и он притянул меня ближе к себе.

Удивительно, но через несколько минут я заснула.

* * * * *

Я проснулась счастливая — примерно на две секунды — и в тепле, а затем ударилась в панику.

Я свернулась калачиком вокруг Эдди, который лежал на спине. Одна его рука обнимала меня, а другая покоилась посередине его груди, очень близко к тому месту, где было мое лицо.

Я подняла глаза, скользнув щекой по его груди, чтобы проверить, проснулся ли он. Эдди спал, глаза закрыты, лицо расслаблено.

Я никогда не видела его таким.

Он был крутым парнем, когда бодрствовал, всегда излучал ясную, несколько опасную магнетическую энергетiku. Спящим, он каким-то образом казался еще сексуальнее, привлекательнее, притягательнее и определенно опаснее.

Это совершенно выбило меня из колеи, а я считала, что уже полностью выбита из нее.

Я начала отодвигаться, его рука напряглась, он прижался ко мне и наполовину лег на меня. Поднял голову, открыл глаза и посмотрел на меня.

— Привет, — промямлила я, не зная, что еще сказать.

Его глаза были сонными, но губы сложились в полуулыбку.

Он не ответил на мое «привет», вместо этого поднял руку и провел пальцами по волосам у моего виска, наблюдая за их движением. Затем пробежался согнутыми костяшками пальцев по моей челюсти.

— Время расплаты, — пробормотал он, обхватывая мою челюсть, и ведя большим пальцем по моей нижней губе, все еще следя за своими движениями.

— Что? — спросила я в растерянности, прочно увязнув в Дурмане Эдди.

Его лицо исчезло в моей шее.

— Вчера я позаботился о тебе. Сегодня мы оба получим то, что хотим, — сказал он мне на ухо. Затем прижался ко мне бедрами, и я точно поняла, чего он хотел, потому что почувствовала это у своей ноги.

Сердце пару раз екнуло и остановилось.

Я вздрогнула, почувствовав, как его язык коснулся моего уха.

Ладно, как угодно. Итак, я собиралась переспать с Эдди. Ну и что, что он, наверное, разобьет мне сердце. Со мной случались вещи и похуже, ведь так?

Я провела руками по его спине, закинула ногу ему на бедро и повернула голову, чтобы дать ему больше доступа к моей шее.

Потом увидела время на будильнике и замерла.

— Срань господня!

Я попыталась вырваться, но Эдди навалился на меня всем весом, поэтому вместо этого я ударилась лбом о его челюсть, он почувствовал, как я напряглась, и поднял голову, чтобы посмотреть на меня.

— Чертов ад, — буркнул он, глядя вниз, — в чем дело?

— Ты слышал, как мама вернулась?

— Нет.

— Слезь, слезь, слезьслезьслезь, — потребовала я, отталкивая его.

— Джет, — Эдди схватил меня за запястья и поднял их над моей головой, — успокойся.

— Я не могу успокоиться! Сейчас одиннадцать. Мама ушла несколько часов назад. Что, если что-то случилось? Где мой сотовый? — Я дико озиралась по сторонам.

— На тумбочке. Джет, расслабься. Она уже большая девочка. Она позвонит, если что-нибудь случится.

Я уставилась на него.

— Я, бл*ть, должна добратсья до банка, магазина, позвонить механику и выяснить, что не так с моей бл*дской машиной. Я не могу, бл*ть, спать в субботу, как все нормальные люди! Меня ждут дела!

Ладно, возможно, сейчас не был момент для слов на букву «б». Но я почти позволила Дурману Эдди разрушить мою жизнь; я пришла в супермегабешенство.

Он ухмыльнулся.

— Кажется, ты говорила, что нормальная, рядовая, среднестатистическая...

Наверное, я пожалею об этом, но я зарычала.

Его ухмылка превратилась в улыбку, и он отпустил мои запястья.

— *Chiquita*, ты слишком очаровательна.

— Слезь с меня.

Он опустил голову, уткнувшись носом мне в шею.

— Когда буду готов.

— Эдди! «Кредит Юнион» закрывается через час! Слезай!

Он снова поднял голову и обхватил мое лицо ладонями.

— Нет.

Я сверкнула глазами.

Он все еще ухмылялся и выглядел почти... игриво.

Нехорошо.

— Я заключу с тобой сделку, *Cariña*, если сможешь меня сбросить, я отпущу тебя. Если не сможешь, мы проведем утро по-моему.

Мои глаза вылезли из орбит.

— Это несправедливо. Ты сильнее меня, — возразила я.

— Попробуй проявить творческий подход.

У меня отвисла челюсть.

Я могла бы врезать ему коленом по яйцам, но это бы стало вероятной угрозой мечтам Бланки о десятках внуков, а я была почти уверена, что Бланка мне нравится.

Я попыталась изобразить девчачье «пожалуйста».

Эдди наклонился и стер это выражение поцелуем. Когда он закончил, я ни о чем не думала, особенно о том, чтобы сбросить его с себя. Мне он нравился именно там, где был.

Его губы скользнули по моей щеке к уху, он прикусил мочку, его руки переместились по моей ночнушке, он поднял голову, а затем, вжух! и ночнушка исчезла.

Ого. Он не валял дурака и не терял времени даром. Полагаю, познакомившись со Взбесившейся Джет, Эдди не собирался рисковать.

— Это действительно несправедливо. Я не могу сбросить тебя полуголой, — пробормотала я.

— Ты не смогла бы сделать этого и в одежде, но так твои попытки будут веселее, — сказал он мне в губы, его ладонь накрыла мою грудь, большой палец потирал сосок.

Я закрыла глаза и повторила вчерашнее выступление. Когда я снова их открыла, игривый взгляд исчез, его сменил голод, и я поняла, что дала ему именно то, что он хотел.

— Не думаю, что ты мне нравишься, — заявила я ему, даже когда мои руки обвилились вокруг него (клянусь, по собственной воле).

Он улыбнулся мне в губы.

— Я тебе нравлюсь, — сказал он и снова поцеловал меня.

Когда он отстранился, я покачала головой.

— Нет, не нравишься. Вообще-то, ты мне очень не нравишься.

Внезапно его рука скользнула вниз по моему животу и проникла в трусики, и когда он надавил пальцами, мои глаза расширились, а спина выгнулась.

— Я тебе нравлюсь. — Его голос охрип, получив доказательства моих слов.

Так же быстро, как появились, его пальцы исчезли, и он схватил мою руку и потянул ее

между нами вниз, вдавливая в боксеры и накрывая моими пальцами его член, что же, теперь у меня тоже были свои доказательства.

— И ты мне нравишься, и как раз сейчас я могу сказать, что хотел бы оказаться внутри тебя.

Как раз сейчас я могла бы сказать, что мне бы тоже этого хотелось.

Я прижала к нему ладонь, проведя большим пальцем по головке. Эдди издал гортанный звук, отдавшийся вибрацией в моей киске, и поцеловал с такой силой, какой я никогда не испытывала раньше за весь мой не столь обширный опыт.

Это было гораздо более жарко, гораздо более разрушительно для моего психического здоровья и определенно дико.

Эдди перевернулся на спину, увлекая меня за собой, его рука касалась моей попки, а я все еще ласкала его член.

— Теперь можешь встать, — сказал он мне на ухо, когда я провела губами по его шее, вдыхая запах Эдди и зная, что до конца жизни не забуду его или ощущение его члена в моей руке.

— Я передумала.

— Давно, бл*ть, пора, — пробормотал он, его рука переместилась с моей попки, чтобы обхватить мое запястье, отводя его от себя. Он переместился, чтобы я оседлала его, и откинулся назад, я наклонилась, целуя его, мои руки запутались в его волосах, обе его руки стягивали трусики с моей задницы.

— Есть кто-нибудь дома? — раздался мамин крик.

Мы оба замерли, прильнув губами друг к другу, его руки в моих трусиках, мои — в его волосах.

— Вы, бл*ть, издеваетесь надо мной, — процедил Эдди сквозь стиснутые зубы.

— Не понимаю, Джет никогда не спит так долго, а грузовик Эдди все еще здесь. Лавонн, поставь кофе, я пойду проверю.

Эдди натянул на меня трусики, его руки легли мне на талию, и он наполовину подвинул, наполовину отбросил меня в сторону.

Он встал с кровати и схватил джинсы, когда раздался скрипучий голос Лавонн:

— Конечно, Нэнси.

Я перекатилась, спрыгнула с кровати, схватила ночнушку и натянула ее, когда раздался стук в дверь.

— Джет, куколка? Ты там?

— Да, мам. Сейчас! — крикнула я.

Я стояла с одной стороны кровати, Эдди, одетый в джинсы; три из пяти пуговиц были застегнуты, — с другой. Его лицо было мрачным.

— Эдди там? — спросила мама.

Эдди повернулся ко мне, выглядя готовым совершить убийство.

Я подавила смешок и расплылась в улыбке.

Серьезно. Это уже слишком. Мы ходили на школьников, которых застукали обнимающихся на диване.

— Да. Мы оба выходим.

— Хорошо, милая.

Потом я услышала, как мама зашаркала прочь.

Эдди повернулся ко мне, его глаза сверкали.

— Надеюсь, ты того стоишь, — прорычал он, и я поняла, что он сказал это в шутку, но его слова стерли улыбку с моего лица, сделав его совершенно серьезным.

— Нет, не стою, — честно призналась я.

Я наблюдала, как его лицо изменилось: недоверчивый блеск исчез из глаз, и что-то другое заняло его место. То, что я не могла прочесть, да и не хотела.

Прежде чем он успел ответить, я откинула волосы с лица и вышла из комнаты.

* * * * *

Я приняла самый быстрый душ в истории женщин, натянула джинсы, черную рубашку на пуговицах, слишком облегающую и демонстрирующую декольте (еще один подарок от Лотти), и черные ботинки на высоком каблуке (потому что Эдди все еще был у нас, и мне пришлось приложить некоторые усилия). Я собрала волосы в конский хвост, побрызгалась своими самыми модными духами, не стала утруждать себя макияжем, потому что не было времени, и вышла из своей комнаты.

Эдди сидел на кухне одетый, пил кофе и болтал с мамой и Лавонн, будто это нормальное, повседневное явление. Не то чтобы его только что прервала моя мама, когда его язык был у меня во рту, и он наполовину спустил трусики с моей задницы.

У меня не оставалось времени ни на любезности, ни на волнение из-за того, что Эдди зависал на моей кухне с мамой и Лавонн, у меня вообще не было времени на волнение из-за того, что это была моя жизнь.

— Привет, Джет. Хорошо выглядишь, — крикнула Лавонн.

— Привет, Лавонн. — Я приветственно улыбнулась Лавонн и повернулась к Эдди. — У меня есть десять минут, чтобы добраться до банка. Ты меня подбросишь? — спросила я его, не желая этого, но у меня не было выбора.

Мне действительно нужно выяснить, что происходит с моей машиной.

В качестве ответа Эдди встал, что, как я догадалась, означало «да».

— Ты не выпила кофе, — сказала мама.

Я налила в дорожную кружку кофе с молоком и повернулась к Эдди.

— Поехали.

Эдди двигался широкими шагами к грузовику, а я еле поспевала за ним в ботинках на высоких каблуках. Не говоря ни слова, мы забрались внутрь. Он завел грузовик, и мы поехали.

Мы были на полпути, а до закрытия оставалось всего несколько минут, поэтому я почти проорала:

— Можешь ехать быстрее?

— Расслабься, *Chiquita*, я уже превысил скорость на десять миль.

Я бросила на его профиль взгляд, который говорил: «И что?»

К счастью, он этого не заметил.

— Разве у тебя нет такой яркой светящейся штуки, как у Коджака? — спросила я (*прим.: Тео Коджак — герой американского телесериала 70-х годов «Коджак» о харизматичном, неравнодушном к леденцам нью-йоркском детективе в исполнении Телли Саваласа*).

— Да, но мне не разрешается использовать ее для поездок в «Кредит Юнион», только чтобы съездить за пивом в обеденный перерыв.

Видите? У меня хреновая удача.

Он едва успел припарковаться на стоянке «Кредит Юнион», как я открыла дверцу и выпрыгнула из грузовика.

Когда я подбежала к двери, Эми ее уже запирала. Я проработала с Эми много лет, мы дружили и обычно тусовались вместе, ходили в кино, проводили время за «маргаритой», промывая косточки (многих) бывших парней Эми. Она была милой, забавной, и я скучала по ней. Сейчас я виделась с ней, только когда вносила деньги на счет.

Приблизившись к дверям, я сложила руки в молитвенном жесте, произнося одними губами «пожалуйста».

Она отперла дверь.

— Джет! Я не видела тебя целую неделю.

— Проблемы с машиной, — объяснила я, садясь рядом с ней. — У меня есть чаевые за неделю, которые нужно внести на счет.

— Без проблем, я еще не пересчитала кассу.

— Спасибо, ты просто сокровище.

Я оглядела помещение, улыбнулась и кивнула Джоди. У Джоди были коротко подстриженные соломенного цвета волосы и очки. Джоди работала в «Кредит Юнион Арапахо» с незапамятных времен. Насколько я знала, Джоди за всю свою жизнь улыбнулась один раз, и это случилось, когда у давнего нелюбимого клиента своровали машину.

Ее взгляд не отрывался от двери, и Эми тоже посмотрела в ту сторону.

— Мы закрыты, — объявила Джоди, войдя в режим сторожевой собаки у ворот.

— Я бы с ним закрылась, — выдохнула Эми, слишком очарованная, чтобы понять, что ее формулировка прозвучала не совсем тактично.

Мне не нужно было оглядываться, чтобы понять, что следом за мной вошел Эдди.

— Я с Джет, — услышала я его слова.

И Эми, и Джоди уставились на меня так, словно я только что выиграла в лотерею триста миллионов долларов.

Теперь понимаете, о чем я? Люди будут задаваться вопросом, почему Эдди со мной. Даже мои друзья и знакомые смотрели на меня с удивлением.

Я схватила квитанцию для внесения депозита и подошла к окошку Эми. Джоди покинула свое рабочее место, чтобы запереть дверь и не впускать неожиданных посетителей.

Я вытащила пачки наличных вместе с чеком Лавонн и принялась умело считать; мои мысли были заняты своей задачей, руки быстро перебирали купюры, автоматически складывая деньги в стопки по сотне. Эдди встал рядом со мной, облокотившись на стойку и наблюдая за моими руками.

— Как твоя мама? — спросила Эми, беря стопку и пересчитывая ее, чтобы перепроверить.

— Вчера сделала пару стирок и разгрузила посудомоечную машину, и она все больше ходит. — Я подняла голову, и мы с Эми улыбнулись друг другу. В течение нескольких месяцев я рассказывала ей последние новости о маме раз в две недели, мы обе знали, как это важно.

Затем я вернулась к подсчету.

— Когда она встанет на ноги, ты вернешься к нам работать? С твоим уходом все изменилось, — удрученно заметила Эми.

Мне потребовалось нечеловеческое усилие, чтобы не смотреть на Эдди.

Он ничего не знал о моей прошлой жизни, и я хотела, чтобы так все и оставалось.

К концу дня мне, каким-то образом, придется сообщить Эдди, как между нами обстоят дела, что, как только все закончится, он должен держаться от меня подальше.

Я еще не придумала, как это сделать, но найду способ.

В душе я решила, что случившееся этим утром, больше не повторится. Никогда. Все должно прекратиться, и как можно скорее, иначе я, скорее всего, сойду с ума (не говоря уже о моем страдающем сердце).

— Может быть, — сказала я Эми. Ответ больше походил на «скорее всего». Как бы ни было больно покидать «Фортнум», магазин означал встречу с Эдди, а этого я бы не выдержала.

Эми повернулась к Эдди и улыбнулась.

— С Джет здорово работалось. Сейчас не очень. Здесь не сильно повеселишься. Но... — Она повернулась ко мне, и ее улыбка стала шире. — Помнишь тот раз, когда мы пошли навестить ребенка Донны, когда он проходил химиотерапию, и ты собрала всех детей в отделении и притворилась, что стреляешь в них из пальцев? Вот была умора. — Она снова повернулась к Эдди. — Джет даже сделала кувырок по полу и нечаянно сбила с ног санитаря. Я чуть не описалась от смеха.

Ее лицо вспыхнуло, когда она поняла, что только что сказала горячему парню, что чуть не обмочила штаны.

Мое лицо вспыхнуло, когда я поняла, что Эми только что рассказала Эдди о моем приключении в больничном коридоре. Для меня это не было кульминационным моментом славы.

Я перестала считать и в ужасе уставилась на нее. Сейчас определенно было не время для путешествия по аллее памяти.

Эдди улыбнулся Эми. Эффект был завораживающим (даже для меня, а улыбка была направлена не мне), и это все, в чем нуждалась Эми.

Она повернулась ко мне, ее глаза сверкали под влиянием микродозы Дурмана Эдди.

— А помнишь, как мы разыграли ту шутку с Дэвидом, когда у него появилась новая девушка? — Эми оглянулась на Эдди. — Между прочим, эта визгливая стерва полностью этого заслужила.

— Было хорошо, — вмешалась Джоди, облизывая палец и пересчитывая купюры.

— Эми... — начала я, но Эми увлеклась темой.

— Он ужинал с ней в клубе «Вэйзи», и тут врывается Джет с бигуди в волосах, в потрепанных тапочках и старом банном халате и начинает орать, что он встречается со своими шлюхами, пока она сидит дома с шестью детьми.

— Никогда этого не забуду, — сказала Джоди, — мы все пришли посмотреть. Зрелище стоило того, чтобы пропустить матч «Бронкос» в понедельник вечером.

— Теперь он женат на Лизе, и она нам всем нравится, — продолжила Эми.

Я закрыла глаза и молча обратилась с вопросом к Всемилостивому Господу: занят ли он и не может ли меня спасти.

— А помнишь, когда... — встрепенулась Эми.

Всемилостивый Господь отправил меня на голосовую почту.

— Эми, Эдди не хочет этого слышать, — перебила я.

— Нет, хочу, — возразил Эдди.

Фантастика.

Джоди подняла голову и пристально посмотрела на меня.

— Видишь, он хочет, — продолжила Эми, не обращая внимания на мою реакцию, и уже собиралась снова заговорить, но Джоди оставила свое рабочее место и подошла к Эми.

— Я помогу тебе считать, Джет. Уверена, у тебя много дел с мамой и всем остальным.

Я почувствовала, как напряжение спадает, и расцеловала бы ее, если бы не знала, что она отвесит мне оплеуху даже за попытку.

— Спасибо, Джоди, — сказала я.

— Прости, Джет. Я не подумала, — пробормотала Эми и неуверенно улыбнулась Эдди, а затем сконцентрировалась на моем депозите.

Видимо, Всемилостивый Господь быстро добрался до голосовой почты и послал ангела в виде Джоди в качестве своего заместителя.

Что угодно. Для меня это сработало.

* * * * *

Мы вышли из «Кредит Юнион», я запрыгнула в грузовик Эдди и выхватила из держателя свою дорожную кружку, сделав первый глоток кофеина за день. Мне это было нужно. На самом деле мне он был нужен с «Джеком Дэниелсом», но я приму его таким, каким он был.

Эдди сел в машину и повернулся ко мне.

— Значит, ты раньше там работала.

Я избегала его взгляда, посмотрела в ветровое стекло и отхлебнула еще кофе.

— Да, — подтвердила я.

— Тебе придется научить меня делать кувырок. Может, я смогу использовать его во время перестрелки.

Где разряды молний, когда они так нужны? В данный момент мне было все равно, убьет ли меня, или Эдди, или нас обоих.

Я повернулась к нему.

— Ты часто попадаешь в перестрелки?

— Не очень.

— Тогда ты будешь в безопасности.

Он ухмыльнулся.

— Как дела у ребенка? — спросил он.

Я уставилась на него в замешательстве.

— У какого ребенка?

— Того, с которым ты устроила перестрелку в больнице.

Ни с того ни с сего к глазам подступили слезы, и я сделала глубокий вдох, чтобы попытаться их сдержать.

Настала очередь Эдди уставиться на меня.

— Черт, — пробормотал он.

— Да, — прошептала я.

Дэвин был хорошим мальчиком, а Донна — хорошей подругой. После его смерти они с мужем переехали в Монтану, не могли смириться с воспоминаниями и хотели начать все сначала. Если судить по ее последнему письму, тактика не сработала.

Я взяла себя в руки и сказала:

— Теперь можешь отвезти меня домой.

— Мы, вроде, собирались в магазин за продуктами.

Я отвернулась и отхлебнула кофе.

— Если Лавонн все еще у нас, попрошу ее свозить меня. Может, Лавонн миниатюрная и милая, но по натуре она злая, как змея, никто не захочет с ней связываться. Ты можешь ехать

и заниматься... чем бы ты ни занимался в субботу.

Он завел машину.

— В эту субботу я везу тебя в магазин за продуктами.

Великолепно.

* * * * *

Он отвез меня в гигантский «Кинг Куперс» на бульваре Колорадо.

Я схватила тележку и понеслась по проходам со своей обычной скоростью «у-меня-нет-времени-я-должна-была-свалить-отсюда-двадцать-минут-назад».

Я на бегу бросала покупки в тележку, а Эдди шел следом. Я потеряла его в продуктовом отделе, и он догнал меня, когда я рассматривала цены на консервированный перец чили. Сделав свой выбор, я рванула с места, но он поймал меня за руку.

— Мы участвуем в гонке? — спросил он.

Я посмотрела на его руку на своей руке, а затем на него. Подняв руку, я перечислила все на пальцах.

— Мне нужно вернуться домой и поесть. Потом помочь маме с упражнениями. Затем оплатить счета и просмотреть чековую книжку. После приготовить ужин, потому что мы с мамой стараемся ужинать в субботу вечером, несмотря ни на что. Потом я должна...

Он придвинулся так близко, что у меня перехватило дыхание.

— Я приглашен на ужин?

Проклятье.

— Разве у тебя нет дел поважнее? Посмотреть бейсбольные матчи? Привлечь к ответственности преступников?

Он помотал головой.

Что я должна ответить? Нет?

Ладно, может, я могла бы отказать, но это было бы грубо.

— О, наверное. — Я вздохнула (будто это не звучало грубо).

По какой-то причине он выглядел удивленным.

Затем мы оба услышали:

— *Mi hijo!* (с исп. — *сын*ок)

Я обернулась и увидела, что в нашу сторону направляется Бланка, толкая тележку, нагруженную достаточным количеством еды, чтобы накормить денверских «Бронкос», «Рокиз» из Колорадо и персонал NORAD (прим.: *Командование воздушно-космической обороны Северной Америки*). За ней следовала еще одна невысокая родственница Эдди, очень похожая на него чертами лица.

Эдди низко наклонился и поцеловал маму в щеку. Затем Бланка подошла ко мне, схватила ладонями за щеки и потянула вниз, смачно чмокнув прямо в губы.

Отпустив меня, она повернулась к девушке позади себя.

— Это Джет, девушка Эдди, — сообщила она, после чего повернулась ко мне. — Это моя младшая дочь, Глория.

Мы обменялись приветствиями. Я не стала утруждать себя, переубеждая ее, что я не девушка Эдди (или, по крайней мере, стараюсь ею не быть), и заметила, что у Глории была точно такая же ямочка, как и у Эдди.

— Вы вместе ходите за продуктами, — сказала Глория и, очевидно, данный факт позабавил ее.

Бланка одобрительно кивнула, будто они встретили нас в «Диллард» за составлением

списка наших свадебных подарков. Глаза Бланки загорелись.

— Сегодня вечером вы идете ко мне на ужин, — объявила она.

Нет.

Нет, нет, нет.

— Мы ужинаем у Джет, с ее мамой, — ответил Эдди, и я почувствовала, как меня захлестнула волна облегчения.

Примерно на наносекунду.

Глаза Бланки расширились, затем сузились. Затем она разразилась потоком испанского, и я уловила «*madre de ella*» (с исп. — ее мама), «*primera*» (с исп. — первая) и «*comida*» (с исп. — ужин), поняв, что попала в беду.

— Тогда приходите ко мне завтра, — закончила Бланка.

Нет!

Нет, нет, нет, тысячу раз нет.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но Эдди опередил меня.

— Мы будем в шесть.

Мой рот так и остался открытым.

Это должно было стать серьезным препятствием в моих планах держать Эдди на расстоянии вытянутой руки (и это была бы рука Гулливера, а я была бы лилипутом).

— Приводи свою маму, *Chiquita*. Жду не дождусь встречи с ней, — сказала Бланка.

За мной охотилось много людей, но почему-то никто из них не мог меня убить или покалечить? Это сделало бы мою жизнь намного проще.

— Маме бы понравилось, — сказал я ей, и маме бы действительно понравилось. Это стало бы встречей единомышленников. Встречей в аду.

Глория улыбалась во весь рот.

— Может, нам пригласить кузенов, — предложила она.

Я повернулась и посмотрела на Эдди, ожидая от него помощи, но вместо этого он обнял меня за плечи и притянул к себе.

Бланка уставилась на нас с выражением, которое можно было описать только как блаженное.

Затем она пришла в себя.

— Глория, возьми другую тележку, — приказала Бланка, — нужно кое-что докупить. *Hasta mañana* (с исп. — до завтра), — пропела она и настолько целеустремленно направилась в ряды, что ушла без всяких прощальных поцелуев.

Я повернулась к Эдди, а так как он обнимал меня за плечи, мы оказались лицом к лицу, поэтому я откинула голову назад.

— Мог бы что-нибудь с этим и сделать, — огрызнулась я.

— Что, например? — спросил он, его лицо было намного ближе, чем это было комфортно.

Я попыталась отстраниться, но ничего не добились.

— Не знаю. Как-то вежливо отказаться.

— Я ужинаю с твоей мамой до того, как ты поужинаешь с моей. Будь что будет, *tatá* рано или поздно доберется до твоей мамы. Поверь мне, пусть лучше это случится раньше, это даст ей меньше времени для планирования.

— У меня хреновая жизнь, — выпалила я, не подумав.

Эдди напрыгся.

— Это ужин с моей мамой, а не конец света.

Не для меня.

— Я не это имела в виду.

Хотя в каком-то роде это, но не в том плохом смысле, в каком его воспринял Эдди.

Его взгляд стал серьезным.

— Нам нужно еще раз поговорить, — сказал он.

— Не нужно! — чуть не закричала я, охваченная паникой. — Больше никаких разговоров.

Его брови сошлись на переносице.

— По крайней мере, пока не пойму, что я должна сказать, — попыталась успокоить его я.

— Сколько времени это займет?

Примерно четыре жизни.

Конечно, я собиралась это ускорить.

Мне нужно было, чтобы моя жизнь вернулась к своей обычной, повседневной скуке.

Но сначала надо посетить винный магазин и купить бутылку «Джека». Я не пила «Джека», но решила, что сейчас самое подходящее время для бурбона.

Вместо того чтобы поделиться чем-то из этого с Эдди, я ответила:

— Не знаю.

— У тебя есть время до завтра.

У меня отвисла челюсть, потом я подобрала ее с пола и спросила:

— Ты устанавливаешь мне срок?

Он ослабил объятия, но руку с моего плеча не убрал, а другой рукой толкнул тележку, двигая нас вперед.

— Ты действуешь медленно, и сколько бы времени я тебе ни дал, ты будешь отступать. Этого не случится. Так что, да, я устанавливаю тебе срок.

Я решила, что сейчас самое подходящее время заткнуться.

Через оставшуюся часть испытания покупками мы прошли без происшествий, пока не добрались до очереди в кассу. Не успела я опомниться, как Эдди сунул свою кредитку в считыватель карт.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Плачу за твои продукты, — ответил он.

Я уставилась на него. Затем сверкнула глазами.

— Ты не можешь платить за мои продукты.

— Почему?

Ответа я не знала.

— Не знаю, — потом меня осенило. — Это не твои продукты.

— Я съем часть из них, не так ли?

Это было правдой.

Он отвернулся от меня и снова повернулся к кассиру.

Полагаю, этот разговор был окончен.

Я опустила голову и стукнулась лбом о полочку на стойке кассы.

— Я бы позволила ему заплатить за мои продукты, — решила вмешаться кассир.

Я не ответила.

Дойдя до конца кассы, я вцепилась в ручку тележки, и в ту же минуту, как упаковщик

положил в нее последний пакет, не оглядываясь, выехала за дверь.

* * * * *

Я увидела, как Мистер Засаленный Комбинезон заруливал на моей машине на стоянку моего дома, как раз перед тем, как мы с Эдди там появились.

На мгновение я испытала восторг. Моя машина не только была на ходу, она выглядела отполированной и блестящей, будто обрела новую жизнь.

Эдди припарковался, я распахнула дверцу грузовика и подошла к Мистеру Засаленный Комбинезон.

— Все исправлено! — воскликнула я.

— Да, там было бла-бла-бла, с бла-бла-бла, бла-бла. А еще бла-бла-бла.

Конечно, он не говорил «бла-бла-бла», но я не поняла ни единого слова.

— Сколько? — спросила я, радостно глядя на свою машину, олицетворявшую свободу, независимость и больше никаких поездок с кем-то или на автобусе и такси.

— Семьсот пятьдесят долларов.

У меня перехватило дыхание, сердце сжалось, и я была уверена, что меня сейчас вырвет.

Я уставилась на Мистера Засаленный Комбинезон.

— Почему вы не позвонили, прежде чем что-то делать? — потребовала я.

Механики должны звонить и говорить, во сколько обойдется ремонт, прежде чем высосать из вас жизненную силу. Вот как это работало. Я думала, таков закон.

— Это плата за буксировку, замену масла, установку нового фильтра и свечей и замену дворников. О, и у вас не работал стоп-сигнал.

Я учащенно задыхалась.

Мистер Засаленный Комбинезон наблюдал за мной, как за особенно паршивой актрисой. Затем посмотрел на Эдди. Потом снова на меня, когда я закричала:

— У меня нет таких денег! Даже сама машина не стоит таких денег!

Он оглянулся на Эдди, когда рука Эдди скользнула по моей пояснице.

— Об этом позаботились, — сказал Мистер Засаленный Комбинезон в то же самое время Эдди позвал:

— Джет.

— Позабо... — начала было я, и тут меня осенило. Мама, Ада и я смотрели в окно, как Эдди разговаривал с Мистером Засаленный Комбинезон.

Я повернулась и уставилась на Эдди.

— Ты этого не сделал.

Подъехал автомобиль, Мистер Засаленный Комбинезон вручил Эдди ключи от моей тачки, сел в другую машину и уехал. Все это время я не сводила глаз с Эдди.

— Скажи, что ты этого не сделал, — потребовала я.

Он внимательно наблюдал за мной.

— Сделал, — ответил он.

Я подумывала выцарапать ему глаза. Потом решила, что это, наверное, не очень хорошо, в смысле, он только что потратил почти шугу на мою дерьмовую машину.

Потом я подумала, не закричать ли. Но решила поберечь энергию. Кто знал, что произойдет дальше, а мне нужно быть готовой.

Поэтому вместо этого я потопала к грузовику. Рывком распахнула дверцу, чтобы взять пакеты с продуктами, но меня оттащили в сторону, и Эдди захлопнул дверцу.

Вот и все, я больше не могла этого выносить и развернулась к нему.

— Я верну тебе все до последнего пенни. Как только мы поднимемся в квартиру, я выпишу тебе чек.

Это почти обанкротило бы меня, но я это сделаю.

— Я не возьму у тебя деньги, — сказал он.

— Возьмешь. Я не люблю быть кому-то должна.

«Особенно тебе», — подумала я, но вслух не сказала.

Его рука легла мне на живот, и он мягко прижал меня к грузовику.

— В том-то и дело. Я хочу, чтобы ты была у меня в долгу.

Он, что?

— Ты, что? — заорала я.

Он приблизился, и мне некуда было отступать. В любом случае, я была слишком напугана, чтобы отступать.

— Если ты будешь передо мной в долгу, это свяжет тебя со мной. Что бы ни заставляло тебя заботиться о маме, отце, детях, проходящих химиотерапию, и друзьях, которые принимают неверные решения о том, с кем встречаться, это свяжет тебя со мной, потому что ты мне должна. Иначе, в ту минуту, как история с твоим отцом закончится, ты уйдешь. Я позабочусь о том, чтобы этого не случилось.

Я не знала, что сказать. Он полностью раскусил меня.

Как такое произошло?

Тем не менее, я попыталась заговорить.

— Я... ты...

Он оборвал меня, наклонил голову ближе и начал говорить. Я чувствовала его запах, его тепло, и должна признать, меня это зацепило.

— Какая бы катастрофа ни обрушилась на тебя дальше, я буду рядом. Буду покупать тебе продукты, чинить твою машину, иметь дело с твоим папашей, — что угодно. Я хочу, чтобы ты была мне должна, это даст мне преимущество, а мне оно понадобится, чтобы измотать тебя. И Джет...

Он остановился, посмотрел мне в глаза, и у него был тот же взгляд, что и сегодня утром, после того, как мама и Лавонн вернулись домой, и до того, как я вышла из своей комнаты. От этого взгляда у меня в животе появилось странное ощущение, а колени ослабли.

— Что? — спросила я. Честно говоря, неизвестность убивала меня.

— Сегодня доказано одно.

Он придвинулся еще ближе, его тело касалось моего, а лицо было в дюйме от меня.

— Что? — вроде как прокричала я. Что сказать? Денек выдался напряженный; я была близка к срыву.

— Что бы ни случилось, ты того стоишь, и я не хочу снова слышать, как ты говоришь обратное. Поняла меня?

Я почувствовала, как меня поразило это странное тепло, и мне не оставалось ничего другого, кроме как кивнуть.

Ужин у меня дома

— Я открою! — закричала мама.

Я заканчивала готовить ужин на кухне, сходя с ума от знания того, что Эдди стоит у двери. После того, как он помог мне занести продукты, он ушел, сказав, что у него дела. Я обрадовалась передышке. Он подбирался ко мне все ближе, изматывал, как и обещал, и я нуждалась в перегруппировке.

Я завершила работу по дому, а затем собралась к Смити, так что на лице был нанесен шлющий макияж, но я все еще оставалась в своем повседневном наряде. Я переоденусь в форму Смити в самую последнюю минуту.

Мама странно притихла, почувствовав мое настроение, но также и потому, что, как мне показалось, что-то задумала. Мне некогда было беспокоиться об этом. Меня и так одолевало достаточно забот, чтобы хватило на всю жизнь.

Мама вкатилась в дверь кухни. Сегодня она переутомилась, и я видела на ее лице усталость. Тем не менее, вечером она держалась рядом. Когда я сказала, что Эдди придет на ужин, она хлопнула ладонями по щекам, ее рот приоткрылся, а глаза наполнились слезами. Такова реакция мам с грандиозными мечтами для своих дочерей, когда горячие парни с хорошей работой и модными пикапами приходили на ужин.

Я решила повременить с новостью о том, что завтра мы идем к Бланке. Она уже витала на седьмом небе, еще слишком рано возноситься на восьмое.

— Эдди пришел, — сообщила она без необходимости, так как я уловила его присутствие в доме чувствами, отточенными за месяцы пыток Эдди.

— Отлично, ужин готов. Все за стол, — резко приказала я.

Я тщательно спланировала вечер. У нас было полтора часа, чтобы поужинать, и за это время я еще должна была переодеться и приступить к работе. Этого было бы достаточно, чтобы не показаться грубой (или, по крайней мере, не нагрубить), но недостаточно для того, чтобы произошла настоящая катастрофа.

По крайней мере, я так думала.

— Но... — сказала мама, — разве мы не должны предложить ему выпить? Может, посидим и поболтаем?

Ну, нет. Никаких разговоров. Эдди мог выпить за столом, отправляя еду в рот.

— Нет времени, ужин готов, и я собираюсь размять пюре. Иди, иди, иди!

Мама выкатилась, игнорируя мой приказ и намереваясь быть одновременно назойливой и вежливой:

— Я спрошу у него, что он хочет выпить.

— Просто сделай это поскорее, — крикнула я ей вслед, зная, что Эдди, вероятно, мог услышать. — Нам не нужно остывшее пюре.

Я спряталась на кухне, завершая последние штрихи. Да, это был поступок величайшей слабачки, но мне было все равно. Мама вернулась и приготовила Эдди чай со льдом, потом укатила.

Я разложила еду по тарелкам и направилась к столу. Я приготовила жареный стейк и курицу, огромную гору картофельного пюре, белый соус с перцем и зеленую фасоль. Мама заставила меня поджарить все восемь говяжьих отбивных, которые я купила, а не только

четыре, сказав, что Эдди — мужчина, а мужчины любят плотно покушать. Я никогда не знала никого, кто мог бы съесть и курицу, и два огромных жареных стейка, не говоря уже о пяти, но кого это волновало. У меня не нашлось сил противостоять с ней.

Может, Эдди и съел бы все это.

Возможно, он так бы и поступил, просто чтобы быть милым, а потом впал бы в пищевую кому. Я сосредоточилась на следующих полутора часах с надеждой пережить их. Пищевая кома Эдди стала бы просто бонусом.

— Давайте есть, — объявила я, входя в гостиную и направляясь к обеденному столу. Я балансировала двумя мисками и блюдом и чуть не уронила их, когда Эдди посмотрел на меня.

В ту минуту, когда он меня увидел, его взгляд стал странным: каким-то ленивым, веселым и оценивающим одновременно. Его веки чуть опустились, уголки губ приподнялись, и на щеках появилась ямочка.

— Я принесу соус, — выпалила мама и развернулась, направляясь на кухню.

Я расставляла еду на столе, вся такая занятая и деловая. И только я заметила, что мама накрыла стол на пятерых, а не на троих, как почувствовала, что Эдди подошел ко мне сзади.

— Садись, — распорядилась я, не поворачиваясь, чтобы посмотреть на него и не заботясь о том, что кажусь невежливой.

Я вернулась к своей Стратегии Стервы. Рассчитывала на то, что никому на самом деле не захочется быть рядом со стервой, даже Эдди.

Его ладони опустились мне на бедра, я почувствовала давление на них, и Эдди развернул меня. Его руки скользнули вокруг меня, все еще по бедрам, остановились наверху попки и прижали ближе к его телу.

Я подняла глаза, ленивый взгляд все еще был при нем, но теперь Эдди широко улыбался.

Я мысленно сделала глубокий вдох.

— Еда остынет, — предупредила я.

— В чем дело на этот раз? — спросил он.

Я моргнула.

— Что ты имеешь в виду? Никакого дела нет.

Он посмотрел на меня, а затем его глаза вспыхнули. Я не знала, что это за вспышка, но, судя по всему, Эдди чувствовал себя очень счастливым.

— Ты меня боишься, — пробормотал он, притягивая меня ближе.

Я снова моргнула и вся напряглась.

— Ничего я тебя не боюсь, — солгала я.

Улыбка застыла на месте, но теперь тоже стала ленивой и какой-то... удовлетворенной.

— Нет, боишься.

— Ничего подобного.

— Боишься, и тебе стоит бояться.

Мои глаза округлились.

— Почему?

— Потому что, если ты не дашь мне этого, я это возьму сам, и ты это прекрасно понимаешь.

— Дам что?

— Все, что угодно, — сказал он, и его губы приблизились к моим. — Абсолютно все.

Боже милостивый.

У меня перехватило дыхание. Моя киска затрепетала. Я схватилась за его бицепс, и он поцеловал меня. Я решительно погрузилась в Дурман Эдди и поцеловала его в ответ. Когда он поднял голову, мне потребовалось несколько секунд, чтобы открыть глаза.

— *Chiquita*, ты слишком очаровательна, — пробормотал он, наблюдая за мной, ленивый взгляд исчез, ему на смену пришел голод.

Раздался звонок, и я подпрыгнула.

— Я открою! — крикнула мама и выкатилась из кухни, видимо, они с соусом передвигались черепашим шагом. Я понимала, что она дает нам с Эдди минутку наедине и, вероятно, одновременно подслушивает. Если судить по ее быстрому продвижению из кухни, она расположилась прямо у двери.

У меня хреновая жизнь.

— Ты мне очень не нравишься, — сказала я, срываясь на Эдди.

Он лишь улыбнулся.

Он отпустил меня, но остался рядом, и я повернулась к проему гостиной.

Вошла Ада, мама, все еще с соусом, следовала за ней.

Это объясняло сервировку на четверых и то, что мама заставила меня готовить достаточно еды, чтобы хватила на целую армию. У меня возникло смутное подозрение относительно того, кто будет пятым, и я прищурилась, глядя на маму. Она проигнорировала меня.

— Джет, ты прекрасно выглядишь, — прошептала Ада, и я наклонилась, чтобы поцеловать ее.

Только Ада описала бы мой шлюший макияж как прекрасный.

— Привет, Ада, — поприветствовала я ее.

Она посмотрела на Эдди, и ее глаза загорелись.

— А ты — Эдди.

Она протянула руку, Эдди принял ее и улыбнулся.

Она перевела свой сияющий взгляд на меня.

— Он красавчик.

Она не ошиблась.

— Еда остынет, — повторила я, начиная чувствовать панику и раздражение, ни то, ни другое я не могла выпустить из себя в данный момент.

— Но Трикси еще не приехала, — возразила мама, когда все начали занимать свои места за круглым столом.

— Ей придется догонять, — ответила я, отодвигаясь, когда мама и Ада толкнули меня, будто шарик в игровом автомате, ловко вынуждая сесть рядом с Эдди.

Черт.

Черт, черт, черт.

— Джет говорила, что ты — служитель закона, — сказала Ада, когда мы начали раскладывать еду, мама дрожащей рукой наливала всем чай со льдом. Я знала, что лучше не отнимать у нее этого, выпендриваясь перед Эдди, она бросала вызов самой себе, как ей советовали психотерапевты. Хотя я бы хотела, чтобы она не делала этого, имея дело с жидкостями.

— Да, — ответил Эдди, беря жареный стейк и курицу, а затем передавая блюдо мне.

— Ты когда-нибудь участвовал в скоростной погоне? — спросила Ада, передавая Эдди зеленую фасоль.

— Раз или два, — ответил Эдди, беря фасоль.

Глаза Ады округлились, когда она передавала пюре.

— Кто-нибудь разбился?

— Нет.

Она выглядела разочарованной, затем собралась с духом.

— А ты был в перестрелке?

Эдди выложил пюре себе на тарелку, его взгляд скользнул ко мне, затем вернулся к Аде.

— Да.

Мое сердце пропустило удар при мысли об Эдди в перестрелке. Он пошутил об этом сегодня утром, и мне никогда не приходило в голову, насколько опасной была его работа на самом деле.

— В тебя когда-нибудь стреляли? — взволнованно спросила Ада.

Я замерла всем телом и напряглась.

— Нет.

Я почувствовала, как расслабляюсь.

Слава Богу.

Ада поджала губы, недовольная отсутствием кровавых подробностей.

— А сам стрелял в кого-нибудь? — безжалостно спросила она, протягивая ему соус.

— Да.

Лицо Ады просветлело.

У меня перехватило дыхание при мысли о том, что Эдди в кого-то стрелял. Он всегда казался опасным, крутым парнем, но стрельба по живой мишени выводила это на новый уровень.

Я посмотрела на него краем глаза и увидела, что он хотел быть вежливым, но не желал говорить об этом. С другой стороны, кому захочется говорить о стрельбе в кого-то, даже в кого-то плохого, даже если ты опасный, крутой парень?

Ада открыла рот, чтобы спросить что-то еще, но я перебила ее.

— Ада, дорогая, может, вы с Эдди поговорить о стрельбе в людей после того, как мы поедим.

Она в отчаянии захлопнула рот. Рука Эдди скользнула под стол, и он провел пальцами по моему бедру. Я догадалась, что таков был его способ выразить молчаливое спасибо.

Должна признать, мне он понравился.

Ада попыталась применить другую тактику:

— Полиция все еще берет гражданских на патрулирование?

Эдди снова посмотрел на меня, затем принялся резать стейк.

— Конечно, — ответил он.

Ада столкнулась с мамой на седьмом небе, а потом пошла ва-банк:

— А пожилых граждан берут? Мне восемьдесят один, но, клянусь, у меня рефлексy шестидесятилетней.

Я остановилась с вилкой, полной стейка, пюре и соуса, на полпути ко рту, желая посмотреть, как Эдди выпутается из этого, и на этот раз, без моей помощи.

— Наверное, нет, — честно ответил он, не прекращая есть.

Он прожевал и проглотил.

Ха-ха! Его загнали в тупик, и он тянул время.

— Но, если хотите, я устрою вам экскурсию по участку.

Лицо Ады расплылось в улыбке.

— Как думаешь, у меня снимут отпечатки пальцев? — спросила она. — Знаешь, просто так, ради интереса?

— Без проблем.

Ада выглядела так, словно умерла и попала в рай. Седьмое небо осталось далеким воспоминанием, она улетела на двенадцатое и сидела рядом с Богом.

— Было бы великолепно, — выдохнула она.

Фантастика.

Теперь Эдди делал одолжения моим друзьям. Я никогда не смогу отплатить ему и вычеркнуть из своей жизни.

— Ада пристрастилась к полицейским шоу, — объяснила мама.

Эдди улыбнулся как раз в тот момент, когда прозвенел дверной звонок.

— Я открою, — выпалила я, потому что мама была заморожена улыбкой Эдди.

В дверях стояла Трикси.

— Привет, Джет. Извини, что опоздала.

Я испытала облегчение от того, что при ней не оказалось сумки для ночевки.

— Мы уже начали ужин, — сообщила я ей.

Не слушая, она направилась напрямик в столовую и улыбнулась Эдди.

— Эдди! Рада снова тебя видеть. Привет, Ада. — Она села, налила себе чаю со льдом и без лишних слов начала накладывать еду на тарелку.

— Эдди устроит мне экскурсию по полицейскому участку, — объявила Ада. — Мне снимут отпечатки пальцев и все такое!

— Фантастика, — ответила Трикси, затем повернулась к маме: — Ты собрала вещи?

Я переводила взгляд с одной на другую, когда мама кивнула.

— Собрала вещи? — спросила я.

Трикси посмотрела на меня.

— Да, твоя мама ночует у меня.

Я закрыла глаза и молча спросила у Бога: почему я?

У Бога не нашлось ответа.

Стол был рассчитан на четверых, пятерым за ним было тесновато. Рука Эдди скользнула по спинке моего стула, хотя он продолжал есть. Я посмотрела на него и поняла, что он проводит лучшее время в своей жизни.

Он встретился со мной взглядом.

— Ты мне очень не нравишься, — прошептала я.

У него на щеке появилась ямочка.

— Что ты сказала? — спросила мама.

— Ничего, — буркнула я и запихнула еду в рот.

— Джет, все очень вкусно, — похвалила Трикси, поддевая вилкой порцию. Затем посмотрела на Эдди: — Джет — отличный повар.

— Самый лучший, — вставила мама.

— Ты должен попробовать ее мясной рулет. Никогда не ела такого вкусного мясного рулета, как у Джет, — добавила Ада.

Боже милостивый.

Мясной рулет был мясным рулетом.

Точка.

— И она готовит пирог с лимонным безе, даже с корочкой. Корочки у нее получаются тонкие и хрустящие. Ты никогда не ел ничего вкуснее, — сказала Трикси.

— Она всегда хорошо готовила. У нее дар, — вставила мама.

Я подумала, насколько бы грубо выглядело, если бы я встала и ушла, и не останавливалась бы, пока не добралась до Ванкувера.

— Она отличная дочь, — продолжала Трикси, подмигивая мне.

— Лучше и желать нельзя. Училась на отлично, никогда не попадала в неприятности. Даже когда ее отец ушел, Джет взяла на себя... заботу обо всех, — заявила мама.

Я замерла.

Данный разговор не должен был состояться, ни сейчас, ни когда-либо.

— Мам... — попыталась предостеречь я, бросив на нее убийственный взгляд.

— Что? Ты так и сделала. — Мама посмотрела на Эдди. — В четырнадцать она устроилась на работу, чтобы помочь мне с деньгами на продукты...

— Мам... — повторила я, на этот раз намного громче.

— Что? — сказала мама, тоже намного громче. — Это правда. Мне не стыдно признаться, что после ухода твоего отца, я развалилась на части. Особенно, если не уделяла должного внимания дочери, которая держала семью вместе.

Она повернулась к Эдди и улыбнулась своей ослепительной кривоватой улыбкой.

— Всю ответственность я беру на себя.

Я наклонилась к ней, как мне показалось, угрожающе.

— Прекрати болтать, — потребовала я, все еще придерживаясь Стратегии Стервы.

Во всей видимости, я выглядела не очень угрожающе.

— Ты должна гордиться собой, — возразила мама, используя свой Голос «не спорь с матерью».

Я проигнорировала Голос.

— Зачем? Любой бы поступил также, — ответила я.

— Лотти не поступила, — заметила Трикси.

Это было правдой; Лотти так не поступила, главным образом потому, что я этого не хотела. Я хотела, чтобы она имела возможность быть ребенком, потому что она была еще маленькой.

— Давайте сменим тему, — предложила я.

— Эдди, — позвала Ада, идя напролом, — что ты думаешь о новой прическе Джет? Красота, да и только, скажи?

Я бросила попытки поесть и откинулась на спинку стула.

— Кто-нибудь, пожалуйста, убейте меня, — взмолилась я в потолок.

Рука Эдди обвилась вокруг моей шеи, погладив большим пальцем.

Электрический разряд выстрелил от шеи прямо к соскам.

Плохая идея, откинуться на спинку стула. Я забыла о руке Эдди.

Я немедленно выпрямилась.

— Что у нас на десерт? — спросила Трикси, и в ее глазах плясали огоньки. Она уловила движение руки Эдди. — Надеюсь, это лимонный пирог с безе.

Я могла бы застрелиться.

Я испекла шоколадный торт. Трикси очень понравился мой шоколадный торт, и она потребовала, чтобы я каждый год готовила его ей на день рождения. Следовало купить какой-нибудь марки «Сары Ли».

— Шоколадный торт, — объявила мама.

Глаза Трикси расширились, и она повернулась к Эдди.

— Ты попросишь ее выйти за тебя замуж после того, как попробуешь ее шоколадный торт.

Я резко отодвинула стул, встала и схватила свою тарелку.

— Я закончила. Кто-нибудь еще закончил?

Мама посмотрела на меня снизу вверх.

— Джет, сядь. Больше никто не закончил.

— Тогда я пойду приготовлю еще чая со льдом.

И сбежала.

Моя ох*енная мамаша.

И, да, это определенно был момент для слова с буквой «х».

Я спряталась на кухне, заварила еще чая со льдом и приготовила на десерт кофе. Достала десертные тарелки и вилки. А также вымыла кастрюли, сполоснула тарелку и столовые приборы, положила их в посудомоечную машину и вытерла столешницы.

Затем с грязной посудой вошла Трикси.

Она пристально посмотрела на меня.

— Это было грубо.

Мне было все равно, если это грубо. Грубость — это хорошо. Я руками и ногами голосовала за грубость.

— Ты понятия не имеешь, что происходит, — сказала я ей.

— Так объясни мне, — выпалила она в ответ.

Поскольку я тоже не понимала, что происходит, то не могла.

— Просто поверь мне, это не то, чем кажется.

— Мм-хмм, — промычала она раздраженно, не веря мне, ни капельки. Она поставила посуду в раковину, а затем уперла руку в бедро.

Меня окружали женщины, которые здорово принимали угрожающую позу, уперев руку в бедро. И снова я должна была спросить: почему я?

— Из того, что я видела, — продолжила она, — Эдди казался очень заинтересованным каждым сказанным словом. Из того, что я видела, он с любопытством наблюдал за тобой все время, пока мы разговаривали. Из того, что я видела, он кажется хорошим парнем.

— Откуда тебе знать? Вы ему и слова не дали вставить.

Сначала показалось, что ей неловко, но затем она скрыла это.

— Возможно, мы немного перегнули палку.

— Немного? — огрызнулась я.

Она сняла руку с бедра, ее лицо изменилось, и она схватила меня за руки.

— Джет, милая, кто установил правило, что тебе нельзя быть счастливой?

— Никто. Я буду счастлива... когда-нибудь. Только не с Эдди.

— Почему не с Эдди?

— Ты видела Эдди?

Ее взгляд стал каким-то мечтательным.

Она видела Эдди.

— Можно больше ничего не говорить, — закончила я.

Она уставилась на меня, возвращаясь в реальность.

— Какое отношение внешность Эдди имеет к ценам на чай в Китае?

Как бы объяснить?

Видите ли, дело в том, что со мной не случилось ничего хорошего. Не то чтобы у меня была жалкая, печальная жизнь. Моя жизнь была не лучше и не хуже, чем у других. Случались свои взлеты и свои падения.

Ладно, падений было много, но и хорошие моменты не обошли меня стороной.

Я просто знала, что мне не везло. Я также знала свои пределы. И, наконец, я знала, что мечты не сбываются, ни мамины мечты о тебе, ни мечты лучшей маминной подруги о тебе и, безусловно, не мои собственные. Жизнь состояла в том, чтобы найти свой кусочек счастья, даже работать ради него, если придется, и обосноваться в нем.

Я знала, что найду свой кусочек счастья, но даже если бы Эдди действительно испытывал ко мне какое-то странное влечение, я бы никогда, даже через миллион лет, не обосновалась с ним. Меня всегда бы донимал вопрос: когда он поймет это или найдет кого-нибудь получше. И я не хотела такой жизни.

Вот почему красивые люди были с красивыми людьми, а обычные — с обычными. Ты не стремишься к такому несчастью.

Трикси дважды выходила замуж и в настоящее время была свободна. Как маму и Лавонн, ее притягивало к подобному типу мужчин, но она обладала достаточной уверенностью, чтобы послать их подальше, когда ее терпение заканчивалось. Она найдет кого-нибудь другого, я знала это, она всегда находила. Такой уж женщиной она была. Когда ей надоест быть одной, она найдет себе мужчину. Поэтому ей меня не понять.

— Неважно, — ответила я.

Она уставилась на меня.

— В следующий раз, когда я увижу Рэя, то его убью.

Ей пришлось бы встать в очередь.

— За что? — спросила я.

— Не бери в голову.

Мы сполоснули посуду и загрузили ее в посудомоечную машину. Трикси понесла торт, а я последовала за ней с мороженым и тарелками. Трикси подавала десерт, пока я разливала кофе. Все это время я избегала смотреть на Эдди.

— Я заеду за вами завтра в 5:30, — сообщил Эдди, доедая торт и глядя на маму.

Ой-ой.

Я все еще не рассказала маме об ужине у Бланки.

— Заедешь за нами? — спросила мама, переводя взгляд с Эдди на меня.

— Забыла сказать, завтра мы идем к маме Эдди на ужин.

Трикси улыбнулась. Мама просияла. Ада даже захлопала в ладоши.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

— Леди, если хотите, вы тоже можете прийти, мама устраивает вечеринку, — предложил Эдди Трикси и Аде.

Я открыла глаза, выпрямилась на стуле, повернулась к Эдди и уставилась на него.

— Что ты имеешь в виду под вечеринкой?

— Она позвала кузенов и кузин, Инди и Ли, всех Найтингейлов и отца Инди.

Нет.

Нет, нет, нет.

Это не случайно.

— Я бы с удовольствием пришла, — подтвердила Трикси.

— Я была бы рада. Я никогда никуда не хожу, — сказала Ада.

Замечательно.

— Я заеду в 5:30, заберу Аду, и мы последуем за вами, — планировала Трикси, обращаясь к Эдди, и Эдди кивнул.

Я снова встала со стула, на этот раз по уважительной причине.

— Мне пора собираться на работу.

Не дожидаясь ответа, я направилась в свою комнату.

Я сидела на кровати в униформе Смити, и надевала черные туфли, когда в мою дверь постучали.

— Войдите, — отозвалась я, думая, что это мама или Трикси, желающие прочитать мне еще одну нотацию.

Вошел Эдди и закрыл за собой дверь.

Проклятье.

— Я почти готова.

Я встала и взяла джинсовую куртку, натягивая ее.

Эдди наблюдал за мной, прислонившись к двери и скрестив руки на груди, и не сводил глаз с моей униформы. Впервые за этот вечер он выглядел недовольным.

— Что? — спросила я.

— Мне не нравится, что ты там работаешь.

Я схватила сумочку, но он еще не закончил.

— И мне очень не нравится этот наряд.

Я вздохнула.

— У меня нет особого выбора, — сказала я, подходя к нему. — В любом случае, не имеет большого значения, нравится тебе мой наряд или нет, это не имеет к тебе никакого отношения.

Он стоял у двери и не двигался.

— Ты можешь уйти с дороги? — спросила я, глядя на него снизу вверх.

Мне следовало посмотреть раньше. Его глаза сверкали, что означало, что он из недовольного превратился в разъяренного.

— Думал, мы это уже проходили, — прокомментировал он пугающе тихим голосом.

Ой-ой.

Я решила проигнорировать это.

— Я не могу опоздать на работу.

— Вижу, мой план не работает, — ответил он, меняя тему.

— Какой план? — спросила я, держась как можно дальше от него, не отступая и не делая вид, что держусь от него как можно дальше. Я начала чувствовать, как дрожь страха пробегает по позвоночнику.

— Быть честным, хорошим парнем, совершать добрые дела, делать тебе одолжения.

Я уставилась на него, боясь того, что он скажет дальше.

— И? — подтолкнула я.

Ладно, я должна знать, даже если и не хотела.

— Значит, мне придется попробовать новый план.

Если его старый план — быть честным, хорошим парнем, совершать добрые дела, то я не хотел знать, каким будет его новый план.

Он все равно мне сказал.

— Судя по всему, в ту минуту, как я запустил руку тебе в трусики и заставил кончить, ты почти целый день была добра ко мне. Ни разу не накричала, расплакалась в моих объятиях и заснула в них. Так что, полагаю, вон он — способ, чтобы ты вела со мной мило.

Ох... милостивый... Господь.

Я уставилась на него. Неужели он серьезно?

— Я отвезу тебя на работу, — продолжил он, — потом заберу, и ты проведешь ночь у меня дома.

Ой!

— Мне не нравится твой план, — наконец, обрела я дар речи.

— Тогда перестань вести себя как стерва, ты не такая и этот образ тебе не идет.

У меня отвисла челюсть. Я знала, что веду себя как стерва, но никогда не ожидала, что он меня в этом обвинит.

Мои глаза сузились, и я уперла руку в бедро. В последнее время я часто так делала. Не думала, что я из тех женщин, кто упирается рукой в бедро, но вот, пожалуйста.

— Что, извини?

— Твоя мама и ее подруги любят тебя и гордятся. Сегодня вечером ты смутила свою маму.

— Дело не в ней, — огрызнулась я, — дело в тебе.

— Знаю, что во мне. Но это не отменяет того факта, что смущаешь ты ее.

— Она переживет.

— Стоит ли мне ожидать больше твоей стервозности завтра вечером с моей мамой?

Видите, я не ошиблась в том, что сказала ему. Трикси, Ада и мама переживают, и я знала это.

Я ни за что не стала бы вести себя как стерва с Бланкой. Бланка была милой женщиной.

Эдди не обязательно это знать. На данный момент, если я собиралась быть стервой, то мне придется пройти этот путь до конца. Я подалась вперед на пару дюймов и, вроде как, соврала:

— Возможно.

Он оттолкнулся от двери и направился ко мне.

— Тогда мне придется убедиться, чтобы ты вела себя мило.

Ой! Ой! Ой!

Я подняла руки, чтобы оттолкнуть его.

— Может, просто отстанешь и оставишь меня в покое? — попыталась я.

Он уперся грудью в мои ладони, а затем толкнулся в них, пока они не оказались зажатыми между нашими телами.

— Ни за что.

Я смотрела на него.

Он смотрел на меня.

У нас проходило состязание в гляделки.

Я проиграла и, глубоко вздохнув, расслабилась в его объятиях.

— Ох, ладно. Я перестану быть стервой.

Пугающий блеск исчез из его глаз, и их окутало тепло.

— Я знал, что ты так долго не продержишься.

Это было правдой.

Я все еще смотрела на него.

Он обнял меня за плечи и повел к двери.
— Давай отвезем тебя на работу.

Я сыта всем этим по горло

Эдди вошел в клуб вместе со мной.

Смити бросил на нас один взгляд и крикнул:

— У меня новая мебель, сделанная на заказ, и я не хочу покупать ее заново. Держи этого засранца подальше отсюда.

Рука Эдди была у меня на спине, и при словах Смити она скользнула к моему бедру. Я подумала, что это опасный признак, поэтому посмотрела на него, чтобы оценить уровень опасности. Улыбки не было, но появилась ямочка, и я восприняла это как знак того, что могу расслабиться.

Я положила куртку и сумочку на стойку бара и сунула мобильник в поданный Смити фартук.

— Он просто подбросил меня.

Смити пристально смотрел на Эдди, небрежно облокотившегося на стойку бара, словно собравшегося остаться на всю ночь. При моих словах взгляд Смити скользнул ко мне.

— Я так понимаю, раз у тебя появился гребаный эскорт, ты еще не разобралась со своими проблемами, — постановил он.

— Нет, — призналась я.

— Ричи! — гаркнул Смити, и я подпрыгнула.

Ричи, придурок-вышибала, подбежал, зыркнув на Эдди и меня (если по правде, то больше на меня). Он был голубоглазым блондином, примерно на два дюйма выше меня и на пятьдесят фунтов тяжелее, сплошные мышцы.

— Сегодня присматриваешь за Джет. Не отходишь от нее всю ночь дальше, чем на пять футов, понял? — приказал Смити.

Ричи кивнул.

Эдди смерил Ричи взглядом, и по тому, как сжалась его челюсть, стало ясно, что ему не понравилось увиденное, но он оставил это при себе.

Смити посмотрел на меня.

— Ты — заноза в моей гребаной заднице. Приступай к работе.

Я отошла от бара, завязывая фартук вокруг талии. Эдди пошел со мной, и я остановилась и посмотрела на него.

— Тебе лучше уйти. Останешься еще ненадолго, и у Смити случится разрыв аневризмы.

Эдди посмотрел на меня сверху вниз, затем провел рукой по моим волосам у виска. Он наблюдал за движением пальцев, затем наши глаза встретились, и его ладонь легла на изгиб моей шеи.

— Мне все равно пора, у меня дела. Не вляпайся в неприятности. Если объявится Ловкач с ножом, не геройствуй, убегай, а потом звони мне.

Он немного подождал, чтобы понять, дошло ли это до меня. Я кивнула, испытывая некоторое любопытство к его делам. Но спрашивать не стала, потому что, скорее всего, не хотела бы о них знать.

— В конце смены я за тобой заеду, — закончил он.

Мне не предлагали выбора, согласиться или нет. Ли говорил мне держаться Эдди или кого-то еще, и я была достаточно напугана, чтобы подчиниться. Поскольку идея позвонить

Дюку или Тексу в три часа ночи, чтобы они приехали и забрали меня, не привлекала, как и просьба попросить одного из парней Ли, я оказалась в тупике. Придется осуществить свой план по избежанию встречи с Эдди в другой раз.

Затем Эдди сказал:

— Ты проведешь ночь со мной.

Это был не вопрос.

Я решила отнестись к этому как к единой проблеме. Излишне говорить, что во время другого раза по избежанию встречи с Эдди, нельзя было проводить с ним ночь.

— Лучше я поеду домой.

— Без обид, но моя кровать удобнее.

— Я имела в виду одна.

Он ухмыльнулся, будто я сказала что-то забавное, наклонился и коснулся губами моих губ.

Затем ушел.

Я со вздохом посмотрела ему вслед и, должна признать, зрелище мне понравилось.

Наверное, я проведу ночь с Эдди.

— Не твой гребаный парень, да? — гаркнул мне Смити.

Сказочно.

Ночь началась хорошо, оживленно, но тихо. Никаких мальчишников, никаких драк, никаких мужчин с ножами.

Эта удача длилась недолго.

— Джет!

Я стояла у барной стойки, когда меня позвали, обернулась и увидела позади себя Инди, Элли и двух мужчин — один худощавый, другой латиноамериканец.

— Мне до безумия нравится этот наряд, — пропела Элли, взгляд ее огромных глаз излучал одобрение.

— Мне тоже, — сказал худощавый мужчина. — Можно, я его одолжу? Он смотрелся бы божественно в номере под песню «She Works Hard for the Money», тебе не кажется?

Он повернулся к Инди, но не стал дожидаться ответа и оглянулся по сторонам.

— Нет... подождите... здесь есть сувенирный магазин, где продаются такие майки?

Должно быть, это сосед Инди, Тод, и партнер Тода, Стиви.

— Я одолжила твои босоножки, — сообщила я ему, — спасибо. Они все еще у меня, я верну их тебе завтра.

— Оставь себе, — сказал он, отмахнувшись. — Платье, к которому они подходили, порвалось. Непоправимо. Это было травмирующе. Мне нравилось то платье. Теперь босоножки — просто уродливое напоминание.

— Но... — пробормотала я, немного шокированная его щедростью. — Босоножки великолепные.

Он пожал плечами.

— Просто думай обо мне как об обувной фее. — Затем он сделал движение, будто касается моей головы воображаемой волшебной палочкой. — Создай собственные хорошие воспоминания в этих босоножках.

На секунду я открыла рот, а потом он подмигнул мне. Я ничего не могла с собой поделать, поэтому улыбнулась ему, а затем повернулась к Инди. Она запоздало представила меня, и я спросила:

— Что ты здесь делаешь?

— Пришла посмотреть на твою другую жизнь. Ты ведь не возражаешь? — ответила Инди.

Я покачала головой и, по какой-то причине, действительно не возражала. Уже слишком поздно, мой секрет раскрыт, и почти все всё равно видели меня в форме Смити.

— Выбирайте какой-нибудь из моих столиков. — Я указала на несколько столов. — Я позабочусь о вас.

— Эй, ты! — крикнул Смити, указывая на Элли и вразвалочку направляясь к нам через бар. — Или ты. — Он указал на Инди. — Вы подруги Джет?

Инди и Элли одновременно кивнули.

— Кто-нибудь из вас танцует? — спросил он, когда добрался до нас.

Ой-ой.

Нехорошо.

— Смити... — начала я.

— Тихо, Джет, я, бл*ть, набираю персонал.

При его словах Инди, Элли, Тод и Стиви все посмотрели на сцену, затем снова на Смити.

— Не такие танцы, — ответила Элли.

— Поверь мне, ты склотила бы чертово состояние.

— Можешь написать по буквам «фу»? — громко прошептал Тод Стиви.

Смити проигнорировал его.

— Подумай об этом, возьми мой номер у Джет и позвони мне. Через месяц ты будешь водить «Порше», — пообещал он.

— Ты сказал, что я буду водить «Порше» через месяц, — вмешалась я.

— Ну, у тебя охеренно беспокойный гребаный парень-полицейский, который не хочет, чтобы ты выходила на сцену, а у меня танцовщиц становится все меньше. Я в поиске, а эти девушки — настоящие таланты.

— Эм... спасибо? — сказала Инди или, скорее, спросила.

— Всегда пожалуйста, черт возьми, — ответил Смити, затем повернулся ко мне и поднял брови. — Эй? Тут тебе не общественный клуб для горячих цыпочек и геев. Приступай к работе.

Затем он вразвалочку двинулся обратно вдоль барной стойки.

Тод повернулся к Стиви.

— Видишь, я же говорил, что здесь будет интересно.

Стиви посмотрел на него.

— Если кто-нибудь увидит нас здесь, нас выгонят из гей-клуба.

— Умоляя-я-яю. — Тод направился к столику в моей зоне обслуживания. — Кто нас здесь увидит?

Инди и Элли помахали мне рукой, направляясь следом за Тодом и Стиви, и сели с ними за столик.

* * * * *

Полтора часа спустя я как раз заканчивала подавать четвертый раунд напитков Инди и Компании, когда меня снова кто-то позвал по имени.

— Ну, привет, медовая моя.

Дейзи. В босоножках на платформе (с открытым носком и без запятника, поэтому,

надев их, вам приходилось ходить, чуть их придерживая) и в блестящем платье с таким количеством бусин и пайеток, что оно сверкало, как дискотечный шар. Подол был срезан под широким углом, начиная от верхней части бедра с одной стороны и спускаясь до середины икры с другой, по всей кромке шла бахрома из бисера. Декольте выпирало так сильно, что я боялась, как бы ее грудь не выскочила при малейшем движении. Завершала этот ансамбль ее объемная прическа на два размера больше, чем прошлой ночью, и, на первый взгляд, казалось, занимавшая большую часть зала.

— Дейзи! — поприветствовала я ее.

Она быстро меня обняла, словно мы дружили много лет, а не встретились один раз при чрезвычайно пугающих обстоятельствах.

Она отпустила меня и сказала:

— После встречи с тобой прошлой ночью я почувствовала ностальгию. Подумала, что забегу посмотреть, как поживает старая банда. — Она посмотрела на сцену. — Но я не знаю ни одной из этих девушек.

Я тоже посмотрела на сцену, думая, что в большинстве случаев стриптиз не является работой с долгосрочной перспективой. За те восемь месяцев, что я проработала в клубе, Джоджо и Мэнди были единственными, кто оставался здесь дольше всех, остальные были новенькими, многие приходили и уходили. На самом деле, я была самой старенькой официанткой в штате, не считая Тани. В «Смити» наблюдалась огромная текучесть кадров.

— Не хочу придираюсь, но этим девушкам нужно немного пошевелиться, — заметила Дейзи. — Когда я въехала на стоянку, то не увидела ни «Порше», ни «Корвет». Очень печально.

— Ты ездила на «Порше», когда работала здесь?

— Конечно, сладенькая. Я купила его на второй месяц.

Ого.

Я посмотрела на столик Инди. Все они рассматривали Дейзи с благоговением на лицах.

— Дейзи, я хочу познакомить тебя с моими друзьями.

Дейзи повернулась к столику и одарила всех присутствующих широкой, мегаваттной улыбкой, благоговение на лице Тода сменилось поклонением.

— Это Инди Сэвидж, Элли Найтингейл и эм... Тод и Стиви, — закончила я, не зная их фамилий.

Теперь глаза Дейзи расширились.

— Инди Сэвидж и Элли Найтингейл! Я слышала о вас. Я знаю Ли.

Инди и Элли переглянулись.

— Я жена Маркуса, — объяснила Дейзи.

Их поразило понимание, и они кивнули. Маркус участвовал в драме Инди, но, очевидно, с Дейзи девушки не встречались.

Инди улыбнулась.

— Может, присоединишься к нам и выпьешь?

— Лучшее предложение, которое я получала за весь вечер, сладенькая, — сказала Дейзи, и Стиви немедленно встал и пододвинул для нее стул. Он придерживал его, пока она умещала в него свою узкую попку. — Ну, разве ты не очаровашка? — сказала она Стиви с еще одной ослепительной улыбкой и легким хихиканьем, похожим на звон колокольчика.

— Я принесу тебе выпить, — вызвался Стиви, и если бы он не был геем, я бы поклялась, что он влюбился.

— Приносить напитки — моя работа, — возразила я, опустив руку ему на плечо и улыбнувшись, затем повернулась к Дейзи. — Что будешь?

Я принесла ей выпить, а когда ждала у барной стойки заказы для другого столика, меня перехватил Смити.

— За столиком твоих друзей Дейзи, — сказал он. — Обращайся с ней как с королевой. Она гребаная VIP-персона, раньше работала здесь, а раз став девушкой Смити, ты остаешься ей навсегда. Тем более теперь, когда она замужем за самым важным, крутым ублюдком Денвера.

— Я знаю Дейзи... и Маркуса тоже, — сообщила я.

Он уставился на меня.

— Откуда, мать твою, ты знаешь Маркуса?

Я подумала о том, чтобы солгать, но решила не делать этого. Не спрашивайте почему, это было глупое решение.

— Он, вроде как, похитил меня вчера после работы, вот так я и познакомилась с Дейзи. Она, вроде как, спасла меня.

Я сразу поняла, что мне следовало солгать.

Смити еще немного тарасился на меня, его взгляд стал слегка диким. Затем покачал головой, и я не знала, было ли это для того, чтобы прояснить мысли, или потому, что он знал, что моя жизнь превратилась в полный бардак.

— Конечно, она, бл*ть, спасла бы тебя, ты же девушка Смити.

— Так она и сказала.

Смити бросил на меня несчастный взгляд.

— Держись от Маркуса подальше. Он — охеренно плохие новости с большой буквы.

Я кивнула. У меня было полное намерение держаться подальше от Маркуса.

Я начала ставить напитки на поднос, но Смити поймал меня за запястье.

— У меня есть друг, он мне как брат, и он должен мне услугу. По моей просьбе он будет охранять тебя и укроет от чужих глаз, пока твои проблемы не разрешатся, и он из тех парней, с которыми никто не связывается. Если Маркус замешан в этом гребаном дерьме, я готов вернуть брату его услугу. Предполагаю, твой парень-полицейский тебя прикрывает. В ту минуту, когда я пойму, что он не справляется с работой, ты берешь гребаный отпуск.

При взгляде на Смити я снова почувствовала это странное тепло.

— Спасибо, Смити, но я не могу уйти, мне нужно заботиться о маме.

— Твоя мама останется у Латиши.

Латиша была одной из женщин Смити. Я встречалась с ней несколько раз, и она мне нравилась. Она работала помощницей медсестры в доме престарелых. Судя по всему, она любила свою работу, а старички любили ее. Доказательством тому служило регулярное повышение ее дохода на небольшую сумму, когда после смерти старичков она оказывалась внесенной в их завещания.

— Смити...

Он поднял руку.

— Никаких, мать их, обсуждений. Я не спускаю с тебя глаз. — Затем он отпустил мое запястье и отошел.

Великолепно.

Ночь продолжала оставаться такой спокойной, какой только может быть обычная ночь в стриптиз-клубе. Инди, Элли, Дейзи, Тод и Стиви постоянно заказывали выпивку,

приближаясь к тому, чтобы напиться, и со стороны их столика доносились частые взрывы смеха. Они стали хорошим развлечением для посетителей; даже полностью одетые, Инди, Элли и Дейзи радовали глаз.

Ночь уже близилась к завершению, когда я выставила напитки на столик у самого дальнего края сцены. Мне никогда не нравился этот уголок, даже когда моя жизнь не являла собой хаос. Он был темным и всегда казался каким-то отрезанным от клуба.

Развернувшись, я чуть не налетела прямо на Винса Фрателли.

Я замерла, глядя на него, мое сердце остановилось.

— Я наблюдал, знаю, что у тебя есть телохранитель и защита Чавеса, — сказал он, окинув меня стальным взглядом. — Настанет время, когда ты останешься беззащитной, и я хочу, чтобы ты знала, что в этот момент я буду рядом.

Мое сердце заколотилось, и мой взгляд метнулся за его плечо. Ричи стоял неподалеку, но не смотрел в мою сторону, его внимание полностью поглотил столик Инди.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, сука.

Мой взгляд вернулся к Винсу, и от его тона горло перехватило от страха.

— Я потратил время на раздумья о том, что с тобой сделать. Думаешь, с Чавесом ты в безопасности. Но знай, Маркус и Чавес ненавидят друг друга. Маркус даст мне поблажку. Что бы ни говорила Дейзи, я с тобой позабавлюсь. Он позволит мне, что угодно, лишь бы насолить Чавесу. Даже если после разразится война с Найтингейлом.

Я приросла к месту.

Мне хотелось бежать, кричать, но тело не могло сдвинуться с места.

Разум полностью отключился.

— На четвереньках, — сказал он, наклоняясь ко мне, — Я вые*у тебя по-собачьи, и ты будешь умолять об этом, даже если мне придется приставить пистолет к твоей башке.

На секунду мне показалось, что я упаду в обморок, но потом Винс исчез. Так же быстро, как и появился, он растворился в толпе и исчез. Я прислонилась к стене, прижала поднос к груди и глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться.

Теперь ситуация официально вышла из-под контроля.

Я хотела рассказать кому-нибудь, чтобы меня защитили, обеспечили безопасность.

Я не так хорошо знала Эдди, но это менялось очень быстро. У меня было такое чувство, что если я расскажу ему, его вспыльчивость возьмет верх, и он потеряет рассудок. Если расскажу Смити, то отправлюсь в «отпуск», а я не могла его себе позволить. Если расскажу Инди, она расскажет Ли, а тот расскажет Эдди, и разразится война. Я не была уверена, что означает война в их понимании, но война есть война, и я не хотела, чтобы Эдди или Ли участвовали в любой войне, особенно из-за меня.

Даже в переполненном стрип-клубе я никогда не чувствовала себя такой одинокой и напуганной, как сейчас. Никогда за всю свою жизнь.

Разум снова включился, когда я заметила Таню, странной походкой следующую с мужчиной, которого я никогда не видела рядом с ней. Они направлялись в сторону гримерки танцовщиц. Официантки редко ходили туда во время смены, а посетители однозначно не допускались.

Присмотревшись, я увидела пистолет, приставленный к ее спине.

Ох... милостивый... Господь.

Что на этот раз?

По какой-то причине я не думала, просто начала действовать. Я не хотела привлекать

внимание к Тане и парню или терять время. Должна признать, я надеялась, что Ричи последует за мной. Это его работа, хотя он никогда не был по-настоящему хорош в ней.

Так быстро, как только могла, я поспешила за ними к гримерке.

Я услышала, как парень приказал:

— Все вон.

И прежде чем я вошла в гримерку, из нее вылетели побледневшие танцовщицы, натываясь при этом на меня.

— Предупреди Смити, — прошептала я Джоджо, когда та пробежала мимо. Она кивнула.

Я вошла в гримерку, стараясь выглядеть спокойной и непринужденной.

— Привет, Таня, как дела? За десятым столиком просят напитки.

Лицо Тани превратилось в маску ужаса, и мой желудок сжался при виде этого.

Парень повернул к ней голову.

— Таня? — спросил он. — Я думал, ты — Джет.

Бл*ть.

Бл*ть, бл*ть, бл*ть.

И, позвольте сказать, этот момент стоил нескольких слов на букву «б».

Я сказала:

— Я Джет.

В то же время Таня прокричала:

— Не надо!

Парень повернулся ко мне. Он был белым, высоким, темноволосым, от уголка губ вниз к челюсти у него тянулся уродливый шрам. Мое сердце бешено колотилось, но оно ёкнуло и остановилось, когда парень направил пистолет на меня.

— Оставляю сообщение для Рэя, — сказал он мне. — У меня никто не крадет безнаказанно. И за это заплатишь ты.

Затем, не колеблясь, он выстрелил.

Моя удача повернулась ко мне лицом, и он промахнулся. Я нырнула в сторону, мой поднос полетел в противоположном направлении.

Таня высвободилась и тоже нырнула в сторону.

Раздались еще выстрелы, и я сделала кувырок и откатилась прочь. Затем встала, в голове витал туман, за исключением того факта, что я разозлилась до чертиков.

Нет, ну в самом деле.

Я сыта всем этим по горло.

Я бросилась на мужчину, пригнулась и врезалась плечом ему в живот. Мы оба упали, и я схватилась за пистолет.

Раздался еще один выстрел, и я смутно почувствовала в комнате движение.

Вскоре ко мне присоединились еще борющиеся, куча рук и ног и много-много ногтей.

Джоджо присоединилась к клубку, одетая только в стринги, накладки на соски давно исчезли. Таня тоже была там, очевидно, чувствуя необходимость отплатить обидчику. Еще пара стриптизерш бросилась в драку, пистолет был вырван, и мы закончили тем, что я оседлала живот парня, прижимая его плечи к полу. Джоджо уперлась коленом в одно его запястье, Таня обеими руками держала второе, а Мина, еще одна стриптизерша, навалилась на обе ноги.

Нам не нужно было удерживать его, так как Инди схватила пистолет и направила его на

мужчину, выглядя очень крутой и, похоже, зная, как обращаться с оружием.

— Не двигайся, мать твою, — рявкнула Инди.

Я отвернулась от Инди к парню.

— Что за черт? — крикнула я ему в лицо.

Он плюнул в меня. К счастью, тоже промахнулся, и слюна чуть поднявшись в воздух, приземлилась прямо ему на щеку.

— Говори, или, клянусь Богом, я тебя придушу. Что все это значит? — огрызнулась я.

Я не была женщиной на грани, я была женщиной, которую столкнули с края и отправили в свободное падение.

Я передвинула руки, собираясь обхватить ими его шею, но тут меня оттащили от него. Я брыкалась, пиналась и рычала, пока Ричи и еще пара вышибал поднимали мужчину и с глухим стуком впечатывали лицом в стену, широко расставляя его ноги и обыскивая его.

— Остынь, — сказал Смити мне на ухо, обхватив меня за талию и выволакивая за дверь.

Я увидела Элли, Дейзи, Тода и Стиви. Они все стояли возле двери и смотрели на меня. Тод и Стиви с уставшими, но озабоченными лицами. Дейзи и Элли выглядели почти такими же взбешенными, как и я.

Смити твердо, но нежно прижал меня к стене коридора и встал рядом. Я все еще пыталась вернуться к плохому парню.

— Успокойся, девочка, все кончено, — сказал он ласково.

Его нежный голос поразил меня, и я перестала сопротивляться, жажда борьбы просто улетучилась из меня.

— Смити! Что, черт возьми, это было? Я думала, твои девочки здесь под защитой, — потребовала Дейзи, уперев руки в бедра в вызывающей позе, Инди и Элли окружали ее, как почетная стража.

Я увидела, как бармен сопровождал по коридору двух полицейских, — один из них — парень Элли, Карл, — и все они бежали трусцой. Они скрылись в гримерке.

Смити проигнорировал Дейзи и повернулся ко мне.

— Ты официально в отпуске.

— Что здесь происходит? Мне нужно позвонить Маркусу? — пригрозила Дейзи, не привыкшая, чтобы ее игнорировали.

— Нет, черт возьми, — возразил Смити. — Обо всем уже позаботились. С сегодняшней ночи Джет в отпуске.

— Что у тебя за проблемы? — спросила меня Дейзи.

Я закрыла глаза и прислонилась головой к стене.

Когда я их открыла, то посмотрела на Инди.

— Парень сказал, что папа украл у него.

Глаза Инди вспыхнули.

Дейзи была в ударе, и когда она начала говорить, мои глаза обратились к ней.

— Никто не связывается с девушкой Смити. Никто. Это возмутительно. Сладенькая, я поговорю с Маркусом. Мы с этим разберемся.

— Пожалуйста, нет... — запротестовала я, — не говори ничего Маркусу.

Маркус означал Винса. Я не хотела иметь ничего общего ни с тем, ни с другим, и, конечно же, не хотела быть обязанной одному из них, в то время как другой планировал меня изнасиловать.

Атмосфера внезапно изменилась, наполнившись силой и чем-то даже более пугающим,

чем вызывающая поза Дейзи. Я посмотрела налево и увидела идущего к нам Эдди.

Серьезно, ой-ой.

Он держался так, будто контролировал движения своего тела, но от него исходила явная враждебность. Глаза сверкали, и он так злился, что это приравнивалось к ярости. Но прежде чем он успел открыть рот, чтобы сказать хоть слово, Смити пришел в движение. Для крупного мужчины он был быстр как молния.

В коридор вышел Ричи. В мгновение ока Смити схватил Ричи за плечо и прижал к стене, его рука покинула плечо Ричи, переместившись к его горлу.

— Я, кажется, сказал тебе, долбо*б, не отходить от нее дальше, чем на пять футов! — заорал он в лицо Ричи.

Ричи уставился на Смити и открыл рот, чтобы заговорить. Смити не позволил.

— Ты уделяешь больше внимания тому, что происходит на гребаной сцене, а не их защите. Девушки у шеста — это не конфетки для твоего удовольствия, ублюдок, а твоя работа. Ты здесь для того, чтобы охранять их. Ты уволен, нах*й. Больше не хочу видеть твою жалкую задницу рядом с моим клубом. Ты меня понял? — предупредил Смити.

Ричи посмотрел на меня глазами, полными злости и обвинения. Затем кивнул Смити.

Класс. Еще один враг.

Я открыла рот, чтобы возразить и защитить его, не потому, что Ричи был хорошим вышибалой, отнюдь. Смити был прав, Ричи был в клубе для веселья, чтобы, будучи здоровяком-вышибалой в баре с сиськами, глазеть на девушек. Но я не хотела, чтобы кто-то еще преследовал меня.

Я не успела ничего сказать, потому что вмешался Эдди.

— Посмотри на меня, — потребовал он у Ричи, оттесняя Смити и вторгаясь в пространство Ричи. Эдди не нужно было удерживать парня физически, его гнева было достаточно, чтобы пригвоздить Ричи к стене.

Когда глаза Ричи обратились к нему, Эдди зловеще предупредил:

— Даже, бл*ть, не думай об этом.

Ричи уставился на Эдди, выражение его лица изменилось, и если бы он намочил штаны, я бы не удивилась. С другой стороны, Ричи присутствовал той ночью, когда Эдди разобрался с Холостяком № 1, и Эдди тогда был далеко не так разъярен, как сейчас.

Эдди повернулся ко мне, когда я заметила, что Ли и Карл материализовались позади Инди и Элли. У меня не было возможности отреагировать, потому что рука Эдди обвилась вокруг моей руки.

— Пойдем, — сказал он.

— Ну, нет. — Смити встал у нас на пути. — Джет берет отпуск. Она в опасности, и ты не сумеешь о ней позаботиться, так что она исчезнет, пока это дерьмо не уляжется.

Эдди, и без того напряженный, застыл как вкопанный.

— Прошу прощения? — сказал он своим тихим голосом. — Кажется, в нее стреляли в твое дежурство.

По лицу Смити пробежало смущение.

— Найди себе другую официантку. Сегодняшняя ночь была для Джет последней.

Настала моя очередь застыть как вкопанный.

— Что? — спросила я Эдди.

Эдди не ответил на мой вопрос, вместо этого снова повторил:

— Пойдем.

— Я так не думаю, — крикнула я, — Мне нужна эта работа.

— Я о тебе позабочусь, — сказал Эдди, будто это так просто, и начал тащить меня прочь.

Я выдернула руку из его хватки.

— Да? Позаботишься? Будешь оплачивать мамину терапию? Арендную плату за квартиру для инвалидов? Ее последующие МРТ? У тебя нет ни малейшего гребаног понятия, не так ли? Все не так просто, это не пара пакетов с продуктами и починка дурацкой машины. Это дерьмо безжалостно, это дерьмо — моя жизнь, — кричала я.

Все смотрели на меня, но мне было плевать. Я повернулась к Смити.

— Я уволена? — спросила я в миллионный раз.

Он покачал головой, на его лице все еще отражался гнев, но он смягчился.

— Ты не уволена, детка, но и не вернешься. Тебе здесь небезопасно. Я придержу для тебя место до тех пор, пока ты не сможешь вернуться и в тебя не перестанут стрелять.

Мой мир, уже вышедший из-под контроля, накренился, и я могла поклясться, что вот-вот упаду. И кругом не было абсолютно ничего, за что можно было бы ухватиться.

Поэтому я держалась за единственное, что у меня когда-либо было.

Я расправила плечи.

Да, я не оказывалась в худшем положении, чем это, но я также всегда шла своим путем.

И сделала бы это снова.

Каким-нибудь образом.

— Отлично, — рявкнула я и пошла прочь от Эдди, мимо Смити, Дейзи, Инди, Элли, Ли, Карла, Тода, Стиви и дюжину танцовщиц, вышибал и официанток.

Нах*й.

Нах*й все это.

Выйдя в зал клуба и зайдя за барную стойку, я схватила сумочку и куртку, вытащила из фартука сотовый и протянула фартук бармену.

— Я вернусь за чаевыми, — сообщила я ему и направилась к выходу.

Эдди стоял у двери. Я не смотрела на него.

Я понятия не имела, куда идти и что делать. Единственное, чего я не собиралась делать, так это плакать, хотя мне очень-очень хотелось.

Я замешкалась, оказавшись на улице, и Эдди схватил меня за руку и потащил к своему грузовику. Мы сели в него, тронулись и в полной тишине поехали к дому Эдди. Мне следовало бы возразить, но у меня не хватило духу. Я боролась за контроль над эмоциями. За мной гнался мужчина с ножом, другой мужчина планировал изнасиловать меня, а еще один мужчина стрелял в меня. Я должна экономить свои силы для предстоящих битв.

Эдди проводил меня на кухню, и я швырнула сумочку на стойку, а затем встала посреди комнаты, пока он закрывал дверь.

Он направился ко мне, но я его обогнула, вернулась к двери и распахнула ее.

Наклонившись, сняла одну туфлю на шпильке, выбросила ее на задний двор и сделала то же самое со второй. Я закрыла дверь и повернулась к Эдди.

Он пристально смотрел на меня, в его глазах все еще поблескивали остатки ярости.

— Ненавижу эти туфли, — сказала я ему.

Пройдя через кухню в его спальню, я начала выдвигать и задвигать ящики, или, скорее, дергать их со всей дури в поисках футболки.

Вошел Эдди, мягко отеснил меня от нападения на его невинный комод и начал

притягивать в свои объятия.

— Нет! — Я вырвалась. — Мне нужно лечь спать. Мне нужна футболка.

Я повернулась к комоду. Эдди притянул меня обратно в свои объятия, на этот раз менее нежно и с большей решимостью.

— Не надо, Эдди. Я держусь на волоске, — сказала я его горлу. Если бы он обнял меня, я бы потеряла самообладание.

— Зачем?

Я подняла глаза и заметила его настороженный взгляд, но ярость из него исчезла.

— Что «зачем»?

— Зачем ты держишься?

Я уставилась на него.

— Я не могу отпустить, — сказала я, думая, что это очевидно.

— Джет, все должны отпускать.

— Не я.

Его объятия стали крепче, я напряглась и оттолкнула его. Далеко я с этим не продвинулась, но так хотя бы сосредоточилась на действии.

— Почему не ты? — спросил он.

Я не ответила. Он встряхнул меня.

— Почему не ты? — повторил он.

К горлу подступили слезы, и я их проглотила.

— Джет, — позвал он.

Я покачала головой, но ответила:

— Я не могу, потому что, когда упаду, меня некому будет подхватить.

Его настороженность ослабла, а взгляд потеплел. Он и раньше смотрел на меня с этой теплотой, но никогда так, как сейчас, в его глазах было столько нежности, что у меня перехватило дыхание.

— Все протянули руки, ожидая, когда ты возьмешь хотя бы одну. *Cariña*, ты должна научиться брать кого-то за руку, прежде чем упадешь.

Я ничего не могла с собой поделать, не могла больше этого выносить. Прижалась лбом к его груди, обвила руками его талию и расслабилась. Затем почувствовала, как по щекам катятся слезы.

Он стоял некоторое время, обнимая меня и поглаживая по спине. Должна признать, это было приятно. Суперприятно.

Мы услышали звонок в дверь, и Эдди тихо сказал:

— Это, наверное, Джимми. — Он немного отстранился и посмотрел на меня сверху вниз. — С тобой все будет в порядке?

Я вытерла слезы и кивнула. Он поцеловал меня в лоб, и это тоже было приятно.

Мы вошли в гостиную, и Эдди впустил детектива Маркера. Он поздоровался со мной, в его глазах читалась нежность и беспокойство. Вместе с детективом Маркером вошли красивый чернокожий мужчина и белый, молодой на вид парень, оба в форме. Эдди представил их как сержанта Вилли Мозеса и офицера Брайана Бонда.

— Извините, мы должны задать вам несколько вопросов, пока воспоминания свежи. Это не займет много времени, — объяснил детектив Маркер.

Я села на диван и стала отвечать на вопросы. Эдди немного постоял рядом, потом я увидела, как он кивнул Вилли, чернокожему офицеру, и они оба исчезли на кухне.

Я продолжала отвечать на вопросы, но время от времени оглядывалась на кухню.

Эдди и Вилли находились вне поля зрения, затем Эдди ненадолго мелькнул в дверном проеме, прижимая мобильник к уху, а другую руку к бедру, а после снова исчез из виду.

— Думаю, мы закончили, — сообщил детектив Маркер. — У вас все еще есть моя визитка с прошлого раза?

Я кивнула, и он тоже.

— Позвоните мне, если что-нибудь вспомните или случится что-нибудь еще.

Я снова кивнула.

— Чавес! Я закончил, — крикнул детектив Маркер.

Эдди и Вилли вернулись, я встала, и Эдди проводил их до двери. Я наблюдала в окно, как отъезжает детектив Маркер, а Эдди, Вилли и Брайан стоят на тротуаре рядом с полицейской машиной. Эдди говорил, Вилли и Брайан слушали. Вилли посмотрел на дом и что-то сказал Эдди, и Эдди тоже обернулся. Я осталась у окна и продолжала наблюдать. Эдди отошел от них, помахав им рукой на прощание. Когда он направился к дому, я оставалась там, где была.

После того, как он закрыл и запер дверь, наши взгляды встретились.

— Давай найдем тебе футболку, — тихо сказал он.

Я не пошевелилась.

— Что там такое было? — Я мотнула головой в сторону окна. Скрестив руки на груди, старалась не выглядеть такой измученной, какой себя чувствовала.

Эдди подошел ко мне, обнял за плечи и повел в спальню. Он отпустил меня, выдвинул ящик и протянул мне белую футболку.

Я взяла ее и уставилась на него.

— Что там такое было? — повторила я.

Эдди повернулся ко мне, но не прикоснулся.

— Ты помечена.

Я моргнула.

Звучало не очень хорошо.

— Что, прости?

— Я сказал Вилли, позвонил Ли и Дариусу. Сегодня вечером разлетится слух, что ты принадлежишь мне. Если кто-то будет преследовать тебя, они будут преследовать меня, полицию, всех парней из «Расследований Найтингейла» и Дариуса Такера. Я объявляю это всем. И больше не собираюсь рисковать с этим дерьмом. Теперь тебя защищает целая армия, хочешь ты того или нет.

Я продолжала смотреть на него, когда то странное ощущение охватило мой живот, словно тисками.

— Но... — прошептала я. — Почему?

Именно тогда он подошел ко мне, положил ладони мне на шею и нежно притянул к себе, пока наши тела не соприкоснулись. Он смотрел на меня сверху вниз, и выражение его глаз изменилось. К теплomu, нежному взгляду добавилось что-то еще. Что-то, чего я не могла прочитать.

— Потому что ты печешь чертовски классный шоколадный торт.

Ушел за кофе и завтраком

Я проснулась одна в постели Эдди.

Приподнявшись, взглянула на его сторону кровати. Вчера он лег со мной в постель, прижал к своей груди и крепко обнимал, пока я не заснула. Теперь его не было, и единственными вещами на его стороне кровати были записка на подушке, а рядом с ней, новая зубная щетка в упаковке.

Я взяла записку.

«Ушел за кофе и завтраком» — вот и все, что там говорилось.

Я встала с кровати и пошла в ванную. В выложенной новой плиткой, но нуждающейся в покраске комнате стояла ванна на ножках и туалетный столик с раковиной. Я порылась в шкафчике в поисках зубной пасты, почистила зубы и смыла страшные остатки макияжа мылом. Лицо тут же потребовало увлажняющего крема. С этим придется подождать.

Я пошла на кухню за телефоном, чтобы позвонить маме, и услышала из сумки сигнал. Вытащив мобильный, увидела три пропущенных текстовых сообщения и четыре голосовых.

Я уставилась на телефон. Я никогда не была настолько популярна.

Первое сообщение было от Инди: «Напиши мне, дай знать, что с тобой все в порядке».

Второе сообщение от Тода и Стиви: «Это Тод и Стиви, спасибо за захватывающий вечер. Приходи на коктейли, всех бандитов оставь за дверью. Целуем».

Третье сообщение от Элли: «В следующий раз не действуй одна, помни: мы тебя прикроем».

После сообщения Элли глаза наполнили слезы, но я сделала несколько глубоких вдохов и устроила их.

Затем стала прослушивать голосовые сообщения.

Первое было от Текса: «Какого хрена, Чокнутая! Я, кажется, говорил, что меня назначили телохранителем! Раз я однажды облажался, то теперь уже вне игры?»

От резкой смены настроения сообщения Текса я громко рассмеялась.

Второе сообщение было от Дейзи: «Инди дала мне твой номер. Она подумала, что ты не будешь против. Я ничего не сказала Маркусу, сладенькая, потому что ты просила меня не делать этого, но, мне кажется, нам нужно поговорить. Нам, девочкам, нужно держаться вместе. Позвони мне», — и она оставила свой номер.

Заботливая и милая, но все равно пугающая.

Третье сообщение было от Инди: «Ли сказал мне, что Эдди о тебе позаботится. Позвони мне, дорогая. Хочу знать, что с тобой все в порядке».

Четвертое сообщение было от Дюка. Он начал говорить, не дождавшись звукового сигнала, так что первые пару слов не записалось: «...это дерьмо, девочка. Долорес говорит, чтобы ты привезла свою маму и осталась с нами в Эвергрине. Мы живем далеко, и Текс может установить несколько мин-ловушек. Подумай об этом».

Я прислонилась бедром к кухонному столу, то странное тепло, которое я продолжала чувствовать, больше не казалось таким странным. Я поняла, что это руки тех, кто, по словам Эдди, протягивал мне их.

Я глубоко вздохнула, потому что собиралась сделать совершенно другой серьезный шаг, и внесла новые номера в свой телефон. Затем написала Инди, Элли, Дейзи, Тоду и Стиви

(да, даже Дейзи): «Я в порядке». Ни у Дюка, ни у Текса мобильных не было.

Задняя дверь открылась, и вошел Эдди. На нем была обтягивающая серая футболка с длинными рукавами, сильно выцветшие джинсы, на этот раз без ремня и кроссовки вместо ковбойских сапог.

Впервые я видела его без ковбойских сапог, и это подействовало на меня странным образом, словно он снял некую маску и показал мне другого Эдди, Эдди, которого больше никто не видел.

Он нес два кофе и белый пакет. Прежде чем кто-либо из нас успел сказать хоть слово, зазвонил мой телефон.

Это была Инди.

Брови Эдди поползли вверх, и я сказала: «Инди», затем нажала «ответить».

— Привет, — поздоровалась я.

— Привет. Ты в порядке? — ответила она.

— Да.

Эдди протянул мне кофе и перевернул пакет над стойкой. Оттуда выпали два огромных кекса с черникой.

— Где ты? — спросила Инди, когда я сделала глоток кофе. Капучино, без сахара, как я любила.

Эдди знал, как я пью кофе.

Хм... ой!

Эдди прислонился бедром к кухонной стойке менее чем в футах от меня, отогнул обертку от кекса и откусил кусочек, пододвинув мне другой кекс.

— У Эдди, — ответила я и пристально посмотрела на Эдди.

Его глаза были прикованы ко мне, и мое лицо вспыхнуло. В его взгляде чувствовалось что-то странно интимное, и я не была готова к этому. У меня было слишком много эмоциональных травм, чтобы стоять на кухне Эдди и спокойно есть кексы, будто делала это каждое воскресенье.

Я опустила голову и поставила кофе на стойку. Попыталась одной рукой снять обертку с кекса и вновь оценила способность мамы справляться с делами со своей инвалидностью.

— Ли сказал, что Эдди тебя отметил. Никогда раньше не слышала, чтобы это так называлось, но Ли сделал это со мной во время моих злоключений. Выбил дерьмо из парня, который меня ударил, тем самым, распространив сообщение. Это хорошо, Джет, — она явно пыталась уговорить меня довериться Эдди и не впадать в полное безумие.

Слишком поздно, я уже перешла грань и оглядывалась на свои бесконечные срывы со счастливой ностальгией. Нет, я находилась в режиме «взбешенная женщина, которой нужно свести счеты».

За исключением, конечно, тех случаев, когда дело доходило до поедания кексов на кухне Эдди.

— Эдди объяснил это вчера вечером. Меня устраивает, — сказала я Инди.

Мне удалось снять с кекса обертку и отломить донышко. Я откусила кусочек, и в поле моего зрения появилась рука Эдди.

Я посмотрела на него как раз в тот момент, когда он обхватил мою челюсть.

— Скажи «до свидания», — приказал Эдди с пылающим взглядом.

Мой желудок сжался, и я проглотила откусанный кусочек.

— Это Эдди? — спросила Инди. — Передай ему привет.

— Инди передает привет, — сказала я Эдди.

Эдди опустил голову.

— До свидания, — пробормотал он мне в губы.

Я отвернула голову, чтобы избежать его губ.

— Эдди тоже передает привет, — сообщила я Инди, чувствуя себя идиоткой, но не прерывая разговор, будто от этого зависела моя жизнь.

Губы Эдди переместились к моей шее, и покалывание распространилось от нее вниз.

Инди рассмеялась.

— Я слышала, что он сказал. Отпускаю тебя. Увидимся вечером.

— Нет! — в отчаянии воскликнула я, но Инди отключилась.

Я отняла телефон от уха и выключила его. Одна рука Эдди обвилась вокруг меня, и он крепко прижал меня к себе. Я почувствовала, как его язык коснулся моего уха, и покалывание усилилось.

Мой телефон зазвонил снова.

Эдди поднял голову, и как раз перед тем, как я успела ответить и начать очень-очень долгий разговор с тем, кто мне позвонил, он вытащил его у меня из руки, посмотрел на экран, а затем провел по нему большим пальцем и приложил к уху.

— Да? — сказал он, затем подождал. — Она в порядке. Перезвонит позже. — И выключил его, даже не попрощавшись.

Я уставилась на него, когда он положил телефон на стойку.

— Кто это был? — спросила я, и он обнял меня обеими руками.

— Элли узнавала, как ты.

— Я бы хотела с ней поговорить, — заявила я, мой голос был наполнен вызовом, которого я никогда раньше не выказывала.

— Знаю, *Chiquita*, ты так меня боишься, что поговорила бы с самим Тедом Банди, если бы считала, что это не приведет тебя в мою постель.

(прим.: Теодор Роберт Банди — американский серийный убийца, насильник, похититель людей, каннибал и некрофил, действовавший в 1970-е годы)

— Неправда! — солгала я.

Это была абсолютная правда. Тед Банди был отвратителен, но с ним было бы интересно поговорить, и меня серьезно пугала перспектива снова оказаться в постели Эдди, особенно вместе с Эдди.

— Правда, и этого не произойдет. Наконец-то у меня есть почти целый день, когда тебе не нужно носиться, как сумасшедшей, по продуктовому магазину или умолять кассиров банка не закрываться. И тебе не нужно работать. Ты моя на весь день, и у меня на тебя планы.

Боже милостивый.

У Эдди были на меня планы.

Я почувствовала трепет в киске.

— Эдди, я должна позвонить маме. Потом сходить за цветами для твоей мамы. Потом мне нужно что-нибудь приготовить, — не знаю, печенье или пирог, — чтобы не идти к Бланке с пустыми руками. Мама умерла бы, если бы мы пошли к твоей маме без какой-нибудь вкусной выпечки. Потом я должна...

Он взял мой телефон и протянул его мне, затем снова обнял.

— У тебя есть пять минут на звонок маме, — прервал он мою речь.

У меня отвисла челюсть.

— Пять минут! Что? Ты будешь засекаать время?

— Ага.

Ладно. Итак, я внесла номера новых друзей в контакты и без сопротивления восприняла это дело с тем, что Эдди меня отметил. Этого уже больше того, что девушка могла вынести.

Может, между мной и Эдди что-то и происходило, и, может, было бы глупо не исследовать это. Но мне нужно решить проблему с плохими парнями и, в первую очередь, найти моего гребаного папочку. Я не могла весь день проваляться в постели с Эдди.

По крайней мере, так я говорила себе в свое оправдание. Не то чтобы я до смерти боялась оказаться никудышной в постели и разочаровать его. Или, что еще хуже, быть по-настоящему счастливой впервые в своей жизни и не в последний раз.

Я вновь попыталась приглушить яркий свет. Это не сработало, но я продолжала стараться.

— Ты не можешь заставить меня лечь с тобой в постель.

На его щеке появилась ямочка, и одна его рука опустилась и скользнула под мою футболку, очерчивая линию груди, пока он говорил:

— *Chiquita*, мне не придется тебя заставлять.

Он обхватил мою грудь, и мои губы приоткрылись, когда его теплая ладонь оценивала ее вес.

Проклятье.

Проклятье, проклятье, проклятье.

— Ты мне очень не нравишься, — заявила я ему.

— Позвони своей маме, — сказал он, его ладонь покинула мою грудь и скользнула вниз по боку к пояснице.

Я набрала Трикси и целиком запихнула в рот донышко кекса. Эдди не отпустил меня, но я услышала, как он усмехнулся.

Я продолжала сверлить его Взглядом. Может, он и не сработал, но мне полегчало.

— Алло? — ответила Трикси.

— Трикси? — сказала я с набитым ртом.

— Джет? Это ты?

Я еле-еле проглотила кекс.

— Да, как дела?

— Все классно. Мы с твоей мамой только что вернулись из «ИНОР» и подумываем отправиться в «Target». Тебе что-нибудь нужно?

(прим.: «ИНОР» — американская многонациональная сеть ресторанов-блинных, специализирующаяся на американских блюдах для завтрака)

Я попыталась придумать список того, что мне нужно. Ничего не приходило в голову.

— Нет, — ответила я удрученно.

— Ты дома? — спросила Трикси.

Я посмотрела на Эдди. Он наблюдал, как двигаются мои губы.

— Я с Эдди.

— Ясно. Хорошего вам дня. Увидимся в 5:30.

— Конечно, — сказала я. — Могу я поговорить с мамой? — Но она уже отключилась.

Проклятье!

Все были в заговоре против меня.

Я выключила телефон. Он тут же зазвонил снова, но Эдди выхватил его у меня.

— Прекрати так делать, — огрызнулась я.

Он бросил его в мою сумочку, а затем повернул меня так, чтобы я оказалась спиной к двери, и пошел вперед, заставляя меня пятиться.

— Они оставят сообщение, — сказал он.

Одна его рука все еще была у меня под футболкой, другая опустилась ниже и тоже стала подниматься вверх под футболкой. Встретившись, они разделились, одна остановилась на спине, другая обхватила меня за попку. Все это время он вел меня спиной вперед.

Его губы приблизились к моим, легко коснувшись, а затем скользнули вниз по моей шее, тем временем мы вышли из кухонной двери, и Эдди направился в спальню.

Я в панике соображала, как бы потянуть время.

— Я решила, что хочу сказать, — объявила я, хотя ничего не решила, но если бы Эдди остановился, что-нибудь придумала.

— Позже, — сказал он мне в шею, его ладонь на моей заднице поднялась выше, а затем погрузилась мне в трусики, создавая контакт кожа к коже.

Как приятно.

«Джет, сосредоточься», — сказала я себе.

— Это важно, — снова попыталась я.

Толкая меня по коридору, его губы приблизились к моим.

— Твое «важно» подождет до «позже», — сказал он мне в губы и поцеловал, проникая языком в рот.

Следующее, что я помню: соски покалывало, киска трепетала, я целовала его в ответ, и мои ноги уперлись в кровать.

Эдди остановился, стянул с меня футболку и отбросил ее в сторону.

— Эдди... — Я наполовину погрузилась в Дурман, наполовину в отрицание.

Он чуть отстранил меня и посмотрел сверху вниз.

— Я даже не разглядел тебя как следует, *Cariña*, — пробормотал он.

Он смотрел долго, а затем его ладони легли на середину моей спины и мягко нажали, выгибая ее. Он что-то бормотал по-испански, и я думала о своих последних мыслях о побеге, прежде чем он склонил голову, и его рот нашел мой сосок.

— Да, — прошептала я, и мозг лишился контроля над языком.

Губы Эдди двигались по мне, и все мысли о побеге испарились. Вместо этого я вытащила его футболку из джинсов и скользнула руками под нее, улучив момент, чтобы исследовать мышцы и кожу на его спине, когда его рот переместился к другой моей груди.

Затем я закончила исследовать его спину, и хотя это прервало бы то, что Эдди сейчас дедал, я потянула футболку вверх и сняла ее. Его губы накрыли мои, но это я поцеловала его, и это было, ну... вау.

Все полностью вышло из-под контроля; повсюду рты, руки и языки. В конце концов, мне удалось расстегнуть три пуговицы на его джинсах, затем я сдалась от нетерпения и скользнула рукой по его промежности поверх ткани. Почувствовав его твердый, как камень, член, я решила, что мне не нравится преграда в виде джинсов, поэтому проникла рукой под них и обхватила его.

Никакого нижнего белья.

Ммм... вкуснятина.

Эдди зарычал мне в рот, обхватил мое запястье и отвел его. Я издала звук протеста,

который был заглушен падением, когда он оттолкнул меня. Я упала на кровать и хотела подняться, но вместо этого стала наблюдать, как он снимает кроссовки и стягивает джинсы. У меня была всего лишь секунда, чтобы мельком разглядеть его, и в эту секунду я почувствовала легкий намек на панику из-за его размеров. Затем Эдди потянулся вперед и сорвал с меня трусики, отбросив их в сторону.

Я была так ошеломлена и возбуждена, что все мысли о его размерах вылетели у меня из головы.

Он опустил коленом на кровать, раздвинул мои ноги и придвинулся ко мне, его теплое тело устроилось на мне, прижимаясь везде.

— Пожалуйста, скажи, что ты принимаешь таблетки, — пробормотал он мне на ухо.

Я страдала от ужасных спазмов и обильного кровотечения во время месячных, поэтому с семнадцати лет принимала таблетки, чтобы контролировать это.

Конечно, этого я ему не сказала.

— Я принимаю таблетки.

Он тут же скользнул в меня.

Его губы оказались напротив моих, и в тот миг, когда он вошел в меня, мои открылись в беззвучном стоне. Он был большим и заполнил меня глубоко, и это было прекрасно.

Эдди задвигался, не медленно, не нежно, без всякого контроля и заигрывания.

Это было быстро, жестко и почти грубо.

Я обхватила ногами его бедра, просунула руки ему под мышки, держась за его плечи. Только я успела прошептать ему на ухо «сильнее», как меня захлестнуло неопишное удовольствие, и я кончила.

Не тихим, не нежным, а всепоглощающим, с выгнутой шеей, напряженными конечностями, «о-боже-о-боже», стонущим оргазмом.

* * * * *

— Теперь говори, что хотела сказать.

Прошло много времени, сердцебиение и дыхание замедлились, и мы лежали друг напротив друга. Эдди закинул мою ногу себе на бедро и прижал мое лицо к своему горлу.

Обычно я испытала бы шок от того, что лежала голой рядом с голым Эдди после того, как занялась с ним сексом, и от того, что он напомнил мне о моей недавней лжи. Но я кончила слишком сильно, его твердое тело было слишком приятным, от него великолепно пахло, и я просто слишком устала беспокоиться обо всем этом.

— Я забыла, — солгала я.

Он гладил меня по спине, остановился, поднял голову и прошептал мне на ухо:

— *Mi pequeña mentirosa* (с исп. — моя маленькая лгунишка).

Я вскинула голову, чуть не врезавшись в его подбородок. Вернула Взгляд, который в тот день был очень полезен, и рявкнула:

— Я не лгунья.

Он ухмыльнулся, в его глазах плескалось тепло и удовлетворение, и, глядя в них, я почувствовала себя еще более смешной, чем обычно, но в хорошем смысле.

— Лгунья, — сказал он, обхватив мой затылок и снова прижимая лицо к своему горлу. — Ты понятия не имеешь, что хочешь сказать.

— Имею, — проворчала я ему в горло.

— Тогда скажи.

Проклятье.

Проклятье, проклятье, проклятье.

— Ну-у-у... — протянула я долго, пока не почувствовала, как его тело затряслось, и у меня возникло ощущение, что он смеется.

Я снова подняла голову.

— Ты что, смеешься?

Он не только смеялся, но и улыбался: белые зубы на смуглой коже, ямочки и все такое.

— *Chiquita*, ты восхитительна.

— Я не восхитительна, — огрызнулась я.

Он покачал головой и перевернулся, увлекая меня за собой, так что я оказалась сверху. Я нависла над ним, оперевшись руками по обе стороны от него.

— Восхитительна, — возразил Эдди, когда я посмотрела на него сверху вниз. — Ты единственная известная мне женщина, которая может так сильно кончить и через пять минут начать спорить.

— Я не кончила «так сильно», — солгала я.

Выражение его лицо изменилось, удовлетворение усилилось, и я затаила дыхание.

— Кончила. Я наблюдал.

Фантастика.

— Ладно. Желаете знать, что я хотела сказать? — спросила я, решив, что мне гораздо интереснее говорить на эту тему, чем о том, как сильно я кончила.

Его брови поползли вверх.

— Ты вспомнила?

Мои глаза сузились.

— Не будь засранцем.

Он снова перекатился, на этот раз укладывая меня на спину, сам опираясь на предплечье, наполовину навалившись на меня.

— Ладно, *Chiquita*, я слушаю.

И он готов был слушать.

Дерьмо и проклятье.

Я посмотрела на потолок.

— Тогда ладно. Ты и я. У нас ничего не получится.

Эдди молчал, и я перевела взгляд на него.

Он наблюдал за мной, по его глазам трудно было что-то прочесть. Я просто уставилась на него.

Затем он заговорил.

— И это все?

Я кивнула.

— И это все.

— Позволь я проясню. — Он не двигался, просто смотрел на меня. — Ты лежишь голая в моей постели и бросаешь меня?

Я не знала, что в данной ситуации можно использовать слово «бросить», но все равно кивнула.

— Почему?

Я боялась, что он спросит об этом. Главным образом потому, что у меня не было ответа, по крайней мере, такого, которым я бы поделилась с ним, или даже такого, который я полностью понимала сама.

В конце концов, я сделала единственное, что могла придумать, — ухватила за соломинку.

— Я знаю, что ты равнодушен к Инди.

Хм....

Ой-ой.

Я не должна была затрагивать эту тему.

Выражение его лица уже совсем не трудно читалось. Глаза сверкали, а челюсти были сжаты. Он сказал что-то по-испански, а затем перешел на английский.

— Ты та еще штучка. Скажешь что угодно, чтобы защититься, даже если не знаешь, от чего защищаешься.

— Так ты хочешь сказать, что у тебя нет чувств к Инди?

Он снова стиснул челюсти, но сквозь зубы произнес:

— Нет, я этого не говорю. Я хочу сказать, что те чувства к Инди исчезли в ту минуту, как ты уронила гребаные стаканчики.

У меня отвисла челюсть, и я уставилась на него.

— Это было очевидно для всех, кто наблюдал за нашим идиотским танцем. Единственным, для кого это не было очевидно, была ты.

Что я могла ответить на такое, потому что Эдди был прав, для меня это было неочевидно. На самом деле, это оказалось для меня новостью, с которой я не знала, как справиться.

— Господи! — Он провел рукой по волосам, а затем упал на спину. — Хотя я знаю, что ты стоишь всего этого, иногда я задаюсь вопросом: так ли это, — пробормотал он, настала его очередь обратиться к потолку.

Я полежала мгновение, а затем на автомате встала и подняла футболку, в которой спала. Я не знала, что мне теперь делать. Поэтому стала натягивать футболку через голову и успела только просунуть руки, как меня обхватили за талию и затащили обратно на кровать.

— Что ты делаешь? — спросил он, снова нависая надо мной, когда я лежала на спине.

— Встаю.

— Зачем?

Я моргнула.

— Ты злишься на меня. Я подумала, что мне лучше уйти.

Его глаза сузились.

— Это твоя новая тактика: разозлить меня, чтобы я тебя отпустил?

Это было не так, но подобную тактику стоит принять на вооружение. Я пожалела, что сама не додумалась до этого. В своем роде, в этом заключалась суть Стратегии Стервы, но больше, чтобы заставить его думать, что я не стою таких усилий. Теперь, когда он считал, что знает меня, и что я не смогу придерживаться Стратегии Стервы больше полутора часов, я искала новые способы.

Эдди наблюдал, как выражение моего лица меняется в такт моим мыслям, а затем улегся на меня. Его руки скользнули под футболку и сняли ее быстрее, чем я ее надевала. Изогнувшись, он отбросил ее далеко-далеко от кровати. Определенно вне пределов досягаемости.

Затем вернулся ко мне, раздвинул мои ноги и закинул их себе на спину.

Боже милостивый.

— Эдди.

— Думал, мне надо услышать, что ты хочешь сказать, но предпочитаю, чтобы ты держала свои мысли при себе. Твои друзья и семья расскажут мне все, что нужно знать, и это будет правдой.

— Эдди, — попыталась я снова.

— *Chiquita*, ты идешь в комплекте с вооруженными плохими парнями, преследующими тебя, отцом-мудаком, который обманывает тебя и подвергает опасности, мамой, которая требует твоей заботы гораздо меньше, чем ты думаешь, и чувством самосохранения, которое почти непробиваемо...

— Эдди, — попыталась я прервать его, но он был в ударе.

— У тебя также самая красивая улыбка, которую я когда-либо видел, и ты самый сладкий лакомый кусочек, который у меня когда-либо был. Я не знаю, уравнивает ли это все вышесказанное, но прямо сейчас мне плевать. Ты никуда не пойдешь.

— Эдди! — заорала я.

— Что? — крикнул он в ответ.

— Хорошо! Я останусь, посмотрим, что из этого выйдет.

В ту минуту, когда эти слова слетели с моих губ, я вытаращила глаза.

О чем я только думала? Неужели совсем свихнулась?

Нет.

Нет, нет, нет.

Я должна найти способ к отступлению.

Эдди взгляделся в мое лицо и покачал головой.

— Не-а, *Cariña*, отступить некуда. Ты моя.

Затем он поцеловал меня, проникая языком в рот и в то же время скользнув внутрь меня.

Он начал двигаться, его рот приблизился к моему уху, и я сказала ему:

— Я не могу этого сделать, Эдди. У меня куча дел, я должна найти другую работу... я должна...

— Джет, тихо, — прошептал он, двигаясь внутри меня. — Мы со всем разберемся.

Я обвила его руками, и мои бедра начали двигаться в такт с его.

— Ты не понимаешь, — прошептала я.

— Мы со всем разберемся, — повторил он.

— Я не могу просить тебя... — начала я, но его рука скользнула между нашими телами, пальцы вжались в клитор, и мой рот остался открытым, но не издал ни звука, когда меня пронзил разряд электричества.

Его губы приблизились к моим, обещая:

— Мы разберемся.

Вечеринка у Бланки

— Разве не волнительно? — Ада сидела между Эдди и мной в грузовике, и мы ехали к Бланке. Мама и Трикси следовали за нами, маме было легче садиться в машину Трикси и выходить из нее, а ее инвалидное кресло уже было уложено в багажник. Ада хотела прокатиться в «модном грузовике», и ни у кого не хватило духу отказать ей. Нам потребовалось три попытки, чтобы запихнуть ее костлявую задницу в салон, но мы справились и отправились в путь.

Итак, вот он — мини-конвой на пути к моей гибели.

Большую часть дня я провела в постели Эдди, Эдди большую часть дня провел во мне.

Около трех часов я бросила взгляд на часы и запаниковала.

Я вытащила Эдди из постели и уговорила его принять душ.

Пока он принимал душ и одевался, я расхаживала взад-вперед, печатала Дейзи ответ на ее второе сообщение (то, которое пришло после звонка, на который Эдди не позволил мне ответить), назначая с ней встречу на следующий день. Эдди оделся, как я считала (по моему ограниченному опыту), нарядно: черный, тонкий свитер с V-образным вырезом поверх белой футболки, серьезно выцветшие джинсы (единственный вид, который, я думаю, у него имелся), фирменные черные ковбойские сапоги и пояс с серебряной пряжкой.

Затем я потащила его в «Fresh & Wild» за цветами для Бланки. Я вновь была в униформе Смити и игнорировала все взгляды, когда бродила по шикарному магазину Черри-Крик в своем шлюшьем наряде.

Потом мы поехали ко мне домой. Я приняла душ и приступила к титаническим сборам. В то же время пекла печенье с арахисовым маслом, обильно покрыв его шоколадом «Херши» после того, как они, горячие и пышные, вышли из духовки. Я бегала взад и вперед между ванной и кухней, как при пожаре.

Во время всей этой деятельности Эдди болтался рядом, попеременно наблюдая за футбольным матчем и мной.

В какой-то момент, когда я не обращала на него внимания, он зашел на кухню, схватил одно печенье и съел его за один укус, а затем сразу же потянулся за вторым.

Я шлепнула его по руке.

— Это для твоей мамы.

Его рука обвилась вокруг моей талии, и он притянул меня к себе.

— Трикси была неправа. Шоколадный торт обеспечил тебе защиту. Испеки для меня это печенье, и я надену кольцо тебе на палец.

Боже милостивый.

Трикси и мама вернулись домой, к счастью, обе уже переоделись в новые наряды, которые, как они сообщили, купили в тот день в TJ Махх; прическа и макияж наготове.

Я потратила драгоценное время на примерку семьсот пятидесяти нарядов, не отрывая мобильный от уха, описывая каждый Элли, чтобы узнать ее мнение.

Мы остановились на зеленом платье, которое Трикси купила мне на день рождения в прошлом году. С короткими рукавами, квадратным декольте и таким же вырезом сзади, обнажающим лопатки, а длина подола доходила до колен. Проблема заключалась в том, что оно плотно облегло мое тело. Плюсом было то, что оно сочеталось с сексуальными

зелеными босоножками Тода. Ничего другого подходящего у меня не было, и мама, Трикси и Элли все одобрили, поэтому я согласилась.

Трикси делала мне прическу, пока я занималась макияжем, экономя время на многозадачности. Я надела крупные золотые серьги-кольца, несколько широких браслетов из резного дерева, побрызгалась духами и выскочила из спальни.

Чтобы добраться до Бланки, у нас оставалось пять минут.

— Поехали, — объявила я и сунула печенье Трикси, цветы маме и встала у открытой двери, широким взмахом руки приглашая всех пройти на выход.

Эдди остановился у двери и крикнул в коридор, где мама и Трикси стучали в дверь Ады:

— Мы выйдем через минуту.

Он закрыл дверь и прижал меня к ней.

— Эдди! Нам нужно идти, мы опаздываем.

Он не ответил, прильнул к моему телу и поцеловал.

Не легким касанием, а полноценным поцелуем.

Я увязла в Дурмане Эдди, когда он оторвался от моих губ, но прижался лбом к моему лбу и провел руками по моим бокам.

— Мне нравится твое платье, — сказал он.

Я это уже поняла.

Его пальцы проšliсь по молнии на боку.

— Оно мне нравится, но больше мне понравится его снимать.

Ой!

Эдди ждал, не заглушая мотор, у обочины возле бунгало Бланки в районе Хайлендс, пока мы все выгружались.

Улица была забита машинами, и звуки вечеринки говорили о том, что она в самом разгаре.

Мама взяла меня под руку, а Трикси отправилась искать место для парковки, Эдди последовал за ней.

Я проводила их взглядом, а потом спросила маму:

— Тебе нужно кресло?

Она отрицательно покачала головой.

— Нэнси, разумно ли это? — тихо спросила Ада, пристально глядя на маму и держа в руках печенье и цветы.

— Я войду туда на своих двоих, — сказала мама.

Не то чтобы она была в настроении выделываться и снова бросать себе вызов. Дело заключалось в гордости. У нее уже выдался долгий день, и это меня беспокоило.

Я знала, что лучше не спорить, и, к счастью, мама успела за меня ухватиться, чтобы не упасть. И держалась за меня мертвой хваткой.

Мы медленно подошли к дому, и я увидела Розу, сестру Эдди, выходящую из-за угла.

— *Hola!* — поздоровалась она, улыбаясь. — Мне показалось, я слышала грузовик Эдди. Мы на заднем дворе, идемте за мной.

Она повела нас на двор, который представлял собой самое волшебное зрелище из когда-либо мной виденных. В саду все еще цвели поздние цветы, на кустах были развешаны рождественские гирлянды, а высоко над гостями светили фонарики.

Казалось, что все стулья и карточные столы в округе были собраны здесь, большинство

из них ломились от еды, а гостей было больше, чем очередь у ворот стадиона «Майл Хай» перед игрой «Бронкос». Невдалеке я увидела Инди, Ли, Элли, Хэнка, их родителей и отца Инди, и помахала им.

Фоном звучала тихая мексиканская мелодия, исполняемая на гитаре.

Я сразу поняла, что печенья следовало испечь больше.

Меня впечатлило то, как Бланка сумела организовать подобную вечеринку менее чем за сорок восемь часов.

И пришла в ужас от того, что все это ради нас с Эдди.

Это даже лучше, чем свадебный прием, о котором можно только мечтать.

— Джет! — Бланка отделилась от компании гостей и устремилась к нам. Компания, с которой она стояла, дружно повернулась и открыто уставилась на меня.

Я почувствовала аромат Эдди еще до того, как ощутила его руку у себя на пояснице, а Трикси обошла Аду с другой стороны. У меня не было возможности всех представить, так как меня опередила Бланка.

— Как дела? — спросила она, ее глаза улыбались с явным восторгом матери, намеревающейся закончить свои дни, балуя внуков, и ярко представляя эти времена.

— *Bien. Y tú? (с исп. — Хорошо. А у вас?)* — ответила я.

Она схватила меня за щеки, притянула к себе и крепко чмокнула в губы.

— *Bien, mi hija (с исп. — Хорошо, доченька)*, — тихо сказала она, отпуская мое лицо.

Ой-ой.

Меньше недели, у нас с Эдди было только одно (странное) свидание, и я уже стала для нее *hija*.

Ох.

Подавив панику, я представила всех друг другу.

— Бланка, я бы хотела познакомить вас с моей мамой, Нэнси, и нашими друзьями, Трикси и Адой.

Мамины ногти впились мне в руку, но она отпустила меня, обрела равновесие и протянула руку Бланке. Бланка взяла ее обеими ладонями.

— Добро пожаловать в мой дом, — поприветствовала Бланка.

Мама улыбнулась своей кокетливой улыбкой, и я увидела, как сверкнули глаза Бланки.

Мама снова схватила меня под руку, и мы чуть не повалились на землю, когда я слегка пошатнулась от веса ее тела. Бланка перевела взгляд на мамину руку на моей руке, а затем на меня. В ее глазах читались вопросы. Я покачала головой в легчайшем намеке на «нет», и она немедленно перевела свое внимание на Трикси и Аду, пока я выравнивала наше с мамой неустойчивое положение.

— Джет испекла вам печенья! — объявила Ада и сунула печенья Бланке.

Я повернулась к Эдди, отодвигаясь от мамы так далеко, как только могла, все еще поддерживая ее.

Встала на цыпочки, положила свободную руку на бицепс Эдди и прошептала ему на ухо:

— Маме нужен стул, сейчас.

Наши взгляды встретились, он кивнул, затем прикоснулся своими губами к моим.

Я могла бы поклясться, что услышала коллективный вздох от нашей аудитории.

Великолепно.

— Нэнси, хотите выпить? — спросил Эдди, высвободил ее руку из моей и повел прочь.

Я смотрела им вслед, мама сильно навалилась на Эдди.

Ладно, я могла бы влюбиться в этого парня.

Ну вот, я призналась в этом.

Дерьмо и проклятье.

* * * * *

Следующие два часа я провела, лавируя между Бланкой, Еленой и Розой, которые познакомили меня с большим семейством Эдди; тетями, дядями и двоюродными братьями и сестрами.

И их было очень много.

В это время Эдди почти не появлялся. Он не ушел, но рядом я его не наблюдала. Я видела его с Ли. Видела его с Хэнком. Видел его с отцом Ли, Малькольмом, и отцом Инди Томом. Я видела его с некоторыми из его кузенов. Но не поблизости от себя.

Кроме того, мне сунули больше еды, чем я съедала за неделю (я, конечно, всю ее съела, чтобы не показаться грубой), и казалось, что мой бокал с «маргаритой» мистическим образом не иссякал.

В итоге, независимо от степени сытости, я все же очень сильно опьянела.

Мне, вроде как, нужно было напиться, потому что я узнала причину грандиозной вечеринки, включавшей гирлянды и столы, стонущие от еды. За тридцать три года (да, это я тоже узнала) я была у Эдди всего лишь второй девушкой, которую он приводил познакомиться с «семьей».

Хуже того, и достойный внимания факт, что я — единственная, кто понравилась Бланке.

Я также многое узнала об Эдди. Возможно, даже чересчур.

Видите ли, существовала причина, по которой Эдди казался опасным. У Эдди было неоднозначное прошлое. На самом деле, все, вплоть до кузенов, по-прежнему перебирали четки в молитве, вознося благодарность Святой Троице за то, что Эдди решил поступить в Полицейскую Академию, а не начать преступную жизнь.

Хотя, судя по многим-многим рассказам о его эскападах, он был бы довольно хорош в преступной жизни.

Я слушала в пьяном, похожем на ужас, оцепенении рассказ одной из тетюшек Эдди об одном конкретном случае (их было несколько), когда Эдди угнал машину, и тут чья-то рука обхватила мою руку.

Я повернулась, опустила взгляд и увидела сестру Эдди, Глорию.

Она сказала тетюшке что-то по-испански и повела меня прочь.

Я оглянулась через плечо.

Тетюшка казалась несколько встревоженной тем, что ее пугающий до смерти рассказ прервали, поэтому я повернулась к Глории.

— Думаю, это было грубо, — сказала я.

— Лучше поблагодари меня. Я тебя спасла, — ответила Глория. — Они пытаются тебя запугать. Проверить, хватит ли у тебя выдержки. У любой девушки Эдди должна быть выдержка. Ты выглядела готовой сбежать.

Она не ошиблась, я была готова сбежать.

— Тебе нужна еще «маргарита», — решила Глория.

Это единственное, в чем я не нуждалась.

— Еще два глотка и я vyrubлюсь.

На самом деле, мне было трудно ходить прямо, и я больше не чувствовала своего языка. Глория засмеялась.

— Чтобы справиться с моей семьей, тебе нужно выпить еще две бутылки текилы.

Я подумала, что и в этом она не ошиблась.

Она подвела меня к Инди и Элли, и я рухнула в незанятое кресло. Глория забрала мой бокал и направилась к ближайшему полному кувшину с «маргаритой».

— Ты в порядке? — спросила Инди. Она улыбалась.

Пьяная или нет, я не находила в ситуации ничего забавного.

— У меня хреновая жизнь.

Она рассмеялась.

— Это новое определение испытанию огнем, — заметила Элли, оглядываясь вокруг.

— Верно подмечено, сестра, — согласилась я, Глория протянула мне полный бокал и села с нами. — Я бы предпочла, чтобы в меня стреляли.

— Вечер еще только начался, — заметила Элли.

Мне хотелось, чтобы она оказалась неправа.

Сквозь толпу донесся женский смех, и я посмотрела туда, где мама, Трикси и Ада сидели с мамой Элли, Китти Сью, Бланкой и некоторыми тетушками Эдди.

— Твоя мама хорошо проводит время, — отметила Инди.

— Ты с ней общалась? — спросила я.

— Да, она милая, — ответила Инди.

— Она дьявол, — возразила я.

Настала наша очередь раствориться в женском хихиканье.

Когда я перестала хихикать и смахнула слезу истерического веселья с уголка глаза, то заметила, что взгляд Эдди остановился на мне. Он стоял со своим братом Карлосом, Ли и Хэнком, и в руке держал пиво.

Он выглядел сексуально.

— Эдди горячий, — сказала я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Все посмотрели на Эдди, его губы дрогнули, и он отвернулся.

— Это ты верно отметила, сестра, — согласилась Элли.

Я мечтательно вздохнула.

— Он совсем не из моей лиги. Что я делаю? — снова спросила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Все посмотрели на меня.

— Ты шутишь, да? — спросила Глория.

Я покачала головой, скрестила ноги и залпом выпила половину «маргариты».

— Сегодня мы занимались сексом. Очень много. Было охеренно, определенно стоило слова с буквой «х». — Я поняла, кто среди нас, и повернулась к Глории. — Извини.

— Не обращай на меня внимания, — сказала она, ухмыляясь Инди.

— Я в полной заднице, во многих отношениях. — Потом я хихикнула про себя, и, к счастью, все захихикали вместе со мной.

— Может, этот бокал «маргариты» был не очень хорошей идеей, — заметила Глория.

Моя сумочка лежала у меня на коленях, и из нее донесся звонок. Я протянула «маргариту» Инди и достала сотовый.

— Наверное, Текс, он злится на меня за то, что пропустил перестрелку.

Брови Глории поднялись до линии роста волос, и я нажала «ответить».

— Ал-лэ? — пропела я.

— Красивое платье, — сказал мне на ухо слишком хорошо знакомый мужской голос, потому что воспоминание о нем было выжжено в моем мозгу.

Я сразу протрезвела и замерла.

— Может, я заставлю тебя надеть его, когда буду тебя трахать, — сказал Винс.

По спине пробежали мурашки, желчь подступила к горлу, и мой голос подался в бега.

Как он узнал мой номер, этого мне никогда не узнать. Я даже не хотела этого знать.

— Я задеру его тебе на бедра... — он сделал паузу. — О, как мило. А вот и твой парень-мексикашка.

Я подняла голову и увидела идущего в мою сторону Эдди.

Боже милостивый.

Винс нас видел.

Я встала на дрожащих ногах и в панике оглянулась по сторонам, пытаюсь обнаружить, где прячется Винс. Двор выходил в переулок, по обеим сторонам которого стояли дома. Повсюду были люди. Дрожь в ногах переместилась к туловищу, и я обхватила себя рукой за живот.

— Да. Я наблюдаю за тобой, сука. Жду своего шанса. Мне плевать, какая у тебя защита...

Телефон вырвали у меня из руки, и Эдди стоял рядом. Он поднес телефон к уху и с минуту слушал.

Очевидно, Винс еще не закончил говорить.

На лице Эдди появилось выражение, которого я никогда раньше не видела. На его лице отразилось больше, чем то, что было прошлой ночью. Это было за пределами всего. Неопишимо.

Он выключил телефон и секунду смотрел в землю, желваки на его челюсти ходили ходуном.

Я затаила дыхание.

Затем он развернулся и яростно швырнул мой телефон через двор. Тот врезался в кувшин с «маргаритой» с такой силой, что стекло треснуло, как и мой телефон, его останки пролетели через стол и большую часть двора.

Все замолчали и повернулись, чтобы посмотреть.

Я уставилась в сторону своего телефона.

— Эдди, — голос Ли, стоявшего рядом, звучал низко, глаза были серьезными.

Я осознала, что у меня пересохло во рту, и сглотнула.

Эдди перевел взгляд на Ли.

— Фрателли, — только и сказал он.

На щеке Ли дернулся мускул.

— *Mi hijo* (с исп. — *сын*ок). — Бланка оказалась возле Эдди и тихо заговорила с ним по-испански.

Он ответил по-испански, и испуганные глаза его мамы обратились на меня.

— *Sí*, — сказала она.

Эдди повернулся ко мне.

— Твоя мама на ночь остается здесь, а завтра переедет к Тексу.

Сейчас было не время для дискуссий и, конечно, не время спорить. Эдди был вне себя от злости, я — напугана до потери речи. Подошли Трикси и Ада, мама опиралась на Трикси,

все они выглядели обеспокоенными.

Я кивнула.

— Ты со мной.

Я снова кивнула.

— Вечеринка окончена, — постановил Эдди.

Замочить

Как только Эдди объявил, что вечеринка окончена, я поняла, как Бланка смогла так быстро устроить такую феерию.

Сестры и тетушки Эдди приступили к делу; уборка, уборка и уборка, в то время как заинтересованные стороны перешли в гостиную Бланки: я, Эдди, мама, Трикси, Ада, Бланка и, для моральной поддержки, Инди и Элли.

Хэнк с Ли пошли с нами и немного поприсутствовали, затем, когда Том прикатил мамино кресло и отдал ей ключи от машины Трикси, все они уединились в коридоре, сбившись в мужскую компанию с Малкольмом во главе, тихо переговаривались, и с их лиц не сходило напряженное выражение.

Затем Хэнк и Ли отделились от компании и исчезли. Малкольм и Том забрали Китти Сью и тоже ушли.

Я замечала это мельком, главным образом потому, что была занята попыткой рассказать маме о беспорядке, в который угодила, не вызвав у нее нового удара. Я сидела на коленях на полу перед ней, она сидела на диване, а Эдди стоял рядом со мной.

Я рассказала ей историю своей недели.

Мама побледнела.

Затем ее взгляд стал жестким.

Когда я закончила, она сказала:

— Твой ё*анный отец.

Ого.

Не думала, что когда-нибудь услышу, как мама произносит такое слово на букву «ё».

— Мам, успокойся, — попросила я.

— Я спокойна. Я достаточно спокойна, чтобы сказать, что когда меня посадят за убийство твоего отца, они поймут, что это было преднамеренно. Одной рукой или нет, но я убью засранца. — Она посмотрела на Эдди. — Извини, Эдди.

Он слегка кивнул, показывая, что пока не собирается надевать на нее наручники.

Мамины глаза снова обратились ко мне.

— Почему ты ничего мне не рассказывала?

— Я не... — начала я, но она меня перебила.

— Я знаю причину, — огрызнулась она голосом матери, разговаривающей с дочерью-идиоткой, — ты не хотела, чтобы мне снова стало плохо. Джет, ради Бога, я же не стеклянная. Ты не можешь обращаться со мной всю оставшуюся жизнь так, словно я вот-вот разобьюсь вдребезги.

— Тебе легко говорить, — прошептала я и уставилась на нее.

Она не видела себя на больничной койке после того, как случился удар; вся ее левая сторона обмякла и обвисла, даже лицо, речь звучала невнятно, а глаза были расфокусированными. Это было ужасно.

Я не собиралась этого говорить, но мне и не нужно было.

Мама коснулась моей щеки.

— Спасибо, куколка, — тихо сказала она, и я прижалась щекой к ее ладони, когда слезы сдавили горло. — Но с этого момента ты свободна от дежурства.

Мой взгляд метнулся к ней, но она смотрела на Эдди.

— Я переезжаю к Трикси, — объявила она.

Я ахнула.

— Сегодня вы останетесь с моей мамой. Завтра переедете к нашему другу, который сможет обеспечить вам безопасность. Не знаю, что будет дальше, и не собираюсь рисковать. Когда все закончится, вы сможете переехать к Трикси, — сказал Эдди голосом, с которым шутки плохи.

— Хорошо, — тут же согласилась мама, решив не шутить.

— Но... — Я вздрогнула, чувствуя несколько отчаянную потребность бросить вызов.

Эдди поднял меня за руку и заговорил:

— Трикси, вы возвращаетесь с нами, соберите сумку для Нэнси, чтобы вещей хватило на неделю. — Он повернулся ко мне. — Ты тоже соберешь сумку.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Эдди продолжал отдавать приказы, глядя на Трикси.

— Вы можете привезти сумку Нэнси, но я не хочу, чтобы вы куда-то уходили одни, если нет договоренности, что с вас кто-то сопровождает. Понимаете, о чем я?

Трикси кивнула, ее глаза были круглыми, как блюдца.

— Инди, навести Текса. Скажи ему, что у него будет компания.

Инди тоже кивнула.

Эдди потащил меня к двери.

— Уходим, — сказал он.

Я посмотрела на Бланку.

— Простите, — сказала я ей на бегу, потому что Эдди все тащил меня.

— Я позабочусь о твоей маме, — пообещала она.

* * * * *

Мы отправились с нашим мини-конвоем в мою квартиру; Ада ехала с Трикси. Прежде чем войти к себе, Ада крепко обняла меня.

— Ты хорошая девочка, — сказала она, ее глаза блестели. Она кивнула Эдди, вероятно, слишком боясь его в этот момент, чтобы обнять, и вошла в свою дверь.

Я приказала себе не плакать, и, к счастью, мое «я» послушалось.

Трикси собрала вещи для мамы и еще раз крепко обняла меня.

Она посмотрела на Эдди, потом на меня.

— Все будет хорошо, — сказала она.

Хотелось бы мне ей верить.

Трикси уехала, я собрала вещи, и мы с Эдди направились к нему домой.

Мы не разговаривали. Эдди был не в том настроении.

По правде говоря, я тоже, но держала свое настроение при себе.

И мое настроение вращалось вокруг моего гребаного отца.

Где он?

Не важно, я собиралась отыскать его и сказать все, что о нем думала.

И даже сверх этого. Я не хочу больше так пугаться, как этим вечером.

Никогда.

Я не знала, как мне взять под контроль свою жизнь, но, так или иначе, я собиралась это сделать.

Никто больше не заставит маму произнести это слово на букву «ё».

Эдди отнес мою сумку в свой дом и бросил на пол спальни. Затем обошел дом, закрыв

все жалюзи и убедившись, что все двери надежно заперты. Я стояла посреди гостиной, медленно поворачиваясь кругом, наблюдая за его движениями.

Его лицо было суровым, и я могла сказать, что он едва держал себя в руках.

Как только он закончил отгораживать нас от посторонних глаз и запирает все замки, то схватил меня за руку и потащил в спальню. Там он отпустил меня и отвернулся, стягивая с себя свитер.

— Эдди, — позвала я.

Он взглянул на меня, когда сел на край кровати, стягивая сапоги.

— Я должна тебе кое-что сказать, и ты должен пообещать, что не будешь злиться.

Или, скорее, злиться еще сильнее.

Его глаза блеснули, и в животе у меня затрепетало.

Он сбросил второй сапог, встал и подошел ближе.

— Что? — его голос был таким же напряженным, как и лицо.

Я перевела дыхание.

— Я видела Винса прошлой ночью у Смити, прямо перед тем, как заметила парня с пистолетом. Тогда он высказал свою угрозу. Я не говорила тебе, потому что, ну, парень с пистолетом, вроде как, перетянул одеяло на себя.

Ладно, я была наполовину честна. Сейчас не время говорить Эдди о том, что я, в принципе, не собиралась рассказывать ему о Винсе. Но у Эдди должна быть вся необходимая информация, чтобы он смог предпринять то, что хотел... чем бы это ни было.

— Он сказал, что из-за тебя Маркус даст ему зеленый свет, чтобы достать меня. Сказал, что вы с Маркусом ненавидите друг друга. Что Маркус даже пойдет войной на Ли, чтобы добраться до тебя. Что бы это ни значило.

Желваки на челюсти Эдди задвигались.

Затем он спросил:

— Он сказал что-нибудь еще?

Я покачала головой, но отвела взгляд и призналась:

— Просто какую-то чушь о том, что собирается со мной сделать.

— Да, — произнес Эдди, и мои глаза вернулись к нему, — он мне ее тоже сказал.

Было ясно, что все это никак не повлияло на настроение Эдди.

— Я сожалею обо всем этом. Ты не можешь... — я остановилась, опустив глаза, не зная, что сказать, и сделала шаг в сторону, но он схватил меня за талию и притянул обратно.

— Джет, посмотри на меня.

Я сделала, как он велел.

— Он не прикоснется к тебе.

Он сказал это так, что я поверила ему.

Его рука скользнула вверх по моему боку, а затем расстегнула молнию платья.

— Никто не прикоснется к тебе, — повторил он и задрал подол платья до бедер, потянул вверх, а затем сорвал его. — Никто, кроме меня.

В его глазах не было ни теплоты, ни нежности, в них сверкала суровость.

У меня возникло такое чувство, что он говорил о чем-то большем, чем просто о Винсе; он говорил о ком угодно при любых обстоятельствах. Речь шла о том, что меня отметили совершенно иначе.

Воздух в моих легких загорелся.

— Л-ладно, — проямлила я, и одно это слово потрясло меня.

Он снял с себя футболку, затем его руки обхватили меня и расстегнули лифчик. Стянув бретельки по моим рукам, он отбросил лифчик в сторону. Мне хотелось прикрыться, но я не думала, что это хороший ход.

— Ты злишься? — спросила я.

Он разглядывал мое тело, но его глаза встретились с моими.

— Да, — подтвердил он, — злюсь.

Его руки спустили с меня трусики, пока те не упали на пол.

Эдди подхватил меня под попку, и у меня не было иного выбора, кроме как обвинить его руками и ногами. Он повернулся и, поставив колено на кровать, уложил меня на нее, а затем устроился сверху.

— Может, нам стоит поговорить, — прошептала я.

— Теперь она хочет поговорить, — пробормотал он мне в шею, его рука двигалась между нами, расстегивая пуговицы на ширинке.

Я испытала иной вид трепета в животе.

Его губы приблизились к моему уху, пальцы коснулись меня между ног, и у меня перехватило дыхание.

— Через минуту я трахну тебя так сильно, что никто из нас не будет думать об этом, а после, мы будем так измотаны, что уснем. Завтра мы поговорим. Тебе подходит?

Я прикусила губу и кивнула.

Мне это подходило.

— Хорошо.

Затем он выполнил обещанное.

* * * * *

Я проснулась, когда было еще темно, и поняла, что что-то не так.

Эдди со мной в постели не было, и из соседней комнаты доносились голоса.

Я спустила ноги с кровати, нащупала на полу что-нибудь, что можно было бы надеть, и моя рука наткнулась на свитер Эдди. Натянув его, я направилась к двери.

Она была закрыта.

Но мы ложились спать при распахнутой двери.

Я начала ее открывать, но приоткрыв на дюйм, остановилась и прислушалась к голосу Эдди.

— ...это дерьмо, — закончил он.

Последовала пауза.

— Я могу позаботиться об этом для тебя, — сказал другой мужской голос.

Ответа не последовало.

— Даю слово, Эд. Я позабочусь о Фрателли.

У меня перехватило дыхание.

— Дариус, ты не замочишь Винса Фрателли из-за моей девушки.

Ой!

Эдди назвал меня своей девушкой!

— Нет, я прикажу замочить Фрателли, потому что он подонок. И буду рад отдать приказ. Я буду вне себя от гребаного ликования.

Ох... милостивый... Господь.

Я знала, что значит «замочить», я смотрела телевизор (или смотрела его раньше).

Последовала еще одна пауза, и я почувствовала, как недоброжелательные волны

ударяют в дверь.

— Ты забываешь, *mi hermano*, — тихо сказал Эдди с ноткой предупреждения в голосе. — Я — полицейский.

Тишина и еще больше недоброжелательных волн.

— Предложение в силе, — наконец сказал Дариус.

— Таким оно и останется, — парировал Эдди.

Снова тишина, пока я представляла, как Дариус пожимает плечами.

— Не говори Смити ничего из этого дерьма. Он сказал тебе, что готов вернуть твой долг ради Джет, и я не хочу, чтобы он принимал предложение, которое ты мне только что сделал, — сказал Эдди.

В голове у меня все смешалось.

Значит, Дариус был тем самым «братом», который задолжал Смити услугу.

Насколько мал Денвер? И если он был таким маленьким, почему я не могла отыскать в нем отца?

Эдди задал тот же вопрос.

— Есть какие-нибудь зацепки на Макалистера?

— Парень скользкий тип. Знаю, что прошлой ночью он играл, ему улыбнулась удача, недостаточно, чтобы расплатиться с Маркусом, но он все же расплатился с ним. Предполагаю, тем, что украл у Кинга.

У Кинга?

Что еще за Кинг, черт побери?

Должно быть тот парень, что стрелял в меня.

— Что он взял у Кинга? — спросил Эдди.

— Копы не знают? — Дариус казался удивленным.

— Он держит рот на замке. Сразу же попросил адвоката.

— Глупо стрелять в подружку полицейского, — заметил Дариус.

Да, это был тот парень, который стрелял в меня.

И вот меня опять назвали девушкой Эдди.

Боже милостивый.

— Что бы он ни взял, это стоило двадцать кусков. Это все, что я знаю, — сообщил Дариус.

Двадцать кусков?

Святая корова.

Я бы, наверное, пристрелила кого-нибудь, если бы у меня украли что-то стоимостью в двадцать тысяч долларов.

Ну, наверное, нет, но я бы подумала об этом.

— Ловкач все еще на охоте? — продолжил расспросы Эдди.

— Ловкач залег на дно. У него на заднице висит полиция и все парни из «Расследований Найтингейла». Ловкач уже очень давно не показывал носа. И плевать ему на тридцать тысяч.

Наконец, одна хорошая новость.

— Какую роль в этом играет Маркус?

— Он вышвырнул Винса. Либо так, либо он потеряет Дейзи. Он ни за что не пожертвует Дейзи, — ответил Дариус.

Я была потрясена.

Что случилось с войной?

Не то, конечно, чтобы я хотела войны.

— Винс — отступник? — недоверчиво спросил Эдди.

— У Винса есть цель, и он теперь сам по себе.

Я не восприняла это как хорошую новость.

— Это очень плохо, лучше бы Маркус держал его при себе, — сказал Эдди.

Эдди тоже не воспринял это как хорошую новость, но по гораздо более пугающей причине.

Дариус рассмеялся.

— Придется тебе прижать его каким-нибудь другим способом, Эд. Говорят, Дейзи нравится Джет, и Маркус хочет, чтобы Дейзи была счастлива. Ты же знаешь, как это бывает.

Никакого ответа и долгая минута молчания.

— Она стоит этого? — тихо спросил Дариус.

— Джет? — спросил Эдди в ответ.

— Да.

Я открыла дверь и сделала это так громко, как только могла, затем пошла в ванную.

Я не хотела слышать ответ Эдди и не думала, что смогу закрыть дверь так, чтобы они не узнали, что я подслушиваю.

Только в ванной я поняла, что на мне нет нижнего белья.

Великолепно.

Я шумела в ванной, грохала всякой всячиной и включала воду. Затем вернулась в спальню, избегая смотреть в сторону гостиной. Я встала, раздумывая, что делать, потом порылась в сумке, схватила джинсы и натянула их.

Затем направилась в гостиную, собирая на ходу волосы в конский хвост.

Я посмотрела на Эдди, затем на Дариуса. Оба стояли в гостиной и наблюдали за мной.

— Все в порядке? — спросила я.

Я остановилась рядом с Эдди. Его рука обвилась вокруг моих плеч, и он притянул меня к себе.

— Мы тебя разбудили? — тихо спросил он, глядя на меня сверху, его рука все еще лежала на моих плечах.

Я покачала головой, а затем остановилась и уставилась на него. Должно быть, он справился с гневом, его глаза вновь излучали теплоту и нежность.

Я впал в Мини-Дурман и пробормотала:

— Я почувствовала, что ты ушел.

Его веки немного опустились, а губы расслабились.

— Возвращайся в постель, я приду через минуту, — сказал он.

Я кивнула, коснулась рукой его живота, чтобы оттолкнуться, но тут вмешался Дариус.

— Я ухожу. Будем на связи.

Я посмотрела на него, он разговаривал с Эдди, но глядел на меня, его лицо ничего не выражало, но глаза оценивали.

Эдди сказал мне, что он торговец наркотиками, и он буднично рассуждал о том, чтобы отдать приказ кого-то убить. Из-за этого мне стало очень грустно, потому что у меня возникло странное чувство, что он был хорошим парнем. Что он не такой, но должен играть соответствующую роль.

Дариус ушел, послав Эдди некий жест рукой и не сказав мне ни слова.

Эдди запер за ним дверь, и мы вернулись в спальню. Для разговора с Дариусом он надел футболку и джинсы. Теперь он избавлялся от них в темноте.

Я стянула джинсы, свитер оставила и легла в постель.

Эдди присоединился ко мне, его ладони скользнули под свитер и сорвали его с меня.

— Мне холодно, — пожаловалась я.

Он прижал меня к себе, лежа лицом к лицу.

— Это ненадолго.

Он обнял меня крепче, и я действительно стала согреваться.

Я почти заснула, не спрашивайте меня как, возможно, от тепла тела Эдди и его объятий.

Затем Эдди заговорил и заставил меня резко проснуться.

— Как много ты слышала?

Проклятье.

Меня поймали.

— Не знаю, — призналась я, — много?

Эдди ничего не сказал.

— Подслушивать — неправильно, — сказала я в качестве извинения.

— Я бы подслушал.

Я ничего не могла с собой поделать и улыбнулась ему в шею.

— Тебе придется объяснить мне насчет Дариуса, — прошептала я.

Эдди не колебался.

— В детстве мы были близки. Он был хорошим парнем, немного необузданным, но не таким, как мы с Ли.

Из того, что я узнала этим вечером, я подумала, что будет трудно быть более необузданным, чем Эдди.

— Его отца убили, — продолжил Эдди, — и ему и его семье пришлось туго. Он выбрал путь, который в то время казался легким: быстрые деньги и способ разобраться со своими проблемами. Затем идти по этому пути стало труднее, но выбрав его единожды, он отказывается повернуть назад.

— Звучит очень печально.

Так и было.

Эдди ничего не сказал. Будучи другом Дариуса все это время, он знал, как это печально.

— Почему он пришел посреди ночи?

Эдди выдержал паузу, словно раздумывая, безопасно ли делиться этим. Затем ответил:

— Иногда мы работаем вместе, когда это взаимовыгодно, но держим это в секрете.

Департамент хочет, чтобы его посадили, и они не слишком довольны нашими отношениями. Я из Отдела нравов и не очень популярен среди братьев.

— Это небезопасно, — заключила я.

— Нет, небезопасно.

— Ни для кого из вас?

— Нет.

— Но сейчас вы работаете вместе?

Он не ответил.

— Из-за меня?

По-прежнему тишина.

— Думаю, ты можешь быть немного пугающим, — сказала я.

Он повернулся на спину и притянул меня к себе.

— Не слушай моих тетюшек. Я далеко не так страшен, как они хотят, чтобы я был.

Он ошибался.

Он жутко пугал.

Кофеварка

Зазвонил будильник, Эдди нажал кнопку и скатился с кровати.

Я уютно устроилась на подушке.

Он обхватил меня за запястье и стащил с постели.

— Что ты делаешь? — возмутилась я, пройдя половину комнаты, полусонная и полуразозленная.

— Пора принять душ, а затем найти плохих парней, — ответил Эдди.

Душ?

Я все еще просыпалась, когда он поднял меня и поставил под горячую воду. В недоумении я посмотрела на него, заморгав, когда на меня полилась вода, а Эдди присоединился ко мне и задвинул дверцу душа.

— Тебе нужно узнать кое-что обо мне, — заявила я. — Я — девушка, жмущая на кнопку повтора будильника.

Он улыбнулся, протянул руку и взял мыло.

Чего он не сделал, так это не ответил.

Я повернулась к нему спиной — лучший способ скрыть свое обнаженное тело.

Почему мужчины так спокойно относятся к наготе? Это несправедливо.

Конечно, у Эдди было великолепное тело, ему определенно нечего было скрывать. Будь у меня тело Эдди, я бы, наверное, все время ходила голой. Не сказать, что мое тело плохое, у меня были изгибы во всех нужных местах. Несколько месяцев назад они были более округлыми, когда мне удавалось больше времени уделить еде.

— Ты мне очень не нравишься, — буркнула я насадке для душа.

Его мыльные ладони обхватили меня за талию, он прижался всем телом к моей спине, а его рот нашел мою шею.

— Я кое-что узнал о тебе: по утрам ты ворчишь.

— Я не ворчу по утрам, — проворчала я.

Его ладони на моем животе разошлись в стороны. Одна легла мне на грудь, другая — между ног.

— Нет, ты ворчишь все время, — поправился он, будто это его забавляло.

Я слушала его только наполовину. Меня больше занимало, что делают его руки. Пальцы одной скользнули по моему соску, в то время как пальцы другой проникли глубоко внутрь и надавили.

М-м-м, приятно.

Моя голова откинулась на его плечо.

— А еще я научился тому, как сделать тебя милой, — пробормотал он мне в щеку.

Должна признать, этому он определенно научился.

Я повернула голову и провела языком по его шее.

Попробовав воду и Эдди, я перестала ворчать.

После несколько затянувшегося и невероятно приятного душа я почистила зубы, натянула нижнее белье и одну из чистых футболок Эдди и побрела на кухню, чтобы приготовить кофе.

Мне не удалось найти кофеварку, на самом деле, я почти ничего не могла найти.

Я вернулась к ванной комнате, постучала в уже открытую дверь и вошла на оклик Эдди. Он стоял у раковины в джинсах и больше ни в чем и брился.

— Я не могу найти кофеварку.

Его взгляд скользнул ко мне.

— У меня ее нет.

Я уставилась на него.

У каждого была кофеварка. Это же Америка.

Более того, Эдди — полицейский. Все знали, что копы пьют галлоны кофе и съедают тонны пончиков.

Я посмотрела на твердый, как камень, пресс Эдди.

Ладно, может, Эдди не ел пончики.

Я стряхнула с себя удивление.

— Я не нашла ни чайника, ни растворимого кофе.

— У меня нет ни чайника, ни растворимого кофе.

Я продолжала пялиться на него.

— Где же ты берешь кофе?

Его взгляд вернулся к зеркалу.

— В «Фортнуме».

— Тогда, что делать мне, если я хочу кофе прямо сейчас?

— Сварить его себе на работе? — предложил он.

Я включила Взгляд.

— Тебе нужна женщина, — дерзко констатировала я, пытаюсь проявить характер.

Неразумно с моей стороны.

Его взгляд вернулся ко мне, и выражение его лица превратило мои кости в воду.

Ой!

Я вышла из ванной.

Нанеся минимум макияжа, я надела джинсы и ало-красную футболку с V-образным вырезом и длинными рукавами, которую мне купила мама, и да, вы правильно догадались, она была обтягивающей. Высушила волосы феном и собрала их в хвост. Поскольку я была в настроении, то надела шикарные коричневые сапоги на высоком каблуке и ремень, такой широкий, что он натягивал петли на поясе.

Эдди надел белую теплую футболку с длинными рукавами, джинсы, сапоги и ремень, достал из ящика прикроватной тумбочки пистолет и наручники и пристегнул их к поясу джинсов. Его последним штрихом было взять с комода свой значок и прицепить его к поясу.

Я схватила сумочку, и мы вышли через заднюю дверь.

На полпути через двор я заметила, что Эдди озирается. Мой желудок сжался, и я тоже начала сканировать окрестности, высматривая головы, выглядывающие из-за высокого забора. Он отпер гараж, и мы сели в грузовик, ожидая, пока откроются гаражные ворота, Эдди наблюдал за этим через зеркало заднего вида, все время роясь в кармане. Затем протянул мне связку ключей.

— Ключи от дома, — вот и все, что он сказал.

Я взяла их. Желудок снова скрутило, а Эдди завел грузовик. Он уже собирался дать задний ход, когда я опустила ладонь ему на предплечье. Он не пошевелился, но его глаза встретились с моими.

Мне было много чего сказать.

«Спасибо» — на самом верху списка, но я не находила подходящих слов.

«Прости, что я заноза в заднице» — еще одна фраза, которая значилась наверху.

Я должна была что-то сказать, что угодно, но не знала, что именно.

— Не знаю, что сказать, — наконец, произнесла я.

Его брови поползли вверх.

Я убрала ладонь с его плеча и отвернулась.

— *Chiquita*, это из-за ключей?

— Из-за всего, — сказала я окну.

Тишина.

— Эй, — тихо позвал Эдди, и я посмотрела на него.

Его глаза были серьезными.

— Предполагаю, ты чувствуешь, что сейчас в большом долгу передо мной.

Я кивнула.

Он медленно улыбнулся. Сначала появилась ямочка, потом его губы изогнулись, а потом показались белоснежные зубы.

Я прищурилась на него, отвернулась, пристегнула ремень безопасности и скрестила руки на груди.

— Ты мне очень не нравишься, — буркнула я.

Он рассмеялся.

— Я не шучу.

— Ты такая врушка. — Но прозвучало так, будто это хорошо.

Ну, здорово.

* * * * *

Мы вместе вошли в «Фортнум». До открытия оставалось несколько минут, но у входа уже ждали двое. Я впустила их и оставила дверь открытой.

Джейн и Текс стояли за кофейной стойкой. При нашем появлении оба подняли глаза, и Текс уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я успела первой:

— У Эдди нет кофеварки. Кофе! Быстро! Без слов! — рявкнула я.

Зайдя за прилавок, я уставилась на Текса, пока он возился с эспрессо-машиной, готовя мне крепкий американо и капучино для Эдди. Все это время он ухмылялся.

Я протянула Эдди капучино, которое дал мне Текс, плеснула молока в свой американо и, не помешав, сделала глоток.

Я посмотрела на Текса. Он все еще ухмылялся.

— Над чем смеешься?

— Над тобой, Чокнутая, — его глаза переместились на Эдди. — Без обид, Чавес, но с ней намного веселее, когда в нее стреляют.

— Псих, — сказала я ему.

— Однозначно, дорогуша, — невозмутимо ответил он и повернулся к первому покупателю.

Эдди прижал меня к стойке за эспрессо-машиной.

— Мне нужно идти, — сказал он, обнимая меня и не выпуская стаканчик из руки.

Мои руки были между нами, и мне оставалось либо обвить их вокруг него, либо пролить кофе на нас обоих. Поскольку в тот момент кофе был жизненной силой, я обняла Эдди.

Он одарил меня очень теплым и нежным взглядом.

— После работы съездим в магазин за кофеваркой, — сказал он.

Боже милостивый.

Мы поедem с Эдди по магазинам за кофеваркой.

Как это произошло?

Я удержалась от того, чтобы проверить, не сгорели ли мои волосы и брови, учитывая, что наши отношения развивались со скоростью света.

Он наблюдал за мной, а затем его лицо приблизилось к моему.

— Мне неприятно это говорить, но какой-то части меня нравится, что тебя загнали в угол, так ты не можешь отступить, а я вижу, что ты очень этого хочешь.

Теперь настала моя очередь смотреть на него.

— Что произойдет, когда я выберусь из этого угла и мне больше не нужно будет, чтобы ты меня спасал?

Это был вопрос на шесть миллионов долларов, и я затаила дыхание, ожидая ответа.

— По одному делу за раз, — сказал он.

Неправильный ответ.

— Нет, я, правда, хочу знать. Что произойдет, когда в меня перестанут стрелять и я больше не буду представлять интереса ни для кого?

Его взгляд изменился, он посмотрел на меня так, будто я спросила его, могу ли провести день, покрасив его дом в желто-розовый и утыкав передний двор пластиковыми фламинго.

— Ты считаешь меня немного пугающим? Я считаю тебя слегка с прибабахом.

Ладно, итак, пришло время для правды.

— Я не с прибабахом, совсем наоборот, я настолько не с прибабахом, что я противоположность прибабаху. Эдди, мне неприятно тебе это говорить, но я скучная.

Он немного подождал, наблюдая за мной, а затем расхохотался.

У меня отвисла челюсть.

Затем он опустил голову и уткнулся носом мне в шею.

— Определенно с прибабахом, — пробормотал он мне в шею, а затем поднял голову и посмотрел на меня, — и абсолютная врунишка. Ты не сможешь быть скучной, даже если попытаешься. И если это твоя следующая тактика, чтобы заставить меня сдаться, действуй. Будет забавно наблюдать, как ты стараешься быть скучной. Почти так же забавно, как это было, когда ты притворялась обычной.

Ну, что на такое сказать?

Он не прочел моего крайне недовольного взгляда или, что более вероятно, проигнорировал его. Вместо этого прикоснулся к моим губам поцелуем и исчез.

Вот так.

Даже правда не сработала.

* * * * *

В середине утра дверь распахнулась и в магазин вплыла Инди.

— Как дела? — спросила она, подойдя ко мне, в ее глазах читалась озабоченность.

— После работы мы с Эдди собираемся пройтись по магазинам... за кофеваркой, — ответила я, думая, что она поймет мое затруднительное положение.

Она моргнула.

— Нет, я имею в виду с тем парнем, который угрожает тебя изнасиловать.

Я махнула рукой и вернулась к вспениванию молока.

— А, это. Я о нем забыла, — сказала я.

У нее отвисла челюсть.

Она захлопнула ее и сказала:

— Вчера, когда ты прижимал телефон к уху, у тебя был такой вид, будто у тебя вот-вот случится сердечный приступ.

— Это было вчера, меня застигли врасплох. Теперь мне хочется броситься в бой, надрать кому-нибудь задницу, учинить допрос и... все в таком роде, — я замолчала, когда набор мачо-фраз иссяк. — Я устала бояться.

— Так держать, Чокнутая! — подбодрил Текс, грубо выдергивая фильтр из эспрессо-машины, хотя в этом не было необходимости, и вытряхивая из него гущу.

— Что ты собираешься делать? — спросила Инди.

Я посмотрела на нее.

— Понятия не имею, но я что-нибудь придумаю. Единственное, что я знаю, чего не собираюсь делать, так это сидеть, сложа руки.

Она мгновение смотрела на меня, потом улыбнулась.

* * * * *

Было около полудня, когда звякнул дверной колокольчик и вошли мама и Бланка.

— Отлично, Текс, вот и она, — сказала я Тексу. — Познакомься с моей мамой.

Текс посмотрел вверх и через магазин.

Затем его лицо застыло.

— Не-не, — пробормотал он.

— Привет, куколка, — окликнула мама.

Я с улыбкой помахала маме и Бланке, но повернулась к Тексу.

— Что значит, «не-не»? — яростно прошипела я.

Текс все еще стоял, замерев.

Мама добралась до кофейной стойки и одарила его своей кокетливой улыбкой.

— Вы, должно быть, Текс, — сказала она.

Он издал какой-то утробный звук, схватил меня за руку и выволок из-за прилавка. Повел меня, семенящую за ним, к Инди, тоже схватил ее за руку и потащил нас по проходу между книжными стеллажами с художественной литературой с авторами, чьи фамилии начинались на «М-Н-О». Затем остановился и уставился на меня.

— Ты не говорила, что она хорошенькая, — упрекнул он.

Я посмотрела на Инди, Инди посмотрела на меня.

— Женщина, дай мне свой телефон, — потребовал Текс у Инди.

Она протянула ему сотовый, он включил его и начал наугад тыкать по экрану.

Инди выхватила у него телефон.

— Кому ты хочешь позвонить? — спросила она.

— Чавесу. Соедини меня с Чавесом.

Инди пролистала контакты и набрала номер Эдди. Текс выхватил у нее телефон и поднес его к уху.

— Чавес? — Пауза. — У нас проблема.

Он пошел по проходу, что-то бормоча.

Я посмотрела на улыбающуюся Инди. И улыбнулась в ответ.

— Угу, — сказал он, кивая. — Угу, — повторил он, все еще кивая.

Последовала пауза.

— Ни хрена подобного! — громыхнул он так, что я подпрыгнула. Затем: — Ладно.

Он бросил телефон обратно Инди, которая поймала его и выключила.

Он посмотрел на меня.

— Ладно, Чокнутая. Пошли знакомиться с твоей мамой.

Мы вернулись в переднюю часть магазина, и я ничего не могла с собой поделаться, будучи близка к тому, чтобы рассмеяться.

Текс считал маму симпатичной.

Мама и Бланка выглядели обеспокоенными.

— Давайте попробуем еще раз, — сказала я, когда мы подошли к ним. — Текс, это Нэнси и Бланка. Нэнси и Бланка, это Текс.

— Любишь кошек? — гаркнул Текс моей маме.

Та вздрогнула, уставилась на Текса и кивнула.

Любой бы кивнул, даже если бы ненавидел кошек.

— Тогда все получится. Я уйду домой в час, сможешь подождать?

— Конечно? — ни то спросила, ни то ответила мама, не зная, что правильно.

Все стояли кружком и смотрели друг на друга.

— Может, сварить им кофе? — предложила я.

Текс с каменным лицом повернулся ко мне.

Мне было немного жаль его, в смысле, я знала, что он чувствовал.

— Что будете? — поинтересовалась Инди. — Текс — лучший бариста в Скалистых горах, что бы вы ни захотели, это будет фантастически вкусно.

— Латте? — отозвалась мама.

— Мне просто кофе, — сказала Бланка.

Текс неуклюже прошаркал за прилавком.

— Он немного странный, да? — наклонившись, прошептала мне мама.

— Он отдаст свою жизнь за вас или, что более важно, за Джет, — ответила Инди голосом, который говорил, что она не шутила.

Мама и Бланка переглянулись.

Этого им было достаточно.

* * * * *

Двадцать минут спустя появились Элли и Китти Сью.

— Бланка! *Qué pasa?* Как дела, Нэнси? — Китти Сью направилась к ним, а Элли подошла ко мне.

Она протянула мне блестящий, новый, очень дорогой сотовый телефон.

— Мы с мамой купили его тебе. Я уже вбила все номера, и он заряжен. Напиши всем, чтобы дать свой номер, — сказала Элли.

Я посмотрела на телефон, затем на нее. Открыла рот, чтобы заговорить, но она опередила меня.

— Думай о нем как о рождественском подарке, — остановила она мой отказ.

— Сейчас октябрь.

Она пожала плечами.

— Не знаю, что сказать, — тихо поделилась я.

— Как насчет «спасибо»? — крикнула мама с другого конца магазина, используя Голос.

Текс разразился хохотом, затем захлопнул рот, и я могла бы поклясться, что его щеки слегка порозовели.

Я посмотрела на Элли и сглотнула.

— Спасибо.

В уголках глаз Элли появились морщинки.

— Пожалуйста.

Я написала всем, кого Элли вбила в контакты, включая Инди, Элли, Тода, Стиви, Дейзи и да, даже Эдди, сообщая им новый номер.

Китти Сью ушла, за ней Бланка. Текс загрузил мамино кресло и сумку в багажник «Эль Камино», посадил маму на пассажирское сиденье и с ревом умчался под трек «Winning» Карлоса Сантаны.

Дюк появился как раз перед уходом Текса, а через пятнадцать минут раздался звон дверного колокольчика, и вошел Вэнс.

Я затаила дыхание. Любая девушка, будь ей пять или сто пять лет, затаила бы дыхание при виде Вэнса.

Он был очень красив.

В поношенных армейских зеленых брюках, облегающей бордовой футболке, которая, казалось, угрожала нарушить кровообращение его мускулистых бицепсов, и в пыльных коричневых ковбойских сапогах, которые выглядели так, будто действительно побывали в стремях (и не раз). Блестящие черные волосы были собраны сзади в конский хвост, а темные глаза обрамлены такими густыми ресницами, что их можно было бы назвать почти девчачьими, если у вас было желание умереть.

— Здорово! Ты пришел, — тут же воскликнула Инди, и я посмотрела на нее.

Она схватила меня за руку и потащила к Вэнсу.

Он покачал головой, когда мы подошли к нему.

— Думал сказать тебе это в лицо: этому не бывать, — заявил Вэнс Инди.

Инди прищурилась.

— Чему не бывать? — спросила я.

Вэнс повернулся ко мне.

— Когда мы говорили о тебе на совещании, я проголосовал за то, чтобы запретить тебя в комнате ожидания.

У меня отвисла челюсть.

Я даже не знала, что такое комната ожидания, но знала, что не хочу иметь с ней ничего общего. И вообще не хотела думать о том, чтобы быть пунктом повестки дня совещания сотрудников «Расследований Найтингейла».

— Прости? — задала вопрос я.

— У Эдди случился бы припадок, тусуйся ты там днем с парнями. Ли считал, что ты будешь отвлекать. Парни проголосовали как и я.

Он просканировал меня с головы до ног, и выражение его глаз изменилось, отчего я почувствовала, будто мощный сексуальный луч притягивает меня к Вэнсу.

— Иногда отвлечение на пользу, — мягко сказал он. — С тобой работа показалась бы одним удовольствием.

Боже милостивый.

У меня пересохло во рту.

Что, черт возьми, это было?

— Ли наложил вето, — закончил Вэнс, и магнетический луч выключился.

Слава Богу.

Я взяла себя в руки.

— Если ты нам не поможешь, мы пойдем одни, — пригрозила Инди, полностью игнорируя странную, сексуально заряженную ауру.

— Попытайтесь уйти одни, я хватаю ее в охапку и везу в офис. Эдди может забрать ее оттуда. А с тобой разберется Ли, — парировал Вэнс.

Ой!

Звучало не очень хорошо. Я не хотела, чтобы Вэнс хватал меня (по крайней мере, не так, как это прозвучало... я ведь спала с Эдди) и, конечно, не хотела, чтобы Ли «разбирался» с Инди. Ли был пугающим с большой буквы П.

— О чем вы двое говорите? — вмешалась я.

Инди повернулась ко мне.

— Ты хочешь найти своего отца, Вэнс очень-очень хорош в поиске людей. Я попросила его помочь.

Я посмотрела на Вэнса.

Вэнс наблюдал за Инди, но когда я заговорила, он перевел взгляд на меня.

— Было бы здорово, если бы ты смог помочь, — сказала я, на самом деле не желая этого, но также достаточно желая найти папу, чтобы спросить. — Я тебе заплачу, — добавила я, подумав.

Вообще-то, у меня не было таких денег, чтобы заплатить ему, но, может, он предоставит мне рассрочку.

Вэнс развернулся ко мне всем телом, и луч притяжения снова включился.

— Я найду твоего отца, но ты не будешь помогать и не заплатишь. Хотя, это будет не бесплатно. Ты останешься должна мне услугу.

Боже милостивый.

Оказаться в долгу у еще одного горячего парня. Я не знала, смогу ли справиться с этим. Нет, я точно знал, что не смогу.

Я посмотрела ему в глаза и задумалась: какую услугу он имеет в виду.

Не нужно читать мысли, чтобы понять суть.

Пока он ждал моего ответа, его взгляд стал странным, типа, «сексуально странным».

— Днем кроткая девушка-бариста, — пробормотал он. — Но я видел тебя в униформе Смити.

Боже милостивый.

Гребаная униформа Смити.

Она походила на костюм Супермена. Никто не обращал внимания на Супермена, когда тот был Кларком Кентом, но надень он трико, как все женщины падали к его ногам. Униформа Смити обладала той же силой.

— Я больше не работаю у Смити, — сообщила я.

Его взгляд упал на мою ало-красную футболку.

— Жаль.

Я заставила себя дышать и посмотрела на Инди.

Она сделала мне круглые глаза, словно мы в пятом классе, и самый симпатичный мальчик в школе подошел ко мне на перемене.

Я снова посмотрела на Вэнса.

— Думаю, я справлюсь сама, — заявила я.

Он секунду пристально смотрел на меня, а затем сказал:

— Этого я тоже не могу тебе позволить.

Эм... что?

— Что? — спросила я.

— Ты не знаешь, с чем имеешь дело, и не знаешь, что делать.

Ладно, итак, я немного устала от парней, которые говорили мне, чего я могу и не могу делать. Даже, если эти парни горячие.

— Не думаю, что у тебя есть выбор.

Я гордилась собой, предложение вышло с характером и убежденностью. Достаточно, чтобы его темные глаза вспыхнули. На секунду мне показалось, что он разозлился, но потом он справился с собой, и его губы дрогнули.

— Чавесу пи*дец.

Я не поняла, что это значило, и не стала спрашивать.

Вэнс посмотрел на Инди.

— Едем к Зипу.

Инди немедленно захлопала в ладоши и воскликнула:

— Ура!

— К Зипу? — уточнила я.

— Это оружейный магазин, — пояснила Инди.

— Что? — вроде как проорала я.

С какой стати нам ехать в оружейный магазин?

Вэнс ответил на мой незаданный вопрос.

— Помогать я не собираюсь, но не позволю вам двоим свободно разгуливать по Денверу без защиты. Мы купим вам кое-какое снаряжение. — Он повернулся к Инди. — Ты на своей машине, Джет со мной на «Харлее».

На «Харлее»?

Типа, на мотоцикле «Харлей Дэвидсон»?

С Вэнсом?

Нет.

Нет, нет, нет и очень даже нет.

— Я поеду с Инди, — выпалила я.

— Ты не исчезаешь из поля зрения в мое дежурство, — объявил Вэнс Голосом Крутого Парня, говорящим: «не обсуждается».

Сказочно.

* * * * *

Я никогда в жизни не ездила на заднем сиденье мотоцикла, не говоря уже о «Харлее».

Должна признать, мне понравилось.

Очень понравилось.

Я узнала, что Зип продавал не только ружья, но и много разных видов оружия, пистолетов, дробовиков, винтовок. А еще ножи, боеприпасы, электрошокеры, шокеры, газовые и перцовые баллончики, а также календари с фото моей сестры на обложке. Я указала на это Инди, пока Вэнс не видел.

— Мило, — сказала она, глядя на Лотти в едва заметном бикини на полностью мокром теле, волосы у нее на удивление были сухими, и она опасно балансировала на мотоцикле «BMW».

Вэнс снабдил нас электрошокерами, шокерами и перцовыми баллончиками. Он

объяснил, как ими пользоваться, дал инструкции по технике безопасности и попытался заплатить.

Я заспорила.

Он посмотрел на меня Взглядом Крутого Парня.

Я включила Взгляд.

Пока мы играли в гляделки, Инди расплатилась.

Меня это устроило, потому что перед Инди я могла быть в долгу. Я не ждала, что расплата ей будет иметь какое-то отношение к униформе Смити.

Мы возвращались к «Фортнуму», пакет с покупками лежал в «Жуке» Инди, который следовал за нами. У нас оставалось не так много времени до встречи с Дейзи за коктейлями в отеле «Оксфорд», и я начала нервничать. Мне не хотелось заставлять Дейзи ждать, она по-прежнему немного меня пугала.

Мы остановились на светофоре на Колфакс, я прижималась промежностью к заднице Вэнса, грудью к его спине, мой подбородок, как бы, покоился на его плече. Он ехал быстро и стремительно. Я пыталась держаться за его талию и оставаться на некотором расстоянии, но чуть не свалилась с байка, когда он стартовал с обочины.

Это была поездка типа «обхвати руками и держись изо всех сил».

На светофоре рядом с нами остановилась машина, и я автоматически посмотрела направо.

Мои глаза расширились от увиденного, и, кажется, я чуть вскрикнула в шлеме. За рулем сидел Эдди и смотрел в окно, его зеркальные очки были направлены на меня, остальная часть лица имела убийственное выражение.

На мне был шлем, но меня выдавала приметная ало-красная футболка и волосы, выбившиеся из-под шлема, так как мне пришлось снять резинку с хвоста, к тому же я сидела с Вэнсом, а машина Инди стояла прямо за нами. Не нужно быть полицейским детективом, чтобы понять, что это я, но Эдди был полицейским детективом, и, судя по выражению его лица, он все уже понял.

Черт.

Черт, черт, черт.

Позади нас раздался гудок, Вэнс посмотрел в зеркало, а я оглянулась. Инди указывала сбоку от себя и на Эдди. Я перевела взгляд на машину, остановившуюся рядом с ней.

За Эдди стоял «Кроссфайер», «Кроссфайер» Ли, с Ли за рулем.

Бл*ть.

Бл*ть, бл*ть, бл*ть.

Вэнс был без шлема, он посмотрел направо и, вытянув два пальца и взмахнув запястьем, поприветствовал Эдди. Мистер Крутой.

Мы все вместе направились к «Фортнуму», Вэнс и я возглавляли новое определение мини-конвоя моей гибели. Все это время я пыталась придумать правдоподобное объяснение, другими словами, правдоподобную ложь.

Вэнс подъехал ко входу в магазин, Инди и Ли припарковались сзади, Эдди припарковался позади нас. Я слезла с мотоцикла и снимала шлем, когда подошел Эдди.

— Какого хрена? — потребовал Эдди своим низким, пугающим голосом и посмотрел на Вэнса.

Вэнс слез с мотоцикла, откровенно улыбаясь. Я не считала это хорошим знаком, походило на то, что Вэнс смеялся в лицо Эдди. Хотя это и не помогало ситуации, должна

признать, что восхищалась Вэнсом за то, что у него хватило смелости на такое.

Я решила сгладить ситуацию.

— Эдди, я могу объяснить.

Его глаза обратились ко мне. Он скрестил руки на груди, широко расставил ноги, и я пожалела, что не позволила ему выместить гнев на Вэнсе. Вэнс тоже был крутым парнем, по крайней мере, это был бы честный бой.

— Да? — голос Эдди сочился недоверием.

Ладно, во время поездки я старалась придумать правдоподобную ложь. Проблема заключалась в том, что у меня ничего не получилось.

— Н-у-у... — начала я, растягивая слово, чтобы выиграть время.

Внезапно Эдди схватил меня за руку, выдернул у меня шлем, бросил его Вэнсу и оттащил меня примерно на пять футов.

Видимо, ему не хотелось давать мне время придумать правдоподобную ложь.

Когда мы остановились, он открыл рот, чтобы заговорить, но я его опередила.

— Я вижу, что ты злишься, не знаю почему, но...

— Не знаешь, почему? — прервал он меня.

— Нет, видишь ли... — начала я снова.

— Нет? — снова прервал он все еще низким, пугающим голосом.

— Нет, но я хотела сказать, что...

— Я еду по дороге и, остановившись на светофоре, вижу женщину, которая делит мой дом, мою постель, в обнимку с другим парнем. Ты та женщина, и ты не знаешь, почему я злюсь?

Когда он облек ситуацию в такие слова, прозвучало не очень хорошо.

— Эдди...

Он подошел ближе, его глаза блестели, а голос все еще был низким и пугающим.

— Никакого, нахрен, «Эдди». Кажется, я должен тебе все объяснить, так что слушай внимательно, *Chiquita*. Вчера, когда я сказал, что никто не прикаснется к тебе, кроме меня, это означало, что ты тоже не прикаснешься ни к кому, кроме меня.

Я уперла руку в бедро.

Он серьезно считал, что я ему изменяю?

— Это не то, что ты, очевидно, думаешь. Вэнс просто возил нас к Зипу!

Ой-ой.

Я сразу же поняла свою ошибку. Надо было сказать, что мы ездили обедать, или в собачий приют поиграть с щенками, или купить крэк, да, что угодно, только не к Зипу.

— Что ты делала у Зипа? — каким-то образом, его низкий, пугающий голос стал еще ниже и более пугающим.

Я решила не лгать, не потому, что считала это хорошим способом выкрутиться из ситуации, скорее, не могла достаточно быстро придумать другую историю.

— Вэнс снабдил нас защитой.

— Какой защитой?

— Немного того, немного этого, — расплывчато объяснила я.

— Какого рода «того и этого»? — Мне не следовало пытаться говорить расплывчато, я уже поняла, что Эдди этого не любил.

— Электрошокеры, шокеры, перцовые баллончики.

— Зачем?

Я глубоко вздохнула и, поскольку была честна, разозлилась на всю катушку.

— Я собираюсь искать папу.

Его глаза сузились, губы сжались, как и мой желудок, но я старалась не показывать, что он, вроде как, доводит меня до нервного припадка.

— Покажи, — приказал он.

Я уставилась на него. Подумала проигнорировать его просьбу, но решила не делать этого. Он бы настоял, и я бы все равно ему показала.

Электрошокеры и шокеры лежали в машине Инди, в сумочке у меня оставался только перцовый баллончик. Я открыла сумочку и едва успела его достать, как Эдди сделал выпад и выбил баллончик из моей руки, отчего тот отлетел в сторону и покатился по тротуару.

— Эй! — рывкнула я, вскинув голову и бросая на него свирепый взгляд.

— Что ты будешь делать сейчас? — спросил он и надвинулся на меня.

Я начала злиться, он выставлял меня душой. Я знала, что он делает это, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, но все же.

Нет, подождите. Проведя быстрое эмоциональное сканирование, я поняла, что уже в ярости.

— Ну? — рывкнул он, нависая надо мной.

Я перекинула ремешок сумочки через плечо и уперла обе руки в бедра — Двойная Угроза.

— Так нечестно. Ты — Эдди, я не была готова...

— Ты не будешь готова и когда начнется заварушка.

Я тоже подалась к нему.

— До сих пор у меня все шло хорошо.

— До сих пор тебе везло.

Ладно, хватит.

Я вскинула руки, приблизившись к нему нос к носу, и заорала ему в лицо:

— Да? Ну, наконец-то! В первый гребаный раз в моей долбаной жизни мне везет, и я собираюсь оседлать эту волну. Чего я не собираюсь делать, так это, бл*ть, сидеть напуганная до усрачки в доме с задернутыми бл*дским жалюзи и запертыми, сука, дверями и ждать, пока другие решат мои е*учие проблемы.

Да.

Прозвучало много ругательств, но момент оправдывал это.

— Тебе нужно вести себя умно, — сказал он, не выходя из пространства, в которое я вторглась.

— Мне нужно взять под контроль свою жизнь, что я и собираюсь сделать, и мне все равно, как. Тебе это может не нравиться, но так оно и будет.

— Будешь высовываться, я не смогу обеспечить твою безопасность.

Я уставилась на него.

А потом, клянусь, я ничего не могла с собой поделаться, рассмеялась. И еще кое-что, с чем я ничего не могла поделаться, так как стояла очень близко к Эдди, — я наклонилась к нему, обняла его за талию и прижалась лбом к его груди. Либо так, либо рухнуть на землю от смеха.

— Здесь нет нихрена смешного, — сказал Эдди мне в макушку. Он держал руки на бедрах, не прикасался ко мне и был недоволен.

Все еще обнимая и прижимаясь к Эдди, я посмотрела на него.

— Эдди, неужели ты не понимаешь? — тихо спросила я, по-прежнему улыбаясь. —
Никогда в жизни я не чувствовала себя в безопасности. Никогда. До сих пор.

Что-то промелькнуло в его глазах, но он не пошевелился.

Я прижалась ближе и еще дальше откинула голову назад.

— Если бы такое случилось со мной три месяца назад, я бы забаррикадировалась в квартире с закрытыми жалюзи, запертыми дверями и была бы напугана до смерти.

Он поколебался мгновение, затем я почувствовала, как его тело расслабилось, и его рука поднялась туда, где моя челюсть переходила к шее, прижимая подушечку большого пальца к моей скуле.

— Ты несешь полную чушь, *Chiquita*, — тихо сказал он, но низкий голос перестал быть пугающим. Эдди смотрел мне в глаза, всполохи злости исчезали из его взгляда, и я поняла, что победила.

Наконец-то я выиграла спор с Эдди.

Мне захотелось пуститься в пляс, но вместо этого я обняла его.

— Нет, — сказала я.

— Ты бы, очертя голову и на свой страх и риск, кинулась решать проблемы своего отца, просто рядом с тобой не оказалось бы сумасшедшей рок-цыпочки, которая втянула бы тебя в неприятности, пока пыталась прикрыть твою спину.

— Инди — не сумасшедшая рок-цыпочка.

— И Инди не единственная, кто прикрывает твою спину.

Я улыбнулась ему. Я знала, что он имел в виду, потому что то теплое чувство снова возникло в животе, но решила, сама не знаю почему, подразнить Эдди и, возможно, немного пофлиртовать.

Поэтому склонила голову набок и сказала:

— Знаю. Элли тоже присматривает за мной.

Ух ты. Флирт сработал.

В животе у меня запорхали бабочки, когда его глаза вспыхнули, он обнял меня другой рукой, большой палец оказался у меня под подбородком и еще дальше откинул мою голову назад.

— Элли — сумасшедшая рок-цыпочка, — сказал он.

Я ничего не могла с собой поделать и тихонько хихикнула.

Он некоторое время смотрел на меня, потом его лицо стало серьезным.

— Мне не нравится то, что ты делаешь, я с этим не согласен, и если смогу, то помешаю.

Класс.

Мне не пришлось по душе, что ему это не нравилось, но я все равно кивнула.

Мы зашли в тупик и оба это знали.

— Таков твой способ доказать мне, что ты скучная? Если, да, то должен предупредить, что это совершенно не работает.

Я покачала головой, затем снова попыталась использовать правду и сказала:

— Эдди, поверь мне, я действительно скучная.

На его щеке появилась ямочка.

— Ты с прибабахом.

— Нет.

— Чем сейчас займешься?

— Мы с Инди встречаемся с Дейзи в коктейль-баре.

Его глаза вспыхнули.

— Ты точно с прибабахом.

— Неправда.

Мы опять уставились друг на друга, я готовилась к очередной ссоре, но, к моему удивлению, он снова сдался.

— *Chiquita*, ради Христа, будь осторожна.

Я теснее прижалась к нему, у меня не было выбора, так как его рука очень крепко обхватила меня, и сказала:

— Хорошо.

Дейзи, Инди и я — нечестивая троица

Мы встретились с Дейзи в ультракрутом коктейль-баре отеля «Оксфорд» в стиле ар-деко.

Дейзи уже сидела в кабинке и ждала нас. Она была облачена в присущий ей деним и стразы, жакет на двух пуговицах обнажал акры декольте. Пурпурно-розовый неон, который почти сто лет создавал крутую атмосферу коктейль-бара, сиял на ее платиновых волосах, уложенных в невероятно объемную прическу, на которую, вероятно, ушло столько лака для волос, что защитники окружающей среды могли бы проводить кампании против урона, наносимого ей в одиночку озоновому слою.

Мы заказали «грязный мартини» и устроились поудобнее.

Дейзи обратила на меня взгляд своих васильково-голубых глаз.

— Ладно, сладенькая, расскажи все тете Дейзи.

Я не колебалась, она все равно уже кое-что знала после моего срыва у Смити, поэтому рассказала ей историю своей жизни, повторяя ее в миллионный раз на этой неделе. Все надежды, которые я питала на то, чтобы спокойно пройти свои испытания в одиночку, давно исчезли.

На середине моего рассказа она взяла меня за руку и не отпускала.

Когда я закончила, она сжала мою руку.

По какой-то причине она спросила:

— Джет, дорогая, ты видела «Стальные магнолии»?

Я кивнула.

— Это мой любимый фильм всех времен, — сказала она.

Это не стало для меня неожиданностью.

Она наклонилась ко мне.

— Ты и я, сладенькая, мы — Стальные Магнолии. — Затем она отпустила мою руку и без дальнейших церемоний начала свой рассказ.

Он был чертовски печальнее и страшнее, чем у меня.

На середине ее рассказа уже я схватила ее за руку и не отпускала. Ее глаза наполнились слезами, но она не позволила им упасть.

Это тоже не стало неожиданностью. Если судить по ее рассказу, жизнь Дейзи не баловала добротой, ни физически, ни эмоционально. На самом деле, Маркус и Смити — единственные знакомые ей мужчины, которые относились к ней правильно.

Когда она закончила, я сжала ее руку.

— Теперь я с Маркусом и, не поймите меня неправильно, я, в основном, счастлива. Но у девушки должны быть подруги, *comprende?* — Мы с Инди кивнули, поняв друг друга. — И я здесь, чтобы сказать вам, что высокомерные светские стервы Денвера просто не понимают меня. У меня нет ни одной подруги во всем мире, которая не смеялась бы за моей спиной или не боялся бы Маркуса до смерти.

Я посмотрела на Инди.

— Кажется, пришло время для еще одного «мартини», — объявила Инди и жестом подозвала официанта.

После того, как мы получили по второму коктейлю, Дейзи продолжила:

— Мне не стыдно признаться, что мне уже давно не было так весело, как с тобой и твоими друзьями у Смити. То есть, конечно, до того, как в тебя выстрелили, — сказала она мне.

— Конечно, — подтвердила я.

Мы все осознавали ее откровения, пока делали по глотку второго коктейля.

— Как думаешь, мне стоит беспокоиться о Винсе? — спросила я.

Дейзи поморщилась.

— Винс — подлый, грязный ублюдок, извините за мой французский. Я бы не сказала, что он пойдет против Маркуса, но этот осел совершенно неспособен выдержать удар по своему мужскому достоинству, в данном случае, нанесенному буквально.

Затем она тихонько хихикнула, как колокольчик.

Я не была уверена, что это забавно.

Она поймала выражение моего лица и рассмеялась.

— Я попрошу Маркуса присмотреть за ним.

Эм, я не думала, что это хорошая идея. И не была уверена, что Эдди захотел бы видеть Маркуса членом моей Группы Защиты.

— Дейзи...

Она покачала своей пурпурной головой, погрозила мне пальчиком, и я замолчала. Не потому, что у меня не было аргументов, меня загипнотизировал ее очень длинный, смертельно заточенный ноготок с крохотными фальшивыми бриллиантами в форме четырехлистного клевера.

Она опустила палец, и мы все сделали еще по глотку коктейля.

Затем Дейзи спросила:

— Что ты собираешься делать со своим папой?

Я глубоко вздохнула и поделилась:

— Я тут подумала: он ведь играет в покер? — Инди и Дейзи кивнули. — Значит, решено. Мне нужно войти в игру и задать несколько вопросов. Может, кто-нибудь подскажет, где он.

Дейзи уставилась на меня так, словно я только что объявила о своем намерении вторгнуться в Никарагуа.

— Ты играешь в покер? — поинтересовалась она.

— Нет.

— Эти игры серьезны, подруга. Во-первых, тебя не знают и, вероятно, не подпустят к игре. Во-вторых, женщин за столом не любят. В-третьих, ты не сядешь за стол, если не знаешь, что делать.

Я так и думала.

— У меня есть план, — сообщила я. План был довольно глупый, но это все, что у меня было.

— Мы слушаем, — надавила Инди, когда я не продолжила.

— Ладно. Я думала надеть измененную униформу Смити; униформа обладает странной властью над мужчинами, так что, если бы я надела нечто подобное, возможно, меня бы впустили. Прежде чем отправиться туда, я бы прочитала книгу о покере, а затем... — я заколебалась, — затем, просто бы сделала это.

Дейзи снова засмеялась своим звонким, переливчатым смехом.

— Разве ты не прелесть? — сказала она, перестав смеяться.

Хм, похоже, мой план не сработает.

Затем ее взгляд стал серьезным.

— Я играю в покер. Я сяду за стол и никто не скажет мне ни слова. Вы с Инди пойдете со мной, а я буду задавать вопросы. Эти парни знают меня и начнут болтать, думая, что я спрашиваю для Маркуса. Мы узнаем, где твой папа, и во всем разберемся.

Я не была уверена, что это хорошая идея.

— Может, мне стоит попробовать сделать это самой, вы с Инди...

Дейзи покачала головой и со всей своей, как я заметила, обычной суровой честностью, сказала:

— Я не могу иметь детей, сладенькая, мы с Маркусом пытались два года. Но у меня есть материнский инстинкт, поверь мне, и эта Мама-Медведица не позволит, чтобы ее нового детеныша съели большие, плохие львы, *comprende?*

Я не была уверена, как все это сочеталось, но не собиралась ничего говорить.

— Будет весело, — сказала она, быстро сменив настрой, хотя быть съеденной большими, злыми львами не звучало весело. — Мы нарядимся, устроим из этого вечеринку. У вас двоих есть надеть что-нибудь блестящее? — Ее пурпурно-белокурая голова повернулась от Инди ко мне.

Я покачала головой, думая, что это может стать нашим выходом из этой ситуации, но Инди сказала:

— Помнишь Тода? — Дейзи кивнула. — Он трансвестит и щедро делится своим гардеробом.

Великолепно.

У этих двоих имелся ответ на все.

Дейзи отпила половину «мартини». Мое горло обожгло.

Проглотив, она заявила:

— Отлично. Сделаем это сегодня вечером.

Я поперхнулась «мартини».

Сегодня вечером?

— Думаю, у меня с этим проблема, — сказала я.

Инди и Дейзи повернулись ко мне.

— Эдди не в восторге от того, что я ищу папу, и я, вроде как, живу с ним. Сегодня вечером мы собирались за кофеваркой, а потом не знаю, чем мы будем заниматься. Не уверена, что смогу уйти.

— Оооу, кофеварка. Похоже, этот Эдди настроен серьезно, — заявила Дейзи.

Я бросила на нее Взгляд, и она хихикнула.

Инди откинулся на спинку диванчика.

— Вот тут-то я и вступаю в игру. Раньше меня все время наказывали. Возможно, я немного заржавела, но я была королевой побега. Предоставь это мне.

Вокруг нас вновь зазвенел смех Дейзи.

— С каждой минутой это звучит все лучше.

Не для меня.

Для меня с каждой минутой это звучало все страшнее, но у меня не было выбора. Если (в конце концов) я не хотела, чтобы меня изнасиловали, или снова стреляли, или чтобы я осталась в долгу перед новыми друзьями за спасение своей жизни и моей несколько запятнанной добродетели, я должна была действовать.

Итак, мы подняли остатки нашего второго «мартини» и выпили за наш план; Дейзи хихикнула, Инди ухмыльнулась, а у меня скрутило живот.

* * * * *

Час спустя мы медленно потягивали наш четвертый «мартини» (было достаточно и двух, а четыре было просто безумием), когда взгляд Дейзи остановился на чем-то за моим плечом, и она втянула воздух.

— О, Господи, если бы не Маркус, я бы за ним приударила.

Я оглянулась через плечо и увидела, как Эдди осматривает помещение. Его взгляд нашел меня, и он направился в нашу сторону.

Живот теперь скрутило от счастья.

Я проигнорировала его, повернулась и сказала Дейзи:

— Это Эдди.

Взгляд Дейзи упал на значок Эдди на поясе.

— Эдди, в смысле, Эдди Чавес? — спросила она, округлив глаза.

Я кивнула.

— Обычно я не люблю полицейских, но раз моя подруга крутит с ним роман, на этот раз я сделаю исключение.

Я почувствовала, как рука обхватила меня сзади за шею, и подняла голову, чтобы посмотреть вверх. Эдди низко наклонился и коснулся губами моих губ, отчего живот снова скрутило от счастья, затем Эдди выпрямился и посмотрел на Инди и Дейзи.

— Дамы, — поздоровался он.

Я представила Дейзи, она вложила свою руку в его и прямо сказала:

— Сахарный мой, да ты красавчик.

Эдди улыбнулся, но ничего не сказал. Да и что на такое скажешь?

Его взгляд обратился ко мне.

— Нам пора кое-что сделать, — напомнил он мне (будто я могла забыть).

Я встала и помахала девочкам.

— Я позвоню тебе позже, — сказала Инди, бросив на меня взгляд.

Я кивнула Инди, и Эдди повел меня из бара. На это ушло много времени, алкоголь хорошенько ударил мне в голову.

Когда я наткнулась на Эдди, он посмотрел на меня сверху вниз, его рука на моей спине скользнула к боку, и он притянул меня к себе, но продолжил идти.

— Ты пьяная? — спросил он, казалось, забавляясь.

— Может, совсем чуть-чуть, — призналась я, — видимо, следовало остановиться на третьем «мартини».

Мы вышли из бара и встали у грузовика Эдди, припаркованного у обочины. Он толкнул меня в него, положив руку мне на живот, и подошел ближе.

— Так ты говоришь, что не остановилась на третьем «мартини»?

Я замотала головой.

— И ты, может быть, совсем чуть-чуть пьяна?

Я кивнула.

Он придвинулся ближе.

— «Скучная» — моя задница, — пробормотал он.

Я склонила голову набок и включила Взгляд. Может, это действие третьего «мартини», а, может, второго глотка четвертого, но я была настроена решительно.

— Запомни мои слова, Эдди Чавес, и не говори, что я тебя не предупредила. Когда все это закончится, ты удивишься, какого черта со мной делаешь. Я скучная, скучная, скучная... с-к-у-ч-н-а-я. — Учитывая свое хмельное состояние, я была очень довольна тем, что смогла произнести «скучная» по буквам.

Его голова низко опустилась и приблизилась ко мне.

— Насколько сильно тебе нужен кофе по утрам? — спросил он.

Я моргнула, не поспевая за нитью разговора.

— А что?

— Думаю, в твоем состоянии я мог бы попытаться посмотреть, насколько скучной ты выглядишь голой.

Ой.

— Мне очень нужен кофе по утрам.

Он ухмыльнулся.

— Ясно, — сказал он.

Мы сели в грузовик, и Эдди тронулся с места.

— Что там был за взгляд? — спросил Эдди, когда мы выехали из центра города.

— Какой взгляд? — попробовала я изобразить невинность.

Естественно, от Эдди не укрылся взгляд Инди.

— Взгляд Инди, — ответил он.

Понимаете, о чем я?

— Я не видела, — солгала я.

— Какая же ты врушка, — пробормотал он.

На этот раз он не ошибся.

Мы приехали в магазин «Бест Бай» на бульваре Колорадо, и Эдди направился к кофеваркам. Я стояла в проходе, слегка покачиваясь, не только из-за «мартини», но и потому, что покупала с сексуальным парнем кофеварку в «Бест Бай». Я уставилась на множество кофемашин, будто одна из них сейчас отрастит зубы и укусит меня.

— Что ты хочешь? — спросил Эдди.

— Кофеварку, — ответила я.

— Да, — он ухмыльнулся, — но какую именно?

Я уставилась на них, быстро просмотрела ценники и указала на самую дешевую.

Эдди покачал головой и, все еще ухмыляясь, прошел мимо той, на которую я указала, и схватил программируемую «KitchenAid» на 14 чашек из ценового диапазона выше среднего. Это была не мать всех кофеварок, но и не что-то от чего можно воротить нос. Он сунул коробку под мышку, взял меня за руку и потащил по проходу.

— Что еще нужно, чтобы сделать тебя менее ворчливой по утрам? Блендер? Тостер? — перечислял он.

Я резко остановилась и уставилась на него.

— У тебя нет тостера? — воскликнула я в ужасе.

Он сменил направление и устремился к полкам с тостерами.

Мы заскочили ко мне домой и захватили кое-какие продукты (особенно кофе), а затем отправились к Эдди.

Он выгружал новые приборы, пока я распаковывала продукты. Затем я позвонила в «Famous» и заказала большую пиццу: одну половину по вкусу Эдди, другую — с тройным

сыром и грибами для себя. Эдди слушал, как я делаю заказ, пока подключал кофеварку, и его брови поползли вверх.

— Сыр — главное, — объяснила я.

Его глаза скользнули по моему телу, губы дрогнули, потом он развернул инструкцию к кофеварке. Я не была уверена, что это значит, но точно не собиралась спрашивать.

Оставив его разбираться с инструкцией, прошла в гостиную, села на диван и позвонила маме.

— Привет, мам, — поздоровалась я на ее ответ.

— Привет, куколка.

— Как у тебя дела?

Вошел Эдди, сел и включил телевизор. Переключение каналов перешло в режим гиперскорости.

— Мы с Тексом пьем самогон, — ответила мама.

Я сидела, откинувшись назад, но от ее слов резко выпрямилась.

— Ты не можешь пить самогон со своими лекарствами! — заорала я.

Эдди перевел взгляд на меня.

— Да мы по глоточку, — сказала мама.

— Прекрати пить, — приказала я.

— Кажется, я, вроде как, нравлюсь Тексу, — игнорируя мой приказ, прошептала она, а затем хихикнула.

Боже милостивый.

— Текс — псих, — сказала я ей.

— Он милый.

Текс?

Милый?

— Ты считаешь Текса милым? Сколько самогона ты выпила?

— Ой! Мне пора, Текс достал лазерные указки, и мы будем играть с кошечками. Люблю тебя. — Затем она отключилась.

Я выключила телефон и уставилась на него.

— Кажется, у Текса с мамой самое странное свидание в истории мира.

Эдди отложил пульт, забрал у меня телефон, положил его на кофейный столик рядом с пультом, а затем просунул руки мне под ягодицы и потащил через диван, перевернув так, что я оказалась у него на коленях. Он толкнул меня назад, выскользнул из-под меня, повернулся на бок и приподнялся на локте. Перевернул меня на бок, в то же время подался вперед, прижимаясь ко мне, схватил пульт, его глаза вернулись к телевизору, и, все еще обнимая меня, он снова начал переключать каналы.

Это был сложный маневр, но он справился с ним без особых усилий и полностью проигнорировал мой комментарий.

Я повернула голову, чтобы посмотреть на него.

— Эдди, ты меня слышал? Кажется, между мамой и Тексом что-то происходит.

Эдди не отрывал глаз от телевизора.

— Хорошо. Если Тексу чуток перепадет, это улучшит ему настроение, и я полагаю, что для твоей мамы тоже пришло время.

Ой!

— Ты это не всерьез, — сказала я.

Эдди нашел бейсбольный матч и бросил пульт на стол. Он посмотрел на меня сверху вниз.

— Она — женщина, и хорошенькая. Он — мужчина, и заметил это.

— Он не мужчина, он сумасшедший. У него есть дробовик и, думаю, еще и гранаты.

— Из того, что я слышал, слезоточивый газ тоже, — взгляд Эдди вернулся к телевизору. Ну, всё.

Я оттолкнулась и встала.

— Ну, всё, мы едем... уф!

Эдди обхватил меня за талию, усадил обратно на диван и перекатился через меня.

— У тебя и так достаточно поводов для беспокойства, *Chiquita*. Тебе не нужно выдумывать еще проблем.

Мои глаза расширились.

— Я ничего не выдумываю!

Его взгляд потеплел, веки чуть опустились, руки начали блуждать по мне, и у меня появились другие причины для беспокойства. Его губы принялись блуждать вслед за руками, и я совсем перестала беспокоиться о чем-либо.

— Если у них получится, Текс станет твоим отчимом, — сказал Эдди мне в шею, его рука скользнула мне под футболку.

Я думала об этом. На самом деле, мысль неплохая. Текс был сумасшедшим, но хорошим парнем.

— Он стал бы хорошим отчимом, — поделилась я на ухо Эдди и запустила руки ему под футболку.

Эдди посмотрел на меня сверху вниз.

— Иногда все получается странным образом. — Он прикоснулся к моим губам поцелуем, затем поднял голову и сказал: — Два месяца назад я не мог заставить тебя посмотреть на меня, теперь ты живешь со мной.

— Временно, — уточнила я.

— Пока я могу регулярно делать тебя милой, мне плевать.

У меня перехватило дыхание.

В дверь позвонили.

— Время для пиццы! — воскликнула я немного громко, учитывая, что его лицо было меньше чем в дюйме от меня.

Глаза Эдди загорелись, он улыбнулся, а затем поцеловал, все еще с улыбкой на лице (я ее чувствовала), заставляя разносчика пиццы ждать. Затем поднялся, оставив меня, тяжело дышащую, на диване и размышлявшую, что, пока Эдди регулярно целовал меня вот так, я и думать не хотела ни о чем временном.

* * * * *

Мы оба сняли обувь и устроились на диване.

Съели пиццу, Эдди выпил пару бутылок пива, и, поскольку я уже превысила свою дневную норму алкоголя (и должна была быть готовой ко всему, что принесет вечер), то пила диетическую колу. Некоторое время мы смотрели игру; я сидела рядом с Эдди, поджав босые ноги под себя, ноги Эдди лежали на столике.

Это было хорошо. Это было приятно. Это было так хорошо и так приятно, что я смогла бы к такому привыкнуть. Я знала, что не должна, но решила просто наслаждаться этим... на сегодня.

Именно в тот момент, когда Эдди убирал коробку с пиццей, зазвонил мой мобильный.

Это была Инди.

— Не говори, просто слушай, — приказала она.

О, нет. Началось.

— Хорошо, — ответила я.

— Около десяти Элли постучит в дверь. Эдди пойдет открывать. Ты будешь в спальне.

Оставь записку Эдди и вылезай в окно спальни. Ничего с собой не бери, только себя и сумочку. Обо всем остальном мы позаботились.

Боже милостивый. Это не походило на хороший план побега.

На самом деле, это звучало как ужасный, любительский план побега, который Эдди полностью разгадал бы.

Я услышала, как Эдди вернулся в комнату.

Я посмотрел на время на DVD-плеере. Было чуть больше девяти.

— Ты поняла? — спросила Инди.

— Ага.

— Десять часов, окно спальни. До скорого.

— Конечно.

Она отключилась, я тоже и положила телефон на кофейный столик.

— Все в порядке? — спросил Эдди.

— Да, — солгала я, стараясь не задыхаться.

— Уверена? — Эдди стоял у дивана.

Я подняла глаза и одарила его яркой, фальшивой улыбкой.

— Конечно, уверена, — снова солгала я.

Он бросил взгляд на мое лицо, его брови сошлись вместе, и я была почти уверена, что он снова скажет мне, какая я врушка.

Мне нужна причина, чтобы оказаться в спальне меньше чем через час.

Я всегда была хорошей девочкой, меня никогда не наказывали, у меня никогда не было причин изворачиваться. Мне, безусловно, не хватало практики.

Я встала и сделала все, что могла.

— Я иду спать, — объявила я.

Эдди посмотрел в сторону спальни, потом снова на меня, затем его глаза под нахмуренными бровями сузились.

— Спокойной ночи, — пробормотала я и направилась мимо него в спальню.

Вытащила из сумки пижаму персикового цвета. Она представляла собой эластичную майку на бретельках и легкие хлопчатобумажные брюки на завязках. Выглядело мило. Я купила ее себе на Рождество в прошлом году, но почти никогда не надевала.

Я сосредоточилась на своей пижаме и практиковалась в глубоком дыхании, когда вошел Эдди.

Я направилась в ванную.

— Тебе не обязательно идти в кровать, можешь досмотреть игру, — сказала я ему, собираясь пройти мимо него, но он схватил мою пижаму и отбросил ее, так что та приземлилась на мою сумку.

Остановившись, я смотрела за ее полетом.

— Я собиралась ее надеть.

Его руки скользнули вокруг моей талии, и он с бесстрастным выражением уставился на

меня.

Я затаила дыхание.

Наконец, он сказал:

— Кровать звучит неплохо.

Черт.

Он повел меня назад, его руки скользнули под мою футболку, потом вверх, а потом она исчезла.

Хм, похоже, все шло не по плану. Если я не смогу справиться с первой частью, как справлюсь с последней?

Я попробовала наугад:

— Эдди, я устала. Вымоталась. Долгие ночи, понимаешь?

Он стянул свою футболку и отбросил ее в сторону.

Я втянула в себя воздух.

У него была великолепная грудь, что тут сказать?

— Не волнуйся, *Chiquita*, всю работу сделаю я.

Ой!

Он расстегнул ремень на моих джинсах и толкнул меня назад, так что я упала на кровать. Это было нежно, но в то же время по-мужски, и я почувствовала, как заколотилось сердце и затрепетала киска.

Он потянулся к своему ремню, я услышала звон пряжки, и Эдди начал расстегивать пуговицы на джинсах. Я перекатилась и поползла по кровати.

— Я передумала, хочу увидеть конец игры, — солгала я в панике.

— Оставайся на месте, *Chiquita*, — сказал он, схватив меня за икры и потянув назад, а затем перевернув на спину. Прежде чем я успела возразить, он оказался на мне, его губы прижались к моим, и Элли, Инди, Дейзи и наши планы на вечер вылетели у меня из головы.

Все еще целуя, он расстегнул молнию на моих джинсах и проник мне между ног. Я прижалась к нему и скользнула руками в его джинсы сзади, ухватив его за первоклассную задницу. У него была лучшая задница, или, по крайней мере, лучшая из всех, что я когда-либо щупала.

Его пальцы проникли глубже, я прижалась к его руке, тяжело дыша ему в рот, и внезапно его палец скользнул внутрь меня.

Кислород в легких воспламенился.

— Боже милостивый, — выдохнула я, прижимаясь губами к его губам.

— Не хочешь рассказать, что произойдет сегодня вечером? — спросил он.

Мои глаза были закрыты. На его вопрос они распахнулись, и я заглянула в его глаза. Они полыхали огнем, но в них читалась решительность, и я знала, что он полностью раскусил меня.

Дерьмо и проклятье.

— Нет, — сказала я правду.

Его палец шевельнулся. Это было приятно.

Я прикусила губу.

— Мне нужно приковать тебя наручниками к кровати? — спросил он.

— Нет, — прошептала я, хотя он, вероятно, так бы и сделал.

Его палец вышел наружу, а затем вернулся обратно. Это было так приятно, что даже зашкаливало.

— Вы с Инди планируете натворить глупостей?

Я прижалась лицом к его шее и коснулась кожи языком, частично чтобы выиграть время, но в основном потому, что мне этого хотелось.

Я придерживалась честности, слишком возбужденная, чтобы придумать что-то еще.

— Возможно, — сказала я.

Его палец исчез, но только для того, чтобы покружить на комочке нервов чуть выше.

— Я смогу отговорить тебя от этого? — спросил он.

Одна моя рука скользнула от его задницы к промежности. Он был тверд. Я восприняла это как многообещающий знак.

— Наверное, нет.

Многообещающий знак оказался неверным, Эдди отвел бедра от моей руки и начал отстраняться.

Эм, нет.

Нет, нет и определенно нет.

Я перекатилась вместе с ним, толкнула его в плечи и забралась сверху, оседлав. Он резко поднялся, чуть не сбросив меня, но я держалась крепко. Сел на край кровати, а я сидела верхом у него на коленях. Посмотрев на него, я поняла, что он зол.

У меня сжалось сердце.

Я знала, что должна что-то сделать с его гневом, не только потому, что мне нужно было, чтобы Эдди закончил то, что начал, но и потому, что мне очень не нравилась мысль, что он злится на меня.

Я не знала, что делать, поэтому решила просто попросить.

— Я должна это сделать и хочу, чтобы ты понял, — прошептала я, — пожалуйста, не злись на меня.

Затем я пошла ва-банк, взяла его лицо в ладони, наклонилась и поцеловала. Мне кажется, это был первый раз, когда я сама поцеловала его, не в пылу страсти (ну, ладно, страсть была), а простым поцелуем.

Поцелуй оказался хорошей идеей.

Через мгновение его руки обхватили меня, одна рука скользнула в мои джинсы, другая расстегнула лифчик. Бретельки слетели с плеч, и Эдди прервал наш поцелуй и взял мой сосок в рот.

Было так приятно, что я выгнулась дугой, и мои пальцы скользнули в его волосы.

Он обхватил ладонью мою другую грудь и, запрокинув голову, посмотрел на меня.

— Сколько у нас времени?

В его глазах больше не было злости, и я улыбнулась ему. Потому что была счастлива, потому что он был хорошим парнем и потому что мне должно было немного перепасть.

— Элли постучит в дверь в десять, а потом я должна буду вылезти в окно.

Он покачал головой от нашей глупости, перевернул меня на спину, стянул джинсы с моих ног и отбросил их в сторону.

Мне хотелось подпрыгнуть от радости, но для этого пришлось бы встать, и я ни за что на свете не собиралась этого делать:

— Когда я с тобой закончу, можешь позвонить Инди и сказать ей, чтобы она подошла к двери с Элли.

Чтобы выразить свою признательность, я провела языком по его челюсти и сказала ему на ухо:

— Спасибо, Эдди.

— Уверен, ты можешь найти более творческие способы выразить свою благодарность.

Боже милостивый.

Я оттолкнулась ногой и перевернула его на спину. Мои волосы рассыпались вокруг нас, когда я подняла голову.

— Это я могу, — подтвердила я и была почти уверена, что смогу или, по крайней мере, смогу попытаться.

Поцелуями я начала прокладывать себе путь вниз от его груди.

— Утром тебе лучше быть здесь, — проворчал он, когда мои губы коснулись его пресса.

Я провела языком по поясу его джинсов, а он провел рукой по моим волосам.

— Я сварю кофе, — пообещала я.

— Плевать мне на кофе, я думаю о душе.

Покер и электрошокер

Мы собирались у Элли, и по прибытии я обнаружила, что для вечера переодеваний Инди привела Тода и Стиви.

Когда я вошла в парадную дверь, Тод, не сказав ни слова приветствия, оглядел меня с ног до головы и объявил:

— У меня есть как раз то, что нужно.

Затем порылся в куче платьев, отбросил в сторону туфли и смахнул боа из перьев, и бросил в меня нечто темно-синее. Я поймала платье и встряхнула его. Крошечное, эластичное, на тонких бретельках, расшитое миллионом синих круглых пайеток.

— Туфли! — воскликнул Тод, щелкнув пальцами Стиви, тот бросил на Тода взгляд, который мог соперничать со Взглядом Всех Времен, таково было его величие. Все еще бросая Взгляд, Стиви вышел вперед с подходящими по цвету туфлями на тонкой шпильке, со страшно заостренным носком и рядом таких же синих пайеток, что и на платье, нашитых поперек носка.

— Тод сначала нашел туфли, а потом сшил к ним платье, — сообщил мне Стиви.

— Я не могу надеть это платье, — прошептала я Стиви, — оно сшито для маленькой девочки.

— Оно тянется, — прошептал Стиви в ответ.

— Я вижу, — сказала я ему.

Да, оно было эластичным и прикрывало все, что должно было прикрывать (едва), и даже доходило до середины бедра (если я потяну его достаточно сильно).

Тод сделал мне макияж на пол тона ниже, чем при полном преображении в драг-королеву, а Дейзи уложила мне волосы единственным известным ей способом. Когда я посмотрела на себя, прическа у меня была в четыре раза более объемной, чем обычно. Я не походила на себя, а выглядела как красивая пустышка из рок-видео 80-х.

— Как ты сделала это с моими волосами? — обратилась я к Дейзи.

— С помощью волшебства, сладенькая, — ответила она.

Элли и Инди были в похожих нарядах. Инди в зеленой лайкре с вырезом, открывавшем больше, чем намек на декольте (намного больше). Элли в своем красном вязаном платье с воротником, как у водолазки, но без рукавов, и вырезом в виде капельки в районе декольте, и оно было таким коротким, что она не смогла бы наклониться, не сверкнув задницей.

— Мои детки! Я так горжусь вами. Вы похожи на мини-Бургунди, — воскликнул Тод, раскинув руки, чтобы обнять нас всех, а затем обнял по очереди. Его драг-имя было Роза Бургунди, и он выглядел так, будто нам грозила опасность отправиться с ним в турне по стране.

— Мы лучше пойдем, — быстро прошептала Инди, прежде чем Тод включит компакт-диск Тины Тернер и заставит нас практиковаться в исполнении «Proud Mary».

Стиви стоял в дверях.

— Ладно, девочки. — Он раздал нам сумочки. — Я все проверил: электрошокеры и шокеры заряжены, перцовые баллончики в пределах досягаемости. Надерите им задницы.

Боже милостивый.

Я взяла свою сумочку, поцеловала Стиви в щеку, и мы направились к «Мустангу». Мы

почти не могли втиснуть все наши волосы в машину, но, к счастью, наша скучная одежда уравнивала это.

— Джет? — спросила Инди, поворачиваясь с переднего пассажирского сиденья, чтобы посмотреть на меня, когда Элли поехала, следуя указаниям Дейзи.

— Да?

— Что ты имела в виду, говоря, что униформа Смити имеет странную власть над мужчинами?

Я пожалала плечами, потом поняла, что мои волосы скрывают плечи.

— Ты слышала Вэнса, — сказала я в качестве объяснения.

Она все не отворачивалась, и я чувствовала ее пристальный взгляд в темноте.

— На вечеринке Бланки ты сказала, что Эдди не в твоей лиге. Что это значит? — спросила Элли с водительского сиденья.

Дейзи сидела рядом со мной, и я слышала, как ткань ее платья (льдиисто-голубого, облегающего, ультра-мини с v-образным вырезом, открывающим большую часть ее пышного декольте) скользнула по сиденью, когда она посмотрела на меня.

— Ты так считаешь, сладенькая?

— Ну, — начала я, чувствуя неловкость, — да.

Дейзи расхохоталась.

Я посмотрела в сторону ее волос.

— Вне сомнения, он сладкий пирожочек, но вы, абсолютно точно, отлично смотрите вместе. Феноменально. Он весь такой высокий, темноволосый и красивый, а ты вся такая блондиночка, милая и хорошенькая. Идеальная пара. *Comprende?*

Я посмотрела в окно.

— Это просто потому, что я вам всем нравлюсь, — пробормотала я.

Я сказала так не для того, чтобы напрашиваться на комплименты, на самом деле, я вообще не хотела касаться этой темы.

Рука Дейзи крепко сжала мою.

— Сладенькая, ты мне, правда, нравишься, но я бы ни за что не направила свою подругу в мир страданий, если бы она связалась с каким-нибудь мудаком с головой в заднице.

Боже, Дейзи не стеснялась в выражениях.

— Ты великолепна, — вставила Инди.

— Пожалуйста, давайте не будем об этом, — попросила я.

— Эдди тоже так считает, — проигнорировала меня Инди.

— Эдди хочет меня спасти, — объяснила я.

Дейзи издала звонкий смешок.

— Эдди хочет гораздо большего, чем это. Ни один мужчина не покупает кофеварку с женщиной, которую он хочет спасти. Ни за что, никак. Он покупает кофеварку с женщиной, которую хочет трахать. Много. И очень длительное время, то есть не трахать ее длительное время, а быть с ней длительное время. *Comprende?* — спросила Дейзи.

Боже милостивый.

Как я могла не «comprende»?

— Вэнс считает тебя горячей штучкой, — вставила Инди.

— Это потому, что Вэнс видел меня в униформе Смити, — парировала я.

— Хэнк не видел тебя в униформе Смити, но считает тебя горячей штучкой, — вставила Элли.

У меня отвисла челюсть, и я увидела, как волосы Инди повернулись к Элли.

— Это он тебе так сказал? — спросила Инди.

— Слышала их разговор с Ли, — объяснила Элли.

— Святая корова, — выдохнула я в состоянии полного шока. — Правда?

— Правда. Не понимаю, разве ты не смотришься в зеркало? — спросила Элли.

— Тоже самое говорит и моя сестра, — сказала я ей.

— Сладенькая, надеюсь, ты не обидишься на мои слова, но твой папа бросил тебя, потому что он придурок, а не потому, что ты в чем-то плоха, и я заявляю тебе со всей серьезностью, что ты прекрасна. И это чистая правда, иначе Смити не принял бы тебя на работу, — заявила Дейзи.

Она говорила правду. Каждая девушка, работавшая у Смити, была сексуальной. Таково было требование.

— Я думала, Смити пожалел меня из-за мамы.

Дейзи отпустила мою руку и фыркнула.

— Смити дал бы тебе пятьдесят баксов и проводил до выхода. Он бы не надел на тебя шпильки и откровенный наряд и не заставил бы мозолить глаза посетителям в его баре. Суть в том, что все эти девушки должны возбуждать парней и заставлять их хотеть задержаться подольше, заказать напитки и насладиться шоу. Он не заработает денег, если вокруг будут одни простушки.

Я увидела, как волосы Инди кивнули.

Итак, все это имело для меня смысл, но я все равно испытывала неловкость.

— Ладно. Мы можем перестать обсуждать то, какая я горячая и как возбуждаю парней? — попросила я.

— Конечно, сладенькая. — Дейзи сдалась, будто ей было все равно. — Давай поговорим о твоём Эдди и его эрекциях. Скажи-ка, сбывается ли обещание того, что скрывается за ширинкой его джинсов? Пожалуйста, скажи мне, что это так. Было бы ужасно, если бы он засунул туда носок или еще что-то.

Я рассмеялась. Если бы Эдди засунул себе носок, его промежность входила бы в комнату раньше него.

— Никакого носка, и он настолько не разочаровывает, что это немного пугающе.

— Насколько пугающе? — спросила Элли.

— Умопомрачительно пугающе, — заверила я.

— Я всегда хотела знать, был ли Эдди хотя бы близок к обещанию Эдди, потому что обещание Эдди действительно чертовски горячее, — сказала Элли.

Я подумала об Эдди. Вспомнила, как мама опиралась на Эдди. Как Эдди настолько разозлился из-за меня, что вырубил Холостяка № 1 и швырнул телефон в кувшин с «маргаритой». Я подумала о руках и губах Эдди на мне. Об Эдди, двигающемся внутри меня. Об Эдди в душе. Я подумала о том, как прижималась к Эдди на диване.

Я глубоко и громко вздохнула.

Инди повернулась ко мне.

— Думаю, сказано достаточно.

— Верно говоришь, сестра, — согласилась Элли.

* * * * *

Игра проходила в месте, о котором я даже не знала, и куда никогда не захотела бы пойти снова. Мы поднимались к черному ходу серьезно не модного бара по едва освещенной

лестнице, которая ужасно смердила. Дейзи постучала в закрытую дверь, и когда ее распахнул здоровяк, он не выглядел счастливым, увидев ее. Потом скрыл свою реакцию и расплылся в улыбке.

— Дейзи! — прогромыхал он.

— Игра идет, Бутч? — спросила она.

— Конечно, Дейзи.

— Место для меня?

— Для тебя всегда найдется место, Дейзи. — Затем его взгляд остановился на Инди, Элли и мне, и я удивилась, почему он закончил фразу только на «Дейзи».

— Это мои подруги, они не будут играть, просто наблюдать.

Он переступил с ноги на ногу.

— Я не уверен насчет этого, Дейзи, — попытался Бутч.

— Куда иду я, туда идут и мои подруги, — обрубил она, вызвав у меня восхищение, хотя и напугала меня до чертиков.

Он был вдвое больше ее и намного выше всех нас. Я не знала, как войти туда, где меня не ждали, но ждали Дейзи, и у нас не было выбора, кроме как последовать за ней.

Мы все вошли (в этот момент, подражая Дейзи), и милая щебетунья Дейзи со звонким смехом исчезла. Теперь перед нами стояла Дейзи, которая может отвесить серьезный пинок под зад.

— Мальчики, — поприветствовала она, оглядывая стол.

Мужчины за столом уставились на нее.

Затем они уставились на нас.

Они не выглядели довольными.

Это была не совсем атмосфера «Одиннадцати друзей Оушена», где Брэд Питт учил мегазвезд играть в покер. В помещении было грязно, дымно, пахло потом, и мне не нравилась мысль о том, что мой отец болтается в подобных местах ночь за ночью. Мысль об этом просто удручала.

Игра закончилась, для Дейзи принесли стул, и она села; Бутч выдал ей фишки, взамен на пачку наличных. Мои глаза вылезли из орбит, когда я увидела пачку денег, но Дейзи повернулась ко мне, и я увидела, как ее волосы колыхнулись в знак «нет», и удержалась от того, чтобы вскрикнуть.

Инди, Элли и я тихо стояли в нескольких футах от стола. Никто не разговаривал, все внимание занимали карты. В первый раз Дейзи сбросила карты. Во второй потерпела поражение на блефе. В третий выиграла огромную сумму.

Пока шла четвертая раздача, она заговорила с мужчиной, сидевшим рядом с ней.

— Где Рэй сегодня вечером? — спросила она, как можно спокойнее, будто папа был частым гостем на званых вечерах.

— Без понятия, — пробормотал мужчина, не глядя на нее.

— Его ищет Маркус, — сказала она, и парень притворился невидимым.

— Думал, он уладил свои дела с Маркусом, — сказал другой мужчина.

— Это для нас новость, — ответила Дейзи.

— Рэй — тупой ублюдок, — сказал другой мужчина.

Может, я и злилась на папу, но мне не нравилось, когда кто-то называл его тупым ублюдком. Я напряглась, представив в руке электрошокер, и Дейзи, перейдя в режим Мамы-Медведицы, перевела взгляд на меня, ее волосы вновь всколыхнулись в знаке «нет».

Дейзи повернулась к Тупому Ублюдку:

— Ты знаешь, где он сегодня?

— Если бы он был умен, то был бы сейчас в Аргентине. Поскольку его там нет, он сидит за чьим-нибудь столом. — Он встретился глазами с Дейзи. — И нет, я не знаю, где.

Дейзи сбросила карты и проиграла огромную (и я думаю, нарочно) сумму. Затем она встала, подозвала нас и расплатилась с Бутчем. Мы вышли из комнаты, никто из нас не попрощался. Они не возражали против нашей невежливости.

Мы спустились в бар, заказали напитки и стояли там, стараясь не обращать внимания на пристальные взгляды, которые на нас бросали.

— Могу сказать, что ты нереально крутая, — сказала Элли Дейзи.

Мы с Инди кивнули.

Звонкий смех Дейзи вернулся.

— Спасибо, сладенькая, — хихикнула она.

— Ты нарочно проиграла последнюю раздачу? — спросила я.

Она кивнула.

— Не очень хорошо выходить победителем, если я не хочу создавать проблемы моему Маркусу.

Должна признать, это правда, она нереально крутая. Она знала всё.

— Мы все еще не знаем, где отец Джет, — отметила Инди.

Ладно, может, и не всё.

Дейзи залпом выпила водку со льдом.

— Вечер еще не закончился.

Мы направились к «Мустангу», и Дейзи дала Элли дополнительные указания. Мы направились в бар на Колфакс, в глубину Колфакс, туда, где я никогда раньше не была.

Войдя, я заметила, что здесь были представители смешанных рас, несколько белых, но преимущественно — черные. Несмотря на то, что мы были там не единственными белыми, мы были там единственными белыми, одетыми в обтягивающую лайкру и с достаточным количеством лака для волос, чтобы обеспечить чирлидерш «Денвер Бронкос» на весь сезон. Это вызвало некоторую реакцию, от которой волосы у меня на затылке встали дыбом.

Дейзи пронеслась через бар, будто это заведение принадлежало ей, прошла по заднему коридору и постучала в закрытую дверь.

Дверь открыла пышнотелая чернокожая женщина с прической афро еще объемнее, чем у Дейзи (излишне говорить, что прическа была огромной), и лицом походившим на грозовую тучу. Я втянула воздух и прижала сумочку плотнее, чтобы иметь возможность быстро достать перцовый баллончик. Затем грозовая туча рассеялась, и лицо женщины расплылось в яркой улыбке.

— Крошка Дейзи! — воскликнула она и вышла к нам в коридор, закрыв за собой дверь и заключив маленькую Дейзи в крепкие объятия.

— Ширлин. Как делишки? — спросила Дейзи, когда Ширлин отпустила ее.

— Черт, вечно творится куча дерьма. Ты же знаешь, — сказала Ширлин, улыбка не сходила с ее лица, что показалось мне странным, учитывая, что «делишки» были дерьмовые.

— Позволь представить моих подруг, — сказала Дейзи и представила нас друг другу.

— Оооо! Похоже, вы раскрашиваете городскую ночь в розовый цвет! — заявила Ширлин и окинула нас одобрителем взглядом светло-карих глаз. У меня возникло такое чувство, что на Ширлин были розовые очки Ады, или она преждевременно ослепла.

— Только таким и должен быть город, — сказала Элли.

— Твоя правда, сестра, — заметила Ширлин, и мы все ухмыльнулись.

Дейзи перешла к делу.

— Мы ищем Рэя Макалистера. Он здесь?

— Рэй? Я не видела Рэя пару дней. У него были проблемы, понимаешь, о чем я? — ответила Ширлин.

Волосы Дейзи закивали, как и мои, Элли и Инди. Мы знали, что она имела в виду.

— Это его дочка, — указала на меня Дейзи.

— Че-е-ерт! — взвизгнула Ширлин, и обратила на меня широко распахнутые, яркие и счастливые глаза. — Я так хотела с тобой познакомиться. О тебе все говорят. Слышала, ты врезала Фрателли по яйцам в пекарне. Жаль, что меня там не было. Ты могла бы продавать билеты на такое шоу.

— Это было, своего рода, под влиянием момента. Он назвал моего парня мексикашкой, — объяснила я.

Проклятье.

Я назвала Эдди своим парнем.

Улыбка Ширлин померкла, и ее глаза сузились.

— Гребаный мудака. Фрателли не большой поклонник и чернокожих братьев. — Она повернулась к Дейзи. — Вот Маркус — хороший человек, уважает братьев, ему самое время избавиться от Фрателли.

Волосы Дейзи снова закивали.

— Ширлин, если увидишь Рэя, ты мне позвонишь? — спросила Дейзи.

— Конечно. — Она коснулась дверной ручки. — Мне нужно возвращаться. Ступайте в бар, скажите, что все за счет Ширлин.

— Ты — персик, — прошептала Дейзи.

Ширлин исчезла за дверью. Мы вернулись в бар и сказали бармену, что Ширлин нас угощает. Без всяких споров он принялся готовить нам напитки.

— Что теперь? — спросила Элли, потягивая предназначенную трезвому водителю диетическую колу.

— Я знаю еще одно место, где играют, но там мне ни за что не позволят сесть за стол, а я бы ни за что не стала пытаться. Маркуса хватит удар, — ответила Дейзи.

Плохая новость. Это означало, что ночь оказалась неудачной.

Ни папы, ни контроля над своей жизнью, ни конца моему кошмару.

Так разодеться и все впустую.

Проклятье.

Я оглядела помещение и застыла, увидев Дариуса.

Он увидел меня в то же самое время и окинул взглядом Инди и Элли. Затем, не колеблясь, его рука потянулась к заднему карману джинсов, вытаскивая сотовый.

— Черт! — прошипела я, поворачиваясь к бару.

— Что? — спросила Инди.

— Дариус здесь, он видел нас и скажет Эдди, — я посмотрела на нее, — или Ли.

Инди огляделась, очевидно, увидела Дариуса и повернулась обратно.

— Черт! — тоже прошипела она.

— Пойду поздороваюсь, — заявила Элли.

Инди ее остановила.

— Нечего здороваться! Мы находимся во владениях Дариуса. Он не захочет, чтобы какая-то белоснежка в красном вязаном платье с задницей наружу подошла к нему здороваться.

— Это же Дариус, — возразила Элли, будто это все объясняло.

Вам кое-что нужно знать об Элли, очевидно, она ничего не боялась.

Дейзи посмотрела через барную стойку, смело уставившись прямо на Дариуса.

— Девочки, вы его знаете? — спросила она.

Мы кивнули.

Она повернулась к нам, суровая надеру-всем-зад Дейзи вернулась.

— В данный момент, сделайте вид, что вы с ним не знакомы.

Элли уставилась на нее.

— Без проблем, — согласилась Инди, притянув Элли обратно к бару.

К счастью, на этом все и закончилось.

Мы выпили водки. Наша с Инди была с клюквенным соком, у Дейзи — со льдом.

Вот и вся грандиозная, опасная ночь с девочками.

— Эй, сука!

Мы все обернулись, чтобы узнать, кто же эта сука.

К моему удивлению, эпитет «сука» относился к Инди.

Маленькая, круглая чернокожая женщина вторглась в пространство Инди.

— Помнишь меня?

Инди моргнула, глядя на нее.

— Эм... — пробормотала Инди.

Женщина посмотрела на меня.

— Она меня не помнит, — сказала она мне.

Я уставилась на нее.

Наверное, я ошиблась насчет завершения грандиозной, опасной ночи с девочками.

Женщина снова повернулась к Инди.

— Несколько месяцев назад ты вырубил меня шокером.

Дейзи, Элли и я посмотрели на Инди. На лице Инди отразилось узнавание.

— О-оу, — протянула Элли.

— Вот именно, сука, «о-оу», — рявкнула женщина, не сводя глаз с Инди.

Отрицательная энергетика, окутывающая нас, поднялась на градус выше.

— Ты кого «сукой» назвала? — потребовала Элли, упирая руку в бедро.

Ладно, а вот теперь мы достигли эпицентра серьезно дерьмовой ситуации.

Женщина переместилась в пространство Элли.

— Я тебя называю «сукой», сука.

Я подумала, что это неправильный ответ.

— Почему бы мне не угостить вас выпивкой? — влезла я, пытаюсь разрядить дерьмовую ситуацию.

— Не хочу я пить, — рявкнула она, не глядя на меня. — Никто не проявляет ко мне неуважения. Усекла? — Ее локоны подпрыгивали, когда она качала головой, и я не восприняла это как хороший знак.

— Не я ворвалась сюда, мешая людям отдыхать. Вот это — неуважение. Усекла? — вспыхнула в ответ Элли, волосы заколыхались вокруг ее головы, и каким-то образом дерьмовая ситуация стала еще дерьмовее.

— Дамы, — попыталась вмешаться я как раз в тот момент, когда кулак женщины полетел вперед.

Я пригнулась, она промахнулась и попала Дейзи прямо в глаз.

Я выпрямилась и уставилась на них.

Дейзи, пошатнувшись на своих инкрустированных стразами, льдисто-голубых туфлях на платформе, отступила на шаг.

Затем пришла в себя.

— О-оу, — в унисон протянули Инди, Элли и я.

И Дейзи набросилась на обидчицу.

Справедливо отметить, что в тот момент начался хаос.

Элли запрыгнула на клубок рук и ног, катающихся по полу Дейзи и чернокожей дамы. Тут подоспела подруга чернокожей дамы и толкнула Инди, и они сцепились. Остальные либо наблюдали, либо, подумав, что было бы забавно присоединиться, начали толкаться и колотить друг друга. Стоя посреди всего этого, я открыла сумочку, достала электрошокер и включила его. Он начал потрескивать и шипеть, что, как я поняла, означало его готовность к применению.

И не ошиблась.

Наклонившись, я коснулась им первой чернокожей дамы. Та пискнула и обмякла. Затем я дотронулась им до второй чернокожей дамы с тем же результатом, за исключением того, что она стояла, поэтому свалилась на пол, как мешок с картошкой.

Я посмотрела на электрошокер, затем перевела взгляд на Инди.

— Рок-н-ролл! — завопила Инди, вскинув вверх руку со знаменитым рок-н-ролльным знаком в виде дьявольских рогов.

Я выключила электрошокер, сунула его в сумочку, а затем помогла подняться Дейзи и Элли. Схватив Инди за руку, пустилась бежать, таща Инди за собой.

Я бросила взгляд назад на разрастающуюся драку и увидела, как Элли машет Дариусу.

Тот ухмылялся.

Мы сели в «Мустанг», и Элли с ревом стартанула с места.

Отъехав на пару миль, Инди сказала:

— Кажется, я порвала платье Тода, с ним случится припадок.

— Это пустяки, сладенькая, кажется, у меня может быть синяк под глазом, и что еще хуже, я сломала ноготь, — сказала Дейзи.

На мгновение воцарилась тишина.

— Справедливое замечание, — тихо сказала Элли.

— Согласна, сестра, — ответила Инди.

* * * * *

Сначала мы высадили Дейзи, потом Элли отвезла меня к Эдди.

Мы остановились у обочины, я сидела на переднем сиденье, и мы все посмотрели на дом Эдди. В комнате горел свет.

— Проклятье, черт, бл*ть, — прошептала я.

Момент, определенно, требовал нескольких ругательств.

На крыльце загорелся свет, входная дверь открылась, за ней — сетчатая дверь. Эдди стоял в открытой двери в джинсах и клетчатой фланелевой рубашке, ноги босые, рубашка расстегнута, грудь и пресс частично видны, волосы сексуально взъерошены, лицо непроницаемо.

— Святое дерьмо, — выдохнула Инди с заднего сиденья.

— Бл*ть, черт, проклятье, — прошептала я.

Я ошиблась, вот момент с несколькими ругательствами.

— Не знаю, пожалеть тебя или оглушить и занять твое место, — заявила Элли.

— Наверное, в следующий раз он прикует меня наручниками к кровати, — сказала я.

— Ли пробовал это со мной, не сработало, — вставила Инди.

Эм... ой!

— Думаю, тебе лучше пошевеливаться, напарница. Он не выглядит так, будто будет ждать еще долго, и не уверена, что ты захочешь знать, что он сделает, когда время ожидания истечет.

Я выбралась с переднего сиденья, Инди выбралась с заднего, и наши волосы были вынуждены выйти вместе с нами.

Я обняла Инди.

— Спасибо, — шепнула я ей на ухо.

— Было потрясно, — шепнула она мне.

Я наклонилась, отчего платье задралось, быстро одернула его, прежде чем разразится катастрофа, и помахала Элли. Она послала мне воздушный поцелуй.

Затем я направилась к Эдди.

Он отступил в сторону и позволил мне войти.

— Привет, — бросила я, проходя мимо, удивляя саму себя тем, что звучала круто, а не испуганно.

Его глаза просканировали мое тело. Затем он медленно покачал головой.

Ладно, с меня хватит быть крутой.

Я направилась напрямиком в ванную, оставив его запирать дверь.

Я умылась и провела щеткой по волосам. С усилием она превратила меня из Причудливой Дивы в Ангела Чарли.

Когда я открыла дверь ванной, в доме было темно, из спальни лился тусклый свет.

Эдди лежал в постели, на боку, укрытый одеялом до пояса, грудь обнажена, рука подпирает голову, глаза не отрываются от меня, выражение лица по-прежнему непроницаемо.

Ой!

Я выключила свет, скинула туфли, стянула платье и надела пижамную майку, которая все еще лежала на моей сумке, но оставила штаны на другой день.

Я забралась в кровать и устроилась спиной к нему.

Эдди не пошевелился.

— Спасибо, что впустил меня, — сказала я стене, пытаюсь оценить настроение Эдди.

Ответа не последовало.

— Спокойной ночи, — попыталась я.

Он пошевелился, устраиваясь поудобнее, очевидно, на спине, но не прикоснулся ко мне и не заговорил.

Хмм.

С этим у меня возникло несколько проблем. Во-первых, сон совершенно ко мне не шел из-за нереальной волны адреналина, с которой нужно было как-то разобраться (и я знала, как бы предпочла это сделать). Во-вторых, я была слишком чертовски застенчива, чтобы предпринять что-то самой и сделать первый шаг. И последнее — почти уверена, Эдди

злился, так что даже если бы я не была слишком застенчива, он явно был не в настроении.

Вместо этого я ерзала, ворочалась и пыталась считать овец.

Когда я в третий раз поправляла подушки, Эдди дотянулся до меня и потащил через всю кровать и прижал к себе.

Наконец-то.

— Дождалась? — спросил он.

— Эм... да.

— Это все от того, что ты вырубил разгневанных чернокожих женщин в баре на Колфакс.

Великолепно.

Дариус меня сдал.

— Дариус, — сказала я.

Эдди не ответил.

— Я пыталась выступить посредником, клянусь. Даже предложила угостить ее выпивкой. Но, судя по всему, несколько месяцев назад Инди ее вырубил шокером. Потом она назвала Элли сукой, что Элли не понравилось. Потом она врезала Дейзи в глаз. Затем Дейзи прыгнула на нее, а Элли прыгнула на них, и они начали кататься по полу. Потом какая-то другая женщина толкнула Инди и...

— Можешь уже перестать болтать, — перебил меня Эдди.

Я захлопнула рот и секунду лежала, прижавшись к его теплоте, твердому телу.

Затем (клянусь, я ничего не могла с собой поделать из-за адреналина и, возможно, моей новообретенной крутости) я провела рукой по его груди, по прессу, снова по груди, возможно, несколько целенаправленно зацепив ноготком его сосок.

Он схватил меня за запястье и удержал мою руку на месте.

— Ты устал? — прошептала я.

— Уже больше часа ночи, — ответил он, не отвечая прямо на мой вопрос.

Поразмыслив об этом, я пришла к решению.

— Я сама сделаю всю работу, — тихо отозвалась я.

Он не ответил и не пошевелился.

Проклятье.

Наконец, он сказал:

— Пожалуйста, скажи, что у тебя не было возможности наклоняться в этом платье.

Я быстро проиграла в памяти события этой ночи.

Нет, я не наклонялась.

За исключением, конечно, того момента, когда наклонилась, чтобы воспользоваться электрошокером.

Этим я с Эдди не поделилась.

— Я даже не садилась нигде, кроме «Мустанга».

Он ничего не сказал.

Я заерзала.

— Эм... — протяжно замычала я. — О том, что я делаю всю работу?

Он притянул меня к себе, его руки скользнули вниз по моей попке, по задней части бедер и подхватили под колени, подтягивая так, чтобы я оседлала его.

Мои губы нашли его в темноте.

— Могу я расценить это как «да»? — уточнила я.

Он не ответил, но стянул с меня майку.

Я предполагала, что ответ — «да».

Судя по произошедшему дальше, моя догадка оказалась верной.

Лотти

Прозвенел будильник, Эдди нажал кнопку и скатился с кровати.

Я натянула одеяло на голову. Может, если спрятаться, он забудет о моем присутствии.

Одеяло с меня сдернули, схватили за руку и вытащили из постели.

— Разве ты не слышал, что я говорила о повторе будильника? — спросила я, когда он повел меня через комнату.

— Хорошо, что ты такая чертовски красивая, *Chiquita*, потому что в большинстве случаев ты — заноза в заднице.

* * * * *

Кофе варить мне не пришлось. Накануне вечером Эдди запрограммировал кофеварку, и когда я зашла на кухню, кофейник был полон до краев; целых четырнадцать чашек горячего, свежесваренного напитка.

Райское блаженство.

Я выпила две чашки, пока собиралась, и приготовила одну для Эдди.

Налила нам обоим по дорожной кружке, мы погрузились в грузовик, и Эдди отвез меня к «Фортнуму». Он поцеловал меня, глубоко, но быстро, пока мы сидели в грузовике перед магазином. Он оставался у обочины, наблюдая, пока я не подошла ко входу. Открыв дверь, я помахала ему и переступила порог магазина. Он кивнул, надел очки и уехал.

Затем я перевела взгляд к стойке с эспрессо. Дюк и Джейн, никакого Текса.

Мое сердце заколотилось, а затем остановилось.

— Где Текс? — спросила я.

Следом за мной вошел первый посетитель.

— Не здесь, — сказал Дюк.

— То есть «не здесь»? — потребовала я.

Дюк огляделся.

— А то и есть... не... здесь.

— Он всегда в магазине, — не унималась я.

— Ну, а сейчас его нет, — ответил Дюк.

— Бл*ть! — крикнула я, и покупатель повернулся и уставился на меня. — Извините, — пробормотала я, поставила дорожную кружку на книжный прилавок и достала сотовый.

Я позвонила маме на мобильный, но меня перекинуло на голосовую почту.

Я оставила сообщение: «Позвони мне, как только получишь это».

Затем отключилась, пролистала контакты и позвонила Тексу.

У него не было автоответчика, поэтому, после того, как я прослушала около двадцати гудков, мне пришлось повесить трубку.

Потом я набрала его снова.

На седьмом гудке он ответил.

— Чего? — его гулкий голос звучал приглушенно.

— Текс? Ты где?

— Похмелье, — буркнул он.

— Мама не отвечает на звонки, где она? С ней все в порядке?

— С ней все в порядке.

Затем он повесил трубку.

Я уставилась на телефон.

— Текс только что повесил трубку, — сказала я Дюку и Джейн.

Они посмотрели на меня.

— Говорит, у него похмелье, — продолжила я им объяснять, когда вошел второй посетитель.

— Может, так оно и есть, — предположила Джейн.

Я пролистала до номера Эдди и нажала зеленую кнопку.

— Да? — ответил он.

— Привет, это я.

— Да?

— Джет, — уточнила я, чтобы он точно знал, с кем разговаривает.

Небольшая пауза, затем:

— *Chiquita*, я в курсе, что это ты.

Я слышала в его голосе улыбку, от которой у меня скрутило живот, хотя я находилась на грани нервного срыва.

Я проигнорировала спазмы в животе.

— У нас кризисная ситуация, — сообщила я.

Еще одна пауза.

— Разве я не высадил тебя минут пять назад?

— Да.

— Как у нас может возникнуть кризисная ситуация спустя пять минут?

— Текса нет на работе. Он говорит, что у него похмелье.

— Так, может, у него на самом деле похмелье, — ответил Эдди.

— Он не может мучиться похмельем и защищать маму! Он провалит работу. Мама должна переехать к нам.

Снова тишина, затем:

— Твоя мама не переедет к нам.

При этом замечании в его голосе не слышалось улыбки.

— Тогда мы должны переехать ко мне.

— В прошлый раз, когда я остался у тебя на ночь, твоя мама постучала в дверь, когда мои руки были у тебя в трусиках. Мы не переедем к тебе, и твоя мама не переедет ко мне.

— Эдди!

— Джет, мой план преследует две цели. Первая — обеспечить тебе и твоей маме безопасность. Вторая — обеспечить нам немного уединения и времени, чтобы узнать друг друга лучше. Переезд твоей мамы спустит вторую цель в унитаз.

— Мы можем узнавать друг друга лучше с мамой рядом.

— Не в том смысле, как я хочу, чтобы мы узнали друг друга.

Живот снова скрутило, и я почувствовала спазмы в трех разных местах. Вздохнув, я отмахнулась от этих ощущений.

— Если бы мама жила с нами, держу пари, ты бы нажал кнопку повтора на будильнике, — огрызнулась я.

— Да, но тогда у нас не было бы времени на долгий душ.

Боже милостивый.

Должна признать, мне нравился долгий душ, по крайней мере, мне нравился долгий душ

с Эдди.

Этого я Эдди не сказала.

Вместо этого я заявила:

— Я почти уверена, что ты мне не нравишься.

На что он ответил:

— Ты такая врунишка.

Улыбка вернулась в его голос.

Я вздохнула и отключилась. А что еще я могла сделать?

* * * * *

Инди вплыла в магазин ближе к обеду.

— Как все прошло с Эдди? — поинтересовалась она, бросая сумку в запираемый ящик за книжным прилавком.

— Дариус донес на меня, — ответила я.

Она кивнула.

— И на меня тоже.

— Как Ли это воспринял?

— Ли привык к тому, что я творю безумное дерьмо. Но я хочу знать, как это воспринял Эдди?

— Ему не понравилось, но он смирился.

По какой-то причине от этого я почувствовала себя счастливой и улыбнулась Инди.

В ответ она улыбнулась.

* * * * *

Полчаса спустя вошел Вэнс с еще одним парнем Ли по имени Мейс. Мейс появлялся здесь не очень часто. По словам Инди, он больше любил ночное время. Ростом Мейс был, должно быть, шесть футов три дюйма, обладал телом убийцы, — что, судя по всему, являлось обязательным требованием для команды парней из «Расследований Найтингейла», — черными волосами, нефритовыми глазами и челюстью такой квадратной, что ею можно было пользоваться на уроке черчения.

По информации от Инди, в Мейсе текла кровь уроженца Гавайев, и он предположительно был первоклассным серфером. Ничего удивительного. Даже для крупного парня, Мейс обладал грацией первоклассного спортсмена, который знал, как управлять своим телом. Он бросил серфинг, когда открыл для себя сноубординг. Затем потерял интерес к доскам, когда с его сестрой случилось что-то очень плохое. Из этой игры он вышел, но нашел себе другое развлечение. Теперь, он разыскивал для Ли людей и надирал кому нужно зад, когда было настроение (а оно было почти всегда).

Инди не знала, что произошло с сестрой Мейса, кроме того, что это было что-то серьезное, отчего Мейс постоянно пребывал в дурном настроении.

И еще одно, Мейс был горячим. Все парни Ли были горячими в том или ином смысле, но Мейс немного отличался от всех остальных. Мейса окружала аура таинственности.

Через десять минут после того, как Мейс и Вэнс уютно устроились на диванах с кофе, вошли Ли и еще один из его парней, Мэтт.

— Посиделки, — пробормотал Дюк, глядя на парней, и Инди, Джейн и я наблюдали, как Мэтт отделился, чтобы присоединиться к Вэнсу и Мейсу, а Ли направился заказывать кофе.

Иногда Ли устраивал посиделки в «Фортнуме». Я не знала причин и не спрашивала, не

в эти моменты держалась подальше.

Важность их посиделок возросла с появлением Хэнка, который даже не потрудился заказать кофе. Хэнк был полицейским, а не одним из парней Ли, и его присутствие придавало всему официальный характер.

Это также вывело коэффициент сексуальности зоны отдыха «Фортнума» на неизведанные высоты.

— Ох, — выдохнула Инди.

Ей бы можно было повторить это снова, но только в хорошем смысле.

Прозвенел дверной колокольчик, и я подняла взгляд.

Текс вкатил маму на кресле.

— Привет, куколка, — окликнула мама.

— Я с тобой не разговариваю, — крикнула я в ответ достаточно громко, чтобы Команда Горячих Парней затихла и посмотрела в мою сторону. Я их проигнорировала. — И тем более с тобой! — обратилась я к Тексу.

— Что я такого сделала? — спросила мама, округлив глаза.

— Не лечи мне мозги, Чокнутая, — прогремел Текс, но тихо (не спрашивайте меня, как ему это удалось). — Я не в настроении.

— Ты напоил мою маму! — гаркнула я, уперев руку в бедро (откуда у меня появился этот жест, я не знала, но мне нравилось).

Текс поморщился:

— И прекрати орать.

— Я не ору! — проорала я.

Они добрались до меня. Мама схватила меня за руку, полностью проигнорировав мою вспышку, и прошептала:

— Текс научит меня варить эспрессо, капучино, латте, всё-всё. Он говорит, что есть сиропы, с по меньшей мере, дюжиной вкусов, даже с жареным зефиром! Ведь так, Текс?

Ее глаза сияли.

Боже милостивый.

— Да, Нэнси, — ответил Текс и развернул маму от того места, где я стояла посреди магазина, и покатил за прилавок с эспрессо.

— Нэнси? — спросила я, полуобернувшись, чтобы проследить за их продвижением.

Мама одарила меня своей кокетливой улыбкой.

Текс нахмурился.

— Тебе что, совсем заняться нечем? — спросил он.

Я открыла рот, чтобы ответить. Не знаю, что именно, но хоть что-то, когда дверной колокольчик прозвенел снова. Я посмотрела в сторону входа, и в магазин вразвалочку вошел Смити.

Мой взгляд переместился на него.

— Я с тобой не разговариваю! — заорала я.

— Че-е-ерт, сучка. В чем твоя проблема? — парировал Смити.

— Ты меня уволил! — рявкнула я.

Его руки опустились по бокам.

— Я тебя не увольнял. Всего лишь отправил в гребаный незапланированный неоплачиваемый отпуск.

— Да, ты меня уволил! — огрызнулась я в ответ.

— Судя по твоему настроению, ты еще не разобралась со своим дерьмом, — заметил Смити.

— Нет, не разобралась. Я работаю над этим, ясно?

Он подошел ко мне и протянул конверт.

— Твои чаевые с субботы.

Я моментально притихла. Это было очень мило с его стороны — проделать весь путь до «Фортнума», чтобы отдать мне чаевые.

Я взяла конверт.

— Спасибо, — пробормотала я.

— Там еще кое-что от девочек и вышибал. Они скинулись немного, зная, что ты нуждаешься, — сказал он.

Проклятье.

Вот и полагайся на мою удачу: спустя двадцать восемь лет люди делали для меня что-то хорошее, а я устраивала им сцену.

Я почувствовала, как слезы подступают к горлу, и проглотила их.

— Не знаю, что сказать, — пробормотала я, засовывая конверт в задний карман.

— Может, «спасибо»? — снова рявкнула мама из-за стойки с эспрессо, используя Голос: — Можно подумать, я плохо ее воспитала, — посетовала она Тексу.

— Это твоя мама? — спросил Смити.

Мне не представилось шанса ответить, так как колокольчик над дверью прозвенел снова.

И, обернувшись, я увидела в дверях свою сестру Лотти.

Она была одета в облегающие черные джинсы и черную майку с эмблемой «Audi», натянувшуюся на ее груди четвертого размера. У нее был сногсшибательный загар, а светлые волосы собраны на затылке в свободный пучок, выглядящий сексуально и небрежно. У нее всегда так получалось.

— Иииии! — завизжала я от волнения при виде ее, и забыв обо всех: Тексе, Дюке, Смити, Джейн, Инди, маме и Диких Красавчиках Коммандос. Я рванула с места и бросилась к ней.

Лотти тоже завизжала, и мы принялись обниматься, раскачиваясь из стороны в сторону и громко смеясь.

Подъехала мама и встала с кресла, чтобы обнять свою Лотти. Лотти помогла ей сесть обратно, затем повернулась и сверкнула отбеленными зубами, улыбнувшись мне.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, все еще улыбаясь.

— Мне позвонила Лавонн, затем Трикси, потом снова Лавонн и, наконец, мама, — сообщила Лотти.

Моя улыбка погасла, а вместе с ней и мое волнение при виде Лотти.

— И что они сказали? — спросила я.

Улыбка Лотти тоже погасла.

— Они рассказали, что происходит.

Великолепно.

Моя рука вернулась на бедро.

— Они не должны были этого делать.

Ее рука тоже коснулась бедра.

— Почему это? Нет, подожди, почему ты мне не сказала?

— Я со всем справлялась.

Она толкнула меня в плечо.

Я замерла.

— Ни с чем ты не справлялась, сумасшедшая стерва, — сказала она.

— Именно так я и сказал, — влез Смити.

Лотти даже не знала, кто он такой, но кивнула ему.

Я перешла в режим Двойной Угрозы и уперла вторую руку в бедро.

— Я справлюсь.

Она снова толкнула меня в плечо.

— Не пихай меня, — рявкнула я, толкая ее в ответ.

— Девочки, — предупредила мама.

Как и всю нашу жизнь, мы проигнорировали ее.

— Ты сумасшедшая, — сказала мне Лотти. — С тобой происходит такое дерьмо из-за папы, и ты работаешь в баре с сиськами!

Я снова толкнула ее.

— Нет ничего плохого в том, чтобы работать в баре с сиськами, — возмутилась я.

— Нет, ты права, нет ничего плохого в том, чтобы работать в баре с сиськами, за исключением того, что это *ты* работаешь в баре с сиськами. Ты не из тех девушек, которые работают в баре с сиськами.

Она толкнула меня, а потом дернула за волосы.

— Что это значит? И не дергай меня за волосы. — Я дернула ее за волосы в ответ.

— Девочки, — повторила мама, по собственному опыту понимая, что дерганье за волосы означало серьезную эскалацию военных действий.

— Буду дергать, если захочу! — Она дернула снова, а я толкнула ее. Она проигнорировала мой толчок и продолжила: — Вечно взваливаешь все на свои плечи, не звонишь, не говоришь мне, что тебе нужны деньги, устраиваешься на две работы. Идиотка.

— Я не идиотка! — заорала я.

— Идиотка! Ты должна была позвонить! — крикнула она в ответ.

— Я не хотела тебя беспокоить. Хотела, чтобы ты жила своей жизнью.

— Моя жизнь — это вы с мамой, глупая. — Затем снова толкнула меня. — Я возвращаюсь в Денвер.

Я толкнула ее в оба плеча.

— Нет! — крикнула я.

Она схватила меня за волосы, дернула и не отпустила.

— Да! — крикнула она.

Затем мы упали, в основном, дергая друг друга за волосы и веревца: «Отпусти!», но также катались по полу, она укусила меня за плечо, и я двинула ей локтем в ребра. Ничего такого, чего бы мы не делали раньше, хотя в последний раз такое происходило в младших классах.

Внезапно мы промокли до нитки. Замерев, посмотрели вверх, где мама держала пустой пластиковый кувшин. Затем посмотрели вниз на себя. Мы промокли насквозь. Лотти выглядела ничего, на ней-то уже была обтягивающая черная майка. Хотя по щекам спускались потеки туши.

А вот на мне была белая футболка с длинными рукавами и круглым вырезом, которая от воды стала практически прозрачной. На мне также был мой самый кружевной бюстгальтер,

которые теперь могли видеть все, но, слава Богу, он не обнажал всю грудь.

— Мои дочери катаются по полу кофейни. Боже милостивый, вставайте, — рявкнула мама, поднимаясь с кресла и используя Угрожающую Позу, даже одной рукой, намного лучше меня.

Мы встали.

Я повернулась к Лотти.

— Ты, правда, переезжаешь в Денвер? — спросила я.

— Да, — подтвердила она.

— Но ведь ты любишь Лос-Анджелес, — возразила я.

— Мы с Джонни расстались. Без Джонни в Лос-Анджелесе дерьмово, и я скучаю по горам. Я возвращаюсь домой.

Она улыбнулась мне.

Она скучала не по горам, она скучала по своей семье.

Я улыбнулась в ответ.

Должна признать, было бы здорово, если бы Лотти жила дома.

— Нужна работа? — Внезапно рядом возник Смити.

Боже милостивый.

Насквозь промокшая и наплевавшая на всё, я представила их друг другу.

— Смити — мой босс в стрип-клубе. Смити, это моя сестра Лотти.

— Я знаю, кто она такая, черт возьми. Лотти Мак, королева календаря «Корвет», — сказал он мне и повернулся к Лотти. — Будешь танцевать в моем клубе, я сделаю тебя гребаной знаменитостью. Ты станешь гвоздем программы. Я переоборудую сцену для твоих танцев. Мне придется купить гребаную бархатную веревку и нанять новых вышибал. Че-ерт, ты будешь водить «Порше» через неделю.

Лотти посмотрела на него.

— Мне подходит, — сказала она, как ни в чем ни бывало.

— Что? — заорала я.

Смити повернулся ко мне.

— Если включишь сейчас режим сестры, я прерву твой незапланированный отпуск и включу тебя в свое гребаное завещание.

— Я не танцую у шеста, — крикнула я.

— Ладно, остынь. Ну и дела, — сказал Смити.

Именно тогда я испытала некое ощущение, скользнувшее по коже, — оно не было неприятным, но несколько пугающим, — я подняла взгляд и увидела, как вся Команда Красавчиков наблюдает за мной, сверкая ухмылками.

— На что уставились? — рявкнула я, не обращая ни к кому конкретно.

Не спрашивайте меня, почему я не убежала и не спряталась за книжными полками. Видимо, это уже была не я.

— Детка, ты только что сделала меня постоянным клиентом, — заявил Мейс.

Я сверкнула глазами, и его ухмылка превратилась в улыбку. Я никогда не видела, чтобы Мейс улыбался, даже никогда не видела, чтобы Мейс ухмылялся, и почувствовала, как мои соски затвердели.

Лотти, наконец, заметила парней, и у нее отвисла челюсть.

— Боже милостивый, — прошептала она.

— Не обращай на них внимание, — сказала я, — они здесь все время.

Лотти медленно повернулась и посмотрела на меня.

— И ты скрывала от меня *такое*? — возмутилась она. — Надо было укутить тебя сильнее.

* * * * *

Инди отвезла нас в свой дуплекс, переодела в сухую одежду. К сожалению, на щеках у меня тоже остались разводы от туши, поэтому мы также быстро подправили макияж.

Пришедший Тод объявил, что в «Кинг Суперс» распродажа, и Стиви купил годовой запас нарезки из индейки, так что мы все переместились на их сторону дуплекса, чтобы поесть швейцарских сэндвичей с индейкой.

Пройдя через заднюю дверь на кухню, мы столкнулись с чау-чау, маленькой для своей породы, с огромной гривой, но почти полностью побритой. Она походила на миниатюрного бежевого льва... с характером. Она дважды гавкнула, при этом ее передние лапы оторвались от пола, и когда она приземлилась, коготки клацнули по плитке. Затем она подбежала к каждому из нас по очереди, тыкаясь головой в наши голени.

Я опустила на колени, чтобы ее потискать, и она, тяжело дыша мне в лицо, позволила это, будто удостаивая чести коснуться священного сокровища. После чего выбежала из кухни, виляя пушистым хвостом на своей лысой попке.

— Это наша собака, Чаулина, — улыбнулся мне Тод сверху. — Ты ей нравишься.

* * * * *

Мы сидели за обеденным столом, Лотти, Инди и Тод сравнивали техники удлинения ресниц, когда зазвонил мой телефон.

На экране было написано: «Дейзи».

Я нажала «ответить».

— Привет, Дейзи.

— Привет, сладенькая, как дела? — спросила она.

— Ну, думаю, у мамы сейчас самое длинное свидание в истории человечества с сумасшедшим бывшим заключенным, ветераном Вьетнама, у которого есть дробовик, гранаты, слезоточивый газ и двадцать пять кошек. А я оказалась в мокрой футболке из-за потасовки на полу «Фортнума» с сестрой, только что приехавшей из Лос-Анджелеса. О, и мы подрались на глазах у большинства парней Ли Найтингейла.

Тишина.

— Дорогая, ты знаешь, как жить, — наконец, ответила Дейзи.

— Обычно я очень скучная, — сказала я ей.

Она рассмеялась своим звонким смехом. Тоже мне не поверила.

— А как дела у тебя? — поинтересовалась я.

— Мне позвонила Ширлин. Ходят слухи, что Рэй сегодня будет играть у нее.

Я посмотрела на Инди, Тода и Лотти, и мои глаза расширились.

— Девочки, готовы для очередной вылазки? — услышала я Дейзи:

— Подожди секунду. Инди рядом со мной, позволь мне спросить.

Я пересказала разговор всем. Инди и Тод улыбнулись, Лотти выглядела сердитой.

— Папа — говнюк, — сказала Лотти.

— Вы в деле? — спросила я.

Тод и Лотти кивнули.

— У Элли сегодня смена в «Брате», но я свободна, — ответила Инди.

Элли работала барменом в баре «У Моего Брата». Обидно, что она не сможет пойти, но

я подумала, что компания Лотти и Тода была почти равной ей.

— Элли работает, но Тод хочет пойти, и моя сестра тоже, это нормально? — сообщила я Дейзи.

— Замечательно, дорогая. Не могу дождаться встречи с твоей сестрой, — ответила Дейзи.

— Возможно, ты ее знаешь — Лотти Мак, королева календаря «Корвет».

— Ни хрена себе? Конечно, я ее знаю, сладенькая, она — знаменитость.

Я ухмыльнулась своей сестре.

— Да, — гордо подтвердила я.

Затем замешкалась.

— Не возражаешь, если мы оденемся в свою одежду? — спросила я.

Еще больше хихиканья.

— Конечно, только если на вас будет немного блеска.

Я подумала, что могла бы немного принарядиться.

— Скажи ей, что встречаемся здесь, — вмешался Тод.

— Тод говорит, что мы встретимся у него дома. — Я назвала ей адрес и отключилась.

— Ты готова к этому? — спросила я Лотти.

— Готова ли я надрать папе зад? Да, черт возьми, — ответила Лотти.

Я закатила глаза.

Инди и Тод улыбнулись друг другу.

Полагаю, Лотти получила их одобрение.

Мой телефон снова зазвонил.

На экране высветилось: «Эдди».

— О-оу, — протянула я, увидев имя.

— Эдди? — тут же поняла Инди.

— Это твой новый парень? — спросила Лотти.

Тод кивнул.

Я все еще не была готова полностью подтвердить статус Эдди, как «моего парня», я назвала его так однажды, и этого было достаточно.

— Кто донес на меня на этот раз? — спросила я, держа телефон в руке.

— Полдюжины человек, выбирай сама, — сказала Инди.

У меня хреновая жизнь.

— Алло? — сказала я в трубку.

Мое «алло» было встречено молчанием.

— Эдди? — позвала я, когда молчание затянулось.

— Уверена, что и дальше хочешь придерживаться своей стратегии, что ты скучная?

Должен сказать, *Chiquita*, она совершенно не работает.

Фантастика.

— Тебе звонил Ли, — сказала я.

— Ли, Хэнк, Дюк, не говоря уже о Мейсе и полдюжине полицейских, до которых долетели слухи, и им хотелось уточнить степень серьезности наших отношений.

Я моргнула, глядя на стол.

— Что? — спросила я.

— К твоему сведению, я ясно дал понять, что степень серьезности наших отношений зашкаливает.

Боже милостивый.

— У нас было только одно свидание, — напомнила я.

Тишина.

Затем бормотание по-испански и, наконец:

— Нам нужно снова поговорить?

Нет!

Больше никаких разговоров.

— Думаю, я поняла, — сказала я ему.

— Надеюсь, *Chiquita*, а если не поняла, то поймешь, — тихо сказал он.

Ой!

— Я поняла.

— Черт, ты меня убиваешь, — в его голосе звучало раздражение.

Мне было его жаль, но я не знала, как помочь. Помощь ему означала бы открыться еще сильнее, а я и так уже многое чувствовала.

Я решила сменить тему:

— Моя сестра в городе.

— Да, это я тоже слышал. Я бы хотел с ней встретиться, но у меня кое-какие дела сегодня, и мне придется работать допоздна. Я заеду за тобой к Тексу.

Я оглядела сидящих за столом. Все уставились на меня.

— Вообще-то, вечером я иду с Инди, Тодом, Лотти и Дейзи. Наверное, вернусь поздно.

Это все, чем я поделилась, об остальном он мог догадаться сам.

Снова тишина.

Больше испанской речи.

Об остальном он догадался сам.

— Эдди...

— Я попрошу Ли присмотреть за вами.

— Нет! Мы считаем, что контролируем ситуацию с папой, а Ли его спугнет.

Ли спугнул бы кого угодно, один взгляд на нас с Ли во главе, и слух распространился бы как лесной пожар, и папа исчез бы.

— Все будет хорошо, — заверил Эдди.

— Любой, кто увидит Ли с нами...

Эдди тихо рассмеялся, но это был серьезный смех.

— Если Ли будет следить за вами, никто его не увидит, даже вы.

Почему-то это напугало меня еще больше.

— Не думаю... — начала я.

— Доверься мне, *Chiquita*.

— Не уверена... — попыталась я снова.

— Я хочу, чтобы ты доверяла мне, и прошу тебя сделать это ради меня. Ради моего душевного спокойствия. Сегодня у меня, возможно, созревает одно дельце. Мне не нужно беспокоиться о тебе.

Мое дыхание замерло.

Это было очень много — одновременно довериться Эдди, делать что-то ради Эдди и беспокоиться об Эдди.

Я приняла решение за долю секунды.

— Позвони Ли, — сдалась я.

Он снова заговорил по-испански, теперь его голос звучал ласково, я поняла некоторые слова, и они были милыми.

Затем он сказал:

— Когда закончишь, приедешь ко мне.

Он не спрашивал.

— Да. — Больше я ничего не могла сказать, погрузившись в Дурман Эдди, чувствуя, как тепло скручивается у меня в животе.

— Оставь сестру у Текса.

— Хорошо. — Я все еще была в Дурмане.

— Будь осторожна.

— Ты тоже, — тихо и очень серьезно сказала я.

Он немного помолчал, а затем сказал:

— Вот, почему ты стоишь всего.

Я снова моргнула, не поспевая за его мыслью.

— Прости?

— Твоя нежность бывает двух видов, и мне нравятся оба.

Затем он отключился.

Боже милостивый.

Война

День пролетел в вихре событий.

Мы вернулись в «Фортнум», затем Дюк отвез меня в банк (моя вторая поездка на «Харлее»), чтобы внести свои чаевые и (очень щедрую) сумму от ребят из «Смити»

В мое отсутствие Лотти поехала на своей арендованной машине за мамой и Тексом к нему домой, чтобы поболтать с мамой и устроиться у Текса.

Текс казался на удивление довольным тем, что его дом заполняется женщинами. Инди объяснила, что до встречи с ней, Текс многие годы жил один, своего рода отшельником, поэтому она решила, что он наверстывает упущенное.

Мы с Дюком вернулись в «Фортнум». Я помогла закрыть магазин, а затем Ли и Инди отвезли меня на мою квартиру, чтобы подыскать какой-нибудь блестящий наряд. Собирая в прошлый раз сумку для переезда к Эдди, у меня не было достаточно времени. Поэтому сейчас я намеревалась воспользоваться возможностью и взять побольше вещей (у девушки должны быть варианты).

Ли заставил Инди и меня стоять в прихожей, пока сам осматривал квартиру. Я чувствовала себя довольно глупо, стоя там, не говоря уже о том, что мне было неловко. Одолжения, которые люди оказывали мне, распространились далеко и широко, так далеко и так широко, что я бы никогда с ними не расплатилась.

— Все чисто, — огласил Ли, кивнув.

Инди последовала за мной в мою спальню, пока Ли остался в гостиной кому-то звонить. Прежде чем войти в свою комнату, я взглянула на него, когда он мерил шагами гостиную, и по спине пробежала дрожь. Он просто разговаривал по телефону, но каким-то образом полностью поглотил пространство вокруг себя. На самом деле, его присутствие наполняло всю квартиру неким опасным, крутым притяжением.

— Он меня немного пугает, — призналась я Инди, когда мы вошли в мою комнату.

Она плюхнулась на кровать и стала наблюдать, как я собираю вещи.

— Он немного пугающий, — согласилась она.

Я перестала рыться в шкафу и уставилась на нее.

— Как ты с этим справляешься? — спросила я и тут же снова начала копаться в вещах. Любопытный вопрос, и, на самом деле, не моего ума дело.

И все же, я ничего не могла с собой поделаться, мне нужно было знать, поэтому я решила поделиться:

— Спрашиваю только потому, что Эдди меня тоже немного пугает. Он полицейский, говорит, что сегодня вечером у него «назревает одно дельце». Не знаю, какое именно, но звучит не очень хорошо. От этого я дергаюсь. Как ты справляешься с таким беспокойством?

Явно не думая, что я любопытна, Инди пожала плечами и ответила:

— Я его люблю.

Вот так просто.

Хотя, полагаю, этого было бы достаточно.

Мы поехали к Эдди, чтобы забросить мою сумку, Ли снова провел процедуру «обход/все чисто».

Я вытащила то, что собиралась надеть вечером, а потом мы отправились к Инди и Ли.

Мы с Инди наряжались в их спальне. Ли молча принес нам пряный ром с диетической колой, а затем исчез. По тому, как он это сделал, я начала понимать, почему она его любила (кроме того факта, что он был горячим). Не потому, что он приносил ей выпивку (что было мило), а потому, как он это делал. Не спрашивая, не придавая поступку большого значения, и это было мило с его стороны. Невероятно круто, и в глубине души я надеялась, что когда-нибудь и у меня будет нечто подобное. Мне нравилась Инди, и я была рада, что у нее это уже есть.

Во время сборов мы разговаривали и хихикали, и, клянусь, мне казалось, что я вернулась в старшие классы, готовясь пойти на танцы в спортзал.

У меня не нашлось ничего блестящего, поэтому Инди одолжила мне блески, чтобы нанести их на ключицу, и крем, от которого сияли скулы. Не так уж много блеска, но этого должно было хватить.

Я выбрала шелковую фиолетово-серую тунику с низким разрезом у горла, который, при верном повороте, мог бы дать намек на декольте. В остальном она была довольно скромной (я купила ее сама), с длинными рукавами, которые к концам чуть расширились. Что делало ее скорее скромной, чем совершенно скромной, — это два разреза по бокам, примерно на два дюйма выше, чем положено, тем самым, показывая немного кожи.

С туникой шли джинсы и черные туфли на плоской подошве (на всякий случай, если мне придется бежать). Я сильно накрасилась, не совсем как к «Смити», но и не в моем повседневном стиле, и особое внимание уделила волосам, придав им знойный вид.

Я считала, что выгляжу нормально, хотя говорить тут было не о чем. В джинсах я чувствовала себя надежно и надеялась, что Дейзи не станет придирааться.

Видите ли, джинсы в Денвере считались универсальной одеждой. В приглашении может быть написано «полуофициальный дресс-код», и на вечеринке будут люди в джинсах. Таков обычай Скалистых гор. Истинный житель Денвера надел бы джинсы на встречу с королевой Англии, и каким-то образом справился бы с задачей.

Как только мы вышли из спальни, то обнаружили, что Ли не только исчез, Ли исчез, оставив записку. Итак, мы направились к Тоду и Стиви, Дейзи уже была там, пила коктейль, играла с Чаулиной, и вы едва могли разглядеть синяк под ее тональным средством.

Еще одно доказательство того, что Дейзи была крутой, — я никогда не смогла бы скрыть синяк под глазом и при этом выглядеть так хорошо, как она.

Стиви и Тод работали бортпроводниками, сейчас Стиви находился в рейсе и не должен был вернуться до рассвета, что означало, что Тод остался один.

При моем появлении глаза Тода стали огромными.

— Девочка, ты — Королева Хамелеонов. Каждый раз, когда я тебя вижу, ты выглядишь по-другому.

Я улыбнулась.

— Это хорошо?

— Да, черт возьми, хорошо. Ты классно смотришься в этой тунике, лишь стоя в моей гостиной. Когда же выйдешь за дверь, мир остановится.

Дейзи улыбнулась мне.

— Видишь? — спросила она, словно одобрение Тода доказывало ее правоту.

— Он — гей, — напомнила я.

Тод переводил взгляд с меня на Дейзи.

— Какое отношение моя сексуальная ориентация имеет ко всему этому? —

поинтересовался Тод.

Дейзи повернулась к нему.

— Она не считает себя такой. Думает, что она Просто Джет и скучная.

Тод посмотрел на меня круглыми глазами.

— Итак, ты великолепна и даже не понимаешь этого, — это тоже классно.

Раздался звонкий смех Дейзи.

— Чертовски верно, сахарный мой!

Затем они дали друг другу пять.

Боже милостивый.

— Кто за рулем? — спросила Инди.

— Я выпила только один ром с колой, могу сесть я, — вызвалась я.

— Я так не думаю, — возразила Дейзи. — Тебе нужна жидкая храбрость, чтобы встретиться лицом к лицу со своим папочкой. Этот коктейль — мой последний, я сяду за руль.

Появилась Лотти. Мы познакомили ее с Дейзи, и между Дейзи и Лотти за пять минут, пока они делились историями об операциях по увеличению груди, образовались крепкие узы.

Мы заказали китайскую еду, поели, выпили и стали ждать.

Мы не хотели заявляться на место нашего последнего преступления слишком рано, и Ширлин сказала Дейзи, что папа обычно садится за стол позднее.

В одиннадцать тридцать мы начали собираться выезжать, но затем Тод остановился на кухне как вкопанный.

— Не-не-не, я пытался, действительно пытался, но не могу. Сейчас вернусь. — Затем убежал вверх по лестнице.

Мы все стояли на кухне и переглядывались. Он спустился с блестящими серебристыми шпильками с заостренным носком и тонким ремешком на лодыжке, который пересекался сзади, а также соответствующим ремнем. Он протянул мне ремень, а затем опустил передо мной на колени.

— Что ты делаешь? — изумилась я, когда он поднял мою ногу, снял черную туфлю и бросил ее в гостиную.

Чаулина стояла в дверях кухни, наблюдала за полетом моей туфли над своей головой, гавкнула, а затем шлепнулась на попку.

Тод обул мою ногу в серебристую туфельку.

— Я не поклоняюсь алтарю Сары Джессики Паркер и всему, что связано с «Сексом в большом городе», но не могу выйти в свет с горячей девушкой в черных туфлях на плоской подошве. Черные туфли на плоской подошве носят, когда тебе восемь и девяносто восемь, а не в промежутке между этим.

— Тод...

— Не-а! — отрезал он, выставляя руку ладонью вперед.

Я знала, что с Рукой лучше не спорить.

Так что, если что-то случится и я не смогу убежать, по крайней мере, умру разодетой в пух и прах.

* * * * *

Добравшись до места, мы направились сразу в бар, и я оглядела толпу в поисках каких-либо признаков Дариуса или сердитых чернокожих женщин.

К счастью, горизонт был чист.

К нам подошел бармен.

— Ширлин сказала подождать, пока она не подаст вам знак, — сказал он Дейзи, и Дейзи кивнула.

Затем она повернулась ко мне.

— Ты готова, сладенькая?

Нет. Я не была готова. Мне многое нужно сказать папе, но я понятия не имела, как это сделать. И, вообще, какое это имеет значение? Винс все равно от меня не отстанет. Я просто воспользуюсь моментом.

— Готова, как никогда, — сказала я ей.

Она сжала мою руку.

— Это моя девочка.

Вся наша компания повернулась к бару, чтобы заказать напитки, и я положила клатч рядом.

— Угостить тебя выпивкой? — услышала я вопрос мужчины, и повернулась на голос. Мой взгляд наткнулся на четко очерченную ключицу и мускулистую шею в распахнутом вороте темно-синего хенли, поэтому подняла глаза вверх.

Там стоял Мейс.

— Скажи «да», а затем сделай вид, что флиртуешь со мной, — ласково приказал он.

Мой желудок сжался, и я проигнорировала его инструкции, потому что пребывала в каком-то минибезумии. Мейс мог вывести из себя любую девушку, особенно заставляя ее флиртовать с ним и, особенно, говоря с ней ласково.

— Что? — тупо спросила я.

Он отвел взгляд и кивнул бармену.

— Два пива, — сказал он.

Я отбросила прочь панику и наклонилась к нему.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала я.

Он обогнул меня, становясь ближе, отрезая от моей компании и заставляя повернуться спиной к залу. Прислонился к стойке бара, выглядя для всего мира, как парень на охоте, а я была его добычей.

— Ли получил весточку, что сегодня вечером кое-что случится, поэтому собрал команду.

Нет.

Нет, нет, нет.

Никаких происшествий и никакой команды.

Я почти могла справиться с тем, что мои друзья предлагали мне моральную поддержку, при этом забавляясь. Но мне не нужно было, чтобы Дикой Банде платили сверхурочные за счет Ли. Это одолжение зашло слишком далеко.

Бармен поставил наше пиво на стойку, и Мейс сунул ему банкноту, проигнорировав напиток, и я сделала то же самое.

— Если это опасно, мы уйдем, — сказала я ему.

Он отрицательно покачал головой.

— Закончи начатое. Мы вас прикроем.

— А нас есть от чего прикрывать?

— Не знаю, но если что-то появится, мы вас прикроем.

Ой.

— Что происходит?

— Ты здесь, чтобы поговорить с отцом. Ли рядом, Вэнс и Мэтт тоже. Я приставлен к тебе. Если что-нибудь случится, я заберу тебя, и мы отправимся в безопасную точку.

Безопасную точку?

Безопасную точку?

Звучало не очень хорошо.

Вообще-то, звучало очень и очень нехорошо.

Я открыла рот, чтобы заговорить, но он еще не закончил.

— Что-нибудь происходит, я хватаю тебя, и ты идешь со мной без всяких споров и борьбы, не беспокоишься о друзьях, или я нейтрализую тебя, без колебаний. Поняла меня?

Ох... милостивый... Боже.

Я была почти уверена, что не хотела бы быть нейтрализованной Мейсом. Я не знала, как он это делает, и не желала выяснять.

Я решила изменить свое решение.

— Все отменяется. Никакой нейтрализации, никакого беспокойства о друзьях и никакого долга Ли за сверхурочные, которые он вам платит, — заявила я.

Он некоторое время наблюдал за мной, и в его лице что-то изменилось. Выражение стало суровым, но взгляд зеленых глаз смягчился. Я зачарованно наблюдала за этой метаморфозой и чувствовала, как внутри все переворачивается.

— Выбрось это из головы и сосредоточься. Мы все взяли за эту сверхурочную работу добровольно.

Я уставилась на него, пытаюсь осмыслить его слова, но он не дал мне шанса.

Он приблизился, и его голос упал до шепота.

— Детка, наблюдать за тобой в последние месяцы было все равно, что наблюдать за распускающимся бутонем. Не разочаруй нас.

Затем он исчез.

Я стояла и смотрела на то место, которое он только что занимал.

— Эм... алло? — позвал Год, растягивая «алло».

Я резко повернулась и уставилась на них всех. Все смотрели на меня.

— Здесь только что был Мейс, — сообщила я.

— Да? — спросила Инди, оглядываясь по сторонам.

Невероятно, они его не видели, но я проигнорировала это, так как у меня были более неотложные дела.

Я пересказала им его слова.

Они продолжали пялиться на меня.

— Мы должны уйти, — объявила я.

Все переглянулись.

— Мы не уйдем, сладенькая. Он прав: закончи начатое, — сказала Дейзи.

Лотти пристально вглядывалась в меня, затем расплылась в медленной улыбке.

— Точнее и сказать нельзя, но это правда. Ты — райский цветок. Я думала, из-за волос, но это не волосы, это ты.

Ох, сестренка.

— Умоля-я-яю, — протянула я и закатила глаза.

Она лишь кивнула, выглядя очень счастливой перед лицом неизвестной опасности.

Мои глаза переместились на Инди.

— Что, черт возьми, Мейс имел в виду, говоря, что наблюдать за мной в последние месяцы было все равно, что наблюдать за распускающимся бутоном? Кто так говорит? И, вообще, его почти не бывает в «Фортнуме».

— Эм, я, вроде как, забыла тебе сказать. — Инди неловко переминалась с ноги на ногу, и это меня беспокоило.

— О чем? — спросила я.

— Ли установил круглосуточное наблюдение в «Фортнуме»: камеры и жучки. Он сделал это во время происходивших со мной драматических событий, и так и не убрал. Парни в офисе наблюдают в целях безопасности и... гм, забавы ради.

Я уставилась на нее.

— Ты шутишь, — выдохнула я, в то же время молча прося Бога заставить Инди сказать мне, что она пошутила.

Она помотала головой.

Да, это эгоистично, но мне очень хотелось, чтобы Бог уделял мне больше внимания.

Я обдумывала это, вспоминая обо всем, что происходило в «Фортнуме»: о Пытках Эдди, о том, как я убегала и пряталась от Эдди, о папиной серенаде, о нашей потасовке с Лотти.

— Святое дерьмо, — выдохнула я.

Инди закусила губу.

Дейзи насторожилась.

— Мы получили знак, — прошептала Дейзи.

У меня не было времени беспокоиться о том, что я почти каждый день устраивала шоу для Дикой Банды.

Пришло время для конфронтации.

Мы все переминались с ноги на ногу, мысленно готовясь.

— Электрошокеры при вас? — спросил Год.

— Жду не дождусь, когда смогу добраться до папы, — выпалила Лотти.

— Зажигаем, — провозгласила Инди.

Боже милостивый.

* * * * *

Мы прошли по заднему коридору, где нас ждала Ширлин.

— У игроков перерыв на туалет. Рэй за столом, идите туда, — сказала она.

Дейзи кивнула, и все расступились, пропуская меня вперед.

Я посмотрела на Ширлин.

— Спасибо, — от всего сердца поблагодарила я ее.

Она перевела взгляд на меня, и ее лицо стало нежным.

— Детка, тебе не за что меня благодарить. Если появляется шанс сделать доброе дело, ты его делаешь. Таким образом, когда тебе понадобится чья-то хорошая услуга, это вернется к тебе. Карма.

Я не была уверена, что хочу в данный момент обсуждать карму, и, к счастью, Ширлин не стала дожидаться моего ответа, просто отступила в сторону.

Я вошла в еще одну темную, прокуренную, пропахшую потом комнату.

Папа сидел за столом один, выглядя еще более неопрятным и измученным, чем неделю назад.

— Папа, — позвала я.

Он поднял голову, его глаза заблестели, и мое сердце сжалось.

Затем он увидел мое полностью лишенное эмоций лицо, блеск потух, и он встал.

— Принцесса Джет, — сказал он, затем его взгляд скользнул мимо меня, и его глаза вновь заблестели. — Лотти!

Он выглядел так, будто собирался броситься к ней, но язык ее тела не благоволил приближаться.

— Папа, — начала я, — ты должен уехать из города. Это должно прекратиться. Мама в надежном месте, а я остаюсь с Эдди, потому что дома слишком опасно. Эдди со всем разбирается, но чем больше проблем ты доставляешь, тем ему тяжелее. Ты должен уехать.

Мой голос звучал спокойно, хладнокровно и собранно.

Внутри я чувствовала себя какой угодно, только не такой. Мне хотелось разрыдаться. Хотелось запихнуть его в машину и пуститься с ним в бега. Я хотела отправить его на Анонимное собрание игроманов. Мне хотелось обнять его и заставить танцевать, напевая песни Пола Маккартни. Я хотела спросить его, почему он бросил маму, Лотти и меня. Хотела знать, почему он такой бездельник.

Вместо этого я стояла и смотрела на него.

— Я разберусь с этим, принцесса Джет. Я работаю над этим.

— Ты не разберешься с этим, играя в карты на деньги и воруя. В меня стреляли, а теперь еще хотят изнасиловать.

Его губы сжались.

— Этого не случится, Джет, я приглядываю за Фрателли.

— Ага, конечно, — пробормотала Лотти.

Я оглянулась на нее через плечо. Она стояла с сердитым лицом, выставив одну ногу вперед и скрестив руки на груди. Остальные члены команды стояли позади Лотти, их глаза были устремлены не на папу, а на меня. Тод ободряюще улыбнулся мне и подмигнул.

Я оглянулась на папу и увидела, как он пытается улыбнуться своей нежной улыбкой.

— Девочки, вы должны дать мне немного времени. Я сорву куш и отвезу вас на Французскую Ривьеру.

— Мы уже это слышали, — без колебаний отрезала Лотти.

Она была права, мы это слышали. Много-много раз. Я просто никогда не знала, что значит в его понимании «сорвать куш».

Папино лицо напряглось, и он бросил на Лотти сердитый взгляд.

— Папа... — начала я.

— Дайте мне время! — крикнул он, и мы обе вздрогнули.

Папа был добрым малым, он не кричал. Никогда.

— Я разберусь с этим, — продолжил он, покраснев. — Вы не знаете, вы ни хрена не понимаете. Я вернусь, но только когда добьюсь успеха. Только когда вы, девочки, и Нэнси сможете гордиться мной, когда мы сможем жить на широкую ногу, как вы того заслуживаете.

Его слова поразили меня, словно он забросал меня камнями.

Он, что, сумасшедший? Что за несусветную чушь он нес?

Я уперла обе руки в бедра и подалась вперед.

— Уже слишком поздно! — крикнула я. — Время для этого было четырнадцать лет назад. Ты отсутствовал полжизни! Мы двигаемся дальше. Все кончено! Ты должен уехать из города, папа, и держаться отсюда подальше. Ради своего же блага, но особенно ради нашего.

Он вздрогнул, будто я его ударила.

— Ты же не серьезно принцесса Джет.

Я не говорила серьезно. Ни слова из этого. Я хотела, чтобы он вернулся, хотела жить на широкую ногу с мамой, Лотти и папой, — всем вместе.

Но это была мечта, а я знала, что мечты не сбываются.

Этому меня научил папа.

Мне не дали времени вернуться к тому, что я сказала, смягчить удар или закончить свою мысль.

Именно в этот момент я узнала, что значит война.

* * * * *

Оглядываясь назад, я понимаю, что все было на удивление ясно, до мельчайших подробностей.

Вы могли бы подумать, что посреди кавардака вы упустите суть, но я помнила каждое мгновение, и знала, что никогда их не забуду.

Вот я, папа, Лотти и банда стоим в прокуренной комнате, дверь за которой закрыла за нами Ширлин.

Затем дверь распахивается, и появляется Ловкач, а с ним и его друзья. Очевидно, Ловкач залег на дно и собирал подкрепление; слишком большое, слишком сильное для нас.

Он также решил, что нож — тактически неправильное оружие, поэтому пришел с пистолетами.

К сожалению, в какой-то момент папа тоже решил вооружиться.

Эдди был прав. Электрошокер в моей сумочке был пустым звуком, когда начали летать пули. Это не походило на фильмы, никаких остроумных комментариев, чтобы дать вам возможность подготовиться. Ловкачу надоело валять дурака, вот и все.

Они открыли огонь с самого порога, и папа выхватил пистолет из-за пояса и открыл беспорядочный ответный огонь, крича:

— Девочки, ложитесь!

Я бросилась на Лотти, и мы обе упали. Я откатилась с пути, ворвавшихся в комнату людей, увлекая ее за собой. Мы остановились лицом вниз и начали ползти, не поднимая головы, Лотти двигалась подо мной. По большей части, я прикрывала ее своим телом.

Снова раздались выстрелы, много, слишком много. Таких громких, что в ушах звенело, а в носу ощутимо чувствовался запах пороха.

Затем я услышала крики, вопли, топот бегущих ног, удары плоти о плоть. Я видела, как Ли, пригибаясь, подхватил на ходу Инди, будто она весила не больше перышка. Он развернулся, и они исчезли.

Я увидела низко пригнувшегося Мэтта с Дейзи на плече. Быстро, как вспышка, они исчезли за дверью.

Затем чья-то рука обхватила мою лодыжку, и меня потащили назад, я отпустила Лотти и перевернулась, думая, что ко мне пробрался Мейс, но это был не Мейс, это был Винс.

Мне просто охеренно везло.

Он поднял меня на ноги, обхватил поперек талии и помчался, зажав меня под мышкой. Я заметила, как он перепрыгнул через распростертую Ширлин, лежащую на боку в коридоре.

Бл*ть!

Я не позволила удивлению при виде ее завладеть мной, и не позволила беспокойству за Ширлин сбить меня с толку.

Речь шла о жизни, смерти и насилии. Я не хотела быть причастной к двум последним, а первая только начинала становиться интересной, и я не собиралась ее лишаться.

Я извивалась, боролась и кричала во всю глотку.

Вот тогда-то и появился Мейс.

Я увидела его, Винс увидел его и остановился. Он рывком поставил меня на ноги и притянул к себе, обхватив поперек груди.

— Дальше ни шагу, — предупредил Винс, и я почувствовал у виска холод.

Мейс замер.

Мейс держал направленный на нас пистолет, левой рукой поддерживая правое запястье, его голова склонилась к прицелу пистолета, но взгляд переместился на мой висок.

Мои глаза тоже скосились туда.

И увидели приставленный к моей голове пистолет Винса.

Великолепно.

Так вот, на данном этапе у меня было два варианта. Винс мог бы уволочь меня отсюда и тогда мне оставалось бы надеяться, что кто-нибудь меня найдет и справится с Винсом, прежде, чем он меня изнасилует, и, возможно, убьет. Или я могла бы сражаться, может, меня и убьют, но, по крайней мере, я не проведу последние часы своей жизни, будучи до безумия напуганной и изнасилованной.

На самом деле, выбора не было.

Я чуть опустила голову, а затем со всего маху откинула ее назад. Я врезалась головой в подбородок Винса, и по какой-то причине боли не последовало.

Пистолет выстрелил, и висок обожгло.

А вот теперь было больно.

Я думала, что наверняка умру, но мои конечности по-прежнему подчинялись приказам мозга, который все еще работал и оставался в моем черепе, и я заметила быстрое, как молния, движение Мейса.

Хватка Винса поперек моей груди ослабла, он перешел в режим защиты, забыв обо мне, когда столкнулся с нападающим, который в одну секунду был в пяти футах, а в следующую секунду оказался возле нас.

Мейс отшвырнул меня в сторону, и так как, судя по всему, я могла бежать, я так и сделала.

До меня донесся шум борьбы, стон боли, но я продолжала бежать, не оглядываясь.

В какой-то момент я оступилась и упала, скользя на коленях по полу и останавливаясь возле Ширлин. У меня было время осмотреть ее, и я заметила, что она дышит, но тут сильная рука обхватила меня за талию. Меня рывком подняли на ноги и потащили вперед.

Это был Мейс, он бежал, наполовину волоча меня за собой. Я помнила его приказы и не пыталась вернуться, хотя мне очень-очень хотелось.

Мы покинули бар, выбежали на улицу и Мейс потянул меня за руку к внедорожнику. Замки пискнули, фары моргнули, и мы побежали к нему (я обнаружила, что в отчаянной ситуации могла бежать на шпильках).

Он направил меня к водительской дверце. Поднял меня и толкнул на пассажирское сиденье, сел, завел грузовик и рванул с места, ни один из нас не пристегнулся ремнями безопасности.

Он проехал по Колфакс, затем свернул на пустую парковку и обогнул какое-то здание сзади. Остановившись, выключил фары и повернулся ко мне.

Прежде чем я поняла, что он делает, его пальцы сомкнулись на моем подбородке, и он нежно повернул мое лицо. Стояла глубокая ночь, и мы находились в неосвещенном месте. Он ничего не мог разглядеть, но я была уверена в том, на что он смотрел.

— Царапина, — заключил он, хотя я не знала, как он мог определить это в темноте.

Затем он пробормотал:

— Бл*ть.

Отпустив меня, посмотрел вперед, и у меня возникло странное чувство, что на мгновение он мысленно унесся в другое место.

Затем он крикнул:

— Бл*ть!

И одно это слово было похоже на контролируемый, приглушенный взрыв, от которого странно, что не задрожали окна.

Я поднесла руку к голове, осторожно касаясь влаги, но чувствовала, что все не так уж плохо. Коленки я ободрала и того хуже.

— Я даже колени ободрала сильнее, — сказала я Мейсу.

При моих словах он повернулся, обнял меня за талию, дернул через сиденье и поцеловал.

Ой!

Это был настоящий поцелуй, с языками и всем прочим. Мне не следовало отвечать, но я ответила. Может, из-за ситуации жизни и смерти, возбуждения от того, что мы живы, отчаянной благодарности или, возможно, просто потому, что поцелуй был отличным. Вероятно, все вместе и даже больше. Я не собиралась анализировать это, я намеревалась смириться, а затем похоронить это. Глубоко.

Мейс поднял голову, но не отпустил меня и твердо держал в своих объятиях.

Со своей стороны, я обеими руками обвила его за шею, чуть ниже ушей, и обнаружила, что не могу двигаться.

Мы оба сидели так, молча, глядя друг на друга в темноте и тяжело дыша.

В этом моменте для Мейса было что-то важное, я чувствовал это, не совсем понимая, но это было честью для меня.

Единственное, что знала я: для меня это было связано с тем, что он спас мне жизнь и что я осталась жива.

Затем Мейс разрушил момент.

— Скажешь Чавесу, что я тебя поцеловал, и мы исчезнем в Мексике, где нас никто не сможет найти.

Боже милостивый.

Он сказал «мы».

Я не могла винить в этом униформу Смита.

— Что это было? — прошептала я.

Он на мгновение замолчал.

— Просто рад, что у тебя осталось лицо для поцелуя.

Хмм.

Думаю, для Мейса это была эйфория от того, что я жива.

Мда, мужчины такие странные.

Он отпустил меня, и я опустила руки. Выдернув подол футболки из джинсов, он вытащил из кармана перочинный нож, отрезал край ткани и прижал ее к моему виску.

Должно быть, это означало отсутствие салфеток в бардачке.

Я перехватила материю, продолжая прижимать ее к ране, Мейс отвернулся и пристегнулся.

Я тоже пристегнулась, и мы поехали.

Он подрулил к стоянке у торгового центра «Кмарт» на пересечении Аламеда и Бродвея у дома Инди. Рядом со съездом на Аламеду было беспорядочно припарковано несколько машин, все внедорожники, за исключением красного «Доджа Рэма».

Я оглядела толпу людей, считая. Лотти стояла рядом с Вэнсом, обхватив себя руками за талию. Ли обнимал Инди. Тод держал за руку Дейзи. Мэтт прислонился к одному из внедорожников.

Никакого папы.

Все были живы и дышали, и я, казалось, была единственной раненой в сознании.

Рядом с Инди и Ли стоял Эдди, ерошивший рукой волосы, но когда наши фары осветили стоянку, его голова дернулась. Он устремился к нам, прежде чем Мейс успел приблизиться.

Мейс развернул грузовик, подъезжая пассажирской стороной к Эдди, и остановился. У меня даже не было возможности протянуть руку, когда дверь распахнулась, в салоне зажегся свет, и Эдди увидел меня.

— *Dios mio*, — сказал он тихо и нежно.

— Пустяки, всего лишь...

Он не дал мне закончить. Отстегнул ремень, вытащил меня из салона и заключил в объятия, сжав так крепко, что я едва могла дышать.

— Царапина, — закончила я на выдохе. Эдди откинулся назад, убрал мою руку от виска и осмотрел рану.

— Мы едем в больницу, — заключил он.

— Эдди, ничего страшного, просто нужно продезинфицировать и...

Наши глаза встретились, и я замолчала.

— Мы едем в гребаную больницу, — повторил он исключаящим возражения тоном, даже я не посмела бы спорить, а я, казалось, могла спорить с Эдди все время.

— Хорошо, — ответила я.

Он отодвинулся, обнял меня одной рукой, и все столпились вокруг.

Лотти разразилась слезами, Инди так побледнела, что ее лицо засветилось в темноте, а Тод выругался.

— Это уже за гранью, — рявкнула Дейзи. — Я завязала с этим гребаным делом. Сладенькая, ты хотела поступить по-своему, но теперь я звоню Маркусу. Это объявление войны.

Эдди не сбавил шага, даже, несмотря на угрозу вступления Маркуса в игру. Он проигнорировал слова Дейзи и продолжил идти к своему грузовику. Замки щелкнули, он открыл мне дверцу и помог сесть. Прежде чем дверца захлопнулась, рядом оказался Ли.

Эдди посмотрел на него.

— Я хочу знать, как ты позволил этому выйти из-под контроля, — обратился к нему Эдди, и я могла сказать, что он злился и возлагал вину на Ли.

На щеке Ли дернулся мускул, он кивнул, принимая обвинение.

— Нет, — запротестовала я.

Эдди начал закрывать дверцу, но я выставила ногу, останавливая его.

— Нет, — повторила я снова.

— Убери ногу, *Chiquita*, — в его обращении ко мне не слышалось гнева, он снова говорил нежным голосом.

— Не обвиняй Ли, и не обвиняй Мейса, никого не обвиняй. Мейс предупредил меня, что все может обернуться плохо, я рассказала всем остальным, и мы решили остаться. Это мои проблемы поставили всех под удар. Если кого и винить, так это меня.

Эдди меня не слушал. У Эдди имелась цель.

— Убери ногу, — повторил он.

Потом я подумала о том, что сказала.

— Вообще-то, если кого и винить, так это моего отца, — исправилась я.

Эдди перевел взгляд на меня.

— *Mi amor*, прошу, убери ногу.

Я оглядела толпу и увидела Лотти позади Ли, рядом с Инди.

— Наш папа — ё*анный говнюк, — сказала я ей.

Серьезно, если в моей жизни и был момент, когда я произнесу слово на букву «ё», то это был он.

— Джет, позволь Эдди отвезти тебя в больницу, — попросила Лотти.

И тут все произошедшее поразило меня — запоздалая реакция.

— Он думал, что сможет сорвать куш, и мы все будем «жить на широкую ногу». Что за тупой, ё*анный идиот? — спросила я ее.

— Джет, поезжай в больницу, — повторила Лотти.

— Я работаю с четырнадцати, мать их, лет, а он проигрывал каждый гребанный доллар, который я ему когда-либо давала. Что за хренов мудака!

Чтобы подчеркнуть свою мысль, я хлопнула ладонью по дверце и завопила: «Ай!» потому, что больно ударилась.

Я посмотрела на Эдди.

— Я ушибла руку, — сообщила я ему очевидное.

Сначала на его щеках появились ямочки, затем губы сложились в усмешку.

— Думаю, попросим врачей взглянуть на нее после того, как они осмотрят пулевое ранение на твоей голове.

Я моргнула, глядя на него, затем кивнула:

— Хорошая идея.

— Теперь ты убережешь ногу? — спросил он.

— Конечно, — согласилась я, лучась дружелюбием, а затем убрала ногу.

Эдди захлопнул дверцу и обогнул грузовик спереди.

Все отошли в сторону. Большинство выглядели потрясенными. Кроме Дейзи, она выглядела взбешенной, прямо чертовски вне себя. И кроме Ли с его парнями, я заметила, что все они пытались скрыть ухмылки.

Эдди сел в машину и завел мотор.

Чтобы дать всем понять, что все в порядке, я сверкнула улыбкой и весело помахала рукой, когда Эдди отъехал.

Только много позже я увидела (несмотря на то, что это была всего лишь царапина) сколько крови стекало по моему лицу. Я сидела на краю койки отделения неотложной помощи больницы Денвера, и медсестра приводила меня в порядок.

— Как много крови, — заметила я, безучастно глядя на полотенце, которым

пользовалась медсестра, будто на нем чья-то чужая кровь.

— Раны на голове сильно кровоточат, — объяснила она усталым от нескончаемых битв за жизни пациентов тоном, голосом опыта.

Это все, что я слышала, потому что именно тогда упала в обморок.

Когда я очнулась, Эдди сидел у кровати.

— Привет, *Cariña*, — прошептал он.

— Никому не говори, что я грохнулась в обморок, — прошептала я в ответ.

Его глаза, в отличие от губ, улыбались.

— Я с залитым кровью лицом распекала отца на чем свет стоит, они, должно быть, решили, что я свихнулась.

— Не думаю, что их мысли занимало что-то, кроме радости, что ты достаточно жива, чтобы распекать кого-то.

Я решила, что он прав.

Он помог мне сесть, а затем отправился в комнату ожидания, чтобы сообщить всем, что со мной все в порядке, тем временем я заполняла больничные формы (и молилась, так как находилась в незапланированном отпуске, чтобы страховка Смити все еще действовала... скажу вам, он заботился о своих девочках, вероятно, ни один другой стриптиз-клуб не предоставлял хорошей страховки).

Потом Эдди вернулся.

— Ты должна знать: кто-то сказал Дюку и Тексу, и они оба здесь. И твоя мама тоже. Я уверил их, что с тобой все в порядке, я о тебе позабочусь, и отправил их домой. Сможешь поговорить с ними завтра.

Я отогнала тревогу из-за того, что мама знает, что меня задела пуля, и сосредоточилась на чувстве благодарности. Благодарности, что у меня были друзья, которые ожидали в приемной больницы новостей о царапине, и благодарности, что Эдди позаботился об этом им рассказать, так что мне не пришлось делать этого самой. И чтобы выразить эту благодарность, я нашла его руку и сжала ее. Он усилил мое сжатие, подняв мою руку и коснувшись губами костяшек пальцев.

Жест был таким интимным, что живот свело, а кислород обжег легкие.

И в этот момент прибыл детектив Маркер.

Эдди стоял возле меня на протяжении всего разговора с детективом Маркером.

Единственной хорошей новостью, которую сообщил мне Джимми Маркер, было то, что с Ширлин все в порядке. Она получила удар по голове. Ее отвезли в Пресвитерианскую больницу Св. Луки и оставили только для наблюдения из-за легкого сотрясения мозга.

— Вы знаете, где папа? — спросила я детектива Маркера.

Он посмотрел на меня.

— Как правило, это моя реплика, — ответил он, пытаясь пошутить.

Я уставилась на него.

Он вздохнул, посмотрел на Эдди, потом снова на меня.

— У нас имеются свидетели, которые говорят, что его похитил Ловкач, он был жив, но казался раненым. Пока никаких следов. Мы ищем и будем продолжать искать, — пообещал он мне.

Я почувствовала, как его слова пронзили меня, словно нож.

Эдди запустил руку мне в волосы и очень нежно прижал к себе мою голову неповрежденной стороной.

— Я в порядке, — солгала я, глядя на него вверх.

Он посмотрел вниз.

— Ты абсолютная врунишка.

Это вызвало у него усмешку.

* * * * *

Эдди отвез меня к себе, помог раздеться и зашел со мной в душ. Отвернул меня от брызг и, воспользовавшись насадкой для душа и стараясь не задеть повязку на виске, смыл шампунем кровь с волос. Мы вытерлись насухо, я расчесала волосы, и Эдди уложил меня голой в постель и крепко обнял.

Через некоторое время его тепло окутало меня, и я снова почувствовала себя в безопасности.

— Я волнуюсь за папу, — прошептала я, будто признавалась в тяжком грехе. — Понимаю, что не должна бы, но все равно волнуюсь..

— Иначе, это была бы не ты, — ответил он нежно и, клянусь, быть может, даже немного ласково (или, быть может, даже очень ласково).

Я полежала некоторое время, внезапно почувствовав еще большее тепло.

— Эдди?

— *Sí, mi amor?*

— Я должна тебе кое-что сказать, и ты должен пообещать мне не злиться.

Он молчал.

— Обещаешь?

Он вздохнул.

— Ты меня убиваешь, — пробормотал он.

Я прижалась к нему.

— Ты должен пообещать.

— Я обещаю.

Возможно, он и обещал, но ему это явно не нравилось.

Я подробно рассказала ему, что произошло с Винсом и Мейсом. Он слушал, не издавая ни единого звука, но его тело становилось все более и более напряженным.

Потом я рассказала ему о поцелуе, и он совершенно замер.

— Это было просто... не то, что ты думаешь... это было, я даже не знаю, что это было. Мейс сказал мне ничего не говорить, но...

Эдди перебил меня.

— Сестру Мейса убили, заставив Мейса наблюдать. Ей снесли голову. Выстрелив в висок.

Настала моя очередь замереть, лежать совершенно неподвижно, пока кровь стыла в жилах.

— Наверное, — продолжил Эдди, — не очень весело переживать такое заново и, вероятно, стоило поцеловать тебя, когда исход оказался иным.

Сцена продолжала всплывать в моем сознании, — отвратительное понимание того, почему Мейс все время злился, — я ничего не могла с собой поделать и разрыдалась.

Эдди гладил меня по спине и тихо бормотал что-то по-испански, пока я, наконец, не перестала плакать и адреналин не спал. Меня начало клонить в сон, и я еще крепче прижалась к нему.

Прямо перед тем, как я заснула, он тихо сказал:

— Завтра нам нужно поговорить.

— Я думала, мы уже поговорили, — пробормотала я в полудреме.

— Это не разговор типа «лежать-в-постели-голой-после-огнестрельного-ранения-в-голову». Это разговор типа «не-спать-и-слушать-Эдди».

Боже милостивый.

Только не еще один разговор.

Полагаю, если я смогла выжить, находясь под дулом пистолета, то смогу пережить и разговор с Эдди.

С этой мыслью я заснула.

Слово на букву «д» превращается в слово на букву «ж»

(эм... ой!)

Сработал будильник, Эдди нажал кнопку и подкатился ко мне.

Я напряглась, ожидая, что он откинет одеяло и вытащит меня из постели.

Вместо этого он притянул меня спиной к себе и тихо спросил:

— Как твоя голова?

Я оценила состояние всего тела. Колени болели, голова тоже, да и все тело одеревенело.

С другой стороны, я дышала, не будучи запертой в ужасном холодильном отсеке морга, так что я решила, что чувствую себя довольно хорошо.

В ответ я сказала:

— Поверить не могу, что меня должны подстрелить, чтобы ты нажал кнопку повтора.

Эдди замер.

— Мы можем заключить сделку? — спросил он все еще тихим голосом.

Я еще недостаточно проснулась, чтобы заключать сделки с Эдди, но и спорить не хотелось.

— Возможно, — сказала я, считая, этот ответ хорошим компромиссом.

— Суть сделки в том, чтобы это была последняя шутка, которую мы отпустим о том, что тебя подстрелили.

У меня перехватило дыхание, и я задержала его.

Его губы коснулись моей шеи.

— Договорились? — спросил он.

— Хорошо, — согласилась я, выдыхая.

Должна признать, его слова и скрытый за ними смысл потрясли меня до глубины души.

У меня не было времени сосредоточиться на данном потрясении, так как губы Эдди начали блуждать по мне, скользя вверх по плечу.

— Мы собираемся в душ? — спросила я.

Он осторожно развернул меня, чтобы мы оказались лицом к лицу, и его ладони скользнули по моей спине к ягодицам. Я наклонила голову, посмотрела на него, а он рассматривал мой висок.

— Думаю, будет лучше, если мы сделаем это лежа.

Я кивнула, потому что он, вероятно, был прав. Я пережила стрельбу, мне не нужно умирать трагической смертью, испытывая оргазм в душе.

Потом он поцеловал меня, и я забыла обо всем трагическом.

Потом он занялся со мной любовью.

Не знойно, быстро или грубо, как, казалось, нам с Эдди нравилось.

Речь шла о медленном, нежном и милом занятии любовью. Таким медленным, нежным и милым, что, в конце концов, привело к оргазму «о боже, боже», с выгнутой шеей, что было хорошо, так как после я больше не испытывала напряжения в теле.

— Мы опоздаем на работу, — сказала я горлу Эдди, когда мы закончили, и я лежала в его объятиях. Его руки сжались крепче, показывая, что мы никуда не пойдём.

— Инди плевать, когда ты придешь, и все знают, что прошлой ночью мою девушку

подстрелили. Не думаю, что они будут ждать нас с самого утра.

Вот оно снова — слово на букву «д».

— Все знают? — Я имела в виду, что все знали, что я была его... словом на букву «д».

— Копы болтают. Ты была главной темой для разговоров с тех пор, как я ввязался в ту драку на мальчишнике.

Ох... милостивый... Боже.

Я приподнялась на локте, он откинулся на спину, и я посмотрела на него сверху вниз.

— Что ты имеешь в виду?

Он выглядел таким удовлетворенным, и мой живот скрутило. Он заправил мне волосы за ухо, а затем обхватил мою челюсть, проведя большим пальцем по нижней губе.

Мой живот сжался в комок.

— Мне точно не вынесут благодарность за то, что я затеял драку и сломал нос какому-то парню за несколько дней до его свадьбы.

Я моргнула, потом уставилась на него.

— У тебя неприятности?

— Расслабься, *Chiquita*, — усмехнулся он и притянул меня к себе, — ничего серьезного. Жених не горел желанием сообщать своей невесте, что ему сломали нос, потому что он сунул руку под майку официантки в стриптиз-баре. И Смити не настаивал на разборках, вероятно, из-за тебя.

Я подумала о Холостяке № 1, или Холостяке, который женился с распухшим носом. Хреново для свадебных фотографий.

Должна признать, мне понравилась эта мысль, главным образом потому, что он был козлом, даже если мне было жаль его невесту (по целому ряду причин).

Я ничего не могла с собой поделаться, в воображение нарисовалась их свадебная фотография, и это вызвало улыбку. Когда я уткнулась лицом в грудь Эдди, он почувствовал это и поцеловал меня в макушку.

Затем я перестала улыбаться, когда мои мысли двинулись дальше.

Из-за меня у Эдди на работе неприятности. Эдди также заплатил за ремонт моей машины, что, должно быть, обошлось ему не меньше, чем в тысячу баксов, не говоря уже о кофеварке. Эдди работал полицейским. У добропорядочных копов чистый источник дохода, по сравнению с такими бездельниками, как мой отец. Они не были известны как миллиардеры. И прошлой ночью Эдди должен был где-то быть, у него имелось «одно дельце», но вместо этого он остался в больнице со мной.

Серьезно, так дальше продолжаться не могло.

Я решила, что пришло время для Разговора Джет.

— Эдди?

— Черт, я думал, что разобрался с твоими «Эдди», но эта интонация звучит как что-то новенькое, — поддразнил он.

Я проигнорировала его.

— Кажется, прошлой ночью у тебя было «одно дельце».

— Все верно.

— Оно не выгорело?

Его рука скользнула вверх по моей спине и начала играть с моими волосами.

— Я слышал по радио вызов, у Инди есть собственный код, что не должно тебя удивлять. Я знал, что ты с ней, поэтому тут же рванул туда.

Я закрыла глаза.

— Я настоящая заноза в заднице, — прошептала я.

Он нежно потянул меня за волосы, и я посмотрела на него снизу вверх. Он опустил голову, глядя на меня сверху вниз. Его лицо было нежным, но серьезным. Это новое выражение, как и любой из его выражений, мне понравилось.

— Я сидел в засаде, ничего не происходило, становилось ясно, что ничего не произойдет, и это было чертовски скучно. Хотя я бы предпочел вернуться домой к тебе, и чтобы ты была в таком же взбудораженном состоянии, как накануне, так что, ты ничему не помешала.

Что ж, от этого полегчало.

Я собралась перейти ко второй теме. Я не знала, как об этом заговорить, поэтому решила сказать все прямо.

— Ты должен перестать тратить на меня деньги.

Он перевернул меня на спину, почти полностью накрыв своим телом.

— *Chiquita...*

— Нет, правда. Я знаю, ты хочешь, чтобы я была у тебя в долгу, но это становится нелепым. Оплачивать машину было чересчур, а кофеварка...

Он начал смеяться. Беззвучно, но его тело двигалось на мне.

Не уверена, что его так чертовски развеселило. По словам Дейзи, кофеварки — довольно серьезно, а Дейзи знала почти все.

— Что смешного? — спросила я. — Нет, не отвечай. Я сама скажу тебе, что это не смешно. Я говорю очень серьезно.

— У тебя действительно проблема с этой кофеваркой, да?

— Эдди...

— *Cállate, mi amor* (с исп. — помолчи, любовь моя) — сказал он, и вот оно снова. Я слышала нежность в его голосе. Я не была готова к веселой привязанности, не тогда, когда мы обсуждали что-то столь важное, как кофеварки.

— Не говори мне замолчать.

Костяшки его пальцев пробежали по моей челюсти, и он посмотрел мне в глаза; его взгляд все еще был полон веселья.

— Я знаю, что ты усердно трудишься, зарабатывая деньги. Но ты должна знать, что для тебя это значит больше, чем, вероятно, для меня.

— Деньги важны для всех, и я знаю, что ты в них не купаешься, так что перестань спускать их на меня.

Веселье из его глаз улетучилось.

В муках Разговора Джет я, конечно, забыла, что Эдди был латиноамериканским мужчиной, а они, как правило, были гордыми мачо, и я только что переступила эту черту.

И все же мне было все равно. Все заходило намного дальше и намного быстрее, чем мне было комфортно. На самом деле, меня уже выбило из зоны комфорта. Так что приходилось срочно нажимать на тормоза.

— *Chiquita*, мы не будем об этом говорить.

— Нет, будем, — огрызнулась я в ответ.

Его глаза начали слегка сверкать.

— Ладно, тогда давай поговорим, — сказал он.

Ой-ой.

Я больше не думала, что контролирую Разговор Джет.

— Время для разговора, — объявил он.

Я была права, меня лишили контроля над Разговором Джет. Разговор Джет только что сделал крутой поворот, приведя прямиком к Разговору Эдди.

Проклятье.

— Думаю, перед нашим разговором мне нужно выпить кофе, — сказала я, надеясь выиграть время.

— После. Сначала мы с тобой кое-что проясним.

Проклятье, черт, бл*ть и дьявольщина.

Я не очень хорошо справлялась с крутыми поворотами в наших с Эдди отношениях. И я совершенно не хотела ничего прояснять. Я не знала, чего хочу. Но точно знала, что я не хотела, чтобы они становились Отношениями, в то время как остальная часть моей жизни погрязла в хаосе.

— Эдди...

— Значение этого «Эдди» я знаю, — сказал он, — и ты можешь забыть об этом. Тебе не ускользнуть.

Каким образом он так хорошо меня знал?

Я сдалась и уставилась на него Взглядом.

Он проигнорировал Взгляд.

— Видишь ли, под градом пуль у меня была возможность узнать тебя получше. Можешь называть меня сумасшедшим, но я в этом знаю толк.

Мощь моего Взгляда усилилась.

Он продолжал его игнорировать.

— Тем не менее, из града пуль одна чуть не снесла твое милое личико прошлой ночью, и должен тебе сказать, мне бы очень хотелось, чтобы ты отпраздновала свой следующий день рождения. На мой взгляд, это ставит тебя перед выбором из двух вариантов. Первый вариант: ты сбавляешь обороты с этим делом «беру контроль над своей жизнью» и позволяешь мне обеспечить твою безопасность, то есть, делаешь то, что я говорю, и не выходишь в город со своей бандой на высоких каблуках. Второй вариант: ты поступаешь по-своему. Выберешь последний, я попрошу Ли поместить тебя в комнату ожидания, пока я не разберусь с этим дерьмом. Если это будет означать, что между нами все кончено, я готов рискнуть, зная, что после того, как дело будет сделано, ты останешься жива и будешь дышать, даже если будешь делать это в постели другого.

Не уменьшая мощности Взгляда, я ахнула:

— Эдди...

— Никакого «Эдди». Выбирай прямо сейчас, дверь номер один или дверь номер два, без обсуждений.

Серьезно?

Я так не думала. Он не будет лежать здесь и предъявлять мне ультиматум.

Я оттолкнула его, села, прихватив с собой простыню, и повернулась к нему, но он тоже сел, так что я потеряла преимущество над ним.

Так и быть, я не привыкла пользоваться никакими преимуществами ни над кем.

— Для обсуждения всегда есть место, — сказала я ему.

— Не в этот раз, — отрезал он.

Я прищурилась, глядя на него, а затем сказала нечто невероятно глупое. Не спрашивайте

меня, почему. Может, из-за моего новообретенного характера; я еще не держала его под контролем, волей-неволей он давал о себе знать в самые неподходящие моменты.

(В свою защиту скажу, что Эдди вел себя властно)

— Дверь номер три: я делаю, что хочу, и, пока я это делаю, прошу Дейзи помочь мне избегать тебя. И дверь номер четыре: поджав хвост, сбежать, спасаясь от всего этого, уговорив Мейса помочь мне и маме исчезнуть в Мексике, как он и сказал прошлой ночью.

Глаза Эдди больше не были слегка сверкающими, в них разгорелось пламя.

— Что ты сказала?

Эм... может, пришло время отбросить свой характер и держать рот на замке.

— Я бы хотел снова услышать ту часть, где Мейс помогает тебе исчезнуть.

На самом деле я не думала, что ему захочется услышать это снова, поэтому решила больше не повторять.

— Расскажи о Мейсе, — настаивал он.

— Нет.

— Кажется, я что-то упустил, может, нам стоит вернуться к тому поцелую, которым вы обменялись, — предложил он, и я почувствовала, как негативные вибрации волнами исходят от него, ударяя в меня.

— Эдди.

— Твою мать, Джет! — взорвался он, и я никогда не слышала, чтобы он так громко кричал. То есть, я слышала, как он кричал, но сейчас это был рев. — Ночью тебя подстрелили.

— Поверь мне, я знаю! — крикнула я в ответ (но мой крик не был так хорош).

— Ты не высовываешь нос на улицу и больше не подходишь к Мейсу, — крикнул он.

— Ты не можешь указывать мне, что делать!

Его глаза сузились.

— Лучше, бл*ть, поверь, что могу.

Я почувствовала в висках пульсацию и решила откинуться на подушки вместо того, чтобы устраивать очередное состязание в гляделки, я все равно их никогда не выигрывала.

Я закрыла глаза и поднесла руку к голове.

Конечно, Эдди был прав, и это меня совершенно разозлило. У меня не было никакого права выставить себя на всеобщее обозрение; я не знала, что делаю. Он пытался показать мне это на примере перцового баллончика, но разве я слушала? Нет. В итоге, я оказалась на полу грязной, прокуренной комнаты, прикрывая сестру от пуль, поставила моих друзей на линию огня, Ширлин, которую я едва знала, оказалась лежащей без сознания в коридоре и, наконец, мне к голове приставили пистолет. Пистолет, который выстрелил на глазах Мейса, заставив его вновь пережить свой кошмар.

Проклятье, черт, бл*ть, дьявольщина и снова все по кругу.

— Хорошо, — огрызнулась я, открывая глаза. — Я остановлюсь, но ты должен пообещать мне, что не скажешь Мейсу, что я рассказала тебе все это.

Он упал на бок и перекатился через меня, прижимая к кровати.

— Ни хрена подобного, мы с Мейсом поговорим.

— Нет! Ты должен пообещать.

— Ты только что выбрала дверь номер один, а значит, выбрала меня, то есть, ты остаешься в моей жизни и в моей постели. Я знаю, что тебе это не нравится, *Chiquita*, потому что каждый раз, когда речь заходит о наших отношениях, ты выглядишь так, будто в

любой момент готова сбежать, но это также означает, что теперь ты официально моя женщина, поэтому мы с Мейсом поговорим.

У меня не было времени волноваться из-за того, что я стала женщиной Эдди. Этот статус был хуже, чем его девушка. Гораздо хуже. В тысячу раз хуже. Слово на букву «ж» по сравнению со словом на букву «д», это как слово на букву «б» по сравнению со словом на букву «п». Я даже мысленно не могла произнести слово на букву «п»!

Надо пока оставить в стороне слово на букву «ж» и заняться другим вопросом.

— Он сказал, что если я расскажу тебе о поцелуе, мы исчезнем в Мексике! Ты не можешь ему рассказать. Это нанесет урон, что бы это ни означало для него. Он словно переживал то другое мгновение, я видела это, чувствовала это. Просто так получилось, что в этот миг я оказалась рядом, это мог быть кто угодно. Но это была я, и это связывает нас, но не в плохом смысле. Ты не можешь этого понять, тебя там не было. Но я рассказала тебе, что произошло. Я не лгала и не скрывать не стала. Не заставляй меня сожалеть о своей честности.

Он сжал челюсти и уставился на меня.

— Эдди, обещай мне.

— Джет, для этих парней ты не просто кто-то. Ли установил в «Фортнуме» камеры и жучки. За тобой наблюдали месяцами, и я знаю, им нравилось то, что они видели, я слышал их разговоры. Когда Ли сказал мне, что получил известие о том, что Ловкач что-то готовит, и спросил, кто хочет стать добровольцем для защиты твоей компании, каждый гребаный парень, которому он платит, вызвался добровольцем. Он спросил своих лучших людей, и все они вызвались бесплатно подставить свои задницы ради тебя.

Боже милостивый.

Он, должно быть, шутил.

— Ты шутишь, — прошептала я.

Он отрицательно покачал головой.

Я обнаружила, что мне трудно дышать. Я бы никогда не стала над этим размышлять, это было за пределами мыслительного процесса.

— Почему? — в недоумении спросила я.

— Думаю, потому, что они хотели бы оказаться там, где сейчас нахожусь я. К счастью для меня, я пришел туда первым и дал понять, что мне интересно. Точнее, это поняли все, кроме тебя. — Он остановился и внимательно посмотрел на меня. — Господи, Джет, ты ведь понятия не имеешь, да?

Я обнаружила, что больше не хочу разговаривать, я закончила с разговорами.

Мне нужно встать, пойти на работу, проверить Ширлин, убедиться, что с мамой и Лотти все в порядке, и осознать тот факт, что для Эдди я теперь «официально» слово на букву «ж». Я не хотела вести этот разговор.

Чтобы донести все это до Эдди, я сказала:

— Мне нужен кофе.

Некоторое время он продолжал на меня смотреть, затем в его глазах что-то изменилось, огонь погас, вернулись тепло и нежность. Я начинала скучать по тому ужасу, когда к моей голове приставили пистолет.

— *Chiquita*, женщины кучу времени тратят впустую, жалуясь, что на свете нет хороших мужчин. Мне неприятно тебе это говорить, но хороших женщин тоже не так уж много. Разница в том, что когда мужчина видит такую женщину, он знает, что это она. Поэтому он идет за ней и изматывает ее, пока она не становится его. И если он настоящий мужчина, он

ее не отпустит.

Ой!

Становилось все хуже и хуже.

— Мне очень нужен кофе, — сказала я.

Его веки немного опустились, и на щеках появились ямочки, но губы не сложились в улыбку.

— Вижу, ты в режиме готовности к побегу, так что я дам тебе сорваться с крючка. Просто чтобы закончить свою мысль, надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я собираюсь прояснить ситуацию с Мейсом.

Я вздохнула, понимая, что это еще один спор, в котором я точно не одержу победу, и решила поберечь свою энергию для того, который смогу выиграть.

Когда бы это ни случилось, скорее всего, когда мне стукнет девяносто восемь, и я буду носить черные туфли на плоской подошве.

Тогда я сказала:

— Если он заберет меня, и мы исчезнем в Мексике, тебе придется винить в этом только себя.

На этот раз Эдди улыбнулся.

— И все же я рискну.

Я воспользовалась лучшим словом, которое имелось у женщины в ее арсенале для спора, несомненно, это особый эквивалент слова на букву «б» для мужчин.

— Блестяще, — отрезала я, имея в виду что угодно, только не это. — Могу я теперь выпить кофе?

Почему-то казалось, что Эдди нашел мое «блестяще» забавным. Я могла сказать это по теплоте и нежности, к которым присоединилось ласковое сияние его глаз.

Сказочно.

Вот вам и нажать на тормоза. Казалось, вместо этого я каким-то образом перевела наши отношения из овердрайва прямо в гипердрайв.

Его губы коснулись моих, затем он сказал:

— Да, ты можешь выпить кофе.

Одна из моих девочек

Поздним утром мы с Эдди вошли в «Фортнум», одной рукой я обнимала Эдди за талию, другая лежала на его животе. Кисть, закинутой мне на плечи руки Эдди, свободно свисала спереди, так что я была очень близко прижата к нему.

Это я решила назвать Удержание Женщины в стиле Эдди, и хотя слово на букву «ж» серьезно выводило меня из себя, должна признать, Удержание было не таким уж плохим.

В ту минуту, когда мы вошли, мои размышления об Удержании прекратились, и мне захотелось развернуться и убежать.

Я не была большой поклонницей того, чтобы находиться в центре внимания, предпочитая не попадаться на глаза. Очевидно, такому не суждено было случиться на следующее утро после того, как меня зацепила пуля.

В то утро я посмотрела в зеркало и подумала, что выгляжу как обычно, просто к виску приклеена белая повязка. Выглядело не так уж плохо, но, судя по выражению лиц присутствующих, все обстояло иначе.

Дюк и Текс стояли за стойкой с эспрессо. Джейн и Элли за книжным прилавком. Мама, Трикси, Ада, Бланка и Лотти сгрудились у одного дивана, сестра Эдди, Глория, Тод, Стиви и Инди — у другого, а Дикая Банда и Хэнк — у третьего.

При нашем появлении все уставились на нас.

Мы с Эдди остановились.

Я обвела взглядом магазин.

Затем неуклюже махнула рукой и сказала:

— Привет.

Никто не шелохнулся.

Я вздохнула.

— Я в полном порядке, — уверила я всех.

Это повлекло за собой действие, но только со стороны Дюка.

Он вышел из-за стойки с эспрессо, схватил метлу, стоящую у стены, и выскочил на улицу. Взмахнув метлой, как бейсбольной битой, ударил ею по телефонному столбу. Он сделал это с такой силой, что метла раскололась пополам, часть ее вылетела на Бродвей, где, к счастью, машины стояли на перекрестке перед светофором. Затем он выбросил оставшийся обломок на улицу и ворвался обратно.

Все наблюдали за Дюком, когда он вернулся. Он указал на меня, нахмутив брови под своей фирменной закатанной красной банданой, повязанной вокруг лба.

— Ты закончила, — постановил он низким и едва контролируемым хриплым голосом.

Я кивнула, слишком испугавшись, чтобы делать что-то еще.

Затем он указал на Эдди.

— У тебя два дня, чтобы разобраться с этим дерьмом. Если ты этого не сделаешь, Джет и ее мама исчезнут. Повсюду есть парни, которые мне чем-то обязаны. Если она останется в такой опасности, я сажаю ее на байк, и она исчезает. Понял меня?

Эта вспышка застала меня врасплох.

Во-первых, я не знала, что так сильно нравлюсь Дюку. Дюк был довольно угрюмым, так что я решила, что он, в основном, терпел меня. И даже если я ему и нравилась, то

недостаточно для того, чтобы сломать метлу, и определенно не для того, чтобы пойти на конфронтацию с Эдди. Во-вторых, я беспокоилась из-за того, что Дюк пошел на конфронтацию с Эдди. Я не думала, что Эдди это понравится.

— Остынь, *hombre*, — сказал Эдди предупреждающим тоном.

Так и есть, Эдди это не понравилось.

— Я остыну, когда мне не придется запрыгивать на байк посреди ночи, чтобы убедиться, что одной из моих девочек не снесли голову.

— Дюк, у меня всего лишь царапина, — вставила я, чувствуя, как слова «одна из моих девочек» скользят по мне, как шелк.

Его глаза остановились на мне.

— Мне, бл*ть, насрать! Ты видишь, где она? Полтора дюйма и тебе снесло бы башку. Господи Иисусе, мать вашу! — взорвался он.

У меня не было возможности разрядить ситуацию, я почувствовала на себе чьи-то руки. Меня вытянули из Удержания Эдди и заключили в объятия. Я почувствовала, как фланелевая рубашка Текса прильнула к моей щеке, а затем его борода прижалась к моему лбу.

— Гребаная Чокнутая, — прошептал он, абсолютно без грохота в голосе.

Этого я вынести не могла. Текс всегда говорил громко. На глаза навернулись слезы, и мне не удалось их сдержать.

— Я в порядке, — тоже прошептала я.

— Мир обеднел бы, лишись он тебя, — прошептал он в ответ, правда, прошептал.

— Я в порядке, — повторила я, обнимая его за талию или пытаюсь это сделать, — он был большим парнем, — руки не сходились до конца друг с другом.

Если бы две недели назад вы мне сказали, что я буду обнимать Текса, я бы рассмеялась вам в лицо. Но вот оно.

Его объятия ослабли, и он развернул меня к маме. Она притянула меня к себе одной рукой, и это положило начало раундам объятий, поцелуев в щеку (за исключением Бланки, которая смачно чмокнула меня прямо в губы) и куче «я в порядке».

Должна признать, все это ударило по сердцу. Угодив в вихрь собственного хаоса, вы не осознаете, насколько сильно тянете за собой всех остальных.

В конце концов, я сгорбилась, измученная, на диване между мамой и Трикси, моя голова лежала на мамином плече, ее голова покоилась на моей. Носовой платок Ады с большей частью моей туши на нем был зажат в моей руке.

— Прости, — сказала я маме, — я просто хотела все исправить.

Она подняла голову и посмотрела на меня сверху вниз.

— Можешь сделать мне одолжение, куколка?

Я кивнула.

— На этот раз можешь позволить кому-то другому все исправить?

Я посмотрела на стоявшего неподалеку Эдди, который и собирался все исправить. Он тихо разговаривал с Мейсом. Прервавшись, они вышли наружу.

Проклятье.

Я вздохнула.

Как бы сказал Эдди: по одному делу за раз.

— Конечно, — пообещала я маме.

Мама расслабилась, прижавшись ко мне.

— От этого мне намного лучше.

Бланка, сидевшая напротив нас, сказала что-то по-испански. Я посмотрела на нее.

— Простите? — спросила я.

Она покачала головой, но Глория ответила:

— Она сказала, что ты стоишь того, чтобы подождать.

Я крепче сжала носовой платок.

Да.

У меня проблемы или что?

— Спасибо, — это все, что я смогла придумать в качестве ответа.

Тут подошла Ада, ее глаза сверкали, и она указала на Вэнса.

— Вон тот парень — охотник за головами, и у него есть мотоцикл, и он сказал, что возьмет меня покататься.

Боже милостивый.

Я представила Аду на заднем сиденье «Харлея» Вэнса и, не удержавшись, расхохоталась.

Мейс исчез, но Эдди вернулся, и я не была уверена, что могу прочитать по его лицу, что же произошло между парнями, за исключением того факта, что, о чем бы он ни думал, это было нехорошо.

Я встала и подошла к нему. В ту минуту, когда я оказалась в пределах досягаемости, он схватил меня за руку и притянул ближе, скользнув рукой ниже по моей талии, прижал к себе и прикоснулся губами к моим губам.

— Мне пора на работу, — закончив, сказал он.

Хм. Он пытался использовать тактику уклонения.

— Как все прошло с Мейсом? — поинтересовалась я, не позволяя ему сорваться с крючка.

Его глаза блеснули — нехороший знак.

— Моя позиция ему ясна.

Не так уж много информации.

— Эдди...

Рука, не обнимавшая меня за талию, потянулась к моей шее, и наши глаза встретились.

— Держись от Мейса подальше, — предупредил он.

Ой-ой.

— Что это значит? — потребовала я.

— Это значит: держись от Мейса подальше.

— Эдди.

Он сжал меня еще крепче.

— Мейс знает мою позицию, я знаю позицию Мейса. Теперь, зная ее, я прошу тебя держаться от Мейса подальше.

Мои глаза вылезли из орбит.

Что это значило?

Нет, я не хотела знать.

Я старалась держаться уверенно.

— Мы с Мейсом никогда не пересечемся, он — ночной человек.

— Хорошо. — Он еще раз прикоснулся к моим губам, так что, полагаю, был удовлетворен моим ответом, а затем сказал: — Я говорил с Ли, у тебя есть защита в любое время, когда ты не со мной. Первым будет Мэтт.

Нет.

Нет, нет, нет.

— Эдди! Я не могу...

— *Chiquita*, никаких споров. Я являлся свидетелем подобных сцен, что мы только что пережили, войдя сюда, но всегда был лишь сторонним наблюдателем. Мне не нравится быть частью сцены, когда уважаемые мною люди ломают метлы и бросает ультиматумы мне в лицо. Ты не со мной, у тебя есть телохранитель. Конец дискуссии.

Я отвела Взгляд, на самом деле он был просто для вида, и Эдди знал это, должно быть, поэтому улыбнулся.

— Ты очаровательна, — сказал он.

— Нет, — ответила я.

Он снова коснулся моих губ, на этот раз по-другому: дольше и с языком.

Ммм, вкуснятина.

Я полностью погрузилась в Дурман Эдди, он заправил мне волосы за ухо, а потом исчез.

* * * * *

Через десять минут после ухода Эдди вошла Дейзи.

Время было неподходящее. Все только начинало успокаиваться.

Трикси вернулась в свой салон, а Глория отвезла Бланку домой. Ада проводила день в кофейне с мамой, пока мы с Тексом работали. Лотти и Инди отправились дальше по улице в «Уолгрин» за газетой, чтобы Лотти подыскала себе квартиру. Тода и Стиви впереди ждали рейсы, поэтому они поехали домой. Дикая Банда и Хэнк разошлись, оставив с нами Мэтта.

Дейзи, в джинсовых сапожках на платформе с блестящими заклепками и стразами по бокам, бросила на меня один взгляд и резко остановилась.

— Ну, разве не замечательно! — огрызнулась она тоном, который говорил, что она считала это каким угодно, только не замечательным. — У тебя останется шрам, сладенькая, я разорву морду Винсу Фрателли своими гребаными ногтями!

Эм... ой!

— Дейзи, я в порядке, — в миллионный раз повторила я за этот день.

Она выставила Руку.

— Это все вина Маркуса. Вчера вечером я все ему рассказала. Он обещал все исправить. Если он этого не сделает, я устраиваю ему засушливый период, понимаешь, о чем я?

На самом деле, я не понимала, но она была в ударе, так что объяснений долго ждать не пришлось.

— Он не получит от меня ни кусочка, пока я не удостоверюсь, что от тебя больше не отделится ни кусочка. *Comprende?* Нам с тобой нужно договориться о встрече Маркуса и Эдди, и мы разберемся с этим дерьмом.

Это нехорошо. Я не думала, что Эдди запрыгает от радости при мысли о встрече с Маркусом.

Конечно, Дейзи, которая все знала, уже все поняла.

— Ни о чем не беспокойся, дорогая. Я в курсе, что наши мальчишки не самые лучшие друзья. Нам просто нужно назначить им секундантов. Чтобы те сохранили мир. Маркус выбрал Смита, полагаю, Ли займется Эдди.

— Дейзи...

Снова Рука.

— Слишком поздно, Маркус уже сделал свой ход. Он не любит засуху, поэтому и валять

дурака не станет. Думаю, Эдди скоро позвонит. Ты просто должна уговорить его на это.

Великолепно.

Возможности спорить меня лишили, Дейзи закончила говорить и огляделась. Ее взгляд остановился на маме.

— Это твоя мама? — взвизгнула она, резко изменив настроение, и подошла к маме, наклонилась и крепко ее обняла. — О-о-о, мне не терпелось встретиться с вами.

Ада смотрела на Дейзи огромными глазами. Мама выглядела ошарашенной, или, возможно, ее лицо застыло от соприкосновения с суперфиксирующим лаком для волос Дейзи.

— Мне нравятся твои сапожки, — сказала Ада.

Дейзи обратила взгляд голубых глаз к Аде.

— Ну, разве вы не милашка? Я Дейзи.

Я оставила их знакомиться и отошла к стойке с эспрессо.

— Такое чувство, что я стою на зыбучих песках, — сообщила я Дюку, Тексу и Джейн.

— Потому что так и есть, — парировал Дюк, хмуро глядя на Дейзи. Он протопал к книжным стеллажам и исчез.

Дерьмо и проклятье.

Мой сотовый был у меня в заднем кармане, и я услышала его сигнал. Вытащив его, на эране я увидела: «Эдди».

Я вздохнула, затем нажала «ответить» и произнесла:

— Это не моя идея, я не имела к ней никакого отношения, клянусь.

— *Chiquita*... — начал Эдди.

— Ты не обязан этого делать, — прошептала я, чтобы Дейзи не услышала. — Я что-нибудь придумаю и вытащу тебя из этой ситуации.

— Я уже договорился о встрече.

Я замолчала, затем сказала:

— Эдди...

— Помнишь мои слова о том, что я хочу, чтобы ты встретила свой следующий день рождения?

Зыбучие пески захлюпали по моим ботинкам и направились к коленям.

— Эдди...

— Держись ближе к Мэтту. Не волнуйся, *Chiquita*, все будет хорошо. Я позвоню тебе позже.

Затем связь оборвалась.

Я выключила телефон и посмотрела на Текса, он наблюдал за мной.

— Эдди только что согласился встретиться со своим смертельным врагом ради меня. Дейзи устроила Маркусу засуху. Дюк сломал метлу. Ли тратит деньги на то, чтобы обеспечить меня охраной. Это продолжается, продолжается и продолжается. Как такое происходит? Почему это происходит? — И мне действительно хотелось знать.

Текс нежно накрыл широкой, сильной ладонью мою макушку.

— Что посеешь, то и пожнешь, Чокнутая. — Затем его ладонь исчезла, и он прогремел через весь магазин: — Эй, Дейзи. Что будешь?

Я стояла за стойкой с эспрессо, позволяя второй, гораздо более краткой лекции о карме омыть меня.

Тогда, к черту все. Если каждый так стремился быть со мной милым, пусть. Разберусь с

последствиями позже. Я мысленно вытащила себя из зыбучих песков, Дейзи подошла к стойке с эспрессо и заказала мокко с двойным шоколадом и обезжиренным молоком.

Я уставилась на нее.

— Шоколад полезен, молоко — нет. Мне все равно, что говорят знаменитости с усами от молока в этих дурацких рекламах, — объяснила мне Дейзи.

Как угодно.

— Ты знаешь, где живет Ширлин? — спросила я ее.

— Нет, но могу выяснить. Мы ее навестим?

Я не рассчитывала, что это будем «мы», но опять же, с Дейзи по-другому и быть не могло.

Я повернулась к Тексу.

— Сделай кофе на вынос.

Я повернулась к Дейзи.

— Звони.

Затем повернулась к Мэтту.

— Заводи внедорожник, мы уезжаем.

Дейзи наблюдала за мной.

— Черт, сладенькая, Винс вбил в тебя немного властности или что? — спросила Дейзи.

Текс тихо усмехнулся.

— Мне не разрешено шутить о стрельбе, — сообщила я ей, когда Текс протянул ей стаканчик.

— Кем? — спросила Дейзи.

— Эдди, — ответила я.

Она слегка наклонила голову и кивнула.

— Что я говорила о кофеварке?

Ну, супер.

* * * * *

Ширлин жила в закрытом сообществе; новые, большие, модные дома, построенные так близко друг к другу, что можно передать соус через окно соседям. Тем не менее, дом был лучше, чем все, где я когда-либо жила, поэтому я подозревала, что управление баром с покерным столом в задней комнате хорошо оплачивается.

Дейзи, Мэтт и я направились к дому (ну, Мэтт, скорее, плелся за нами, выглядя так, будто предпочел бы быть где угодно, но только не здесь, даже в пылу очередной перестрелки, или под пытками, когда ему ногти будут вырывать с корнем, потому что всю дорогу слушал Дейзи, которая трещала со скоростью мили в минуту, перепрыгивая с темы на тему, варьируя от угроз мести до советов по уходу за кожей).

Дейзи постучала в дверь, и через несколько секунд та открылась.

Там стоял Дариус.

Какого черта?

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, слишком потрясенная его присутствием, чтобы проявить вежливость.

— Мы с Ширлин — семья, — ответил он, явно не удивленный моим потрясением.

Замечательно.

Только я могла сделать так, чтобы члена семьи страшного наркоторговца вырубил из-за моих проблем.

Такова моя гребаная удача.

Но не стоит сейчас об этом, просто нужно смириться.

— Можно нам поговорить с ней? — спросила я.

Он отступил, широко распахнув дверь, и пропустил нас внутрь.

Полдюжины человек околачивались в гостиной/кухне открытой планировки с высокими потолками. Все наблюдали за нашим появлением.

Ширлин лежала на большом мягком диване в рисунок из дерзких черных завитков на белом фоне. От одного взгляда на него у меня закружилась голова.

Она выглядела прекрасно, но откуда мне было знать, я же не медсестра.

— Привет, Ширлин, — поздоровалась Дейзи.

— Привет, малышка Дейзи, — ответила Ширлин с широкой улыбкой, затем ее глаза скользнули по мне, и улыбка исчезла.

Я не восприняла это как хороший знак.

Я не знала, что сказать, поэтому просто поздоровалась:

— Привет, Ширлин.

— Что у тебя с головой? — спросила она.

Я посмотрела на Дейзи, потом снова на Ширлин.

— Фрателли держал меня на мушке. Меня задело, когда я пыталась убежать.

Ее глаза расширились, затем губы сжались.

— Ты в порядке? — спросила она.

Я кивнула.

— А ты? — спросила я.

— Башка трещит, и я чертовски зла, но в остальном в порядке.

— Прости меня, — сказала я.

— За что?

Если она не знала, я не была уверена, что хочу ее просвещать.

Ну да что уж там, сказала А — говори и Б.

— Ты пострадала по моей вине.

Услышав это, она расхохоталась.

— Девочка, у тебя крыша поехала. Это ты ударила меня по голове?

— Нет, — ответила я.

— Не беспокойся о Ширлин, Ширлин может сама о себе позаботиться. А если не сможет сама, то найдет того, кто это сделает.

Вот тогда Ширлин посмотрела на Дариуса.

— Ты знал, что Джет подстрелили? — спросила она.

Он кивнул.

— Тогда, сынок, ты знаешь свое дело?

Он снова кивнул, на этот раз уголки его губ слегка приподнялись.

Происходило что-то страшное, и я поняла, что это правда, когда Мэтт напрягся, а широко раскрытые глаза Дейзи повернулись ко мне.

— Ширлин, — сказала Дейзи, поворачиваясь к Ширлин. — Я подключила к делу Маркуса.

— Хорошо, а я подключила к делу Дариуса. Значит, эти тупоголовые ублюдки никуда не денутся, не так ли? Или они считают, что могут связываться с Ширлин и стрелять в моих друзей? Не-а, я так не думаю.

Нет.

Нет, нет, нет.

Ладно, мне понравилось, что Ширлин не злилась на меня и считала другом, но, видимо, здесь речь шла о том, чтобы кого-то замочить. Да, я хотела, чтобы мои проблемы исчезли раз и навсегда, но не была готова к такому.

— О чем мы здесь говорим? — спросила я.

Ширлин открыла рот, чтобы ответить, но вмешалась Дейзи:

— Ее мужчина — Эдди Чавес.

Рот Ширлин захлопнулся, а глаза расширились.

Великолепно. Теперь Эдди — «мой мужчина».

Я сделала глубокий вдох.

Как угодно.

— Правда, я не могу... — начала было я.

— Замолчи, возьми себе чай со льдом и прижми свою задницу. Мы будем смотреть «Дни нашей жизни».

Без дальнейших церемоний она включила телевизор, и кто-то протянул мне чай со льдом. Я слишком испугалась Ширлин, чтобы послушаться ее приказа смотреть «Дни нашей жизни», хотя у меня имелись другие дела, много дел, например, сказать Эдди, что я почти уверена, как Ширлин только что отдала приказ убить Винса Фрателли. Вместо этого я прошла вперед и села в фиолетовое, как динозавр Барни, кресло.

Ширлин наблюдала, как Мэтт и Дариус направляются к двери.

— У нее есть защита Найтингейла, — сказала Дейзи, устраиваясь со стаканом чая со льдом на вызывающем мигрень диване у ног Ширлин.

— Я уже поняла, услышав, как его армия пронеслась прошлой ночью. Этот парень превратился из неуправляемого мальчишки в крутого ублюдка и теперь пугает меня до усрачки.

Я немного удивилась, услышав, что Ли может напугать Ширлин до усрачки. Ширлин, казалось, ничего не боялась. Хотя я понимала, к чему она клонит, и кивнула ей в знак согласия. Она заметила мой кивок и посмотрела на меня.

— Что за история у тебя с Эдди?

Прежде чем я успел ответить, вклинилась Дейзи.

— На днях они вместе купили кофеварку.

Глаза Ширлин чуть не вылезли из орбит, а потом она расхохоталась.

— Эдди Чавес и кофеварка! Твою мать! Дариус, ты это слышал? — позвала она.

Дариус стоял в дверях с Мэттом, смотрел в конец коридора, недовольный тем, что его прервали.

— Слышал, — отрезал он.

— Джет, девочка, такими темпами ты станешь легендой. Вдарила Фрателли по яйцам, ходишь с телохранителями Найтингейла и покупаешь кухонную технику с гребаным Эдди Чавесом. Че-е-ерт. Дариус! — крикнула она, не проявляя никаких признаков сотрясения мозга или того, что ее заботит, что Пугающий Дариус не хотел, чтобы его прерывали. Я решила сосредоточиться на этом полупозитивном факте, а не на новом настораживающем повороте в разговоре. — Сколько девушек пожалели, что не купили кофеварку с Эдди? Сотня наберется?

Я послала вест Милостивому Господу, что очень-очень нуждаюсь в спасении.

Дариус не ответил.

По крайней мере, хоть что-то.

Затем Ширлин наклонилась ко мне, и я поняла, что должна более конкретно выражать свои просьбы Владыке.

— Дариус — мой племянник, я знаю Эдди с давних времен. Этот паренек волочился за каждой лакомой попкой, которая двигалась. По сравнению с ним Ли Найтингейл — мальчик из церковного хора. Эдди поверг свою мать в отчаяние. Думаю, когда он стал полицейским, его родня написала папе римскому, утверждая, что это чудо. И даже после того, как он получил значок, он трахал все, что дышало, никаких кофеварок в поле зрения. Джет, девочка, ты крутая!

Дейзи откинулась назад и подогнула ножки в джинсовых сапожках на платформе под свою худенькую попку, готовясь ненадолго задержаться. Я сразу поняла, что должна была прийти одна, но поблагодарила себя, что никому не рассказала о тостере.

— Она считает себя скучной и не в его лиге, — вставила Дейзи.

Я бросила на нее убийственный взгляд.

Она издала звонкий смешок.

Ширлин ответила на это очередным взрывом веселья.

Я откинулась на спинку кресла, поставила чай со льдом на подставку, скрестила руки и ноги, одна из которых подпрыгивала от раздражения, и включила Взгляд.

— Не понимаю, что тут такого охеренно смешного, — заявила я им, и, может, мне не стоило ругаться и бросать вызов таким, как Дейзи и Ширлин, но я чувствовала себя немного разозленной. — Вот увидите. Когда все это закончится, он исчезнет, как дым.

Они не обратили внимания ни на слово с буквой «х», ни на мое вызывающее поведение. Они разразились взрывами смеха, и если бы начали, хихикая, кататься по полу, я бы не удивилась.

Когда они обрели над эмоциями контроль, Ширлин протянула руку одному из приспешников и щелкнула пальцами.

— Дай мне телефон, Ванда. Я должна позвонить Доротее. Это дерьмо слишком шикарно, чтобы им не поделиться.

Великолепно.

— Доротее? — спросила Дейзи, осторожно вытирая слезы, чтобы не размазать тушь.

Ванда протянула Ширлин телефон.

— Матери Дариуса. Ей такое понравится. — Ее взгляд остановился на мне, пока она нажимала кнопки большим пальцем. — Какой марки кофеварка, девочка?

Я посмотрела на телевизор.

— «KitchenAid», — буркнула я.

— Ого-о-о! Никакого глупого «Mr. Coffee» для Эдди Чавеса. Когда этот мальчик что-то делает, он делает это на всю катушку, — заявила Ширлин, поднося телефон к уху. — Доротее? Ты не поверишь!

Дейзи хихикнула, а я стиснула зубы.

У меня хреновая жизнь.

Серый

Я слушала, как Ширлин рассказывала матери Дариуса о кофеварке, очевидно, они обе оценили эту историю намного больше, чем я.

Затем мы посмотрели «Дни нашей жизни».

После пришла Доротея.

Она была хорошенькой, с нежным голосом, с глазами, которые засияли при встрече со мной, а затем погрузились в то, что, как я подозревала, было непрестанной печалью, которую она пыталась скрыть, но получалось это не слишком хорошо.

Она была не такой, какой я ожидала увидеть мать наркоторговца, выглядела обычной и доброй, очень похожей на Дариуса, когда он не наводил страха.

Когда мы собрались уходить, Доротея заставила меня пообещать передать всем знакомым привет от нее, а Ширлин заставила меня пообещать вернуться и посмотреть вместе с ней «Дни нашей жизни» и информировать ее о любых новых кухонных приборах, которые мы с Эдди приобретем вместе.

Дариус давно ушел.

Мэтт выглядел так, словно собирался попросить прибавку к жалованью.

Дейзи уехала, как только мы добрались до «Фортнума», и я узнала от Инди, что мама, Текс и Лотти были у нас на маминой физиотерапии, а затем собирались отправиться на «Эль-Камино» присмотреться к квартирам в округе.

Джейн и Дюк ушли домой, а я позвонила Эдди.

Ответа не последовало.

Я оставила сообщение:

— Перезвони мне.

Выключив телефон, я забеспокоилась, что должна была попрощаться или сказать что-нибудь остроумное и забавное. Поэтому я потратила некоторое время, пытаюсь придумать что-нибудь остроумное и забавное, что можно было бы сказать в следующий раз, когда мне придется оставить сообщение для Эдди. Потом я сдалась, потому что не была остроумной или забавной.

Мы с Инди закрыли магазин и стояли снаружи, запирая двери, когда что-то на тротуаре привлекло внимание Мэтта, и он кивнул.

— Пока, — сказал он, и это, возможно, было первое, что он произнес за весь день. Затем ушел.

— Парни Ли не любят обязанности телохранителей, они люди действия, — объяснила Инди.

Я кивнула и увидела, как к нам подошел Хэнк.

Хэнк был того же роста, что и Эдди, может, на дюйм выше. У него было тело атлета, худощавое и мускулистое. Густые темно-каштановые волосы и глаза цвета виски. Хэнк не казался крутым, плохим мальчиком. Хэнк выглядел как мальчик по соседству, за которого можно умереть. Хэнк был сыновней мечтой каждой матери и эротической мечтой каждой девушки. И у меня имелось смутное подозрение, что Хэнк — мой следующий телохранитель.

Инди поздоровалась с ним, а я уставилась на него.

— У тебя дежурство с Джет? — спросила Инди.

Хэнк покосился на меня.

— Да.

Он не казался довольным по этому поводу.

Инди рассмеялась и взглянула на меня.

— Не принимай это на свой счет. В последний раз, когда Хэнк играл в телохранителя, я привела его на ферму по выращиванию марихуаны, и это осветили во всех новостях. Не спрашивай, я расскажу тебе позже.

Она обняла меня и ушла.

Я стояла и смотрела на Хэнка, чувствуя себя неловко.

— Что теперь? — поинтересовалась я.

— Ужин, — постановил он, взял меня за руку и, настороженно озираясь по сторонам, повел по тротуару к черному внедорожнику «Тойота 4Раннер», припаркованному на улице.

— Эм... А где Эдди? Я звонила ему...

— Эдди занят, — ответил Хэнк, с писком разблокировав дверцы и ступив на проезжую часть, чтобы проводить меня к пассажирской стороне.

— Занят чем? Встречей с Маркусом?

Он посмотрел на меня.

— Она состоится позже.

— Когда?

— Намного позже.

Он открыл для меня дверцу.

Полагаю, это все, что я узнаю о планах Эдди на вечер.

Я села в машину, Хэнк за мной следом. Он завел двигатель и тронулся с места.

— Мне жаль, что тебе приходится это делать, — сказала я ветровому стеклу, чувствуя себя странно. Я часто бывала рядом с Хэнком, но никогда не оставалась с ним наедине. К тому же, по словам Элли, он считал меня горячей штучкой. Что мне делать с этим?

— Каждый должен ужинать, с таким же успехом можно сделать это с красивой девушкой, даже если она женщина друга.

Да. Слово на букву «ж».

* * * * *

Он повел меня в таверну «Бонни Брей», солидное семейное заведение на Университетском бульваре, которое не менялось семьдесят лет. Оно специализировалось на пицце, из-за которой некоторые вступили бы в бой, если бы им сказали, что она не лучшая в Денвере.

Я предпочитала «Famous».

Но говорить этого Хэнку не собиралась.

К счастью, в их меню имелись и другие блюда, ассортимент которых тоже не изменился за семьдесят лет. Выбор был большим и, по большей части, чертовски хорошим.

Мы устроились в зеленой кабинке, изобилие неоновых вывесок с изображением пива и атрибутики спортивной команды Колорадо создавали атмосферу Денвера. Я заказала сэндвич «рубен». Хэнк — чизбургер. Затем я проверила телефон.

— Ждешь звонка? — полюбопытствовал Хэнк напротив, откидываясь назад, вытягивая руку вдоль спинки диванчика и наблюдая за мной.

— Я оставила сообщение Эдди.

— Может пройти некоторое время, прежде чем он ответит тебе.

Я кивнула.

Хмм.

Дилемма.

Видите ли, во-первых, у меня не имелось большого опыта общения с горячими парнями. Ну, я думаю, в последнее время я потихоньку его набиралась, но в основном он включал в себя спор с Эдди, если мы не занимались сексом, или ситуации, когда я оказывалась на грани жизни и смерти. Ничего похожего на ужин в пиццерии. Во-вторых, я была почти уверена, что скоро будет совершено преступление, частично из-за меня, а Хэнк был полицейским. Я подумала, что должна сообщить об этом, хотя Ширлин мне нравилась, и я не хотела стать стукачкой.

И все же.

Я смотрела куда угодно, только не на Хэнка, пытаюсь придумать, что сказать. Когда у меня закончились места, куда можно было смотреть, я остановилась на его ухмыляющемся лице.

— Что? — спросила я.

— Это мило.

— Что? — снова спросила я.

— Ты стесняешься. Мне нравится. Это лучше, чем вызов, хотя тоже работает.

У меня отвисла челюсть.

Я захлопнула рот и сосредоточилась на вывеске пива «Coors» с намерением запомнить ее.

Хэнк наклонился вперед, и я посмотрела на него.

— Расслабься, Джет, я тебя не укушу.

Ой.

Ужин и так был достаточно тягостным, мне не нужны еще и видения того, как Хэнк меня кусает.

— У меня проблема, — выпалила я, решив настучать, а не тратить больше времени на мысли о ровных белых зубах Хэнка, впивающихся в мою плоть.

— У тебя много проблем, — парировал он.

Я бросила на него Взгляд. Я не включила его в полную силу, потому что не очень хорошо знала Хэнка, но все равно это был Взгляд.

— Да, — пробормотал он, его глаза стали веселыми, кокетливо-ленивыми. — Это тоже работает.

Боже милостивый.

Я сосредоточилась на своей цели.

— Мне нужно поговорить о моей проблеме.

Он снова откинулся на спинку диванчика.

— Давай, выкладывай.

— Ты же полицейский.

Его губы дрогнули, и он кивнул.

— Так вот, допустим, кое-кому — не важно, кто это — известно, что произойдет нечто плохое. Нечто очень плохое. Затем, это нечто плохое происходит. У этого кое-кого будут проблемы, если она... или он... не сообщит об этом в полицию, ну, сразу же?

Его взгляд снова изменился, флирт испарился, он пристально наблюдал за мной.

— Насколько это «нечто» плохое?

— Плохое, — ответила я.

— Как украсть шоколадку или еще хуже?

— Хуже, намного хуже.

Затем я перегнулась через стол и жестом попросила его сделать то же самое. Он сделал, и когда находился в паре дюймов от меня, я прошептала:

— Убийство.

Затем откинулась на спинку диванчика.

Вот, я сделала это.

Уф. Как груз с плеч свалился.

Хэнк оставался в той же позе, с каменным и серьезным лицом он поманил меня к себе пальцем.

Ой-ой.

Груз вернулся обратно.

Нехотя, но я снова наклонилась вперед.

— Расскажи мне, — потребовал он.

Я вздохнула.

Затем рассказала о Дариусе и Ширлин, не называя имен, но не нужно быть гением, чтобы понять это.

Когда я закончила, он откинулся на диванчик, и его рука снова легла на спинку сиденья. Он отвернулся и пробормотал:

— Твою мать.

Официантка подала нам еду, забрала стаканы с напитками и бросилась их обновлять, хотя мы оба сделали всего несколько глотков. По опыту я знала, как это может отразиться на ваших чаевых, если не следить за напитками.

— Ты поэтому хочешь поговорить с Эдди? — спросил Хэнк.

Я кивнула.

— Ли знает об этом?

— Мэтт был там.

— Ли знает об этом, — сказал он себе. Порылся в джинсах и вытащил телефон. Он проигнорировал свою еду, как и я, хотя я пропустила обед из-за чая со льдом и «Дней нашей жизни», так что действительно проголодалась.

Нажав кнопку, он поднес телефон к уху, сверкнул на меня глазами и произнес:

— Ешь. Мне нужно сделать несколько звонков.

Я принялась за еду.

Официантка вернулась с нашими напитками.

Хэнк сделал несколько звонков.

Потом тоже начал есть.

— Я не хочу, чтобы они злились на меня, — сказала я после того, как мы закончили.

— Кто?

— Люди, которые... ну, я думаю, они в некотором роде мои друзья и в некотором смысле делают это ради меня. Я считаю их хорошими людьми, делающими плохие вещи.

— Все просто. Плохое есть плохое, независимо от того, кто это делает и почему, а убийство — это самое худшее.

Он был прав. Хотя я полагала, что заставлять девушку жить в страхе быть изнасилованной — это довольно плохо.

— Джет, — позвал Хэнк, и я посмотрела на него. — У Фрателли сейчас есть один настоящий друг, и это ты. Маркус недоволен, не только потому, что Дейзи на него злится, но и потому, что Винс выставляет его в плохом свете. На встрече Эдди и Ли попытаются отговорить Маркуса от того, чтобы отдать тот же приказ, который ты слышала сегодня. Маркус притворится, что сыграет в эту игру, потому что, если он этого не сделает, Эдди на него набросится, ему нужен лишь повод. Но Маркус все равно отдаст приказ. Это единственный способ отправить сообщение. Винсу будет очень больно, потому что его заказали и Дариус, и Маркус. Если ты будешь информировать Эдди или меня об этом дерьме, когда что-то услышишь, возможно, мы сможем остановить это до того, как произойдет непоправимое.

Я кивнула.

Он наблюдал за мной.

— Ты не выглядишь счастливой.

— Я считаю, что предала друга, — прошептала я.

Хэнк поймал мою руку на столе и потянул за нее. Я подалась вперед и он тоже, но он не отпустил мою руку.

— Эдди рассказывал тебе о Дариусе? — спросил он.

Я кивнула.

— Я знаю и Дариуса, и Ширлин, наверное, всю свою жизнь. Дариус из хорошей семьи, но Ширлин неудачно вышла замуж. Ее муж, Леон, был сукиным сыном, подлым, как дьявол, и грязным преступником. Это он сбил с пути Дариуса. Ширлин тогда была другой, забитой и бессильной. Она не могла контролировать то, что происходило с Дариусом, а ее Леон уже давно втянул в это дерьмо. Леона убили два года назад, и когда король был мертв, Ширлин с Дариусом заняли свои места. Потому что это все, что они знают, и единственное место, где чувствуют себя в безопасности. У них другой свод правил, но этот свод — неправильный.

Я сглотнула, и его рука сжалась на моей.

— Джет, это неправильный свод. Ты поступила верно. Мне нравятся они оба, и я бы не хотел, чтобы кого-то из них посадили, но если это произойдет, они сядут заслуженно.

Я продвинулась еще немного вперед и спросила:

— Как ты все время живешь такой жизнью? Они твои друзья. Как тебе удастся? Я бы такого не вынесла.

Его взгляд изменился, а сжатие моей руки усилилось.

— Мне удастся, потому что их дерьмо не остается в их окружении, оно проникает в школы к детям и к старикам, желающим спокойной жизни, но вынужденным жить рядом с притонами, и к симпатичным девушкам, работающим в книжных магазинах, чьи отцы — говнюки. Кто-то должен защитить этих людей.

— И этот кто-то — ты.

— Я и Эдди.

— Ты не видишь серого.

Он отпустил мою руку.

— Прости?

— Ты видишь черное и белое, но не видишь серого, — пояснила я.

— Нет. Я не вижу серого, и это не моя работа, видеть серое — работа судьи, — сказал он на полном серьезе. Его лицо стало суровым и немного пугающим.

Я уставилась на него. Он был мальчиком по соседству, но мальчиком по соседству с

заостренными гранями.

— Ты тоже пугающий, — сказала я.

Он ухмыльнулся, отвлекая нас от этого момента.

— Я хороший парень.

— Ты пугающий хороший парень, — поправилась я.

Он подал знак официантке. Наш разговор был окончен.

— Давай отвезем тебя домой.

* * * * *

Под «домом» Хэнк подразумевал дом Эдди. Он припарковался на улице, я впервые открыла дверь своим ключом и впустила нас.

Хэнк сел и сразу же нашел по телевизору футбольный матч.

(Почему по телевизору всегда показывали футбол? Неужели люди из спортивной индустрии не отдыхали по вечерам?)

Я взяла нам с Хэнком по бутылке пива и позвонила маме и Лотти. Они с Тексом играли в настольную игру-викторину. Я позвонила Дейзи. Она ждала в своем Денверском замке возвращения Маркуса и делала массаж лица. Я позвонила Элли. Она прокричала мне что-то сквозь толпу в «Брате». Я позвонила Инди. Она присматривала за Чаулиной, пока Тод и Стиви летели, Бог знает куда (слова Инди), и пекла печенье, чтобы принести его завтра в «Фортнум».

У меня закончились те, кому я могла позвонить, поэтому я сняла обувь, закинула ноги на столик, откинулась на спинку дивана и сделала глоток пива.

Я посмотрела игру около пяти секунд.

Потом мне стало скучно.

— Мне скучно, — сообщила я Хэнку.

Взгляд Хэнка скользнул по мне, затем вернулся к игре.

— Не уверен, что смогу устроить для тебя твой вид развлечений, — сказал он.

— Что за вид?

— Стрельба из электрошокера, бегство, спасение своей жизни, драки в барах. Мы могли бы куда-нибудь пойти и попытаться что-то придумать, но, полагаю, Эдди этого не одобрит.

— У тебя нет никаких преступников, за которыми нужно проследить? — с надеждой спросила я, звуча удручающе, как Ада. Это было бы не очень весело, но хоть что-то. — Я сделаю термос с кофе.

Уголки его губ приподнялись.

— Сегодня я не на дежурстве.

Хмм.

— Ты умеешь играть в покер? — сделала я еще одну попытку.

Его глаза вновь скользнули по мне.

— Ты играешь в покер? — спросил он.

— Нет, думала, ты меня научишь.

Его взгляд снова стал лениво-кокетливым. Я тут же пришла к выводу, что это плохая идея, но было уже слишком поздно. Он выключил телевизор, встал, взял меня за руку и потянул за нее.

— Давай посмотрим, найдется ли у Эдди колода карт.

* * * * *

— Черт, Хэнк. Seriously?

Мне снился сон: Эдди говорил и казался немного раздраженным.

— Она заснула. Я не хотел ее будить.

Это сбивало с толку, теперь говорил Хэнк, и его голос звучал с некоторой долей веселья.

Я привыкла к снам об Эдди, но Хэнк мне еще не снился. Сон о Хэнке и Эдди, вероятно не сулил ничего хорошего.

Я попыталась открыть глаза.

Они открылись, и я увидела длинную ногу, которая завершалась коричневым ботинком на кофейном столике. За кофейным столиком виднелась еще одна пара ног в выцветших джинсах. Я провела взглядом вверх по джинсам, увидев ремень Эдди, затем пресс Эдди, затем грудь Эдди, затем лицо Эдди.

— Привет, — все еще полусонно поздоровалась я с Эдди.

Он смотрел на меня сверху вниз, и я была права, немного с раздражением.

Я моргнула.

— Что? — спросила я.

— Не хочешь убрать голову с колен Хэнка?

Я резко поднялась и развернулась так быстро, что у меня закружилась голова, и мне пришлось выбросить руку вперед, чтобы удержаться на ногах. Она приземлилась на бедро Хэнка. Я отдернула ее, будто обожглась, и уставилась на Хэнка.

Он ухмылялся мне.

Моя гребаная удача.

Определенно, мальчик по соседству с заостренными гранями.

Он протянул руку и обхватил меня за затылок. Наклонился вперед, поцеловал меня в лоб, отстранился и посмотрел мне в глаза.

— Веселый вечерок, Джет, — сказал он.

Затем встал, улыбнулся Эдди и сообщил:

— Мы поужинали, поиграли в покер, в нас не стреляли, и она заснула, смотря фильм. Тебе стоит поблагодарить меня.

Эдди уставился на него, явно не испытывая благодарности. От этого усмешка Хэнка превратилась в полноценную улыбку.

— Я сам найду выход, — предложил Хэнк, не переставая улыбаться. Он считал это забавным.

Я встала и перевела взгляд с Эдди на Хэнка. Эдди также не испытывал желания проявить вежливость, поэтому я последовала за Хэнком к двери.

— Спасибо, Хэнк, — поблагодарила я, когда он переступил порог.

Он повернулся, подмигнул мне и исчез.

Я заперла за ним, начала поворачиваться к комнате и врезалась плечом в Эдди.

Я посмотрела на него снизу вверх.

Ой-ой.

— Повеселилась? — спросил он.

На самом деле, да. Хэнк выбивал из меня дерьмо с каждым раундом в покер, но так как мы играли на крендели, я не слишком возражала. Он также возмутительно флиртовал со мной, что поначалу чертовски пугало. Потом я поняла, что он просто играет со мной, и мне это тоже показалось забавным.

Ничего этого я Эдди не сказала.

Я четко и ясно видела, что Эдди не счел бы все это забавным.

— Эдди...

Он не дал мне закончить, его ладони легли мне на талию, он притянул меня к себе, а потом они поднялись, и вместе с ними поднялась моя футболка. А потом она исчезла.

— Эдди...

— Сегодня вечером я устраивал посиделки с Маркусом, — сказал Эдди, пятясь и увлекая меня за собой. — Маркусом — торговцем оружием, наркотиками и шлюхами. Наркоту он сам не производит, в основном, его бизнес сосредоточен на торговле плотью и дурью.

Ой!

Мы миновали кофейный столик и диван, и я подумала, что мы направляемся в спальню, но ошиблась. Вместо этого он повернул нас, прижимая меня спиной к стене, а сам навалился сверху.

— Мы заключили сделку. Он находит Винса, Ловкача или твоего отца и передает их мне. Поскольку он ищет их всех, в основном, ради Дейзи, это не так уж и плохо, если только, в итоге, он не передаст их мне.

Его руки были на моих джинсах, по ходу разговора он расстегнул ремень, а затем молнию. Остановился, низко наклонился, чтобы одной рукой стянуть джинсы вниз, цепляя вместе с ними нижнее белье, а другой рукой на моем животе прижимая меня к стене.

Боже милостивый.

— Эдди...

Он выпрямился, обе его ладони легли мне на ягодицы, и он дернул меня вверх. Я обхватила его руками и ногами, чтобы удержаться, и он крепко прижал меня к стене. Мой желудок скрутило не совсем неприятным образом (на самом деле, довольно приятным).

Его губы коснулись моей шеи, и он продолжил рассказ.

— Проблема в том, что Маркус ничего не делает просто так.

Зубами Эдди нежно прикусили мочку уха, и я вздрогнула.

Затем он продолжил шептать мне на ухо:

— Итак, чтобы он отдал мне этих парней, — и существует хороший шанс, что он найдет их раньше меня — я должен сделать для него кое-что взамен.

Он сделал паузу, проводя языком по моей челюсти, и я ничего не могла с собой поделать, мне хотелось разозлиться или возмутиться, но я была возбуждена. Я не знала, что это говорило обо мне, но мне было все равно.

Его губы скользнули от моей челюсти к щеке, а затем он сказал мне в губы:

— Мне не нравится быть обязанным Маркусу.

Я затаила дыхание, открыла глаза и посмотрела в его глаза.

Они сверкали и будто пылали. Очередной новый взгляд.

— Прости, — прошептала я.

Он отпустил мою задницу, но я держалась крепко.

Его рука скользнула между нами и начала расстегивать джинсы.

— Простить за то, что я сказал о Маркусе или за то, что пришел домой, к тебе, а твоя голова лежит на коленях Хэнка?

Мне следовало сказать: «И за то, и за другое».

Вместо этого я заявила:

— За Маркуса. Я не специально улеглась на колени Хэнка, так просто случилось.

Его пальцы переместились с джинсов ко мне, и без предупреждения один скользнул внутрь.

— О, боже, — прошептала я. Ничего не могла с собой поделать, это было так приятно, что заслуживало «о, боже».

— Так много дерьма «просто случается», когда ты с другими парнями, — тихо сказал Эдди, его губы все еще прижимались к моим, затем его пальцы задвигались, подключая к игре большой палец, мои кости расплавились, я закрыла глаза и подалась бедрами к нему.

— Это ничего не значит, — выдохнула я.

— Джет, открой гребаные глаза и посмотри на меня.

Я сделала, как он велел.

Его глаза прожигали меня насквозь. В разгар возбужденного оцепенения я поняла, что что-то происходит, и это во многом связано со вспыльчивым характером Эдди, его словом на букву «ж» в отношении меня, и тем, что Эдди не нравится, вернувшись домой после дерьмового задания, которое он выполнял ради меня, обнаружить мою голову на коленях другого мужчины.

Нельзя сказать, что я винила его в этом.

Его пальцы продолжали свою пытку, пока он говорил.

— Тебе надо очнуться и увидеть то, что происходит вокруг тебя. Если думаешь, что Хэнк не хочет этого... — Его палец вышел, а затем вернулся, и я была почти уверена, что к нему присоединился еще один. — То ты ошибаешься.

Мне было трудно сосредоточиться на нашем разговоре, но я чувствовала, что он важный.

— Хэнк твой друг, — попыталась я объяснить, — он видит только черное и белое, играет по правилам хорошего парня. Он сам мне так сказал. Он бы ничего со мной не сделал.

Эдди не был убежден.

— Видимо, до сих пор я проявлял ангельское терпение к твоему дерьму, но предупреждаю тебя, сегодня все закончится. Ты понимаешь?

Я кивнула, хотя на самом деле не понимала, но начинала понимать.

Его пальцы исчезли, но тут Эдди проник в меня и сразу же начал двигаться.

— Ты не понимаешь. Ты ни хрена не понимаешь, — сказал он мне в шею.

Я никогда не занималась сексом у стены или где-то еще, кроме кровати, за исключением, конечно, того, что мы с Эдди делали в душе. В душе не было секса как такового, поскольку он не включал проникновение и акробатику, только пальцы, губы и последующие оргазмы. В основном, мои оргазмы.

Ладно, все оргазмы были мои.

Все это было для меня в новинку.

Новое и вкусное.

Я рискнула отпустить одну руку, другой изо всех сил цепляясь за его плечи, и запустила пальцы в его волосы.

— Эдди, — прошептала я.

Он поднял голову.

— Что? — спросил он, не переставая двигаться.

— Ты закончил говорить?

Он вжался в меня бедрами, и я прикусила губу.

— Да, — подтвердил он.

— Тогда, пожалуйста, поцелуй меня.

Сверкание из его глаз исчезло, осталось лишь пламя. Я почувствовала глубоко в животе облегчение, затем толчок куда-то очень глубоко, после чего Эдди подчинился.

Окровавленная футболка и контейнер с биологически опасными отходами

Зазвонил будильник, Эдди нажал кнопку и скатился с кровати.

Я напряглась, ожидая, что он выдернет меня за собой, но ничего не произошло.

Я услышала, как он ходит по комнате, и открыла глаза, заметив, что было темно, очень рано, и я искренне надеялась, что он встал только для того, чтобы воспользоваться удобствами или запрограммировать кофеварку.

Я снова провалилась в сон.

Затем услышала писк кнопок, будто кто-то жал на них, и открыла глаза.

Я лежала на кровати на стороне Эдди, обнимала его подушку и вдыхала запах Эдди, вероятно, как тот, что остался на подушке, так и тот, что исходил от него. Сам Эдди сидел на корточках у кровати, полностью одетый, и возился с будильником.

— Эдди? — пробормотала я.

Он повернул голову ко мне:

— Ш-ш-ш, *Cariña*, засыпай.

Я посмотрела на время, было еще очень рано.

Приподнявшись на локте, я пробормотала:

— Что происходит? — Было так рано, что я не могла полностью сформулировать свои мысли.

Он поднялся с корточек, но присел на край кровати.

— Я ухожу на работу.

Я моргнула, быстро приходя в себя.

— А как же наш душ?

— Может, примем душ позже.

Что-то было не так. Эдди очень нравился наш душ (или, так мне казалось).

Я села, чувствуя себя странно и, возможно, немного испуганно.

— Ты злишься на меня? — прошептала я.

Он протянул руку и заправил прядь волос мне за ухо.

— Почему ты так думаешь?

Я почувствовала, как что-то перехватило мне горло.

Я знала, что это было.

Страх.

Ладно, кажется, я была очень напугана.

— Прошлой ночью... Хэнк, — начала я.

Секунду Эдди не двигался, потом обхватил меня за талию и притянул к себе, усаживая к нему на колени.

Затем его губы коснулись моей шеи, и он сказал:

— Прошлой ночью я не злился на тебя.

— Ты определенно казался разозленным.

— Это не злость, а раздражение.

Боже милостивый, если это была не злость, не уверена, что мне хотелось увидеть Эдди злым.

Он поднял голову и посмотрел на меня в темноте.

— Мне не нравится Маркус, — сказал он.

— Думаю, я уже поняла это.

Могу поклясться, что даже в темноте я разглядела его улыбку.

— Мне также не нравится видеть тебя с другими парнями.

— Я не была с другими парнями.

— Вэнс?

Хмм.

— Мейс?

Ну, что тут сказать? Это была ситуация жизни и смерти.

— Хэнк?

На самом деле, для этого у меня не было оправдания.

— Я буду стараться сильнее, — заверила я.

— Старайся очень сильно.

Ой.

Время сменить тему.

— Эдди?

— Да?

Его руки напряглись, и я прильнула ближе. Обхватила руками его за талию и опустила голову ему на плечо.

— Вчера ничего не произошло. В меня никто не стрелял, и я ни с кем не подралась, и мой электрошокер весь день пролежал в сумочке. Если не считать того, что Ширлин сказала Дариусу замочить Винса, день вчера был хороший.

Эдди замер, когда я упомянула Ширлин и Дариуса.

— Не волнуйся, я рассказала об этом Хэнку. Он сделал несколько звонков, — заверила я его.

— Ли сказал мне вчера. Поэтому ты оставила мне сообщение?

Я кивнула, уткнувшись ему в плечо.

Его тело расслабилось.

— По-моему, нам стоит отпраздновать, — решила я, поднимая голову, чтобы посмотреть на него. — Не то, что Дариус замочит Винса, а день, когда со мной не приключилось ничего, от чего волосы встали бы дыбом. Вечером я приготовлю тебе ужин.

Он провел рукой по моим волосам сбоку, а затем поцеловал меня в шею.

— Ужин звучит хорошо, — сказал он ласково.

Мой живот скрутило.

— Может, мама и Лотти придут. И Текс.

— Я думал, твоя сестра переезжает в Денвер?

— Все верно.

— Они могут прийти в другой раз.

Мой живот скрутило, переходя в спазм ниже.

— Хорошо, — согласилась я.

Он прикоснулся к моим губам поцелуем.

— Почему ты уходишь так рано? — спросила я, когда он закончил.

— Дела.

— Мои проблемы?

— Твои проблемы.

Супер.

Я реально заноза в заднице.

Я уткнулась лицом ему в шею.

— Прости, — пробормотала я, прижимаясь к его коже, — я ненавижу это.

— *Mi amor*, скоро все закончится.

— Надеюсь, кто бы мог подумать, но мне захочется вернуться к своей прежней, скучной, обычной жизни.

Тело Эдди затряслось от тихого смеха.

— *Chiquita*, не уверен, что ты способна жить скучно и обычно.

Хотела бы я, чтобы он был прав.

— Просто подожди и увидишь, — пробормотала я.

Он ничего не сказал, но даже в молчании, он мне не верил.

— Я установил будильник на более позднее время, Бобби будет здесь в 7:30, чтобы отвезти тебя в «Фортнум».

Бобби был еще одним из людей Ли, и я предполагала, что этим утром настала очередь Бобби Дежурства Джет.

Я вздохнула.

— Хорошо.

Он поцеловал меня, коснувшись губ кончиком языка. Это был один из моих любимых поцелуев.

Кого я обманывала? Все они были моими любимыми.

— Веди себя хорошо, — сказал он мне в губы.

Я снова вздохнула.

— Я постараюсь.

Смеясь, он уложил меня обратно в постель.

Только после его ухода я поняла, что страх все еще сидел в горле. Это не был страх перед мужчинами с оружием, ножами и угрозой изнасилования, он являл собой совершенно иной вид страха, который, назовите меня сумасшедшей, был намного хуже.

* * * * *

Зазвонил будильник, и я нажала кнопку повтора, благодаря Бога за одно маленькое одолжение, что кнопка повтора всегда была самой большой.

Снова зазвонил будильник, и я снова его отключила.

Так повторилось еще два раза.

В 7:15 я уставилась затуманенным взглядом на часы, тихонько вскрикнула и вскочила с кровати.

Когда раздался стук в дверь, я в полном смятении носилась по квартире в одном нижнем белье и фланелевой рубашке Эдди, с мокрыми после быстрого душа волосами.

Пришел Бобби.

Бобби был сложен как могучий дуб и выглядел как член семьи Текса, только моложе и до того, как тот впал в безумие. Задолго до того.

Он просканировал меня глазами, и его брови поползли вверх.

— Я опаздываю, можешь подождать? — выпалила я.

Он пожал плечами, сел на диван, схватил пульт и нашел футбол.

— Как игра может быть в 7:30? — раздраженно заметила я, уставившись на экран.

— Английский футбол начинается позже. «Манчестер Юнайтед» против «Арсенала»,

товарищеский матч.

Походило на то, что он говорил кодовым языком, но я на самом деле не слушала, а смотрела на экран.

Эти парни не носили накладки и шлемы, скрывавшие лица, эти парни не носили дурацкие штаны со сборками на лодыжках.

Эти парни были в шортах и футболках, без накладок и шлемов, и сразу было видно, какие они горячие.

Я присела на подлокотник дивана и стала наблюдать.

Какой-то парень официального вида вскинул руку с желтой карточкой.

— Что это значит? — спросила я.

Бобби объяснил, что ее показывают, когда кто-то сделал что-то плохое, но я не слушала, так как все игроки стали психовать и ругаться.

Я втиснулась рядом с Бобби и полностью села на диван.

Двадцать минут спустя Бобби посмотрел на меня.

— Тебе разве не нужно на работу?

Дерьмо!

— Дерьмо! — Я вскочила и побежала к кофейнику. Налила нам с Бобби кофе и занялась сборами.

Был прохладный, необычайно ясный, солнечный день для Колорадо. Я надела теплую, облегающую серую футболку, шерстяной кардиган цвета баклажана на завязке, джинсы и черные ботинки на высоком каблуке. Волосы собрала в конский хвост, нанесла минимум макияжа, капельку модных духов и была готова к выходу.

В «Фортнум» мы приехали с сильным опозданием.

Никто этого не заметил.

Мама сидела на диване, Лотти рядом с ней, я поцеловала обеих и пошла за стойку с эспрессо помогать Дюку и Тексу с очередью клиентов.

— Вижу, ты до сих пор жива, — заявил Дюк, очевидно, все еще чувствуя раздражение из-за моих недавних неприятностей и решив свалить вину на меня.

Я подумала, что лучше всего — не отвечать.

Что оказалось не лучшим вариантом действий.

Дюк пристально посмотрел на меня, затем повернулся к проигрывателю, вытащил диск Текса с группой Steppenwolf и вставил Чарли Дэниелса.

Обычно это служило сигналом к драке. Как только компакт-диск включали, он играл и играл, и единственная причина, по которой вам разрешалось его выключить, — если звучало не кантри Дюка или рок-н-ролл Элли, Инди и Текса.

Я затаила дыхание, ожидая реакции Текса.

Текс не огрызнулся.

Что странно, Текс всегда огрызался.

Мы с Дюком уставились на него.

— Ты в порядке? — спросила я Текса.

Он повернулся ко мне.

— Я собираюсь пригласить твою маму на ужин, и мне нужно твое благословение.

У меня отвисла челюсть.

Дюк издал звук, будто кто-то врезал ему под дых.

— Ну? — напирал на меня Текс.

Я изо всех сил пыталась обрести дар речи.

— Эм... вы оба взрослые люди, и раз это по обоюдному согласию, тебе не нужно мое благословение.

— Не хочу, чтобы вы с сестрой устраивали мне подростковые розыгрыши, как те сопляки по телевизору, — сказал Текс.

Я моргнула.

— Сопляки по телевизору, как правило, дети, а не взрослые, приближающиеся к тридцатилетию, как мы с Лотти.

Его кустистые брови коснулись линии волос.

— Не очень-то вы походили на взрослых, таская друг друга за волосы и устраивая на полу гребаную кошачью драку, Чокнутая.

Он был прав.

— Даю тебе мое благословение, — сказала я.

Затем улыбнулась, радуясь мысли о том, что Текс встречается с моей мамой.

Он нахмурился.

— Что? Ты же получил мое благословение.

— Теперь надо спросить ее.

Я посмотрела на маму, которая наблюдала за нами. Или, что более вероятно, наблюдала за Тексом. Она отвернулась в ту же минуту, как увидела, что я смотрю на нее.

Я снова перевела взгляд на Текса.

— Думаю, она согласится.

— Да? — Он выглядел неуверенным.

Я изо всех сил старалась не рассмеяться.

Ничего не вышло.

— Де-е-ерьмо, — протянул Текс, отворачиваясь от меня.

Дверь открылась, и вошла Дейзи, две косички, торчащие по бокам едва могли урезонить ее волосы. Я оставила Текса наедине с его тревожными мыслями, а Дюка — с его раздражением и вышла из-за прилавка.

Дейзи помахала мне рукой, а затем посмотрела на Лотти.

— Сладенькая, ты готова? — обратилась она к Лотти.

— Куда вы собрались? — спросила я.

— Дейзи отвезет меня к Смити, покажет несколько приемчиков, чтобы убедиться, что я получу свой «Порше», — объяснила Лотти. — Мама поедет с нами.

Я представила, как мама зависает у Смити, наблюдая, как ее дочь практикуется в стриптизе.

Моя семейка.

Затем я повернулась к Дейзи.

— Не могли бы вы заскочить к нам? Возможно, Ада захочет к вам присоединиться. У нее не так много друзей, и пока мамы нет дома, она может заскучать. Думаю, ей бы хотелось увидеть твои приемчики.

Да, странно, но правда.

— Без проблем, дорогая, — ответила она, затем посмотрела на Текса и позвала: — Текс, ты сегодня за телохранителя?

— Чертовски верно, — отозвался Текс.

— Тогда, пошли, — приказала Дейзи, и они умчались.

Через десять минут вошла Джейн, через десять минут после — Элли.

Через десять минут после зазвонил мой мобильный, и я нажала «ответить», так как на экране высветилось: «Эдди».

— Привет, — поздоровалась я.

— Ты в порядке? — сразу же спросил он.

Ой-ой.

— А не должна?

— С тобой, *Chiquita*, никогда не знаешь наверняка.

Замечательно.

Я вышла из-за прилавка, оставив Элли разбираться с покупателем, чтобы самой разобраться с Эдди. Он и в лучшие времена полностью завладевал моим вниманием.

Я стояла у окна и смотрела на улицу.

— Как провела день? — спросил Эдди.

— Я нажала на кнопку повтора примерно десять раз, потом Бобби познакомил меня с футболом, и я опоздала на работу. Сейчас я в «Фортнуме», Текс попросил моего благословения на свидание с мамой, а потом пришла Дейзи и забрала маму, Лотти и Текса к Смити, чтобы научить Лотти стриптизу. Они заскочат за Адой, на случай, если той захочется поехать.

Тишина.

— Смити говорит, что Лотти будет водить «Порше» через неделю, — продолжила я.

Снова тишина.

Я все не переставала болтать, будто не могла остановиться, даже если бы попыталась.

— Смити говорит, что если я включу режим сестры, он включит меня в свое завещание.

Далее последовала испанская речь.

Я улыбнулась.

— А как твой день? — поинтересовалась я, начиная испытывать неловкость, и улыбка исчезла.

Это был странный разговор, потому что он был обычным. Такой же обычный, ни чем не примечательный и повседневный, какой люди на букву «д» вели с своими людьми на букву «п» или, что еще хуже, люди на букву «ж» вели со своими людьми на букву «м».

Эдди ответил, но я его не услышала. Потому что заметила странную машину, притормозившую посреди Бродвея, прямо напротив того места, где я стояла. Машина не остановилась полностью, но задняя дверца открылась, и оттуда вышвырнули тело.

Тело, которое выглядело как тело моего отца.

— Папа, — прошептала я в трубку и наблюдала, как папа упал, безвольно дергая конечностями, не пытаясь предотвратить падение или контролировать его.

— Папа! — закричала я, наблюдая, как он катится по асфальту, а дверца машины захлопывается, и машина мчится прочь.

Я отняла мобильник от уха, выключила его, сунула в джинсы и выбежала на улицу.

— Держи ее! — крикнул Дюк, но я уже выскочила за дверь, прямо под колеса проезжающих мимо машин, к распростертому телу папы.

Машины сворачивали и сигналили, а я опустилась на колени посреди левой полосы, рядом с отцом.

Он лежал на боку, и повсюду была кровь. На его одежде, в волосах, кровь была влажной и засохшей, свежей и старой.

Я осторожно перевернула его, и увиденное вызвало волну тошноты, подступившую к горлу. Я с трудом сглотнула. Его избили, превратив лицо в кровавое месиво. Его едва можно было узнать. Веки опухли и закрылись. Губы в трещинах и рваных ранах. Нос расплюснен. Плоть на щеках порезана и искалечена. Большая часть одежды разорвана и истерзана, и отовсюду сочилась кровь.

Я низко наклонилась, прижалась щекой к его щеке и прислушалась к его дыханию, пока нащупывала пульс.

Я слышала, как Бобби отдавал приказы:

— Звоните в 911. Регулируйте движение.

Я пощупала папин пульс, ничего не зная о пульсе, но решила, что если у него вообще есть пульс, значит, Бог наконец-то услышал меня.

Я села, стянула с себя кардиган и подложила ему под голову.

— Джет, — позвал Бобби, опустив ладонь мне на плечо.

Я отдернула плечо от его руки и осторожно разорвала папину рубашку на груди, увидев то, что выглядело как ножевые и пулевые ранения, старые и новые, повсюду, из них вытекала кровь, немного бордовая, немного красная, но ее было слишком много. Никто не мог выжить при такой кровопотери.

— Джет, — снова позвал Бобби, присаживаясь на корточки рядом со мной.

Я услышала вой сирен и села, изо всех сил подтягивая отяжелевшее тело папы в сидячее положение, прижимая его к себе, крепко обнимая и прикасаясь губами к его уху.

Не зная, что еще сделать, я начала тихонько напевать песню Пола Маккартни «Джет».

— Уведи ее отсюда, — прорычал Дюк где-то поблизости.

Я пропустила некоторые слова песни и перешла к хорошей части о желании, чтобы Джет всегда любила его.

Именно тогда офицер в форме осторожно потянул папу из моих рук, а другой помог мне подняться. Я повернулась, оказавшись в крепких объятиях Дюка.

Мы наблюдали за работой полицейских, потом приехала «скорая», потом Дюк помог мне сесть во внедорожник Бобби, и Бобби помчался следом за машиной «скорой».

Он разговаривал по мобильному, слушая кого-то, а потом сказал:

— Это плохо.

Да, он был прав, это было плохо. Очень, очень, *очень* плохо.

Бобби свернул к месту у Денверской больницы, где было запрещено парковаться, но я выскочила из грузовика прежде, чем машина полностью остановилась. Бобби меня догнал, и мы вместе вошли в отделение неотложной помощи.

Администратор уставилась на меня с округлившимися от ужаса глазами и начала вставать.

— Она цела, это чужая кровь, — сразу же сказал Бобби администратору.

Я вытащила сотовый из заднего кармана, прокрутила контакты вниз до Дейзи и нажала кнопку дозвона.

Дейзи ответила после второго гудка.

— Привет, сладенькая. Мы только что забрали Аду и направляемся...

Я перебила ее.

— Пятнадцать минут назад папу выбросили из движущейся машины на Бродвее. Его избили, на нем ножевые и огнестрельные раны. Я в Денверском медицинском центре. Можешь найти способ сообщить об этом маме и Лотти и приехать сюда?

На мгновение воцарилась тишина, а затем тихо:

— Все сделаю, дорогая.

Я выключила телефон и увидела, как Бобби взял у администратора кусок материи, затем схватил меня за руку и потащил в том направлении, куда она указывала. Оказавшись в отделении неотложной помощи, он открыл дверь, и мы вошли в пустую комнату с смотровым столом, кучей медицинского инвентаря и раковиной. Он подвел меня к раковине.

— Снимай футболку, — велел он.

— Что?

Он потянулся к подолу моей футболки и стянул ее мне через голову. Застыв, я уставилась на футболку в его руке. Она вся была в крови.

— Ты же не хочешь, чтобы твоя мама увидела тебя в такой футболке. Давай приведем тебя в порядок.

Он протянул мне кусок материи, которая оказалась верхом зеленой униформы. Я надевала ее, пока он шел к контейнеру с биологически опасными отходами, и открыв крышку, сунул в него мою футболку. На обратном пути схватил марлю, поднес ее под кран, включил воду, намочил и повернулся ко мне.

— Ты, бл*ть, вся в крови, — пробормотал он, вытирая мою шею, не отрывая глаз от своей задачи, его лицо было сосредоточенно, будто высечено из камня.

Я посмотрела вниз. Он был прав, даже без футболки мои руки, шея и джинсы покрывала кровь.

— Бобби... — мой голос сорвался.

Его взгляд остановился на мне.

— Не надо, Джет. Не делай этого. Ты держалась там. Не ломайся сейчас.

Я кивнула и сглотнула.

Глаза Бобби вернулись к моей шее, и он продолжил свою работу. Открылась дверь, и вошел Эдди.

Я посмотрела на него. Бобби посмотрел на него. Эдди смотрел на нас.

— Иисус, гребаный, Христос, — прошептал Эдди, но этот шепот я услышала с другого конца комнаты.

— Это не моя кровь, — сообщила я ему.

Он двинулся вперед, Бобби отдал ему марлю и исчез.

Эдди, не мешкая и не глядя на меня, начал вытирать.

Затем бросил окровавленную марлю в раковину и пошел за новой.

Когда он оттер всю кровь, я сказала:

— Крови было много.

Наши глаза встретились.

— Я уже понял.

— Нет, я имею в виду, на папе.

Его рука коснулась моей челюсти.

— Я знаю, что ты имеешь в виду.

Я уставилась на него.

— Мне хочется плакать.

Его взгляд из абсолютно пустого превратился в теплый.

— Тогда поплачь, *Chiquita*.

— Бобби сказал мне не ломаться.

— Бобби — идиот-мачо.

Он отпустил мою челюсть, скользнул пальцами мне в волосы и притянул мою голову к своей груди. Я обхватила его обеими руками за талию, он только той, что была свободна, второй по-прежнему прижимая мою голову к своей груди.

Я сделала глубокий вдох. Пару раз он прерывался, но я не заплакала.

Мы простояли так, держась друг за друга, довольно долго.

Затем я кое-что поняла, нечто невероятно хорошее и пугающе плохое.

Эдди был моим якорем. Я была лодкой, которую швыряло по морю в ужасный шторм, жаждавший поглотить меня, а Эдди удерживал меня в безопасности.

Как такое произошло?

Я моталась по морям двадцать восемь лет, привыкла плавать по волнам в одиночку, вычерпывая воду, как сумасшедшая дура.

Когда я успела привыкнуть к этому якорю?

А что, если этот якорь оборвется?

Дерьмо и проклятье.

Бобби был прав, я не могла сломаться.

Мне надо продолжать вычерпывать воду и нельзя привыкать к якорю.

— Мама и Лотти скоро приедут, — сказала я в грудь Эдди.

— *Cariña...*

Я подняла голову, держась за талию Эдди, немного отстранилась и посмотрела на него.

— Я должна пойти туда и поговорить с ними. Узнать, что скажут врачи.

Он пристально посмотрел на меня, а затем, наконец, произнес:

— Ты в этом не одна.

Я попыталась отстраниться, но он притянул меня обратно, крепко обняв.

— Джет, ты не одна.

Я кивнула и попыталась улыбнуться.

Ничего не получилось.

Он взял мое лицо в ладони и прикоснулся к губами к моим губам.

— Я в порядке, — прошептала я.

Его губы дернулись, но совсем не весело, очень-очень не весело.

— Ты такая врушка.

Чили

К тому времени, как мы добрались до приемного отделения, мама, Дейзи, Текс, Ада и Лотти уже были там. Им сказали, что папа в операционной. Вот и все, больше ничего. Теперь началась игра в ожидание.

Эдди достал из заднего кармана свой значок, прицепил его к поясу и пошел в регистратуру, чтобы узнать, сможет ли получить больше ответов.

Я поймала пристальные взгляды, остановившиеся на пятнах крови на моих джинсах, затем мама шагнула вперед и обняла меня одной рукой, Лотти присоединилась к нам, и мы сбились в группку Макалистеров.

Затем вокруг нас сомкнулись мощные руки Текса, Дейзи протиснулась в них, увлекая за собой Аду.

Текс, Дейзи и Ада давали единственное, что могли, поскольку не были хирургами, медсестрами или чудотворцами, они давали утешение, и мы приняли его.

К нам вернулся Эдди, Текс его заметил, и мы разошлись. Эдди задействовал Удержание Женщины в стиле Эдди и прямо проинформировал:

— Огнестрельные ранения были получены прошлой ночью, и их следовало обработать, ножевые ранения более свежие. Он потерял много крови, а Ловкач нанес еще больше травм. Выглядит не очень хорошо.

Я обрадовалась, что он сказал все прямо. Я хотела знать правду, и это говорило о многом, что он доверял мне достаточно, чтобы сказать ее, хотя из глаз Лотти покатались слезы.

Через несколько минут вошла Инди с печеньем, которое она испекла накануне вечером. За ней следовала Элли с картонным поддоном, уставленным стаканчиками с латте, которое сварила Джейн.

Они положили начало парада посетителей.

После нескольких маминых звонков появились Трикси, Лавонн и Медведь. Лавонн и Трикси расположились, как часовые, рядом с мамой, а Медведь сидел один, обхватив голову руками, вероятно, дважды подумав о своем выборе карьеры бездельника.

В один момент мимо промчались Вэнс и Мэтт, кивнув мне в знак приветствия, чтобы перекинуться парой слов с Бобби и Эдди, затем также стремительно исчезли.

Через некоторое время Дейзи ушла, забрав с собой Аду и Трикси, и вернулась с полными пакетами гамбургеров и картонными поддонами с напитками.

Дейзи протянула мне гамбургер со словами:

— Ничто так не говорит о «больничной приемной», как жирная картошка фри и гамбургер с сыром.

Я сомневалась, что закусочная с бургерами захочет использовать такой слоган в своей следующей рекламной кампании.

Появился Ли, и Инди немедленно подошла к нему. Эдди стоял рядом со мной, он схватил меня за руку и подвел к Ли.

— Привет, — тихо сказал Ли, затем, я не шучу, обнял меня за талию и поцеловал в висок, прямо над повязкой, которая все еще оставалась на своем месте.

— Привет, — ответила я, когда он меня отпустил. Его глаза излучали тепло и

обеспокоенность, и я подумала, что, может, он не такой уж и пугающий.

Он посмотрел на Эдди, тепло и обеспокоенность из его глаз исчезли, и я решила, что, вероятно, ошиблась.

— Мы взяли Ловкача.

Мы с Эдди замерли.

— Ты везешь его сюда? — спросил Эдди.

Ли один раз качнул головой.

— Он в комнате ожидания. Нам нужно задать ему еще несколько вопросов, а потом мы отвезем его в участок.

Я не знала, что это за комната ожидания, но мне показалось, что это не самое веселое место. Я не слишком жалела Ловкача. Пусть это делало меня плохим человеком, но я совсем не чувствовала себя виноватой.

Эдди, казалось, не испытал счастья от заявления Ли, но, по всей видимости, смирился, будто такое случилось не в первый раз.

Ли перевел взгляд на меня.

— Он забыл о твоём отце, и больше никогда не свяжется ни с кем из твоей семьи.

Я не знала, забыл ли Ловкач о папе потому, что выбил из него все дерьмо и ранил его, или потому, что его заставил забыть о нем Ли. Я решила не спрашивать, главным образом из-за выражения лица Ли, которое не располагало к обсуждению.

— Он заключил союз с Винсом, — продолжил Ли. — Винс убедил его, что у них одна цель, а Ловкач на тот момент искал поддержки, поэтому его не пришлось долго убеждать. Вот почему Винс был той ночью у Ширлин.

Он сделал паузу.

— Винса мы не нашли.

Это не было хорошей новостью.

Ли снова посмотрел на Эдди.

— Мейс берет перерыв от работы и отправляется за Винсом, он на гребаной миссии. Вместе с Мейсом у меня не хватает двоих парней, а мне еще нужно обеспечить защиту Джет. Бобби придется задействовать в задании Мейса, которое тот должен был выполнить. Я отдаю вам Айка, когда он будет нужен.

Этой новости Эдди тоже не обрадовался.

— Что на уме у Мейса? — спросил Эдди.

— Мейс разбирается с некоторыми проблемами, — сказал ему Ли.

Это очень не обрадовало Эдди, я могла сказать это по тому, как он сжал челюсти.

— Винсу пи*дец, если я его не найду, — подытожил Эдди.

— Винсу пи*дец, если ты его не найдешь, — подтвердил Ли.

Эдди выпалил несколько плохих слов на двух языках, а затем сказал:

— Не верится, что я должен защищать этого гребаного мудака.

Я тоже не могла в это поверить.

— Мне нужно отлучиться, — сказал Эдди, обнимая меня за плечи.

Я тоже обняла его и посмотрела на него снизу вверх.

— Иди. Со мной все будет в порядке. — Затем я повернулась к Ли и сказала: — Тебе больше не нужно посылать телохранителей, у меня есть Текс и...

— Главная цель «Расследований Найтингейла» на данный момент, — прервал меня Ли, — твоя защита. В приемной больницы с тобой все будет в порядке, но как только ты

выйдешь из нее, у тебя будет прикрытие.

— Но...

Он повернулся к Инди.

— Она не уходит без прикрытия.

Инди кивнула.

— Я не могу просить тебя...

Он снова прервал меня.

— Ты и не просишь.

— Ли... — попыталась я.

Он впился в меня глазами, и я заткнулась.

Да, я ошибался насчет того, что Ли не был пугающим.

Инди явно не считала его пугающим, потому что широко ухмылялась.

* * * * *

Эдди, Ли и Бобби ушли, и мы устроились в приемной всерьез и надолго.

Лавонн выходила на улицу каждые двадцать минут, чтобы выкурить сигарету.

Я подумывала присоединиться к ней, хотя никогда не курила, ситуация, казалось, оправдывала это. Однако, представила, что даже если переступлю порог приемной, команда «Расследований Найтингейла» в черной спецназовской одежде набросится на меня, спустившись по стене больницы, закует в кандалы и отведет в «комнату отдыха». Я решила начать курить в следующий раз, когда кого-то, кого я любила, выбросят из движущегося автомобиля.

Эдди, очевидно, сам сделал пару звонков, так как в скором времени появились Бланка и Елена, оказавшись следующими в очереди с Инди, Элли, Дейзи и Адой, чтобы носить нам кофе и убедиться, чтобы никто не оставался слишком надолго наедине со своими мыслями.

Большую часть времени я проводила, сидя с Лотти и держа ее за руку.

— Я не очень была любезна в последний раз, когда разговаривала с ним, — сказала она мне.

Я сжала ее руку.

— Прекрати, это бесполезно, так что перестань изводить себя.

Она сжала мою руку в ответ.

— Я люблю тебя, Джет, — сказала она, глядя в стену.

Я проглотила слезы. Снова.

— Я тоже тебя люблю.

Через пару часов вышли врачи. Они рассказали нам кучу всего о папиных травмах и о том, что они с ним сделали, но все, что я слышала, это то, что он жив.

Он находился в реанимации в критическом состоянии. Нам разрешили пройти к нему по очереди. Сначала Лотти (потому что ей было что сказать), потом маме (потому что, как я подозревала, ей тоже было что сказать), а потом мне.

Я ничего не сказала, просто какое-то время держала его за руку. Он спал, но выглядел лучше. Главным образом потому, что с него смыли кровь.

Выйдя из реанимации, я направилась по коридору подальше от всех.

И позвонила Эдди.

— Да?

— Жив, в критическом состоянии в реанимации. — У меня не хватило духу использовать причудливые выражения, вроде глаголов.

Он немного помолчал, а потом спросил:

— Ты остаешься?

Я задумалась.

— Наверное, мне стоит приготовить чили, — ответила я. — Не возражаешь, если я воспользуюсь твоей кухней?

— Нет.

— Не возражаешь, если я приглашу всех?

— Нет.

— Если не вернешься домой вовремя, я оставлю тебе немного.

— Твой чили так же хорош, как твой жареный стейк и курица?

Что тут сказать? Даже мне очень нравился мой чили.

— Сойдет, — солгала я.

— Ты такая врушка.

* * * * *

После появления Айка все бросились выполнять поставленные мной задачи. Часть отправилась в мою квартиру за огромной кастрюлей с толстым дном, в которой я всегда готовила чили, и за другой необходимой кухонной утварью (потому что, Господь знал, у Эдди не было того, что мне нужно). Часть поехала в винный магазин (потому что Господь знал, что выпивка нам понадобится). А Айка повез меня и Лотти в «Кинг Суперс», где я протащила их по продуктовым рядам в своем привычном безумном забеге.

Айка был еще одним парнем Ли, которого я не слишком хорошо знала. Я не назвала бы Айка парнем, который пьет кофе. Он больше походил на того, кто поглощает сырые яйца, а в «Фортнуме» мы их не подавали.

Он был мулатом, на несколько дюймов выше меня, жилистым, лысым, и у него имелась одна из тех татуировок, которые начинались где-то в другом месте, но частично вилась вверх по шее и вниз по руке.

Потом мы отправились к Эдди. Мама и Трикси сразу же начали осматриваться с выражением, которое можно было описать только как благоговейный трепет, словно мы вошли в Тадж-Махал.

— Этот дом принадлежит Эдди? — спросила Трикси, или, скорее, выдохнула.

Супер.

— Да, — подтвердила я, перетаскивая продукты на кухню.

Дейзи уже была там.

— Это та самая кофеварка? — Она указывала на кофемашину.

Я знала, что с моей стороны это уже наглость, учитывая, что в тот день Бог позволил папе выжить, но все равно послала весточку на небеса.

— А что с этой кофеваркой? — спросила мама.

— Эдди и Джет купили ее вместе, — ответила Дейзи.

Ответ Бога заключался в том, что ему не хотелось работать сверхурочно.

Мама и Трикси уставились на меня.

Я не стала ничего говорить. В их глазах светилась надежда, а в тот день нам нужна была надежда, поэтому я кивнула и позволила кофеварке творить свое волшебство.

Я приготовила огромное количество чили.

Обычно с готовкой чили не возникало проблем.

Но присутствие рядом Бланки все усложнило.

— Тебе нужно больше кайенского перца, — заявила она, зачерпнув ложку кипящего тушеного мяса.

— Хорошо, — без возражений согласилась я. Бросила в кастрюлю еще перца и помешала.

Она зачерпнула еще ложку.

— Еще тмина.

Я мысленно вздохнула и добавила больше тмина.

Она снова зачерпнула ложку.

— Нужен халапеньо. Схожу в магазин.

Затем она схватила Елену, и они ушли.

Вернулись они с семью пакетами продуктов, часть из них предназначалась для вечеринки, но большинство для нас с Эдди, чтобы мы могли уединиться и в течение следующего месяца непрерывно заниматься сексом, чтобы скорее подарить Бланке внуков.

Мы поели, выпили. Заскочил Вэнс, взял миску чили и решил остаться. Должно быть, он позвонил Мэтту и Бобби, потому что те тоже пришли. Пиво заканчивалось, так что Лотти отправилась за добавкой и пополнить быстро сокращающийся запас кофейных зерен Frito.

Появились Дюк и Долорес, и я помчалась на кухню отложить порцию чили в пластиковый контейнер и поставить в холодильник, чтобы Эдди мог съесть его, когда вернется домой.

В этот момент зазвонил мой мобильный.

Я знала, что это неразумно.

Айк, Вэнс, Бобби и Мэтт — все сидели в соседней комнате, не говоря уже о Тексе и Дюке. Защитников у меня было так много, что набралась бы целая армия. Я могла бы рискнуть, пойти туда и попросить их о помощи.

Но я этого не сделала. Риск был слишком велик.

Рисковала Лотти.

Видите ли, на экране телефона высветилось: «Лотти».

Я нажала ответить, и в ту минуту, когда поднесла его к уху, Винс произнес:

— Нашел твою сестричку. Если не хочешь, чтобы с ней случилось то, что должно случиться с тобой, ты встретишься со мной на парковке 7-Eleven на углу Луизианы и Перл. Никакого хвоста, никакой охраны, прямо сейчас. Поняла меня?

Связь оборвалась.

Бл*ть.

Бл*ть, бл*ть, бл*ть.

В тот момент моей жизни я перестала беспокоиться о слове на букву «б».

Стоя на кухне, я потратила две секунды на принятие решения. Затем сгребла со столешницы ключи от машины Бланки и выскочила через заднюю дверь.

Бланка припарковалась на заднем дворе, рядом с гаражом. Я видела ее, когда она вернулась с продуктами. Она ездила на новенькой и милой серебристой «Хонде Аккорд», и я очень надеялась на отсутствие возражений с ее стороны, если я ее украду. Но больше всего я надеялась, что останусь жива, чтобы узнать это.

До 7-Eleven на пересечении Луизианы и Перл было меньше пяти минут езды, но я все равно добралась туда за рекордно короткое время.

Когда я подъехала, на стоянке было много машин, но в конце я увидела ту, где сидели люди и виднелись светлые волосы Лотти.

Я вышла из машины, положила ключи в карман и направилась к ним.

Винс тоже вышел, вытащив за собой Лотти через водительское сиденье. Она была бледная и заметно дрожала, глаза широко распахнуты, руки за спиной явно скованы наручниками или связаны.

— Джет, ты не должна... — начала она.

Я находилась в пределах досягаемости. Прежде чем Лотти успела закончить, ее толкнули вперед. Меня схватили за руку и впихнули в машину со стороны водителя. Все это произошло за считанные секунды, я даже не издала ни звука.

Я увидела, что Лотти стоит на коленях и пытается подняться без помощи рук. Машина Винса стояла на холостом ходу, и мы вылетели с парковки 7-Eleven так быстро, что он едва не задел Лотти.

Он гнал машину как сумасшедший, а я держалась изо всех сил, но все еще сохраняла здравость ума, чтобы оценить, смогу ли открыть дверь и выпрыгнуть на ходу. Я не думала, что это убьет меня, будет больно, но оставит меньше душевных шрамов, чем планы Винса.

На дверце не оказалось ни ручки, ни замка.

Великолепно.

Я могла бы накинуться на Винса, спровоцировать аварию, но была не пристегнута, а авария на той скорости, на которой он ехал, могла привести к летальному исходу, так что я отмахнулась от этой идеи.

Я решила попытаться отговорить его от задуманного.

— Винс...

Это все, что мне удалось сказать. Он ударил меня тыльной стороной ладони по губам, и я сразу почувствовала вкус крови.

Судя по всему, разговоры тоже были неуместны.

Я решила дожидаться своего шанса. Хоть один да должен представиться, обязательно.

Я цеплялась за эту мысль, пока Винс вел машину.

* * * * *

Он отвез меня в какое-то незнакомое место, где у меня не было причин бывать, и я надеялась, что никогда и не будет (я бы предпочла больше сюда не возвращаться).

Мы миновали паутину дорожных развязок, над нами гудело шоссе, вокруг не было ничего, кроме цемента и мусора, вероятно, оставленного бездомными и наркоманами, никто из которых не явился на вечерний променад.

Винс остановился, выволок меня из машины через водительское сиденье и, прежде чем я успела начать сопротивляться или вырваться, выхватил из-за пояса брюк пистолет.

Затем приставил дуло к моей голове.

— Как же давно я ждал этого, — сказал он, толкая меня вперед. — Расстегивай джинсы.

Я начала немного паниковать.

Но паника тут же сменилась испугом.

Поэтому я замешкалась.

Он убрал пистолет от моей головы и выстрелил.

Я дернулась, думая, что он выстрелил в меня, но поняла, что это предупредительный выстрел.

Он снова приставил пистолет к моей голове.

— Расстегивай гребаные джинсы.

Я сделала, как мне велели. Возможно, смерть была лучшим выходом, нежели

изнасилование, но в тот момент я не могла мыслить здраво.

В ту минуту, когда я растегнула ремень и молнию на джинсах, он развернул меня и приложил лицом к капоту. Прижавшись промежностью к моему заду, навалился на меня всем телом, а пистолет приставил к виску.

— Я трахну тебя на машине, а потом по-собачьи, — прошипел он мне на ухо.

Мое сердце бешено колотилось, дыхание сбилось, а в голове зияла полнейшая пустота.

Винс еще не закончил.

— Потом ты принесешь мне бутылку, я разобью ее и оттрахаю тебя ею. Жестко. Разорву тебя на кусочки. В следующий раз, когда твой парень-мексикашка засунет в тебя свой член, ты, сука, будешь кричать от боли.

Именно тогда я решила, что лучше умереть, чем быть изнасилованной.

— Но сначала ты будешь умолять, — сказал он.

Он попытался стянуть с меня джинсы. Проблема заключалась в том, что это было нелегко, когда одной рукой он держал пистолет у моей голове, а сама я нагибалась над машиной.

— Умоляй, сука! — потребовал он.

Серьезно.

С меня достаточно.

— Иди на х*й! — закричала я, а затем дернула головой назад, угодив во что-то острое, и я надеялась, что ему больно, потому что мне было адски больно.

Я выпрямилась, отбрасывая его назад.

Он попытался оттолкнуть меня, чего мне бы хотелось, но меня слегка развернуло, и я оказалась боком зажата между ним и машиной.

Я боролась изо всех сил, сумела развернуться лицом к Винсу и схватиться за оружие.

Мы оба цеплялись за контроль над пистолетом, я уперлась задницей в машину, подтянула колени, уперлась ногами ему в живот и толкнула.

Он отлетел назад, а я соскочила с машины и прыгнула на него сверху, не давая ему прийти в себя.

Может, мне следовало убежать, но я этого не сделала. Я слишком разозлилась, чтобы бежать. Он превратил мою жизнь в сущий ад — это единственная мысль, что крутилась у меня в голове. Наверное, это было глупо, но мне было плевать. Я оседлала его, отвела руку назад и впечатала кулак ему в рожу.

— Гребаная сука! — прорычал он и поднял пистолет, пытаясь направить его на меня. Увидев это, я сделала боковой выпад, ударила его по предплечью, и пистолет отлетел в сторону.

— Сволочь! — крикнула я, обхватив обеими руками его голову, приподняла ее и со всей силы приложила об асфальт.

Я никогда не разбивала ничью голову об асфальт, и это вызвало странное ощущение, которое можно было описать только как отталкивающий, но потрясающий порыв.

Мне не нужно было спрашивать себя, делало ли это меня плохим человеком. В тот момент я просто действовала.

Я снова отвела руку назад, чтобы ударить его по лицу, но он схватил меня за запястье, взбрыкнул и перевернул на спину, а сам навалился сверху.

Хмм.

Я оказалась не в самом выгодном положении.

На размышления об этом мне не предоставили много времени, потому что в одну секунду он был на мне, а в следующую — летел по воздуху.

Я моргнула и посмотрела вверх.

Надо мной возвышался Мейс, глядя вниз с суровым, каменным лицом. Должно быть, он убедился, что со мной все в порядке, потому что обошел меня и двинулся на Винса.

Я немного полежала, тяжело дыша и чувствуя себя странно, когда внезапное облегчение от того, что теперь я не одна, пронзило мое тело.

Ладно, я усвоила урок.

Бог не занимался всякой ерундой, Бог вмешивался, когда ситуация была крайне важной.

Приятно знать.

Пошатываясь, я встала и поняла, что мы уже далеко не одни. Отовсюду появлялись люди.

Мужские фигуры возникали из теней то тут, то там. Дариус вышел вперед, за ним Ли. Позади меня материализовался Хэнк. Вилли Мозес, полицейский, который приходил в дом Эдди, казалось, целую вечность назад, тоже был здесь, на этот раз в штатском.

И, конечно же, Эдди. К тому времени, когда я осмотрела место происшествия, он уже надел на Винса наручники и прижал его к капоту машины точно так же, как Винс прижимал меня (за исключением очевидных различий).

Патрульная машина, за рулем которой сидел напарник Вилли, Брайан, тихо подъехала к автомобилю Винса.

— Святое дерьмо, — прошептала я.

Походило на Лигу Справедливости Супергероев, но вместо них была Лига Справедливости Горячих парней.

Сердце все еще колотилось, я все также тяжело дышала, и, как ни странно, меня трясло от холода.

Я стояла, уставившись на всех, ошеломленная, неподвижная, если не считать дрожи.

Эдди посмотрел на меня, сдернул Винса с машины и толкнул его к Вилли, отвернулся от него и, не оглядываясь, пошел прочь.

Он направлялся ко мне.

Приблизившись и загородив меня от посторонних взглядов, потянулся к моим джинсам. Пока он подтягивал их, застегивал молнию и пряжку, я не двигалась, возможно, даже не дышала, а он не отрывал от меня взгляда.

— Ты в порядке? — спросил он, закончив.

Я кивнула.

Я лгала. Я действительно была врушкой. Я не была в порядке. Я была в ужасе.

— Выглядело бы более правдоподобно, если бы ты дышала, — заметил Эдди.

Я выпустила из себя поток воздуха.

Он закрыл глаза, прижался лбом к моему лбу, затем открыл их.

— Так-то лучше, — пробормотал он.

— Я везу его в участок, — крикнул Вилли.

Эдди повернулся и кивнул. Вилли зашагал, разъярясь что-то Винсу, а Брайан открыл заднюю дверцу патрульной машины.

Все было кончено.

Боже милостивый, наконец-то, все закончилось.

Я не знала, что делать, громко расхохотаться или разрыдаться.

У меня не было возможности принять решение.

К нам подошел Ли.

Эдди повернулся к Ли, его лицо изменилось, на нем отразился гнев, точнее, сильный гнев.

Ладно, может, еще не все закончилось.

— Нам с тобой нужно поговорить, — прорычал Эдди.

Ой-ой. Разговор Эдди.

Ой!

— Все было под контролем, — ответил Ли.

Я в замешательстве переводила взгляд с одного на другого. Замешательство было хорошим чувством, оно заставило суперхолод и дрожь исчезнуть.

Дариус, Хэнк и Мейс тоже приблизились, но я предположила, что это на случай, если Ли и Эдди устроят драку.

— *Hombre*, он не должен был к ней прикасаться, и, определенно, не должен был расстегивать ей штаны, — сказал Эдди своим Страшным Голосом.

Может, Эдди не испытывал гнева, может, это было что-то другое, на несколько уровней выше гнева.

— Он перешел от двух пунктов обвинения в похищении к двум пунктам обвинения в похищении и попытке изнасилования с расстегнутыми штанами, — спокойно парировал Ли.

Я моргнула.

Эм... простите?

— Простите? — прошептала я.

Эдди сдвинулся примерно на дюйм, но это был пугающий дюйм. Он проигнорировал меня, и его тело и лицо теперь выражали откровенную враждебность, но голос все еще звучал тихо.

— Да? И тебя это устраивает? Ты не видишь в этом никаких проблем?

— Дариус был здесь все это время, — сказал Ли.

— Твою мать, Ли. Ты использовал мою женщину как приманку! — крикнул Эдди.

Ой!

Слово на букву «ж» с еще более страшным словом на букву «п».

— О чем ты говоришь? — вклинилась я.

Ли повернулся ко мне, и Эдди провел рукой по волосам.

— Сегодня в больнице я сунул устройство слежения в твои джинсы, а дома у Эдди Вэнс рассказал Лотти о плане. Мейс нашел Винса, и мы знали, что он следит за тобой. Лотти вышла незащищенной со своим устройством. Винс заглотил наживку. Теперь дело сделано.

При его словах мои глаза заволокла красная пелена.

К счастью, я находилась там, чтобы поведать вам, что пугающий Ли или нет, но он сейчас получит дозу Новообретенного Характера Джет.

— Ты использовал мою сестру как приманку! — крикнула я, второй раз за вечер взяв жизнь в свои руки, и толкнула его в плечо.

Эдди схватил меня за запястье и притянул спиной к своей груди, прижав мою руку к животу.

— Я отслеживал ее, Ли. Она была под прикрытием. Вилли ее вел, — Эдди проигнорировал меня и (эгоистично, если вы спросите меня) продолжил разглагольствовать на свою тему.

— Вилли опоздал на пять минут, — возразил Ли.

Я боролась с хваткой Эдди.

— Ты использовал мою сестру в качестве приманки? — снова закричала я, впервые в жизни почувствовав, что внимание должно быть сосредоточено на мне.

Ли перевел взгляд на меня.

— Я прикрывал твою сестру.

О.

Ну что ж.

Это что-то.

Я перестала сопротивляться.

— Все кончено, — наконец, подал голос Дариус. — Какая разница, как? Все дышат. Прекратите, нахрен, собачиться, — он сказал это так, будто у него имелось много практики в пресечении драк между Эдди и Ли.

Эдди и Ли уставились друг на друга.

Я напряженно ждала.

Хмм.

Они не выглядели так, будто были готовы прекратить спор.

Да. Мужчины.

— Я приготовила чили, — выпалила я.

Все посмотрели на меня, и через секунду рука Эдди, обнимавшая меня, расслабилась.

— Если все у Эдди не смели его, должно быть, что-то осталось, — продолжила я.

Я пыталась разрядить обстановку.

Это не сработало.

— Мне пора, — сказал Дариус, выглядя готовым снова исчезнуть в тени.

Я повернулась к нему.

— Чили было много.

Я увидела, как сверкнули белые зубы, а потом он исчез.

Видите, я не ошиблась. Дариус был хорошим парнем.

Я бросила на Хэнка взгляд, без слов сообщающий, что в жизни определенно есть оттенки серого.

Хэнк просто подмигнул мне.

Как угодно.

Я крутанулась в объятиях Эдди и посмотрела на него снизу вверх.

— Эдди, прекрати ссориться с Ли. Давай съездим в больницу и проверим, как там папа, а потом отправимся домой.

Я пыталась говорить ласковым, вкрадчивым голосом, но Эдди был не в том настроении, чтобы его ласкали и уговаривали.

— Ты бы не позволил поставить в такое положение Инди, — заявил Эдди Ли, настаивая на своем.

— Ты прав. Не позволил бы, — ответил Ли. — Инди сама бы в это ввязалась. И два дня назад, когда мы узнали, что Винс объединился с Ловкачом, мы хотели предложить этот вариант Джет, ты не позволил, но я предполагаю, она бы согласилась.

Я обернулась, чтобы посмотреть на Ли, мои глаза чуть не вылезли из орбит.

Его слова удивили меня. Что меня удивило еще больше, так это то, что он был прав, я бы согласилась.

— Я бы предпочел, чтобы ты знала, — сказал мне Ли.

Ого. Это было важно. Даже ошеломляюще, не только потому, что я бы согласилась, но и потому, что Ли считал, что я соглашусь.

— Спасибо, — искренне сказала я.

На этом Эдди закончил. Он двинулся, схватив меня за руку и увлекая за собой.

Думаю, я тоже закончила.

— Не забудьте о чили! — крикнула я Ли, Хэнку и Мейсу.

Парни сбились в кучку и повернули головы в мою сторону, все кивнули и ухмыльнулись.

Эдди потащил меня дальше, туда, где припарковал грузовик. Помог мне сесть на пассажирское сиденье, а после сам устроился на водительском.

Прежде чем завести грузовик, повернулся ко мне.

— Уверена, что с тобой все в порядке?

Я кивнула и улыбнулась.

— Все кончено, — сказала я ему, чувствуя почти головокружение и думая, что сейчас самое подходящее время либо разразиться смехом, либо слезами, либо и тем и другим.

И опять я ошиблась.

Внезапно Эдди дернул меня через сиденье, развернул и усадил к себе на колени. Крепко обнял и уткнулся лицом мне в шею.

— Бл*ть, — пробормотал он.

Он был прав, это был самый подходящий момент для слова на букву «б» из всех моментов с этим словом.

— Можешь повторить, — попросила я.

Он поднял голову, провел рукой по моим волосам, обхватил мой затылок и поцеловал меня. Не глубоко, страстно и с языком, а мило, нежно и очень приятно.

— Я бы приняла предложение Ли, — сказала я после того, как он поднял голову.

— Знаю, вот почему не позволил ему посветить тебя в план.

Вау, это тоже было ошеломляюще.

Как бы то ни было, Взгляд я не убрала.

Эдди покачал головой, совершенно не обращая внимания на мой Взгляд.

Я не настаивала, сейчас было не время для споров, особенно с нерешенным вопросом.

Я положила руки ему на плечи, пальцы одной теребили вырез его футболки.

— Эм... есть небольшая проблемка, — сказала я.

Эдди замер.

— Ты шутишь, да?

Хмм.

Что же, была не была...

— Я, вроде как, угнала машину твоей мамы.

Его рука с моих волос соскользнула вниз по спине, и он притянул меня близко к себе.

— Думаю, она тебя простит.

От этого полегчало.

Пустое место, где раньше лежала моя сумка

Зазвонил будильник, Эдди нажал кнопку и скатился с кровати.

Я уютно устроилась на подушке, надеясь, что Эдди даст мне поблажку. Нет, ну, серьезно, я ведь только что пережила самые травмирующие две недели в своей жизни, кульминацией которых стало похищение и попытка изнасилования.

Рука Эдди сомкнулась на моем запястье, и он вытащил меня из кровати.

— Эдди! — заныла я, пока меня тащили через комнату. — Я заслуживаю хотя бы одного нажатия кнопки повтора. Вчера меня похитили и чуть не изнасиловали.

Он остановился, я налетела на него и подняла глаза вверх.

Эм... ой!

— На эту тему мы тоже не шутим, — обрубил он.

— Я и не шутила, — возмутилась я.

Его руки потянулись к подолу моей футболки, потом вверх, а потом она исчезла.

— После душа ты почувствуешь себя лучше.

Он не ошибся.

* * * * *

После душа я вернулась в постель, а Эдди отправился на работу.

Когда я, наконец, проснулась и, спотыкаясь, вошла в ванную, то, посмотрев в зеркало, поняла, что у новой прически Трикси действительно имелось слабое место — с мокрыми волосами спать было нельзя.

Одно слово: ужас.

Я сняла с виска повязку, увидев, что ссадина покрылась корочкой. Намочив волосы, на обратном пути в спальню подняла выброшенную футболку, надела ее и устала на свою сумку на полу. За все время моего пребывания здесь, кругом царил бардак. Нам было не до наведения порядка.

Поэтому я решила прибраться.

Но прежде позвонила в «Фортнум» и сообщила, что буду поздно, а возможно, и вообще не приду.

Затем сняла с кровати постельное белье, нашла лестницу, ведущую из кухни в подвал, и засунула белье в стирку. Отыскала свежее белье и застелила постель, потом убралась в доме.

Все это время я размышляла.

Накануне вечером Эдди отвез меня в участок поговорить с детективом Маркером и подать заявление, чтобы полиция могла выдвинуть обвинения. Затем он отвез меня на короткий визит к папе, который все еще был без сознания, и его состояние не изменилось. Потом мы отправились к Эдди домой, и пока все рассматривали меня под микроскопом, Эдди поел чили.

Как только присутствующие убедились, что я в порядке и мне не угрожает неминуемый нервный срыв, все разбрелись по домам. Эдди дал мне футболку, и мы легли спать.

Теперь все закончилось, и я была в безопасности. Ловкача и Винса арестовали, а папа восстанавливался в больнице.

Запредельная безопасность.

Пришло время вернуться к Просто Джет.

На самом деле, мне не потребовалось много размышлений, принять решение было легко.

Я оделась, накрасилась и собрала волосы в конский хвост. Позвонила Лотти, чтобы та заехала за мной, собрала сумку и всю свою кухонную утварь и очистила кофеварку.

Лотти появилась в своей арендованной машине и повезла меня обратно в мою квартиру.

— Ты в порядке? — спросила она по дороге домой, устремляя взгляд на меня.

— Была бы, если бы все перестали спрашивать, в порядке ли я, — буркнула я.

— Мы волнуемся, — ее голос звучал немного жалобно.

Я вздохнула.

— Я в порядке.

— Что это за барахло? Ты возвращаешься домой?

— Да.

— Почему?

— Все кончено.

— Что кончено?

Я выглянула в боковое окно.

— Все.

— Джет...

— Я не хочу об этом говорить.

— Джет...

Я повернулась к ней.

— Я сказала, что не хочу об этом говорить.

Она бросила на меня Взгляд.

— Ты — заноза в заднице, ты это знаешь?

— Да, — подтвердила я, — знаю.

* * * * *

Мы притащили мои вещи вверх по лестнице.

Я избежала Разговора с мамой (хотя могла сказать, она очень хотела поговорить), загружая кучу белья и вытаскивая его обратно.

Впервые за две недели я села в свою машину и завела ее. Она замурлыкала, как котенок.

Великолепно. Кто бы мог подумать, что я захочу, чтобы моя машина артачилась?

Я отправилась в «Кредит Юнион», помахала Джоди и Эми и постучала в дверь Ники менеджера.

— Привет, Джет! — поздоровалась она, а затем ее глаза расширились. — Святая корова! Что с твоей головой?

— Огнестрельное ранение, — ответил я так, будто получала их каждый день, и ее круглые глаза чуть не вылезли из орбит.

Я проигнорировала ее реакцию.

— Можно с тобой поговорить? — спросила я.

Мы поговорили. Я попросилась вернуться на работу. Она сказала, что на данный момент открытых вакансий у них нет. Потом заверила, что позвонит мне, если что-то появится.

Я немного поболтала с Джоди и Эми, стараясь не касаться темы моего огнестрельного ранения (хотя обе женщины не сводили с него глаз) и всех моих недавних страданий.

Потом поехала к Смити. Клуб был открыт весь день, но дневной персонал был не из

высшей лиги. Так было нехорошо говорить, но зато честно.

Я зашла внутрь.

— О, посмотрите-ка, кто здесь. Слышал, вчера ты разобралась со своими проблемами, — заявил Смити при моем появлении.

Я тут же догадалась, что у Дариуса был длинный язык.

Я кивнула Смити.

Латиша, одна из женщин Смити, стояла перед ним у бара. Смити держал одежду в шкафах четырех разных женщин, и они, похоже, не возражали против этого. Возможно, из-за насыщенного прошлого Смити. Возможно, из-за достаточно большого сердца Смити, чтобы осчастливить их всех. А, возможно, немного и того, и другого.

— Привет, подруга, как дела? — спросила Латиша, притягивая меня в объятия.

— Теперь намного лучше, спасибо. — Я обняла ее в ответ.

Когда она отпустила меня, я повернулась к Смити.

— Могу я вернуться на работу?

Его брови взлетели вверх.

— Думал, сестра будет тебе помогать.

— Уверена, что будет.

— Тогда зачем тебе две работы?

— Я ухожу из «Фортнума», здесь платят лучше.

Смити уставился на меня, потом посмотрел на Латишу, потом снова на меня.

— Что твой парень-полицейский думает об этом?

— Мы расстаемся, — объявила я.

Смити оглянулся на Латишу, та смотрела на меня, кусая губу.

— Чего, бл*ть? — Смити снова перевел взгляд на меня.

— Мы расстаемся.

— Расстаемся, а не расстались? — спросил Смити.

— Я еще ему не сказала.

Еще больше обмена взглядами между Смити и Латишей.

— Не хочешь рассказать об этом Латише? — спросила она.

Я покачала головой, но улыбнулась.

— Я хочу знать, могу ли вернуться сюда на работу.

Смити вздохнул.

— Однажды девушка Смити — всегда девушка Смити. Если хочешь вернуться, начинай в понедельник вечером. Если передумаешь, мне, бл*ть, плевать. Здесь тебе всегда будут рады, в фартуке или с выпивкой. Хотя, я считаю, тебе следует позволить сестре немного поработать и просто насладиться выпивкой, но какого хрена я понимаю? Я также не думаю, что тебе следует расставаться с парнем, который рисковал своей задницей ради тебя.

— Смити, — тихо предостерегла Латиша.

Я проигнорировала его.

Ну, на самом деле не игнорировала, потому что прочувствовала его слова всем сердцем, но не показала этого.

Лишь кивнула и сказала:

— Я буду здесь в семь в понедельник.

— Или нет, решать тебе, — ответил Смити, прежде чем отвернуться.

Латиша сжала мою руку.

Я ушла.

* * * * *

Я поехала в «Кинг Суперс» и накупила целую гору продуктов, затем притащила их в квартиру и направилась прямо на кухню, поздоровавшись с мамой, Лотти и Адой, которые все сидели в гостиной.

Я вытащила все из пакетов и как последняя идиотка, начала замешивать тесто.

В кухню вошли мама, Лотти и Ада.

— Чем занята? — спросила мама.

— Выпечкой. — Открывая пакет муки, я приложила немного больше усилий, чем требовалось, раздался звук «пуф», и в воздух взметнулось белое облако.

— Выпечкой? — переспросила мама.

— Я не могу позволить себе купить всем что-нибудь красивое в знак благодарности, поэтому напеку для всех кучу всего.

— Как мило, — восхитилась Ада.

Лотти прислонилась бедром к стойке.

— Мы тут с мамой поговорили.

Замечательно. Мама и Лотти поговорили. Для меня это означало катастрофу с большой буквы «К».

— О чем? — спросила я, хотя и не хотела знать.

— Мама позвонила управляющему этого дома и отказалась от аренды. У него есть желающие въехать сюда и планы поднять арендную плату, так что он доволен, как слон.

Я развернулась и уставилась на маму.

— Что ты сделала?

— Я переезжаю к Трикси, — объявила мама.

— Ты не можешь переехать к Трикси! — вроде как заорала я.

— Почему? — спросила мама.

У меня не было ответа на этот вопрос. С каждым днем ей становилось все лучше. Эдди был прав, она не нуждалась во мне так сильно, как я думала.

Я знала, что не смогу с этим бороться, да и сил у меня все равно не было.

Я вернулась к выпечке.

— Где буду жить я? — спросила я.

— Мы подыскали тебе милую квартирку с одной спальней в большом старом викторианском доме недалеко от Эдди, — сообщила Лотти.

Я закрыла глаза.

Затем открыла их.

— Где собираешься жить ты? — поинтересовалась я у Лотти.

— У меня отложены кое-какие сбережения, я собираюсь купить квартиру. А также оплатить мамину терапию и медицинские счета, немного дать Трикси, пока мама полностью не встанет на ноги. Я останусь с ними, пока не подыщу себе жилье. Ты сорвалась с крючка.

Я повернулась к ним.

— Кто сказал, что я хочу сорваться с крючка?

— Никто, мы просто снимаем тебя с крючка, — ответила Лотти.

Я уставилась на них, а затем вернулась к выпечке.

— Как угодно, — пробормотала я.

— Послушай, Мисси... — О-оу, мама использовала имя на букву «М». — Ты полна решимости не жить собственной жизнью, поэтому мы заставляем тебя сделать это, и ты не скажешь ни слова против. Поняла меня?

Я кивнула. Я знала, что в Момент «Мисси» лучше с мамой не спорить.

— Генриетта Луиза... — Мама знала, что я совсем не вложила согласие в свой кивок.

Боже милостивый.

Я повернулась, посмотрела на маму и сказала, определенно, резко:

— Что?

— Не «чтокай» мне. Не знаю, что происходит с тобой и твоей сумкой, которая вернулась в дом, но скажу тебе здесь и сейчас: ты полная дура, если не будешь держаться за Эдди Чавеса и держаться крепко.

— Мам...

Она вскинула Руку.

— Ты рассталась с Оскаром без всякой на то причины... — продолжила мама.

— Он был собственником, — возразила я.

— Ну и что? — парировала мама. — Если спросите меня, это хорошая черта в мужчине. Господь не даст мне соврать, Оскар обожал тебя, и до сих пор обожает.

Да.

Я вернулась к ингредиентам, мама вернулась к чтению лекций.

— С Луисом ты рассталась после того, как он попросил твоей руки.

— Он жил с мамой.

— И что? Ради тебя он бы съехал, — парировала мама.

— Нам действительно нужно говорить об этом? — спросила я.

Мама продолжила, обращаясь к потолку:

— Я даже не знаю, что было не так с Алексом, он был хорошим мальчиком.

Видимо, нам придется говорить об этом.

И тут вперед выступила Ада и обхватила мое запястье. Я перестала измерять ингредиенты и взглянула на нее.

Она посмотрела мне в глаза, улыбнулась легкой, немного грустной улыбкой, отпустила мое запястье и отвернулась.

— Сейчас начнутся «Видео самых невероятных полицейских погоней в мире». Давайте посмотрим их у меня, — сказала она маме и Лотти.

И мама, и сестра открыли рты, чтобы поспорить, но Ада, должно быть, бросила на них Взгляд. Я не знала, что Ада способна на Взгляд, но что бы она ни сделала, это сработало.

Они ушли.

Я долго смотрела на то место, где они стояли, сверхчеловеческим усилием заставляя разум опустеть.

Потом вернулась к выпечке.

Я заскочила в больницу навестить папу.

Мне сказали, что ему лучше, раз он пережил эту ночь. Если все будет продолжаться так дальше, его исключат из списка критических пациентов и переведут из реанимации в обычную палату.

На некоторое время он приходил в сознание, но когда я зашла к нему, он спал.

Я посидела с ним, держа за руку и рассказывая о своем дне.

Затем поведала ему о своем решении.

Он не ответил, не высказал никаких суждений, упреков или совета и, конечно же, не вскинул Руку.

Я подумала, что это хорошо, хотя предпочла бы, чтобы он ответил, а не лежал в коме, потому что у него все равно не нашлось бы никаких суждений, упреков или советов.

После этого я ушла.

В «Фортнум» я прибыла примерно за полчаса до закрытия, нагруженная пакетами с жестяными банками и коробками, набитыми печеньем, пирожными и пирогами.

Все были там. Ли, Инди, Элли, Текс, Дюк, Джейн и Хэнк.

— Джет! — воскликнула Инди при виде меня и, подбежав ко мне, крепко обняла.

Я собиралась сказать ей, что со мной все в порядке, но она отстранилась и сунула руку мне в лицо.

На безымянном пальце сиял огромный бриллиант.

— О, боже! — закричала я, бросила пакеты и обняла ее, раскачивая из стороны в сторону и смеясь. — Ты выходишь замуж, — сказала я, немного отстранившись.

Она кивнула.

— Ли сделал мне предложение за завтраком с шампанским. — Затем она наклонилась и прошептала: — Мы встали с постели примерно час назад.

Она отстранилась, ее счастливые глаза ярко сверкали, и я ответила ей понимающим кивком подруги.

— Мило, — сказала я.

— Ты даже не поверишь, — ответила она.

Все пребывали в режиме празднования, и это было намного, намного лучше, чем режим отчаяния, поэтому я присоединилась к общему ликованию. Я бы сообщила Инди, что увольняюсь, позже.

Я раздала всем печенье, пирожные и пироги, отдав Ли большущий пакет, чтобы он отвез его в офис. Сначала я обрадовалась, что новость об Инди и Ли отвлечет внимание от подарков. На самом деле, ничего не вышло, учитывая взгляды и объятия, которые я получила, но все уже достаточно хорошо знали меня, чтобы не придавать этому особого значения.

Мы уже готовились закрыть магазин и отправиться к Инди и Ли праздновать событие, когда ворвалась Дейзи с целой кипой — вероятно, штук двадцать — журналов.

— Элли написала мне. Я принесла «Невесту», «Современную невесту», «Новую невесту», «Невесту сегодня», «Невесту Денвера», «Свадьбу», «Свадьбу от Марты Стюарт» и «Vogue», но только ради фотографий, потому что, серьезно, кто так одевается? И «People», потому что мы можем украсть модную идею у какой-нибудь знаменитости, которая выходит замуж.

— Верно сказано, — подтвердила Элли.

— Полагаю, этого хватит, — заметила Инди.

— Вашу ж мать, — пробормотал Хэнк в ужасе.

Я одарила его усмешкой.

Он увидел ее, обнял меня за плечи и прижал к себе в модифицированном, дружеском Удержании Женщины в стиле Эдди.

Моя улыбка стала натянутой, и я проигнорировала болезненный спазм в животе.

Я буду скучать по этим ребятам.

* * * * *

Спустя полчаса после того, как мы все добрались до Инди и Ли, появились Тод и Стиви с Чаулиной. Они несли вдвоем что-то похожее на дюжину бутылок охлажденного игристого вина и игру «ятцы».

— Со дня переезда Ли, мы готовились. Теперь у нас будет место в холодильнике, — сообщил Стиви.

Они с Тодом осмотрели женскую компанию, сидевшую в гостиной Инди и листавшую свадебные журналы.

Мужчины (к Ли и Хэнку присоединились Вэнс, Мэтт и Бобби) наверху смотрели футбол и пили пиво. Дюк уехал домой к Долорес, Текс отправился домой к кошкам, а Джейн просто пошла домой (она не любила толпу).

— Ай-яй! — воскликнул Тод. — Это «Современная невеста»? Обожаю «Современную невесту». Подвинься, — приказал он, не то чтобы подвинув меня, а спихнув с кресла, так что я плюхнулась на задницу на пол, а он конфисковал журнал, который я листала, вырвав его у меня из рук.

— Цвета свадьбы, я думаю о зеленом и желтом, — решил Тод. — Нет-нет, бледный румянец и бордовый, — передумал он. — Нет, сапфир и лед, — снова передумал он.

Я не знала, что «лед» — это цвет.

Инди захихикала.

Стиви открыл бутылку вина.

— Несите бокалы! — крикнул он, затем огляделся. — К черту бокалы, мы празднуем, и у нас достаточно выпивки, чтобы каждому досталось по бутылке.

Затем он сделал глоток прямо из горла.

* * * * *

Мы все играли в «ятцы».

Втиснувшись между Хэнком и Вэнсом за обеденным столом Инди, я была поглощена своей личной бутылкой вина. Инди разложила стол, отчего тот стал огромным, но все равно, с одиннадцатью людьми, сидящими вокруг него, было тесно. Через несколько раундов настала моя очередь, но тут в заднем кармане джинсов зазвонил мой телефон.

Вытащив его, на экране я увидела имя: «Эдди».

— Проклятье, — прошептала я.

Затем, под пристальными взглядами Хэнка и Вэнса, от души приложила к бутылке. Почти уверена, они видели имя на экране моего телефона, а значит, я не могла проигнорировать звонок, как мне того хотелось.

Я нажала «ответить».

— Привет, — сказала я.

— Где ты? — спросил Эдди.

Я оглядела стол, все смотрели на меня.

Великолепно.

И невыносимо.

— Я у Инди и Ли, пью игристое вино и играю в «ятцы». Инди и Ли сегодня обручились и мы празднуем, — ответила я.

Тишина.

— Эдди? Ты меня слышал? Инди и Ли обручились.

Снова тишина.

Хмм.

— Где ты? — спросила я.

— Стою в своей спальне и смотрю на пустое место, где раньше лежала твоя сумка.

Ой!

Я слабо улыбнулась сидящим за столом, встала и направилась на кухню.

— Я хотела тебе сказать, — начала я на ходу.

— Когда?

На самом деле я не собиралась ему говорить. Я собиралась избегать его, пока у меня не появится шанс понять, что ему сказать. Что означало: разобраться в своей жизни, разобраться с «Фортнумом» и Смити, а затем попрощаться. Я отвлеклась на неофициальную вечеринку по случаю помолвки, игристое вино и «ятцы».

Проклиная свадебные журналы, шампанское и игру в кости, я отправилась на кухню.

— Может, поговорим об этом позже, — предложила я.

— Когда?

Я подумала, что Эдди был довольно хорош в комнате для допросов.

— Эдди...

— Я приеду через десять минут.

Нет.

Нет, нет, нет.

— Через несколько минут я уйду, — солгала я.

Я не собиралась уходить, я набрала в игре кучу бонусных очков и шла к победе (или, как минимум, к тройке лидеров). Осталось только, чтобы у меня выпал фулл-хаус, а Тод говорил, что фулл-хаус легко получить.

— Если, когда я доберусь до дома Инди, тебя там не окажется, я тебя найду, и все будет плохо.

Боже милостивый.

— Эдди...

Но он отключился.

К счастью, как только Эдди появился, его вынудил к празднованию сам факт того, что это был праздник. Он нежно обнял Инди, а Ли — по-мужски (одной рукой от всего сердца хлопнул по спине, оставив, вероятно, синяк, а другой — крепко пожал руку).

Затем его глаза остановились на мне.

Они сверкали.

Плохой знак.

Я вновь оказалась зажатой между Вэнсом и Хэнком. Хэнк отодвинулся от меня вместе со стулом, Ли принес стул для Эдди, и он перевернул его, вклинившись в тот зазор, что оставил Хэнк. Он сел рядом со мной, близко, его рука обвилась вокруг моей шеи, и он притянул меня к себе. Его губы коснулись моей щеки и переместились к уху.

— Даже не думай об этом, — прошептал он.

Мой желудок сжался, и я была почти уверена, что сердцебиение участилось.

— Ятцы! — крикнул Стиви, и я подпрыгнула.

Эдди отпустил меня и подключился к следующей игре, попивая вино из моей бутылки.

Я вроде как хотела попросить еще одну бутылку, решив, что напиться, — определенно правильный путь.

Как только игра закончилась, Дейзи встала и объявила:

— Маркус, наверное, меня уже потерял.

Она попрощалась с объятиями и воздушными поцелуями и ушла.

Тод и Стиви последовали за ней, а Бобби и Мэтт отправились домой к своим девушкам (что стало неожиданностью, я не знала, что у них есть девушки).

Вэнс получил звонок, от которого выражение его лица изменилось, бросил многозначительный взгляд на Ли и ушел.

— Давайте сыграем в покер на раздевание, — предложила Элли, когда дверь за Вэнсом закрылась.

— Это была бы хорошая идея, Джет дерьмово играет в покер, — сказал Хэнк.

Боже милостивый, спаси меня.

— Но я не играю в покер на раздевание со своей сестрой, — закончил Хэнк.

Благодарю тебя, Боже, за одно маленькое одолжение.

— Пора домой, — объявил Эдди, отодвигая стул и вставая.

Я посмотрела на него. Вероятно, он лишь изображал праздничное настроение, и один взгляд на него говорил мне, что я не ошиблась.

Я посмотрела на стол.

— Может, сыграем в обычный покер, — попыталась я.

Эдди схватил меня за руку и потянул вверх.

— Думаю, Инди и Ли хотят побыть одни, — сказал Эдди.

Возможно, он был прав. Выражение лица Ли говорило о том, что Эдди, определенно, прав.

Все поднялись, раздали еще больше объятий и поцелуев, и мы с Эдди вышли на улицу.

— Моя машина у «Фортнума», — сказала я ему.

— Я отвезу тебя за ней утром, — ответил Эдди, ведя меня к грузовику. Замки пискнули, и я сильно потянула руку из его ладони. Ничего не получилось.

Он остановился у пассажирской дверцы.

— Я иду домой, — заявила я.

— Я тебе уже говорил, что предпочитаю свою кровать.

— Хорошо, ты спи в своей кровати, а я буду спать в своей.

Неправильный ответ.

Положив руку мне на живот, он толкнул меня к грузовику.

— Хочешь поговорить об этом здесь, на улице, или у меня дома?

Я вообще не хотела об этом говорить. Но была готова отсрочить разговор.

К чему и приступила.

— Я тут подумала, может, поговорим завтра.

— Ты подумала неправильно.

Боже милостивый.

— Эдди...

Он открыл дверцу грузовика.

— Садись в машину, Джет.

Я включила характер. Безусловно, мое трусливое бегство ни к чему бы не привело.

Я бросила на него Взгляд.

— Ты невероятно напористый! — огрызнулась я.

— Садись в машину, — повторил он.

Я повернулась, чтобы уйти.

— Я иду к своей машине, — объявила я.

На пол пути меня потянули назад, зацепив пальцем за петлю на поясе моих джинсов.

Он толкнул меня спиной к борту грузовика и подошел ближе.

— Помнишь, что я говорил о том, что больше не буду терпеть твои закидоны?

Он звучал довольно сердито, так сердито, что я потеряла дар речи, поэтому кивнула.

— Вот такие закидоны, как сейчас, а теперь садись в машину.

— Ты мне очень не нравишься, — сказала я ему, все еще пытаюсь проявить характер.

И снова это был неправильный выбор.

Эдди на мгновение замер, а затем подошел еще ближе.

— А вот сейчас, — тихо сказал он, — ты только что бросила мне вызов. Так что сначала мне придется доказать, что ты ошибаешься. А после мы поговорим.

Ой!

Что я могла сказать?

Я сама напросилась.

Тем не менее, я бросила на него Взгляд, прежде чем сесть в грузовик.

Просто потому что могла.

Разговор

Я придерживалась стратегии поездки с Эдди в тишине.

Он припарковался в гараже, и мы вошли на кухню. Я положила сумочку на стойку, а он направился в гостиную. Глубоко вздохнув, я последовала за ним.

Он повернулся ко мне, упер руки в бедра и уставился на меня.

— Не хочешь объяснить, почему я пришел домой и обнаружил, что ты съехала?

Хорошей новостью было то, что он отказался от идеи доказать, что я ошибаюсь насчет того, что он мне не нравится.

Плохая новость заключалась в том, что перед нашим разговором мы не сядем на диван и, расслабившись, не посмотрим футбол.

Ну, ладно, сейчас или никогда.

Я подошла к нему и обняла за талию. Прижалась всем телом. Уткнулась лицом ему в шею и, коснувшись губами его горла, прошептала:

— Не очень-то.

— *Chiquita...*

Я поднялась на цыпочки и поцеловала его за ухом.

Мне никогда не приходилось соблазнять Эдди. Эдди принадлежал к тому типу парней, кто брал ответственность на себя, когда дело доходило до секса (ну, на самом деле, Эдди во всем был ответственным парнем), то есть, если он хотел — он этого добивался.

Мне же никогда не приходилось никого соблазнять, и я точно не знала, как это делается. Я надеялась просто начать, и тогда Эдди сможет продолжить.

— Джет, я задал тебе вопрос.

Мои руки скользнули вверх по его спине. У него была красивая спина, очертания мышц чувствовались под пальцами. Я также чувствовала его запах, и сочетание этих двух факторов было довольно пьянящим.

— Я слышала, — сказала я ему в шею, а затем придвинулась вперед и поцеловала его чуть ближе к ключице.

— Ты собираешься мне ответить? — У меня возникло ощущение, что он не собирается мне подыгрывать. Потому что все еще держал руки на бедрах.

Фигово, учитывая, что с течением секунд мой план нравился мне все больше и больше.

Я убрала руки с его спины, обняла за шею, зарывшись пальцами в его волосы, и откинула голову назад, притягивая его к себе.

— Я отвечу... позже.

Потом я его поцеловала.

Вот с этого и надо было начинать.

Сперва он не ответил, но потом я приподнялась на цыпочки и коснулась кончиком языка его сомкнутых губ. В ту же секунду его руки обвили меня вокруг, и он поцеловал меня в ответ. Затем продолжил поцелуй, его губы открылись, а язык скользнул мне в рот.

Я вся растаяла, а живот скрутило.

Он поднял голову, и я сказала:

— Ням.

На самом деле, я не хотела этого говорить, это вырвалось само собой.

Я открыла глаза, и в его глазах пылал огонь.

Затем, все еще обнимая меня, Эдди повел нас в спальню, я шла спиной вперед, он направлял, не переставая блуждать руками по моему телу и снова целовать.

Так-то лучше.

Некоторое время спустя (долгое время), после того, как он позволил мне снова взять верх (ненадолго), затем сам взял верх (на более длительное время), он перевернул меня на спину, раздвинул мои ноги и, наконец, медленно скользнул в меня.

— *Chiquita*.

Я открыла глаза на его зов, и он проник глубже.

— Да? — прошептала я, сжимая икрами его бедра.

— Мне нравится, к чему ты ведешь, но мы все равно поговорим.

И я в этом нисколько не сомневалась.

* * * * *

После, Эдди лежал на спине, а я прижималась к его боку. Его рука покоилась низко на моем бедре, рассеянно водя по нему пальцами.

Мой план состоял в том, чтобы отвлечь его от разговора, по крайней мере, до утра. При ярком свете дня я могла бы сообразить, как выразить то, что я хотела сказать. Мой план содержал и другие, лучшие, более важные части.

Он дал бы мне возможность в последний раз побыть с Эдди. Мне это было нужно. Я это заслужила. Заниматься любовью и спать рядом с ним, вдыхать его запах и ощущать его на своей коже. Оставить последнее воспоминание, чтобы хранить его при себе долгое-долгое время.

И у нас остались очень хорошие воспоминания. Я обняла его и прижалась к нему сбоку.

Его пальцы на моем бедре сомкнулись.

— Думаешь, тебе это сошло с рук, — пробормотал он, и, судя по тону, считал это забавным.

— Нет, — честно призналась я, — но, надеюсь, тебе достаточно приятно, чтобы подождать до утра.

— Джет...

Я вскинула голову и посмотрела на него сверху вниз.

— Эдди, прошу. Могу я провести эту единственную ночь без споров между нами? Пожалуйста?

Мгновение он смотрел на меня, затем поднял руку, скользнул в мои волосы и притянул мою голову к себе, чтобы коснуться моих губ.

— Одну ночь, — сказал он мне в губы.

Я улыбнулась.

Не отрывая от меня взгляда, он переместил руку к моей челюсти, проведя большим пальцем по моим улыбающимся губам.

— Надеюсь, теперь, когда с твоими проблемами покончено, я буду видеть твою улыбку чаще.

Я опустила голову и прижалась к его груди.

Он не увидел бы моей улыбки, но там, где я была бы (то есть вдали от него и всех его друзей), я, вероятно, все равно не улыбалась бы много.

Я услышала сигнал его телефона. Эдди отстранил меня, наклонился, схватил джинсы и вытащил сотовый из заднего кармана. Улегшись обратно, снова притянул меня к себе и

нажал «ответить».

— Да?

Он немного послушал, потом я почувствовала, как его тело напряглось.

Приподнявшись на локте, я посмотрела на него, и наши взгляды встретились.

— Да, ты издеваешься надо мной, — сказал он в трубку.

Еще немного послушал, а потом убрал руку с моего плеча и потер глаза.

— Ясно. Да. До скорого. — Затем отключился и бросил телефон на тумбочку.

— Что?

Он посмотрел на меня.

— Фрателли обнаружен в камере мертвым. Ему сломали шею.

Я втянула в себя воздух.

— Боже милостивый, — выдохнула я.

Он обнял меня и прижался ко мне так, что мы оба оказались на боку, лицом друг к другу.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросил он.

— Как такое могло произойти?

— Они не знают. Ведется расследование. Он сидел не в общей зоне, а в отдельной камере. Я договорился, на случай, если Маркус откажется от сделки.

— Думаешь, это его рук дело?

Эдди только пожал плечами.

— Просто не верится, — сказала я и действительно не могла поверить.

Я не желала Винсу смерти. Если быть честной с самой собой, может, мне и хотелось, чтобы его немного помяли, но не убивали.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Винс меня не волнует. Он — просто еще один кусок дерьма, пущенный в расход.

Но... Эдди был из хороших парней.

Я уставилась на него.

Затем сказала:

— Убийство — это плохо.

Он перевернул меня на спину, оказавшись сверху, почти полностью прижавшись ко мне.

— Да, — сказал он.

— Очень плохо.

Его руки скользнули в волосы по обе стороны от моей головы.

— Ты не в порядке.

— Мне плевать на Винса. Он угрожал изнасиловать меня разбитой бутылкой.

Взгляд Эдди изменился, вместо того, чтобы стать частично настороженным и частично смирившимся, он оживился... пугающе оживился.

— Он так сказал?

Я кивнула.

— Тогда мне точно насрать, что он мертв.

— Но ты же полицейский!

— И что?

— Хэнк говорит, что вы хорошие парни, играете по правилам, а убийство — это неправильно, независимо от того, кто это сделал и почему.

Он коснулся моих губ, затем снова перекатился, увлекающая меня за собой, так что я

оказалась сверху.

— Хэнк — другой тип полицейского, в отличие от меня. Какой-то мудака превращает жизнь моей женщины в сущий ад и угрожает изнасиловать ее разбитой бутылкой, я ни хрена не собираюсь терять сон из-за того, что он больше не дышит.

— Значит, Хэнк играет по правилам, а ты видишь оттенки серого, — подытожила я. Его тело затряслось от смеха.

— Хэнк играет по правилам, — повторил он, будто услышал шутку.

— Не играет?

— *Chiquita*, у Хэнка есть книга правил, и держу пари, он ее изучает, но у него также много чего вычеркнуто и чертовски много заметок на полях.

Хмм.

— О, — сказала я.

Видите, я оказалась права. Хэнк был пугающим хорошим парнем.

— Давай поговорим о том, что тебе сказал Винс.

Я вздохнула, уткнулась лицом ему в шею и обняла его.

— Давай не будем.

— Тебе нужно поговорить об этом.

— Зачем? Все кончено. Ты со всем разобрался. Мы живем дальше. Я в порядке, все, кого я люблю, в порядке, кроме папы, и есть надежда, что с ним тоже все будет хорошо. Винс был сволочью. Теперь он мертв. Конец.

Эдди крепче обнял меня и что-то тихо сказал по-испански.

Я снова подняла голову.

— Что? Я ничего не расслышала.

Он сделал еще один переворот, вновь оказавшись сверху.

Затем сказал:

— Не хочешь говорить? Мы не будем говорить.

Потом поцеловал меня.

В течение следующего часа он бормотал какие-то слова, но на самом деле их нельзя было назвать разговором.

* * * * *

Сработал будильник, Эдди нажал кнопку и перекатился ко мне, обхватив меня руками и притянув к себе спиной.

Была суббота. Суббота означала, что в кнопке повтора не было никакой необходимости.

Я прижалась ягодицами к его паху и начала снова погружаться в сон.

Затем услышала, как Эдди сказал:

— Просыпайся, *Cariña*, время для разговора.

Дерьмо, черт и проклятье.

— Я хочу еще поспать, — заныла я.

— После разговора и после того, как я займусь с тобой любовью, ты сможешь поспать.

Сначала поговорим.

Живот скрутило.

Я проигнорировала его.

— Но я хочу спать сейчас.

Отчасти я пыталась избежать разговора, отчасти старалась не думать о занятии любовью с Эдди, а отчасти мне, правда, хотелось еще поспать.

Он отодвинулся и перевернул меня на спину. Приподнялся на локте и посмотрел на меня сверху вниз.

— Позже, — отрезал он.

Я прикрыла глаза рукой.

— Мне нужен кофе, — не унималась я.

— Позже.

Похоже, больше мне этого не избежать, не отсрочить и точно снова не заснуть.

Я убрала руку и посмотрела на него.

Серьезным взглядом, никакого вызова, никаких шуток.

— Мне нужен кофе, прежде чем мы поговорим.

Эдди посмотрел на меня, отметил всю серьезность моего взгляда, затем скатился с кровати и потянул меня за собой.

Я надела одну из его фланелевых рубашек (я украла бы ее если бы это сошло мне с рук) и трусики, а Эдди натянул джинсы.

Мы сварили кофе.

Обновили новый тостер Эдди, приготовив тосты из вкусного хлеба из пекарни, который купила Бланка. Намазали его настоящим маслом (которое тоже купила Бланка) и виноградным желе (опять же, купленным Бланкой).

Мы сидели за обеденным столом с кофе и тостами. Эдди откинулся на спинку стула, вытянув ноги перед собой и скрестив их в лодыжках. Не очень удачная поза, потому что так он выглядел великолепно, и потому, что это было что-то новенькое.

У меня не представлялось возможности находиться рядом с Эдди, когда он был вот так расслаблен, сидя за обеденным столом в одних только джинсах. Все, что я знала, это Эдди в «Фортнуме», Эдди человека-действия и самое большее — Эдди, развалившегося на диване, обнимающего меня и смотрящего футбол. Тем не менее, даже в развалившемся на диване Эдди чувствовалась некая активность, настороженность, внимательность, сосредоточенность и все такое прочее.

Сейчас он был сосредоточен, но прошлой ночью мы много занимались сексом, и собирались поговорить. Не говоря уже о том, что я сидела за его обеденным столом и ела тосты в одной его рубашке.

Он был сосредоточен, но расслаблен. Выглядел таким красивым, что все эти обстоятельства представляли для меня еще большую трудность в нашем дальнейшем разговоре.

Эдди откусил от тоста и посмотрел на меня.

— У тебя снова такой взгляд, будто ты готова сбежать, — заметил он, проглотив, а затем отпил кофе, все это время, не сводя с меня глаз.

— Я, правда, не думала, что ты разозлишься из-за того, что я съехала. Я ведь не переезжала сюда по-настоящему. Просто остановилась здесь... — начала я, но он прервал меня.

— Ты не переезжала, мы не готовы к переезду. Тем не менее, могла бы сказать мне об этом и остаться на некоторое время. По крайней мере, пока твоя сестра не найдет, где остановиться.

— Мама отказалась от квартиры. Они с Лотти переезжают к Трикси.

Его взгляд не отрывался от меня, но стал оживленным.

— Быстро они. Где будешь жить ты?

— Они нашли мне квартиру. Я увольняюсь из «Фортнума» и возвращаюсь к Смити, пока не откроется «Кредит Юнион». А потом буду работать там.

Он все еще наблюдал за мной.

— Предпочитаю, чтобы все было наоборот, ты остаешься в «Фортнуме» и не возвращаешься к Смити.

— Смити больше платит.

— Тогда ты переезжаешь ко мне, пока не сможешь позволить себе собственное жилье. Я покачала головой.

— Это не предложение, *Chiquita*. Я не хочу, чтобы ты работала у Смити.

— Эдди. — Я отложила тост. — У тебя здесь нет права голоса.

Его взгляд начал меняться.

Ой-ой.

Я откинулась назад, глубоко вдохнула, а затем прямо сказала:

— Я расстаюсь с тобой.

Изменение во взгляде закончилось стремительной вспышкой.

— Прошу прощения? — тихо спросил он.

— Я расстаюсь с тобой, — повторила я.

Теперь изменился не только его взгляд, но и сам Эдди уже больше не казался расслабленным. Он все еще сидел в той же позе, но вновь стал настороженным и внимательным, очень настороженным и внимательным.

— Я... — начала я, сглотнула, затем продолжила: — Хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал, у меня в машине есть печенье...

— Я не хочу твоего гребаного печенья.

Хмм.

Это плохо.

Эдди нравилось мое печенье. Я специально испекла для него с арахисовым маслом и шоколадом «Херши».

— Эдди...

— Какого хрена ты боишься? — спросил он.

Я моргнула.

— Прости?

Он пристально посмотрел на меня, а затем сказал:

— Ты пи*дец какая бестолковая.

Я выпрямилась.

— Это не мило.

— Это хорошо, — сказал он.

— Что хорошо?

— Мы.

Я дернулась.

Он был прав. Это было хорошо. В этом-то и дело.

Я встала.

— Думаю, мне пора.

Я направилась в спальню, раздумав на обратном пути воровать его рубашку. Расставаться с Эдди было намного труднее, чем с Оскаром или Луисом, а Луис просил моей руки. В тот момент я не думала, что Эдди оценит воровство его одежды.

Я сделала около трех шагов, прежде чем меня схватили за руку, и Эдди развернул меня.

Я сразу же заговорила, не желая слышать того, что он хотел сказать.

— Я ухожу, позвоню Лотти, и она за мной заедет.

— Никуда не уйдешь, мы разговариваем.

— Здесь не о чем говорить.

— Лучше тебе, бл*ть, поверить, что есть.

— Эдди, пожалуйста. Не надо.

— *Chiquita*, ты — заноза в заднице, но ты не скучная, не обычная и не рядовая. В том-то и суть. Очень мило, что ты не осознаешь, насколько охрененно хороша, за исключением тех случаев, когда тебя целует другой, и твоя голова оказывается на коленях у еще одного парня. Твоя стеснительность милая, но характер лучше...

— Все дело было в Ловкаче и Винсе, а теперь, когда их нет...

— Твой характер был скрыт, а Ловкач и Винс, а также, вероятно, Инди и Элли, вытянули его наружу.

— Серьезно, не думаю...

Он обхватил меня и с силой притянул к себе, опустив голову вниз, когда я посмотрела на него.

— Эдди...

— Ты не расстанешься со мной и не уйдешь. Мы закончим завтракать, а потом я отведу тебя в спальню и так сильно трахну, что твой идиотский мозг не будет думать ни о чем, кроме меня внутри тебя. А после, мы проведем нормальный, обычный день, занимаясь нормальными, обычными делами, прежде чем какой-нибудь очередной кризис на затянет нас в водоворот хаоса.

— Другого кризиса не будет, — сказала я.

— Всегда есть другой кризис.

— Эдди, отпусти меня.

— Ни за что.

Я начала паниковать. Это паника была запоздалой реакцией, но я, наконец, осознала, что все идет не очень хорошо.

Совсем не хорошо.

— Эдди, отпусти меня! — я (вроде как) закричала.

Его хватка усилилась, и он слегка встряхнул меня.

— Ни за что! — крикнул он в ответ.

Ладно, теперь я была в полной панике.

— Ты должен меня отпустить!

Определенно, это был крик.

— Почему?

— Просто должен.

Еще одна встряска.

— Почему?

Я почувствовала, как слезы сдавливают горло.

Нет, все серьезно шло не очень хорошо.

— Джет, поговори со мной.

Я покачала головой и попыталась отстраниться.

Он притянул меня еще ближе.

— Эдди, отпусти меня!

— Я тебе нравлюсь, ты этого не хочешь, и это полная чушь, но я тебе нравлюсь.

— Ты мне не нравишься! — заорала я.

— Я охренеть как тебе нравлюсь! — крикнул он в ответ.

Я яростно дернулась, и слезы, сдавливающие горло, начали жечь глаза, их я проглотить уже не могла, и они потекли по щекам.

Он снова дернул меня на себя и вернул в свои объятия.

— Я должен тебе это доказать? — Его голос снова стал тихим, и это было гораздо страшнее, чем крик.

— Ты мне не нравишься.

Еще одна встряска.

Я, наконец, вырвалась, но встала перед ним и крикнула:

— Ты мне не нравишься! Я люблю тебя. Я полюбила тебя с первой минуты, как только увидела. Боже!

Я посмотрела на потолок и провела рукой по лицу, вытирая слезы.

— Я сразу разглядела в тебе хорошего парня. Ты хорошо относишься к друзьям, и они тебя любят. Ты красивый, и ты заступился за меня, изо всех сил старался уберечь и... и... — Я запнулась, а затем собралась с духом. — У тебя шикарный грузовик!

Секунду он выглядел потрясенным, затем его взгляд потеплел, и он потянулся ко мне.

Я резко развернулась, в полной панике, вне себя от страха, нет, от временного помешательства.

О чем я думала, когда выпалила ему признание в любви?

Однозначно, временное помешательство.

Я бросилась бежать, но он поймал меня, снова развернул и повел спиной вперед, пока я не уперлась в стену, а он не прижался ко мне.

— Нет! — завопила я. — Мы не можем снова заниматься сексом у стены, мне нужно идти.

— Мы не будем заниматься сексом у стены.

Я посмотрела на него, хотя не должна была этого делать. В его взгляде было столько тепла, но также и веселья, он считал это забавным.

Ничего смешного в этом не было.

— Мне нужно идти.

— Ты никуда не пойдешь.

— Эдди...

— *Chiquita*, успокойся.

Я замотала головой. Спокойствие не было вариантом, сердце билось так сильно, что, мне казалось, я его слышу, хотя не слышала ничего, кроме крови, ударяющей в уши.

— Почему ты боишься? — спросил он.

Я замотала головой.

— Почему хочешь порвать со мной?

Я снова замотала головой, но ответила.

И ответила честно.

— Ничего не получится. Я знаю. Я бы предпочла, чтобы все закончилось сейчас, когда мне не так больно, но я не хочу, чтобы это закончилось позже, когда меня разорвет на части.

Я боролась с ним, вырывалась, но он прижал меня сильнее, я ощутила его запах и

остановилась. Я должна побережь силы, я не могла сгореть слишком быстро, нужно сохранить достаточно энергии, чтобы найти способ выбраться отсюда.

— Почему ничего не получится? — спросил он.

— Это никогда не получается.

— Почему?

— Не знаю. Просто не получается. Можно сильно любить кого-то, хорошо к нему относиться и делать для него все, а потом он просто уходит. Такое случается. Я видела, как это случилось с мамой, и не хочу, чтобы это случилось со мной. Она распалась на части, это все равно что наблюдать за ее смертью. А она была сильной, и остается сильной, но это разрушило ее.

Я обращалась к его горлу, это был единственный способ выговориться. Все еще прижимаясь ко мне всем телом, Эдди взял в ладони мое лицо и приподнял его, заставляя посмотреть на него.

— Джет, я не знаю, что произойдет, и не могу ничего обещать, но я точно знаю, что не хочу, чтобы это заканчивалось. То, что у нас есть, — хорошо, не просто хорошо, а чертовски хорошо, великолепно.

— Эдди...

— Никакого «Эдди», послушай меня. Если ты уйдешь, я последую за тобой и верну обратно. Уйдешь снова — все повторится. Хочешь уволиться из «Фортнума», валяй. Но я каждый вечер буду забирать тебя от Смити. Я говорил, что измотаю тебя, и думал, что добьюсь чего-то, но, похоже, мне еще предстоит попотеть.

— Не надо, — прошептала я.

— Я знаю, что ты любишь его, но твой отец — мудака.

Я покачала головой, но уже начинала чувствовать, как волей-неволей и неконтролируемо поднимается он.

Мой характер.

Никто не называл моего отца мудаком.

Ладно, что ж, возможно, Эдди и удастся выйти сухим из воды, но не без того, чтобы я не высказала ему пару ласковых.

— А у твоей мамы дерьмовый вкус на мужчин, — продолжил он.

Я перестала качать головой и уставилась на него.

Он прикоснулся к моим губам, и я замерла.

— Но не у тебя, — продолжил он.

Он оттащил меня от стены и заключил в объятия.

Затем усмехнулся.

— У тебя чертовски отличный вкус на мужчин, — закончил он.

Это вывело меня из оцепенения, и я уставилась на него.

— Это не смешно, — огрызнулась я.

— Ошибаешься. Это уморительно смешно. Ты любишь меня и пытаешься со мной расстаться.

Я уперла руки в бедра в Двойной Угрозе Дивы.

— Я не пытаюсь, я расстаюсь с тобой.

Ухмылка превратилась в улыбку: белые зубы, ямочки и все такое.

— Ты такая врушка.

Нет, подождите.

Он что, серьезно?

— Эдди...

— *Cállate, mi amor* (с исп. — молчи, любовь моя). Разговор окончен. Теперь я отведу тебя в спальню.

Я уперлась ногами в пол.

— Разговор еще не окончен!

Он прижал меня к себе.

— Снова хочешь сделать это у стены? — тихо спросил он, затем его губы коснулись моей шеи.

— Не игнорируй меня, когда я пытаюсь расстаться с тобой, — рявкнула я.

Его руки скользнули мне под рубашку.

— Я тебя не игнорирую, просто не слушаю твою чушь.

— Эдди.

Он поцеловал меня.

Это был хороший поцелуй.

Нет, это был потрясающий поцелуй.

Я вцепилась в пояс его джинсов.

— Ты мне очень не нравишься, — прошептала я ему в губы, когда его рука обхватила мою грудь.

— Знаю. Ты меня любишь.

Я пыталась сохранять спокойствие, даже пыталась удержать панику, но она просто испарялась.

А потом исчезла вовсе.

Вот так просто.

— Мне еще долго предстоит это выслушивать, не так ли? — поинтересовалась я.

Большой палец прошелся по моему соску.

Я глубоко вдохнула.

— Наверное, да, — ответил Эдди.

Ну, что же.

Как угодно.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net